

XVII Международная научно-практическая конференция
(Кутафинские чтения)

XX Международная научно-практическая конференция
юридического факультета Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова (МГУ)

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДаниНА И ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ ПОИСК БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ

**ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ:
ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ**

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО И ВЛАСТЬ: ЛИЧНОСТЬ И ИНСТИТУТ В ИСТОРИИ

**ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДаниНА И ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ
В ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА**

ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

**ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРСТВО: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
И ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА**

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ ИМЕНИ О.Е. КУТАФИНА (МГЮА)»

XVII Международная научно-практическая конференция
(Кутафинские чтения)

XX Международная научно-практическая конференция
юридического факультета Московского государственного
университета имени М.В. Ломоносова (МГУ)

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАНИНА И ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ ПОИСК БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ

• ПРОСПЕКТ •

Москва
2020

УДК 342
ББК 67.400
П68

Председатель редакционного совета:

Синюков В. Н., доктор юридических наук, профессор, проректор по научной работе Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный деятель науки Российской Федерации

Редакционная коллегия:

Корнев А. В., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права

Исаев И. А., доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права

Губин А. М., кандидат юридических наук, заведующий кафедрой управления и экономики

Рыбаков О. Ю., доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии

Липень С. В., доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права

Прилиенский В. И., доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии и социологии

Чухтиашвили Л. В., доктор экономических наук, доцент кафедры управления и экономики

Румянцева В. Г., кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права

Чупова М. Д., кандидат юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой истории государства и права

Лукьященко А. В., кандидат философских наук, доцент кафедры философии и социологии

Захарова М. В., кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права

П68 **Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов.** XVII Международная научно-практическая конференция (Кутафинские чтения). XX Международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова (МГУ) : сборник тезисов докладов : в 5 ч. Ч. 1. — Москва : РГ-Пресс, 2020.

ISBN 978-5-9988-0933-0

ISBN 978-5-9988-0934-7 (ч. 1)

26–29 ноября 2019 г. в рамках IX Московской юридической недели состоялись совместная XVII Международная научно-практическая конференция «Кутафинские чтения» Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА) и XX Международная научно-практическая конференция юридического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова на тему «Права и обязанности гражданина и публичной власти: поиск баланса интересов». В сборник включены тезисы докладов, подготовленные для заседаний конференций, круглых столов и дискуссионных площадок, проводившихся в рамках конференций.

Сборник рекомендуется для научных работников, преподавателей, аспирантов, студентов юридических вузов и факультетов. Представляет интерес для руководителей и работников органов государственной власти и местного самоуправления, сотрудников правоохранительных органов, бизнес-сообщества.

УДК 342
ББК 67.400

Научное издание

**ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ГРАЖДАНИНА И ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ
ПОИСК БАЛАНСА ИНТЕРЕСОВ**

Часть 1

Сборник тезисов докладов

Подписано в печать 31.07.2020. Формат 60×90 1/16.

ISBN 978-5-9988-0933-0
ISBN 978-5-9988-0934-7 (ч. 1)

© Московский государственный
юридический университет
имени О. Е. Кутафина (МГЮА), 2020

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Корнев А.В.,

*доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Правообразующие интересы: государство и личность¹

Правообразование – сложный процесс, имеющий предельно объективный характер в отличие от правотворчества. Традиционно в общей теории права и государства среди различных источников права выделяют так называемые материальные источники. Обычно под ними понимают вновь возникающие или изменяющиеся общественные отношения. В силу того, что наша страна коренным образом изменила экономическую основу своего бытия, то это закономерно повлекло изменения и в других сферах – политической, социальной, духовной. В настоящей, небольшой по объему статье речь пойдет об интересах, которые, по моему мнению, можно отнести к материальным источникам права. В данном случае, правообразующие интересы представляют собой основной объект внимания.

Интерес (лат. interest – иметь значение) в одном случае означает понятие, характеризующее объективно значимое, нужное для индивида, семьи, коллектива, класса нации, общества в целом. Соответственно различаются личные интересы и интересы общие: семейные, групповые, классовые, национальные, общественные. Интересы представляют собой порождение объективных социальных условий, определяющих соответствующую направленность воли и действия людей. В другом случае, в частности в психологии, под интересом понимают положительное эмоциональное отношение к объекту, сосредоточение внимание на нем. В данном случае интересы могут быть ситуационными и более-менее устойчивыми².

В рамках статьи одинаково необходимо как философская, так и психологическая оценка такой категории как интерес. Но интерес можно

рассматривать и с социологической точки зрения, а более конкретно – с социолого-правовой.

Принято считать, что интересы определяют те или иные варианты поведения людей, а, следовательно, и субъектов права. Социологически ориентированный немецкий юрист Рудольф фон Иеринг считал, что в природе и обществе действуют принципиально разные законы. Все те процессы, которые происходят в природных системах, подчиняются закону «Потому, что...». В социальных же системах действует прямо противоположный закон «Для того, чтобы...». Иными словами, интерес – побудительный мотив всякой осмысленной, человеческой деятельности. В этой связи взгляд Иеринга на право сводился к следующей сентенции «Право есть защищенный государством интерес». Разнообразные социальные интересы выступают в роли правообразующих факторов. Цель права – мир, средство достижения в этой цели – борьба. Жизнь права есть борьба – борьба народов, государственной власти, сословий, классов, социальных групп, индивидуумов. Право для Иеринга не только система понятий и совокупность юридических норм, но прежде всего, действующий правопорядок, наполненный своеобразным социальным содержанием.

В юридической литературе иногда правообразующие интересы включают в предмет социологии права (В.В. Лапаева). Полагаю, что такая точка зрения не лишена оснований.

Один из основоположников социологии права – Ойген Эрлих писал: «... центр тяжести развития права в наше время, как и во все времена, лежит не в законодательстве, не в юриспруденции и не в правоприменении, а в самом обществе. Возможно, в данной формуле заключается смысл любого основоположения социологии права»⁵.

Нельзя не согласиться с Г.В. Мальцевым, который характеризует интерес в качестве активного социального регулятора в силу присущих носителям интересов ментальных и волевых качеств, определяющих линию поведения, которую сам человек для себя выработал в процессе саморегуляции. Он полагает, что превращение господствующих социально-экономических интересов в официально признаваемые всеобщие интересы членов общества не может состояться без посредства права, формального закона и юридической нормы. Право не создает социально-экономических интересов, но интересы активно формируют право. Уважительное отношение к юриспруденции интересов не

мешает Г.В. Мальцеву утверждать, что она не отражает каких-то специфических философских позиций и потому совместима с любой философско-правовой трактовкой юридического явления либо института. В центре внимания юристов находится не столько природа социальных интересов и их содержание, сколько связи между ними и динамика данных связей, представленная, прежде всего со стороны конфликтов и противоречий⁴.

Интерес, прежде всего правообразующий интерес, связан как с субъективным правом, так и с объективным правом. Как совершенно справедливо пишет Г.Д. Гурвич, объективное право (т.е. совокупность институтов и норм, формирующих правопорядок) и субъективное право (т.е. совокупность правомочий, которые данные нормы предоставляют тем субъектам, на которых они распространяются) в этом смысле оказываются настолько нераздельно связанными друг с другом, что может показаться совершенно излишним особо настаивать на том, что социальное право, как и всякая другая сфера права, обладает и субъективной стороной⁵.

Леон Дюги, как известно, отрицал субъективные права, и такую позицию, воздавая должное почтение авторитету известного ученого, Г.Д. Гурвич квалифицирует в качестве предрассудка. С этим вполне можно согласиться, ибо у права есть две стороны, две его составляющие – объективное и субъективное право.

Статья 2 Конституции Российской Федерации констатирует: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина – обязанность государства». В соответствии с ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц». Существуют конституционные основания ограничения прав и свобод человека и гражданина, а стало быть, его интересов. Они могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства (ч. 3 ст. 55 Конституции Российской Федерации).

Законные интересы могут быть объективированы только в субъективные права и никак иначе. Вместе с тем всегда будет существовать

проблема конфликта интересов, в данном случае, государства и личности.

Этот конфликт интересов заметно обостряется в последнее время, что связано с переходом к VI экономическому укладу и к так называемой IV промышленной революции.

Смена технологического уклада, а проще говоря, четвертая промышленная революция, в начале которой мы находимся, по оценкам экспертов, до неузнаваемости может изменить мир: физический, социальный, технологический. Искусственный интеллект, роботизация, интернет вещей, блокчейн, геномная инженерия, нейротехнологии, дроны), беспилотные автомобили, геоинженерия в конечном счете могут изменить наше представление о природе, обществе, человеке.

Нельзя не согласиться с Клаусом Швабом, основателем и исполнительным председателем Всемирного экономического форума, который говорит о том, что в последние пятьдесят лет мы стали более отчетливо понимать взаимную преобразующую связь между обществом и производимыми им технологиями. Первые две промышленные революции и две мировые войны показали, что технологии – это гораздо больше, чем просто набор машин, инструментов и систем, связанных с производством и потреблением. Технологии оказывают огромное влияние на формирование социальных точек зрения и наших ценностей. Они требуют нашего внимания именно потому, что с их помощью мы создаем экономику, общество и собственные взгляды на мир. Прошлые промышленные революции стали крупным источником прогресса и обогащения, хотя нам приходится бороться с их негативными последствиями, такими как ущерб окружающей среде и растущее неравенство⁶.

Масштабы социального неравенства могут принять в перспективе угрожающий характер. Автоматизация профессий может неминуемо привести к исчезновению многих из них. Человека вполне может уже сегодня заменить робот или автомат. В этой связи многие эксперты обеспокоены возрастающими социальными рисками. Что делать с огромными массами ничем не занятых или частично занятых людей? Будут ли они находиться в состоянии социального спокойствия, живя на пособие в то время, когда возможности работающих удовлетворяют свои потребности будут выше в разы? Никто пока не берется определенно ответить на этот и другие вопросы.

Родионова О.В.,
доктор юридических наук,
профессор кафедры теории и истории государства и права
Ивановского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Право гражданина на достойную жизнь как обязанность публичной власти в рамках правоотношения гражданства

В современном цивилизованном государственно-организованном обществе каждый человек имеет **право** на достойную жизнь. Т.е., каждый гражданин, оказавшийся в затруднительной жизненной ситуации, вследствие наступления риска заболевания, безработицы, старости или иного социального риска, может рассчитывать на помощь органов публичной власти. Но вопрос состоит в том, расценивают ли органы публичной власти обеспечение права гражданина на достойную жизнь как свою обязанность? И если – да, то чем обусловлена такая обязанность?

Не вдаваясь в детали определения понятия «достойная жизнь» (тема оказалась неиссякаемой, и публикаций по ней бесчисленное множество), определяюсь с необходимыми в рамках данного сообщения моментами. Для этого, прежде всего, следует выявить необходимую степень участия органов публичной власти в обеспечение достойной жизни человека и гражданина. Существует два подхода к решению данного вопроса: экзогенный и эндогенный. Эндогенный подход предполагает, что человек собственными действиями обеспечивает себе достойную жизнь, а органы публичной власти лишь предоставляют ему такие возможности. Экзогенный подход, напротив, основную роль в обеспечении достойной жизни человека отводит органам публичной власти, которым такой патронат вменяется в обязанность⁷. Именно эндогенный подход в течение около тридцати последних лет позиционировался как наиболее прогрессивный, способствующий развитию экономики государства. Именно этот подход определяет современную российскую модель социального государства: неопатерналистское социальное государство или государство труда.

Следует отметить, что кроме североευропейских социальных государств, практически все современные социальные государства тяготеют к подобной модели. По своим базовым характеристикам данная модель социального государства имеет множество преимуществ: она минимизирует расходы из государственного и регионального бюджетов на социальную помощь, что дает возможность органам публичной власти более активно вкладывать средства в производство; она не поощряет иждивенчество, сохраняет трудовые ресурсы, используя Активные стратегии рынка труда (АСРТ). И в то же время органы публичной власти не устраняются полностью из сферы оказания социальной помощи, хотя их участие заметно сокращается по сравнению с предыдущей патерналистской моделью социального государства.

Но в условиях дрящущегося экономического кризиса данная модель проявила себя как малоэффективная. Как ни парадоксально, но североευропейские государства со щедрой социальной помощью оказались в более устойчивом состоянии в плане экономической стабильности. Активные стратегии рынка труда (АСРТ) плохо работают в условиях безработицы. В настоящее время необходимо большее участие органов публичной власти в деле обеспечения достойной жизни членам своего государственно-организованного общества.

Но чтобы вменить органам публичной власти в обязанность обеспечение достойной жизни человеку и гражданину, следует определиться с вопросом, имеет ли такого рода помощь со стороны государства *правовой характер*. То есть, являются ли такого рода взаимосвязи *правоотношениями*. Речь идет о таком атрибутивном признаке правоотношения как эквивалентность. Л.С. Мамут в своей известной статье утверждал, что это не-право⁸. Дискутируя с ним по данному аспекту проблемы, в 2004 году я пришла к следующему выводу: «Исходя из *сущности правоотношения гражданства как комплекса взаимных прав и обязанностей государства и гражданина*, право на достойное существование должно иметь государственное обеспечение и по вышеизложенным основаниям носит и *правовой, и законный характер*. Следовательно, не обеспечивая права на достойное существование своим гражданам, государство в лице представителей органов публичной власти нарушает коренной принцип права – принцип эквивалентности»⁹. Таким образом, в отношении

добросовестных граждан органам публичной власти вменяется правовая обязанность по обеспечению их достойного уровня жизни.

Вопрос обеспечения человеку (не-гражданину) права на достойную жизнь не носит правового характера, т.к. существует вне рамок правоотношения гражданства. В этом случае органы публичной власти не имеют правовой обязанности по отношению к не-гражданам. Такого рода помощь оказывается на основе благотворительности, и только в том случае, если государственно-организованное общество имеет материальную возможность оказывать такого рода благотворительность. Но обязанности на правовой основе органы публичной власти в этом случае не несут.

Следовало бы на уровне *принципа деятельности* органов публичной власти определиться и внедрять в сознание граждан ту простую мысль, что имеет место *взаимная* ответственность гражданина и государства. И чтобы иметь право претендовать на поддержку достойного уровня жизни в случае наступления старости, болезни, безработицы и/или иных рисков, гражданин обязан выполнять обязанности гражданина. При этом претензии на права должны быть соразмерны вкладу гражданина, реализованному через обязанности.

Социальная помощь гражданам, имеющим статус школьника, студента или магистранта – это некий условный кредит от государства. Эти отношения также находятся в рамках правоотношений, т.к. строятся на эквивалентной, возмездной основе. Здесь органы публичной власти работают на производство и сохранение трудовых ресурсов. А студент, окончив учебное заведение, пополнит трудовые ресурсы и «отработает» этот условный кредит. Есть и другие обязанности гражданина: срочная служба в армии, например, и т.д.

Кроме экономического кризиса имеют место и иные детерминанты несостоятельности неопатерналистской модели социального государства. Так сегодня слабо работает один из основных принципов социального государства – *принцип солидарности*. Причиной является тот факт, что в основе политики большинства современных демократических государств лежат идеи неолиберализма, которые основываются на индивидуалистических предпосылках и принципе свободы. Центральная идея неолиберализма, лежащая в основе рыночных отношений, – это «теория невидимой руки рын-

ка» Адама Смита, заключающаяся в том, что люди, преследующие свои собственные интересы, ведомы как бы невидимой рукой, к благосостоянию общества в целом. Идеи социального государства вступают в противоречие с идеями неолиберализма. И здесь может выручить только солидарность, проявленная институтами гражданского общества, которая предполагает помощь ближнему на бескорыстной основе, на основе принципов гуманизма, корпоративности. Здесь нет места правоотношению – здесь моральное отношение, нет взаимно-корреспондирующих прав и обязанностей, в этом случае общество работает как корпорация, как большая семья. Но это помощь материальная. Она не предполагает очень важного психологического момента – социального включения реципиента. Люди, не имеющие работы и возможности содержать себя и свою семью самостоятельно, ощущают себя лишними.

Содержание понятия «достойная жизнь» определяется местом и временем. Современная достойная жизнь – это не только определенный оптимум материального благосостояния, но и «социальное включение» – обязательное участие в активной трудовой деятельности, профессиональная самореализация индивида. Хотя, в последнее время технико-технологические новеллы привел к тому, что в некоторых развитых североевропейских странах гражданам предлагают пожизненное солидное пособие (до 2.5 тысяч евро) с тем, чтобы они в течение жизни никогда и никуда не трудоустроивались – работодателю выгоднее задействовать роботов. Эти технико-технологические новеллы коренным образом меняют базовые принципы мировоззрения современного человека, и пока не до конца ясно, куда это может привести. Но это отдельная тема.

Социальной поддержке, социальной защите со стороны органов публичной власти корреспондирует доверие граждан к представителям публичной власти и чувство единения с государством. Но доверие к представителям публичной власти не возникает ниоткуда – оно приходит, когда государство соответствует ожиданиям граждан в плане социальной защиты.

Активизация органов публичной власти в реализации социальной функции способствует снятию социальной напряженности, стабилизации общественного порядка. Проявление заботы со стороны государства порождает ответную реакцию в виде добросовестного

выполнения обязанностей по отношению к государству. Современное государственно-организованное общество вновь вынуждено шагнуть в сторону патерналистского типа социального государства, если целью такого государства является самосохранение. Более того, человеческое общество целом, человеческая цивилизация сохранится только в том случае, если органы публичной власти будут реализовывать идеи социального государства и оптимизируют издержки рыночной экономики и научно-технической революции, которые в условиях дальнейшей компьютеризации и роботизации могут сделать человека труда лишним на нашей планете.

Кочетков В.В.,
доктор юридических наук, доцент кафедры
теории права и государства Юридического факультета
Международного славянского института (Москва)

Вызовы социального государства в цифровую эпоху

Понятия «цифровизация» и «инновационный путь развития» являются ключевыми для современного российского политического курса. Именно на этом пути видится решение нарастающих социальных проблем. Однако, предлагая различные программы, направленные на достижение этих целей, наша элита совершенно игнорирует тот факт, что данные задачи относятся «почему-то» к категории «вечных» и «проклятых» вопросов для российского государства на протяжении нескольких сотен лет. И если чего-то и удавалось добиться на этом пути, то успех, как правило, был локален, краткосрочен и совершенно не влиял на все общество в целом. Цифровизация экономики не только не решает «старые» социальные проблемы, но и, наоборот, заставляет по-новому посмотреть на «вечные» проблемы теории права и государства, например, социальной справедливости. Иначе говоря, необходимо уходить от экономического детерминизма и исследовать пути «оправления» цифровой экономики через углубление понимания общества в новую эпоху. И в этом смысле обращение к достижениям теории постиндустриального общества, сформулированной в трудах Д. Белла и Э. Тоффлера, является очень актуальным для отечественной правовой науки.

Итак, что же понимается под «постиндустриальным обществом»? «Постиндустриальное общество определяется как общество, в экономике которого приоритет перешел от преимущественного производства товаров к производству услуг, проведению исследований, организации системы образования и повышения качества жизни, в котором класс технических специалистов стал основной профессиональной группой и, что самое важное, в котором внедрение нововведений во все большей степени стало зависеть от достижений теоретического знания»¹⁰. Именно центрирование знания в качестве движущей силы нового социума есть существенная черта теории постиндустриального общества. Д.Белл определяет знание «как совокупность субординированных фактов или суждений, представляющих собой ар-

гументированное утверждение или экспериментальный результат, способный быть переданным другим людям с использованием средств связи в определенной систематической форме»¹¹. Именно научное знание в условиях постиндустриального общества становится основным ресурсом развития производства, управления и культуры.

Необходимо отметить, что по сравнению с другими ресурсами знание обладает некоторыми специфическими чертами. *Первая* – знание по своей сути не является конкурентным ресурсом, т.е. оно является общедоступным. Им могут пользоваться одновременно многие. *Вторая черта* – знание как таковое суть нематериально. *Третья* – знание накапливается нелинейно, то есть благодаря открытиям и озарениям оно скачкообразно растет. *Четвертая черта* – знание относительно, т.е. каждый отдельный фрагмент знания приобретает значение только в системе других фрагментов, создающих контекст. *Пятая* – знание может соединяться с другим знанием, то есть оно кумулятивно. Чем больше знаний, тем более разнообразны и полезны из них комбинации. *Шестая черта* – знание является самым мобильным ресурсом. *Седьмая* – знание может быть сжато до ряда абстракций и символов, то есть оно компактно. *Восьмая черта* – знание неисчерпаемо и накапливается с возрастающей скоростью. Но самые главные, на наш взгляд, характеристики знания – это его уникальность в отличие от товаров, на которые существует рыночная цена, а также его избирательность. Под последней особенностью имеется в виду доступность знания только тем, кто может по своим способностям или образованию его усвоить, а значит обладать знанием и его использовать. Иначе говоря, знание – элитарно, несмотря на то, что общедоступно, прежде всего, благодаря системе образования.

Теория постиндустриального общества описывает реальные исторические изменения, которые начали происходить в западных странах с середины 50-х годов прошлого века, и ее основоположникам удалось зафиксировать и описать классический случай «непредвиденных последствий». Несмотря на то, что они не акцентируют прямую связь социального государства и возникающего постиндустриального общества, им удалось концептуализировать точку бифуркации современного общества, а именно формирование приоритета теоретического знания как основного экономического, социального и

политического ресурса. Более поздние исследователи стали говорить о формировании в новом обществе системы постматериалистических ценностей и прямо связывают появление этого феномена с деятельностью социального государства. Например, Р. Инглегарт пишет: «Причиной межгенерационного перехода от материалистических ценностей к постматериалистическим послужила беспрецедентная экономическая и физическая безопасность, характеризовавшая послевоенный период»¹². Это значит, что у граждан западных стран стали меняться ценностные ориентации – преобладающее внимание к материальному благосостоянию и физической безопасности уступило место заботе о качестве жизни, то есть о состоянии экологии, уровне медицинского обслуживания и образования подрастающего поколения. Это, в свою очередь, приводит к росту требований к социальному государству.

Представляется, что социальное государство порождает постиндустриальное общество, которое в свою очередь благодаря своей уникальной структуре создает новые угрозы для социальной справедливости, заключающиеся в сужении пространства для демократических методов воспроизводства солидарности и в подрыве соответствующего дискурса. У политических и бизнес элит возникает соблазн перейти к неполитическим, то есть бюрократическим, способам выработки консенсуса. Ответ на это у рядовых граждан нашелся простой: рост популярности популистских лидеров (Трамп, например) и контрэлитное голосование в актах прямой демократии (Брекзит, например). Все это свидетельствует о предельной поляризации западного общества.

Далее. Бюрократизация социального государства порождает неспособность адекватно реагировать на нужды общества, которое им порождено. Например, долгое время ведущей темой демократического дискурса является коллективное благоприятствование «социально невключенным» меньшинствам через создание системы дополнительных льгот и преференций. Однако в обществе социально и политически «равных» позитивная дискриминация и политика включения приводит к росту напряженности и десолидаризации социума. Именно тогда среднему классу становится понятно, что государство не может быть источником благосостояния, а скорее даже наоборот.

Однако главная угроза заключается в том, что знание, основной ресурс новой экономики, по своей природе избирательно и недемократично. Обычно считается, что ситуацию включенности в новую цифровую экономику знаний можно создавать через систему образования. Но знание как общественное благо не только обладает качеством общедоступности (неконкурентности), но и свойством избирательности, то есть его могут усваивать и тем более развивать далеко не все. Именно поэтому в развитых странах растет неравенство и социальное расслоение, когда сосуществует огромное богатство лидеров новой цифровой экономики и нужда работников традиционных секторов. Выходит, что развитие человечества шло от борьбы за перераспределение конкурентных ресурсов, которая была частично разрешена с помощью социального государства, к ситуации, когда ресурс стал общедоступен, но не все могут его использовать в силу природных или социальных ограничений.

Современные ученые и эксперты реагируют на эти угрозы по-разному. В первом случае мейнстрим утверждает, что антиэлитная политика рядовых граждан есть чистая случайность, флуктуация, которую можно выровнять, усиливая давление на общественное мнение. Во втором случае предпринимаются шаги для сокращения помощи и субсидий из общественных фондов, чтобы успокоить разгневанных избирателей. Например, в 1996 г. конгресс США принял «Закон о личной ответственности и возможностях трудоустройства», который оставил в числе получателей пособий только самых нуждающихся, ограничил период получения пособий пятью годами и обязал всех получателей к трудоустройству или профессиональной переподготовке. По оценке английского мыслителя Р. Брегмана, современное «государство всеобщего благоденствия, которое должно укреплять в людях ощущение безопасности и достоинства, деградировало в систему подозрений и позора»¹³. По его мнению, механизм перераспределения богатства, который по инерции все еще называется государством всеобщего благоденствия, сегодня превращается в механизм навешивания на получателя пособия позорного клейма, тем самым избавляя общественное сознание от вины за допущенное (а потом выросшее) социальное неравенство. «Получение пособия», обычно воспринимаемое как нахлебничество, как требование (или получение) чего-либо задарма, в логике государства всеобщего бла-

годенствия деформировалось и преобразовалось в клеймо позора, в доказательство того, что сидящие на пособии заслуживают урезания в правах человека, что они порочны и развращены, что в целом они - обществе лишние. Все это не способствует росту солидарности в обществе. И, кроме того, адресность помощи и проверка нуждаемости требует еще большего количества бюрократов, управляющих этим процессом.

Ответом на третью угрозу, а также снизить бюрократический интервенционизм, могло бы, по мнению многих современных ученых, введение безусловного базового дохода. Главный аргумент в пользу безусловного базового дохода строится на представлениях о справедливости. «Справедливость», в определении Филиппа ван Парейса, равнозначна созданию институтов, «призванных наилучшим образом обеспечивать реальную свободу всем»¹⁴. Что имеется в виду? Д. Равентос, например, пишет так: «Безусловный базовый доход - это доход, который государство выплачивает всем полноправным членам общества и зарегистрированным резидентам независимо от того, хотят они наниматься на оплачиваемую работу или нет, богаты они или бедны, имеют какие-либо еще источники дохода или нет, и независимо от оснований совместного проживания в домохозяйстве»¹⁵.

С одной стороны, введение безусловного базового дохода следует модели экономического человека и позволяет сохранить потребителей новых разнообразных услуг и продуктов для капиталистической экономики. И на первый взгляд, соответствует праву на достойную жизнь. Однако, с другой стороны, это верный путь к новому *пауперизму*. Напомним, что так называли явление хронической бедности, распространившееся в Англии в первой половине XIX века. Непосредственным источником этого стали мировые судьи графства Беркшир, собравшиеся 6 мая 1795 года, которые постановили, что в дополнение к заработной плате беднякам следует выдавать денежные пособия в соответствие со специальной шкалой, привязанной к ценам на хлеб, чтобы нуждающимся был обеспечен минимальный доход независимо от их заработков. Фактически эта шкала вводила такое новшество, как «право на жизнь». Однако, у такого «права на жизнь», по мнению К. Поланьи, был изъян: «При «режиме экономического человека», никто не стал бы работать за плату, если он мог обеспечить себе средства к существованию, ничего не делая»¹⁶. Иначе

говоря, обеспечивая минимум потребностей, безусловный базовый доход может лишить стимулов граждан бороться за свои права и преодолевать свою бедность.

Представляется, что в новых условиях вопрос о социальной справедливости должен формулироваться следующим образом: за счет чего можно предотвратить поляризацию общества вследствие «избирательности» знания как такового и порождаемого этой ситуацией неэквивалентного обмена. При этом надо иметь в виду, что если раньше в индустриальном обществе наемный труд противостоял собственникам средств производства, то сейчас он все больше концентрируется в сфере услуг, где на самом деле нужна даже более низкая, чем в производстве, квалификация работника. Кроме того, с развитием автономного искусственного интеллекта количество занятых в этом секторе будет неуклонно снижаться. Таким образом, судя по всему, в ближайшее время общество окажется разделенным на сферу самозанятости таланта и сферу услуг/производства для неодаренных индивидов. Представляется, что преодолеть эту поляризацию современного постиндустриального общества, возможно только отталкиваясь от институтов социального государства, при этом, высвобождая солидарность общества от опеки бюрократии. Необходимо развивать образование и самозанятость всех категорий граждан, так как, к счастью, новые информационные технологии это в принципе позволяют.

Что эти выводы значат для нашей страны? Так сложилось исторически, что Россия заявила своей целью построение демократического социального государства в начале девяностых годов прошлого века, когда постиндустриальное общество, набирающее силу на Западе, породило серьезный кризис социального государства и цифровую экономику. В этом состоит, на мой взгляд, определенный шанс на то, чтобы впервые за всю историю России попасть во всемирный ритм. Воспользуемся ли мы этим шансом, зависит как от граждан России, которые должны заявить свое желание самостоятельно строить свою жизнь, так и от политической элиты, которая должна оправдывать свое существование только через утверждение достоинства каждого гражданина.

Завьялов Ю.С.,
кандидат юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Интерес, справедливость, право

Все то, за что человек борется, связано с его интересом

К. Маркс

Вместо введения. Современная отечественная общая теория права прибывает в состоянии, которое трудно охарактеризовать. После того, как наша страна рассталась со старым укладом жизни и обрела другой, в разных сферах общества произошли радикальные изменения: в экономике, политике, идеологии, культуре. Коснулось это и общей теории права. В советский период альфой и омегой юридической науки считался марксистский подход. Все, что сверх того, то от лукавого. Другие представления о праве именовались либо до-марксистскими, либо буржуазными. Затем отечественная юриспруденция сбросила с этих теорий критически-марксистские одежды и обозначила их различными видами правопонимания: естественное право, юридический позитивизм, социологическое направление, психологизм, нормативизм. К этому были добавлены коммуникативная теория, естественно-позитивное понимание права, интегральное и интегративное понимание права и иное. Особняком в этом ряду стоит идея, сформулированная В.С. Нерсесянцем, что право есть свобода и что закон не может быть ни нравственным, не религиозным, а может быть только правовым. У этой точки зрения есть сторонники и противники. Все другие перечисленные теории ничего не добавляют к нашим представлениям о праве и носят спекулятивно-схоластический характер. К ним вполне может быть применим термин – симулякры. В связи с этим замечу, всегда существует некоторый зазор между концептуально, доктринально выраженными представлениями и самой эмпирической материей, вызвавшей к жизни эти теории. Отсюда вытекает два вопроса. Первый. Может ли «жить» теория, замкнувшись в собственных границах и породить что-то новое, позитивное?! Частично может, но в целом

она обречена, ибо в сфере, в которой она замкнута нет притока свежего воздуха, иными словами, идей, порождаемых эмпирическим материалом. Я думаю, современная отечественная теория прибывает как-бы в спячке. Что ж, так бывает.

Теперь второй вопрос. Существует много теорий о праве. И что важно!? Они являются одновременно и следствиями, и причинами. Следствиями социальных обстоятельств, политики, институтов того времени, к которым они принадлежат, и причинами убеждений, определяющих политику и институты последующих веков. Хрестоматийный пример – реализация марксистских идей в СССР. Идеи о праве, начиная с античного времени были не просто делом школ или споров между учеными или группами ученых. Они составляли органическую часть жизни общества. Попробую пояснить это положение. Эпохи возрождения, Нового времени привели к формированию культа индивидуализма. Он был вызван подъемом капитализма и началом промышленной революции и породил доктрины невмешательства в личную жизнь людей. Права гражданина, провозглашенные Французской революцией, были правами индивидуума. Все это было теоретически обосновано и оформлено теорией естественного права. Она сформулировала свободу и равенство всех людей по природе, которое получили позитивацию в законах. Индивидуализм и утилитаризм считались апостолами счастья и благосостояния.

Индивидуализм был лейтмотивом человеческого прогресса. Но что я хочу прояснить – это то, что рост индивидуализма, которым сопровождалось становление нового мира, был нормальным процессом развивающейся цивилизации. Государству в этот период отводилась роль «ночного сторожа». Она (цивилизация) действовала через индивидуумы и предлагала новые возможности для индивидуального развития, так как на ранних стадиях капитализма средства производства и распределения были главным образом в руках отдельных личностей, а правовая идеология нового общественного устройства делала акцент на роль в нем личной инициативы. Но весь процесс был социальным процессом, который представлял собой специфический этап исторического развития. В этот период кристаллизуется доктрина юридического позитивизма. Можно сказать, что в Европе этот процесс длился до середины

(условно) 19 века. Затем появились идеи того, что именуется массовой демократией или постепенное замещение распространенных индивидуальных форм жизни, преобладающими коллективными, корпоративными формами экономического производства и его организации. И тогда начинаются рассуждения о трениях между свободой и равенством или между индивидуальной свободой и социальной справедливостью, но при этом как бы забывалось то, что между абстрактными правовыми идеями борьба не происходит. Это не битва между метафизическими индивидуумом и обществом, но между группами их в обществе. При этом каждая группа стремится проводить социальную политику нужную ей и ограничить политику, противостоящую ей. Поэтому и возникают теории о соотношении интересов и права (Р. Иеринг), идеи солидарности (Л. Дюги), теории институтов (М. Ориу), право, как средство гармонизации сталкивающихся интересов (Р. Паунд). В СССР эти идеи культивировались в 20 годы прошлого века П.И Стучкой, Б. Пашуканисом.

Интерес и справедливость. Интерес как социальный феномен, как научная категория и соотношение интересов и права в реальности в отечественном правоведении исследованы сравнительно подробно. Тем не менее, хочу особенно подчеркнуть, что определение доступного для понимания того, что такое интерес так и не было сформулировано. Отвечая на вопрос, что это такое прибегну к мнению наших выдающихся предшественников. «Все то, за что человек борется, связан с его интересом» (К. Маркс). «Интересы двигают жизнью народов» (В.И. Ленин). Я бы так определил интерес – это нечто такое, с чем человек, или группа лиц, или социальный слой связывают перспективу своего развития, своего статуса в обществе.

Интересы по содержанию бывают материальными, политическими, духовными и иными. Они могут быть классифицированы по субъектам: интересы личности, группы лиц, общества, государства и так далее. Например, в экономической сфере, где человек выступает в качестве труженика, где он добывает средства для своего существования ведущим является материальный интерес. Это эффективная экономика, занятость, достойная оплата, свобода труда, правовая защита и другое. Политический интерес – сфера политической жизни общества. Поскольку государственная власть – важнейший инструмент воздействия и формирования общественных

отношений, то политический интерес – это целенаправленное стремление личности, группы, партии социального слоя к участию в делах государства, к осуществлению государственной власти, к получению средств воздействия на деятельность государства и определения его политики. В современной России ее Конституцией все это предусмотрено. А в реальности к этому много вопросов. Одним из средств решения этой проблемы является формирование институтов непосредственной демократии. Наличие же представительных учреждений не приводит к ожидаемым результатам.

Духовный интерес: свобода совести, образование. В социальной сфере: здравоохранение, пенсионное обеспечение, коммуникации (воздушные пути, водные пути, железные дороги, шоссейные дороги, телесвязь и другое).

Справедливость и в советский, и в постсоветский периоды обстоятельно исследовалось соотношение право и нравственности. Справедливость же оказалась сиротой. Особо хочу подчеркнуть, что следует иметь ввиду, что при определении того, что такое справедливость, что это не спор между абстракциями к которым могут адресоваться претензии на понимание справедливости. Это борьба между конкретными социальными феноменами – гражданами, группами, слоями и так далее. Это – индивидуальные предприниматели, самозанятые, мелкий бизнес, средний бизнес, крупный бизнес (промышленный, финансовый, военно-промышленный). Это сфера материальной деятельности людей, производства. Именно отсюда проистекают идеи о том, что такое справедливость и, в конечном итоге, что такое справедливое общество. Еще с античных времен повелось (Аристотель), что одним из пониманий справедливости является воздаяние по достоинству.

Право. Вот тут-то и вступает в действие право. Неслучайно в юриспруденции выделяются различия между *jus* и *lex*. Первое понимается как справедливость, поэтому закон (в нашем понимании писанное право), должен быть справедливым. Здесь то и начинается скрупулезное изучение эмпирического материала, чтобы максимально сблизить писанный закон со справедливостью. Это и есть широкое поле, которое призвано питать отечественную общую теорию права.

Веденеев Ю.А.,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Правовая реальность как юридический текст

1. Реальность как таковую составляют предметы и представления о предметах. Правовую реальность также составляют предметы (отношения) и представления о предметах (определения). Правовая реальность сложная, многосоставная и многоуровневая культурно-историческая категория. Правовая реальность – это не физическая, а социокультурная реальность. Ее можно коснуться сознанием, через осмысление в мифе и логосе, образе и представлении, восприятии и переживании. Правовая реальность – ментальная и когнитивная реальность. Это юридический текст, универсальная форма бытия права, одновременно нормативный факт и культурный концепт. Правовая реальность на любой фазе своей культурно-исторической эволюции структурирована социальными отношениями (*логикой сущего*) и представлениями о должном порядке их нормативной организации (*логикой должного*). В их взаимных отношениях и пересечениях формируется юриспруденция или знание о юридических конструкциях и определениях систем социально-нормативного общения. Поиск практического языка права (*институтов*) и теоретического языка права (*понятий*) в рамочных построениях социокультуры определенной исторической эпохи – два плана концептуализации правовой реальности. Один лежит в плоскости феноменологии права, другой в плоскости эпистемологии права.

Актуальное состояние современной фазы концептуальной эволюции классической юридической науки, ее догматики и аксиоматики связано не только с расширением номенклатуры категорий и понятий дисциплины и введением в научный оборот новых базовых единиц анализа правовых явлений, существенным образом меняющих не только формат, границы и методы теоретизирования феномена права. Меняется видение самой реальности, открывающей новые слои своего действительного бытования – ментального, когнитивного и знакового. Право это одновременно и *формальные*

правила, и символическое послание, адресованное *Urbi et orbi*. И то и другое тексты внутри общего юридического текста; но это различные по своему назначению и смыслу конструкции. Предмет первой – общественное отношение, предмет второй – общественное сознание. Функция регулирования конкретного поведения одних совмещена с функцией актуализации ориентаций на правильное поведение остальных.

Правовая реальность существует одновременно в объективном и субъективном смыслах, в форме сущего и должного, фактического и нормативного, материального и идеального, юридического концепта действительности и юридических институтов. Правовая реальность каждой исторической эпохи говорит на своем юридическом языке. То есть в границах социальных фактов и культурных ценностей или юридических картин мира определенных исторических эпох. Правовая реальность живет в языке рассуждения о правовой реальности. *Nomen est omen*. В этом аспекте своего аналитического выражения юридическая наука в целом и теория государства и права в частности всего лишь концептуальные формы существования правовой реальности, наряду с ее языковой и институциональной формой.

Эволюция права, его институтов, форм и методов юридической организации социальных отношений и эволюция науки права, ее языка, предмета и способов исследования составляют общий объект теоретико-методологических размышлений и определений. Очевидно, что языки институциональной теории права и языки концептуальной теории права характеризуют различные, хотя и взаимозависимые аспекты правовой реальности, выраженные в ее прагматике и аксиоматике. Исторически сложившая и привычная конструкция юридической науки в ее формально-догматической версии выполнила свою эпистемологическую функцию в той части понятийного аппарата дисциплины, который связан с классическими суждениями о праве и науке права. Позитивистский формат развития юридической науки, постепенно уходя на периферию теоретико-методологической рефлексии. На современной фазе своего развития он являет собой фактически завершённый проект концептуализации права. И только инерцией существующей научной традиции, ее консерватизмом и официальным статусом теории госу-

дарства и права как науки о всеобщих закономерностях политико-правового развития общества можно объяснить сохранение ее методологического и образовательного значения.

Концептуальный и дисциплинарный кризис налицо, о чем свидетельствует перманентная дискуссия по вопросам определения предметно-методологического статуса теории права в общей системе отраслевых юридических наук. Очевидно, что теоретическая юриспруденция стоит на пороге парадигмальных изменений. Основные параметры нового языка описания и объяснения феномена права – его предмета, содержания и концептуальных границ, то есть его феноменологии, аксиологии и эпистемологии – актуальная тема и проблема современной юридической теории в формате постклассической юриспруденции. В складывающейся конфигурации междисциплинарных связей юридической науки в общей системе социально-гуманитарных наук особое место начинает занимать, наряду с историей политико-правовых институтов и доктрин, история и методология юридической науки как особого феномена социокультурной эволюции языка права, его когнитивной и концептуальной составляющих.

История развития систем юридического знания, так же, как и история развития политико-правовых институтов, связаны и определяются общим фундаментальным основанием концептуальных и институциональных изменений права и науки права – юридической картины мира, ее структуры, содержания, логики развития и смены культурно-исторических форм (*эпистем*) осмысления правовой реальности и исторических типов правосознания и правопонимания. Если для современной юридической практики фундаментальное значение приобретает описание и объяснение трансграничных институциональных обменов и пересечений, что предполагает формирование юридически открытых правовых институтов и систем, то для науки права в целом и юридической теории ключевое значение приобретает описание и объяснение междисциплинарных концептуальных преобразований и обменов в системах ее юридического языка. А это предполагает разработку общих междисциплинарных оснований развития юридической науки в ее современной редакции интегральной или культурно-исторической институциональной и концептуальной юриспруденции, поскольку язык инсти-

тутов и язык юриспруденции – взаимозависимые категории и явления общего культурно-исторического процесса развития права и науки права.

2. Феномен права существует в определениях языка своей социокультуры, ее юридического словаря, логики и грамматики, в том числе, языка ожиданий и настроений, переживаний и представлений, оценок и отношения к праву, в контексте смены концептуальных парадигм. Это одновременно ценностно-нормативная и формально-нормативная, языковая и концептуальная реальность. Юридический язык не только отражает явление права в его определениях и понятиях. Юридический язык формирует право в его категориях и конструкциях. Правовая реальность одновременно язык понимания и рассуждения о праве. Это язык социокультуры. В нем заключен предмет и метод юриспруденции, означаемое и означающее, план выражения и план содержания явления права.

Язык права лежит в основании юридического текста – универсальной формы существования и выражениям правовой реальности, объединяющей в себе язык понятий и концептов, норм и ценностей, символов и ориентаций, статусов и ролей. Юридический текст по определению культурно-исторический феномен. Как система концептуальных определений и правил нормирования социальных отношений юридический текст – предмет культурно-исторической юриспруденции. То есть комплекса дисциплин, исследующих становление и развитие правовых систем, изменения содержания и форм права, юридических конструкций и понятий, норм и ценностей в исторических логиках своего времени и места – феноменологии, аксиологии и эпистемологии права. Жанровое, стилистическое, лексическое разнообразие юридических текстов варьируется в широком диапазоне форм своего выражения, отвечающих культурно-историческим потребностям юридического восприятия, понимания и осмысления действительности. Правовые доктрины и комментарии, политико-правовые трактаты и судебные речи, нормативно-правовые акты и административные решения, включая множество иных проявлений юридического концепта действительности, дают возможность представить во всем многообразии модусы существования юридического текста. Его стилистика и лексика, формы организации материала и приемы интерпретации

имеют не только формальное, но также и культурно-историческое измерение, поскольку выражают глубинные, скрытые основания правосознания или юридических картин мира своей эпохи.

Юридический текст – первичная правовая реальность, интегральная категория юриспруденции и составная часть ее комплексного предмета, наряду с юридическим языком и юридическим дискурсом или системой аргументаций и суждений о праве, включающую нормативную поэтику и грамматику языка отдельных исторических эпох существования и развития феномена права. В этом смысле юридический текст одновременно и языковая (*знаковая*) реальность и концептуальная (*когнитивная*) реальность или система нормативных представлений о должном порядке социальных отношений. Включение в предмет юридического анализа концептуальной составляющей права и знаковых практик манифестации нормативных границ юридической организации социальных отношений открывает новые перспективы развития науки права. В ситуации фундаментальных институциональных трансформаций национальных и наднациональных правопорядков смена концептуальных моделей описания и объяснения процессов перехода к новым юридическим формам социального, экономического и политического общения выходит за рамки собственно эпистемологии и аксиологии права, а лежит скорее в плоскости адекватной правовой политики, в том числе, научной политики. С другой стороны, сегодня мировоззренческие изменения такой же элемент ее превращения в действительность, как и конструирование новых институтов трансграничных обменов и взаимодействий, отвечающих на цивилизационные вызовы постсовременного мира.

Интегральное понимание совокупной социокультурной, когнитивной и языковой природы права, позволяет ставить и решать новые проблемы в комплексе их взаимных отношений и определений. В таком предметном и концептуальном контексте вполне корректно рассматривать такие дисциплинарные конструкции как *Поэтика* и *Семиотика* юридического текста в качестве одновременно самостоятельной и общей части дисциплинарной структуры юриспруденции. Поэтика и семиотика юридического текста являются выражением внутренней языковой (жанрово-стилевой) и внешней (знаковой) репрезентации права в различных соционормативных фор-

матах и практиках регулирования и регламентации социального общения.

Социальное общение изначально включает в себе *сообщение*, то есть систему знаков и значений, в которых существует и определяет себя и нормативное и символическое измерение многоуровневой культурно-исторической правовой реальности. Семиотика фиксирует структурную связь внешних и внутренних аспектов существования правовой реальности, ее институциональной и концептуальной составляющей, языка юридических конструкций и языка юридических понятий, практического и теоретического языка права и науки права. Поэтика отражает различные ментальные и когнитивные проявления форм мышления о праве, восприятия и понимания права, представленных в разнообразных жанровых и формальных построениях юридического текста, его стилового и риторического оформления. В этом смысле поэтика и семиотика юридического текста раскрывают все богатство и разнообразие культурно-исторических манифестаций и репрезентаций феномена права в практиках социального общения в их прошлом, настоящем и неопределенном будущем.

Юридический текст не существует сам по себе вне социокультурного контекста его производства и потребления. Его собственная жизнь – вопрос нормативных ожиданий, настроений и переживаний наличия или отсутствия надлежащего права, то есть фундаментальной потребности в праве. Дискурсивные практики, основанные на принципе авторитета существенным образом отличны от дискурсивных практик, основанных на принципе консенсуса. Хотя формальным получателем юридического текста являются все, кому он адресован в силу тех или иных служебных и житейских обстоятельств, но действительным его пользователем являются только те субъекты правового общения, кем он может быть прочитан в предметной логике языка, на котором текст написан и говорит с его потребителями.

Юридический текст как проявление культуры человеческого общения имеет гуманитарное измерение, определяемое культурой форм подачи материала и организации его нормативного содержания. То есть включает в себе и аксиологию и эпистемологию права, его ценностно-нормативную и концептуальную структуру. юриди-

ческий текст имеет и концептуальное значение, и языковую форму его манифестации. Понимание юридического текста как знака в системе его нормативных значений и определений и знака как текста в системе его символических представлений и концептов позволяет рассматривать юридический текст в качестве одновременно предмета исторической поэтики и семиотики права породившей их общей социокультуры.

Правовая реальность в своей внутренней, ментальной сути это воображаемая реальность. Желаемый правопорядок и наличный правопорядок не совпадающие категории. Переход должного в сущее варьируется в широком диапазоне возможных флуктуаций, задаваемых юридическими картинами мира каждой исторической эпохи. Поэтико-семиотическое видение правовой реальности в границах собственных исследовательских подходов в изучении феномена права позволяет обнаружить, описать и объяснить именно те аспекты его предмета, которые лежат за рамками формальных определений классической юриспруденции.

Поэтика и семиотика права расширяют уровни понимания и существования права, выделяя и различая видимое и невидимое в праве, его метафизические смыслы и аксиоматические значения, знаки присутствия или отсутствия юридического начала в практиках социального общения (*семиотика*), формы культурных репрезентаций права в процессах социальных коммуникаций (*поэтика*). Семиотика *фиксирует* то, что есть, то есть структуру правовой реальности. Предмет семиотики – базовые архетипы должного, формирующие правовую реальность. Поэтика *выражает* то, что есть, то есть процесс восприятия и переживания правовой реальности. Предмет поэтики – культурные образы должного, оформляющие правовую реальность.

Оба подхода осмысления правовой реальности как онтологической данности и политико-правового конструкта объединяет представление о праве в качестве языковой, а значит и текстовой и знаковой реальности. Включение поэтики и семиотики юридического текста в дисциплинарный кластер юридической науки, наряду с антропологией и социологией права позволяет совместить в общем комплексе представлений о правовой реальности структурные (*инвариантные*) и культурно-исторические (*вариативные*) основания и

аспекты юридической организации и развития социальных систем в рамочных и пересекающихся определениях интегративной юриспруденции.

Поэтика и семиотика юридического текста, включают в предмет своего изучения, одновременно и изучение юридического языка, на котором говорит право конкретной исторической эпохи, и юридического дискурса, на котором размышляли и размышляют о праве в его прошлом, настоящем и будущем времени. Юридический язык и юридический дискурс, рассматриваемые в предметной логике поэтики и семиотики юридического текста, позволяют увидеть, описать и объяснить те аспекты существования правовой реальности, как в плане ее исторического содержания, так и в ее плане исторического выражения, которые характеризуют историческую семантику и грамматику конкретного правопорядка. То есть тех параметров и координат нормативных коммуникаций, которые составляют фундамент разнообразных культурно-исторических форм социального общения. Несмотря на то, что право занимало в практиках социального общения различное место в отдельные эпохи архаики и исторического существования людей, его постоянное присутствие в повседневной жизни человеческих сообществ позволяет предположить, что язык юридического общения в самом себе, в своей онтологии и аксиологии включает собственные основания и условия развития и воспроизводства. Это не только и не столько *Основная норма* Г. Кельзена, *правотворческий Дух* немецкого народа Ф. К. фон Савиньи, императивно-атрибутивное *Переживание права* (точнее, его отсутствия) Л. Петражицкого. Это и то, и другое, и третье, и еще много чего, еще не вошедшего в привычный словарь теоретического правоведения.

При всем разнообразии концептуальных подходов и предлагаемых ментальных конструкций в понимании онтологических оснований права, видимо, есть еще и нечто иное, еще неявленное, но вполне реальное, что делает науку права одним из самых увлекательных интеллектуальных путешествий в области гуманитарного знания. Поэтика и семиотика юридического текста заключены в самом факте его существования. Поэтому, возможно, в этом аспекте своего самовыражения и манифестации, можно, используя дополнительный исследовательский инструментарий, разработанный в

смежных областях знания, обнаружит в праве еще неизвестные грани заключенного в нем культурно-исторического содержания. Открыть новые горизонты понимания природы права в его имманентной сущности и культурно-исторических формах, юридических определениях, понятиях и конструкциях – актуальная тема и проблема постюриспруденции или интегральной юриспруденции, совмещающей в себе феноменологию, аксиологию и эпистемологию юридического текста – интегральной категории права и предмета науки права.

Поэтика и семиотика юридического текста, и с точки зрения своего предмета (*внутритекстовые и внетекстовые отношения*), и с точки зрения своего аналитического инструментария (язык, на котором текст написан и язык, на котором текст, прочитан), имеют дело с различными и взаимозависимыми аспектами существования права. Различие в языках – это различие в значениях, которые составляют внутреннее и внешнее содержание юридического текста. Это различие одновременно формальное и предметное. Его снятие и преодоление составляет фундаментальную задачу юридической практики и проблему юридической науки.

Поэтику юридического текста интересует, прежде всего, внутренняя форма самого текста как такового или структура, в которой заключено определенное содержание явления, обозначенного термином право. Базовая функция права – внесение формальной определенности в социальные отношения, составляющие предмет правового регулирования. Очевидно, что реализация данной функции предполагает одновременно определенность в организации самого права, как юридического института и процесса. Исторически и типологически различные правовые системы используют различный институциональный и концептуальный инструментарий для решения этой универсальной задачи. Поэтика юридического текста различных исторических эпох и социокультур находить себя в различных версиях понимания права, выраженных в логике и определениях языка классической и неклассической юриспруденции. Ее собственный предмет – право существующее за рамками кодифицированного языка формальной юриспруденции, поскольку явление права обнаруживает себя в различных языках репрезентации права.

Семиотику юридического текста интересуют внешние отношения, в структуре которых происходит взаимодействие явления права с адресатами его содержания. Взаимодействие протекает в системе социокультурных координат или определенного контекста, нагруженного определенными ожиданиями и собственными представлениями адресата о должном или недолжном порядке социальных отношений. Юридический текст, в терминах семиотики означаемое и означающее, превращается в собственный предмет его адресата только в рамочных определениях интерпретации его содержания. Юридический текст, пропущенный через различные формы истолкования его исходного содержания, становится (в терминах семиотики) означаемым, представленным открытым перечнем возможных значений.

Предмет поэтики юридического текста – статика существования юридического текста в системе его собственных значений, означающих. Предмет семиотики юридического текста – динамика существования юридического текста в системе его подвижных значений, означаемых. Общий предмет поэтики и семиотики юридического текста представляет граница пересечения и совмещения плана содержания и плана выражения основного или первичного юридического текста и плана содержания и плана выражения производного или вторичного юридического текста. То есть до и после его включения в систему социальных коммуникаций. Ключевая тема и логика совмещения двух аналитик состоит в описании и объяснении ментальных и когнитивных разрывов социального общения, границ совместимости или несовместимости языков социального общения. Правовая реальность открывает себя и как юридическая структура (*рамки*) и как юридический процесс (*действия*) в системе знаковых отношений языков социального общения. Язык юридического текста, его терминология, стилистика и нормативная метафорика являются носителями глубинных смыслов юридического концепта действительности, его культурными и нормативными маркерами.

*Липень С.В.,
доктор юридических наук,
профессор кафедры теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

О методологическом потенциале юридической конфликтологии¹⁷

Правовые проблемы конфликтного поведения изучает юридическая конфликтология, междисциплинарное научное направление, возникшее на стыке общей конфликтологии и юриспруденции. С 90-х гг. прошлого века конфликтологическое знание начало применяться для разработки традиционных юридических проблем¹⁸, исследовались природа, причины, субъекты, типология юридических конфликтов, предлагались различные механизмы их разрешения и предупреждения; в связи с этим уточнялись теоретические взгляды на проблемы правового поведения и реализации права.

Рассмотрение динамики юридического конфликта позволило получить новые выводы о значении юридических средств в его разрешении и предупреждении. В качестве стадий развития юридического конфликта называются: возникновение у одной или у обеих сторон мотивов юридического характера; возникновение правовых отношений между сторонами, находящимися в конфликте; развитие (изменение, прекращение) правовых отношений в связи с рассмотрением дела юридической инстанцией (эта стадия может быть весьма длительной и претерпевать различные изменения даже при нормальном течении дела); издание правового (правоприменительного) акта, завершающего конфликт (при этом может быть принято несколько решений или дело может быть пересмотрено)¹⁹. Ряд авторов поддерживает принятые в общей конфликтологии взгляды на динамику конфликтов (предконфликтная, конфликтная и постконфликтная стадии).

С учетом достижений юридической конфликтологии строятся модели правоприменительного разрешения юридических конфликтов. Так, Ю.А. Тихомиров предлагает правовой режим предотвращения и устранения юридических коллизий (конфликтов)²⁰, Т.В. Худойкина – общую технологию разрешения юридических конфликтов²¹; авторский вариант технологии разрешения юридических конфлик-

тов разрабатывает В.И. Павлов²². Рассматривая применение права как инструмент предупреждения и разрешения конфликтов, И.Л. Чулюкин в качестве метода правоприменительного воздействия на конфликты анализирует индивидуально-правовое регулирование с составляющими его элементами (юридический процесс и юридическая процедура, доказывание, толкование норм права и преодоление пробелов в праве, тактические действия правоприменителя в зависимости от сложившейся ситуации, оперативно-исполнительная и правоохранительная формы правоприменения), умелое сочетание которых позволит разрешать конфликты оптимальным образом и с наименьшими издержками²³. Большинство авторов указывают на плодотворность применения конфликтологических подходов к традиционной юридической проблематике.

При этом необходимо отметить, что многие конфликтологи скептически настроены относительно и возможности, и необходимости построения единой универсальной теории конфликта; на современном этапе становления конфликтологии одной из проблем является наличие слабых междисциплинарных связей наук, изучающих социальный конфликт, что не позволяет говорить о формировании единой теории конфликта, применимой равно как в юриспруденции, так и в социологии, психологии и философии²⁴. В силу сказанного актуальным представляется построение общей теории юридических конфликтов на основе не только собственно конфликтологического знания, но и традиций развития юридической науки, законодательства, правоприменительной практики, в которых выражен значительный опыт по предупреждению и разрешению социальных конфликтов.

Необходим более предметный анализ применительно именно к юриспруденции первого из выделяемых в литературе периодов развития научных представлений о социальных конфликтах. Как отмечается, до XX в. (период зарождения идей конфликтологии как совокупности практических знаний о правилах и приемах поведения в реальных конфликтных ситуациях) первые научные знания о конфликтах накапливаются и изучаются в философии, правоведении, военных науках, психологии, искусстве, культуре и религиозных учениях, но не аккумулируются в качестве самостоятельного и обособленного предмета исследования²⁵.

Исторические примеры показывают, что всякая удачная законодательная деятельность (Законы Солона, Кодекс Наполеона и др.) имела целью достижение социальной эффективности права и минимизацию конфликтов. Эту же цель преследовала и надлежащим образом организованная юридическая практика. В Древнем Риме право едва ли не впервые в известной истории человечества поднялось на уровень универсального средства разрешения конфликтов; такое же значение оно имеет и сейчас. Выдержавшие проверку временем механизмы предупреждения и разрешения конфликтов заложены в современных юридических процедурах (гражданский, уголовный и др. процесс).

Проблемы конфликтного взаимодействия разрабатывались в политико-правовой мысли Древнего мира и средневековья задолго до возникновения общей конфликтологии. Значительное внимание к этим проблемам привлекла рационалистическая политико-правовая наука Нового времени. Само существование права и государства обусловлено, по мнению классиков договорной теории (Т. Гоббс, Б. Спиноза, Дж. Локк) объективным наличием конфликтов между людьми, которые не в силах самостоятельно, без внешнего принуждения организовать свое общение по справедливым законам; но, если бы человеческая природа была бы иной, и бесконфликтное существование возможно было бы во внесударственном обществе, в возникновении государства как публичной и принудительной силы не было бы необходимости. Это рассуждения на уровне принципиального обоснования государства и права, в дальнейшем они и многие более частные выводы о проблемах конфликтного взаимодействия получили свое развитие в рамках как либеральной, так и социалистической политико-правовой идеологии, в правовых теориях XIX-XX вв.

Следует отметить, что и в отечественной юридической науке советского времени (когда о конфликтологических исследованиях еще не могло быть и речи в силу общего взгляда на бесконфликтный характер советского общества) проблема разрешения юридических конфликтов ставилась еще в 70-е – 80-е гг. XX в. в связи с разработкой теории применения права²⁶.

Привлекает внимание еще одна проблема, на которую указывает и юридическая наука, и конфликтологические исследования. Речь

идет о том, что не всегда формально-юридические процедуры способствуют нормальному разрешению социальных конфликтов. В силу пиетета перед авторитетом права западное юридическое мышление сориентировано на жесткую эскалацию конфликта, перевод его в правовую форму с расчетом на правовое разрешение. Пожалуй, в наиболее отчетливой форме это показано виднейшим ученым-юристом XIX в. Р. фон Иерингом; в «Борьбе за право» (1872 г.), одном из самых популярных юридических произведений XIX в., он призывает всеми силами бороться за восстановление своего нарушенного права, отстаивать свои правовые интересы, не считаясь ни с какими затратами. Борьба за свои права составляет моральную обязанность человека и перед самим собой, и перед обществом; только таким образом утверждается ценность права и прочность всего правопорядка²⁷. С позиций юридического мышления именно правовая форма в силу формальной определенности и четкости процедур, поддержки в случае необходимости государственным принуждением наиболее приемлема для разрешения конфликтов юридически значимых интересов.

Противоположна, однако, позиция Г.В.Ф. Гегеля по поводу правомерности обязательной эскалации юридического конфликта с его последующим разрешением в правовой форме: «Если у кого-либо нет никакого другого интереса, кроме его формального права, то оно может быть просто упрямством, как это часто бывает у душевно ограниченных и бедных сердцем людей, ибо грубый человек упорно отстаивает свое право, тогда как человек благородного образа мыслей принимает во внимание и другие стороны дела»²⁸.

Надо иметь в виду и то, что юридическая и политическая практика богата примерами не завершения, а, наоборот, дальнейшего развития юридического конфликта и после вынесения правоприменительного акта, достаточно сослаться на многократное рассмотрение гражданских и трудовых споров в судах, на многолетние споры политического и юридического характера в международных делах²⁹. Случаи продолжения конфликта после его юридического разрешения могут свидетельствовать о недостаточной социальной эффективности права, об ограниченных возможностях формально-юридического подхода к разрешению социальных конфликтов. В связи с этим в XX в. в зарубежной юриспруденции получили рас-

пространение так называемые альтернативные процедуры разрешения юридических конфликтов (различные формы переговоров, посредничества и др.)³⁰, обладающие в ряде случаев большей социальной эффективностью.

Конфликтология как одно из социологических направлений предлагает решение проблемы ограниченной социальной эффективности формально-юридических процедур в основном в социологическом ключе. Надо отметить, что история юриспруденции накопила более разнообразный методологический опыт, кроме формально-юридического и социологического подходов к осмыслению правовой действительности и в зарубежной, и в российской юридической науке получили развитие нравственные, философско-нравственные подходы к праву и юридической деятельности. В конфликтологию же они включены относительно слабо, и для дальнейшего развития конфликтологических исследований актуальна их интеграция с правовой аксиологией³¹. Новые конфликты интересов характерны для современной эпохи цифровизации общественных отношений³², это также не может оставаться вне поля зрения юридической конфликтологии.

Методологический потенциал юридической конфликтологии может быть востребован при дальнейшей разработке не только современных проблем правотворческой, правореализационной и правоприменительной деятельности, но и содержания формально-догматического, социологического, аксиологического и ряда других методов и методологических подходов, используемых в современных юридических исследованиях.

Ковалева В.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
зав.кафедрой общетеоретических правовых дисциплин
Северо-Кавказского филиала ФГБОУ ВО
«Российский государственный университет правосудия»

Личность и государство в контексте современного правового регулирования

Современное общество находится в состоянии интеллектуальной и эмоциональной трансформации, которое обусловлено рядом причин. Одной из которых является изменение формы существования, т.е. переход к цифровизации всех сфер жизни и, как следствие, появление нового поколения людей, которое получило название «Z», отличающееся от предыдущих двойственным восприятием происходящего – реальным и виртуальным. Как отмечает С.Ю. Кашкин, в условиях четвертой промышленной революции, с участием искусственного интеллекта и робототехники происходит кардинальная смена всего устоявшегося миропорядка. Меняется экономика, политика, право, идеология, общественные отношения, ценности и даже сама человеческая личность, ее *морально-нравственные* (курсив наш – В.К.) и философские ориентиры. Поэтому, пишет ученый, именно право должно стать тем механизмом, который призван отрегулировать только еще формирующийся сложный конфликт отношений человека и созданного им искусственного интеллекта³³.

Ввиду этого, представляет интерес рассмотрения новых граней взаимодействия личности и государства как отражения соответствующих социальных изменений, при этом возникает необходимость пересмотра *содержания и пределов* (курсив наш – В.К.) правового регулирования как важнейшей основы взаимодействия личности и государства.

Следует отметить, что в рамках настоящего исследования не представляется возможным рассмотреть всю многогранность социальных трансформаций, которые детерминируют поиск новых моделей взаимодействия личности и государства, поэтому мы остановимся лишь на некоторых из них, которые на наш взгляд являются важнейшими. При этом следует констатировать существующий кризис современных отношений вообще, который обусловлен совокупностью факторов: экономическими, технологическими, экологическими и другими.

Ярким примером реакции государства на морально-нравственный кризис современного общества, на наш взгляд, является внесение изменения в 2017 г. в ст. 58 Семейного кодекса Российской Федерации, в соответствии с которым при выборе родителями имени ребенка не допускается использование в его имени цифр, буквенно-цифровых обозначений, числительных, символов и не являющихся буквами знаков, за исключением знака «дефис», или их любой комбинации либо бранных слов, указаний на ранги, должности, титулы³⁴. Данное изменение было вызвано тем, что современное поколение родителей проявляли удивительную «фантазию» при выборе имени ребенка, например, Граф, Князь, Принц, Господин³⁵ и самое экстраординарное имя мальчика по имени БОЧ рВФ 260602³⁶. Такие метаморфозы происходили только после революции 1917 г. в Советской России, когда постреволюционное сознание позволяло давать детям самые невообразимые имена: Электрификация, Турбина, Дрезина, Даздраперма, Перкосрак («Первая космическая ракета»)³⁷. Анализируя данную информацию, мы обратили внимание на символичную периодичность происходящих в сознании людей изменений – 100 лет, целый век. Не вызывает сомнения, что только кардинальные когнитивные и эмоциональные трансформации, вызванные кризисными явлениями, детерминируют возникновения таких проблем и необходимость соответствующего правового регулирования в данных условиях. Продолжая рассуждать о современном правовом регулировании взаимодействия личности и государства в контексте кризиса, можно привести еще один пример. Так, И.А. Трофимец, исследуя государственную брачно-семейную политику пишет, что преобладающим типом российской семьи считается простая семья, состоящая из супругов с детьми или без них, при этом государство обеспокоено возрастанием доли неполных семей, представляющих собой одиноких матерей, разведенных женщин или вдов с детьми (1–2 ребенка, как правило). По мнению автора одна из проблем семейной политики заключается в игнорировании государством вариативности типов семьи, установлении примата теоретической модели семьи над жизненными реалиями³⁸. Пока еще можно утверждать, подчеркивает автор, что брак окончательно не потерял своего престижа, однако кризис очевиден³⁹. И.А. Трофимец отмечает, что юридические меры по обязательной государственной регистрации брака занимают важное место в системе государственно-правового механизма регули-

рования брачных отношений. Государство заинтересовано в сохранении традиционных ценностей семьи и брака. Задача государства состоит в том, чтобы не допустить ослабления брака, которое может привести к истощению «человеческого и социального капитала». Ведь именно семья обеспечивает устойчивость сообщества, являясь школой добродетелей для будущих поколений⁴⁰. Мы, безусловно, разделяем точку зрения автора относительно кризиса в брачно-семейных отношениях и определяющие роли семьи как смыслообразующего фактора существования общества.

Таким образом, кризисные явления современного постиндустриального общества детерминируют поиск государством оптимальных путей регулирования отношений, поиска баланса между частными и общественными интересами.

Безусловно, современное правовое регулирование эволюционирует под влиянием развития цифровых технологий. Верным представляется констатация факта, что цифровизация, под которой понимается широкое внедрение новых цифровых технологий, по масштабам своего воздействия на общество сопоставима с промышленной революцией. Стремительное изменение общественных отношений неизбежно оказывает влияние на сферу правового регулирования, заставляет право приспосабливаться к новым условиям и новой модели общественных отношений⁴¹.

Не вызывает сомнения, что в настоящее время положено начало новой промышленной революции – «Industry 4.0», которая предполагает интеллектуализацию и роботизацию не только самих процессов изготовления товаров, но и оснащение товаров интеллектом⁴². Совершенно верно пишет Ю.И. Грибанов, что цифровая экономика невозможна без участия государства. Место государства в новой экономической реальности во многом будет определяться способностью качественно и оперативно влиться в глобальные процессы, связанные с созданием нового технологического уклада⁴³. При этом мы разделяем точку зрения автора, что первостепенное значение при принятии государственных регулятивных мер в области цифровизации приобретают последовательность и осторожность внедрения системы правового регулирования.

Для решения указанных выше проблем в настоящий период в Российской Федерации приняты: Указ Президента Российской Федерации

от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года»)⁴⁴, Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Технологии виртуальной и дополненной реальности», Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Нейротехнологии и искусственный интеллект», Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Компоненты робототехники и сенсорика»⁴⁵.

Например, в п. 12 Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», зафиксировано, что благодаря реализации настоящей Стратегии должны быть созданы условия для эффективного взаимодействия государства, организаций, в том числе научных, и граждан в сфере развития искусственного интеллекта, что позволит российским технологиям искусственного интеллекта занять значительную долю мирового рынка⁴⁶. В соответствии с п. 19 указанной Стратегии основными принципами развития и использования технологий искусственного интеллекта, являются: защита прав и свобод человека, в том числе обеспечение защиты гарантированных российским и международным законодательством прав и свобод человека, в том числе права на труд, и предоставление гражданам возможности получать знания и приобретать навыки для успешной *адаптации* (курсив наш – В.К.) к условиям цифровой экономики; безопасность, прозрачность, технологический суверенитет, целостность инновационного цикла, разумная бережливость, поддержка конкуренции. Безусловно, данные принципы являются «отправными точками» будущего правового регулирования. Вместе с тем, в настоящий период существует еще много не решенных вопросов.

Как отмечается в юридической литературе, консерватизм и казуистичность права осложняет путь к надлежащему регулированию спорных и вновь возникающих в цифровой среде отношений⁴⁷.

При этом сегодня остро встают два вопроса. Первый – какие правовые средства использовать в регулировании новых отношений? Второй – каковы пределы правового регулирования?

Отвечая на первый вопрос можно привести пример «регулятивных песочниц» («регулятивных платформ»). Так регулятивная «песочница» Банка России – это механизм для пилотирования, моделирования процессов новых финансовых сервисов и технологий в изолированной среде, требующих изменения правового регулирования. Ее задачами являются: пилотирование инновационных финансовых сервисов без рисков нарушения законодательства Российской Федерации; анализ рисков инновационных финансовых сервисов и выработка подходов к их снижению; определение целесообразности внедрения инновационных финансовых сервисов и создание соответствующего правового поля. В случае успешного завершения пилотирования Банк России утверждает дорожную карту по созданию правовых условий для внедрения сервиса⁴⁸.

Таким образом, современное правовое регулирование находится в процессе трансформации обусловленной совершенно новыми явлениями в нашей жизни, кризисы, интеллектуальная и эмоциональная амбивалентность по отношению к происходящим процессам, детерминирует поиск оптимальных средств правового регулирования со стороны государства. С одной стороны, государство должно обеспечивать безопасность, а с другой, права и свободы.

Справедливым является точка зрения А.В. Поповой А.В. согласно которой дальнейшее развитие Российской Федерации неотделимо от развития общества знания на основе современных информационных технологий, когда искусственный интеллект представляет собой необходимую базу для развития «умной» системы не только экономического, но и государственно-правового развития новой России путем сочетания прорывных новых тенденций и традиционных этических ценностей⁴⁹.

Резюмируя, следует отметить, что в своем развитии государство по отношению к личности, сначала было «ночным сторожем», затем «правовым», далее «правовым и социальным». Полагаем, что в современный период формируется новая модель государства и, соответственно, правового регулирования, выражающая оптимальное взаимодействие личности и государства и отражающая закономерности цифрового общества.

Протасов В.Н.,
доктор юридических наук
*Современная российская бюрократия
в управлении наукой и образованием*

Современная российская бюрократия в управлении наукой и образованием

1. Высокая степень бюрократизации управленческой системы характеризуется предъявлением к подчиненной системе абсурдных требований. Для управленческой системы, пользующейся абсурдистскими методами властвования, характерно нагнетание абсурдного прессинга, давление на основе непрекращающегося поступления абсурдных требований, их постоянной перемены. Динамика такой системы заключается в постоянной смене абсурдных требований, иррациональных по своему социальному смыслу, но рациональных с точки зрения интересов бюрократической системы.

Один из внешне абсурдных приемов современной российской бюрократии – это «пошаговое» законодательное наступление на объект управления. Постоянное изменение юридических правил социальной «игры» в условиях относительной стабильности общества внешне выглядит как несовершенство деятельности правотворческих субъектов, их неэффективности, неспособности управлять общественными процессами. Объективно так оно и есть. Однако такой деятельностью бюрократических «неумех» от законодательства несомненно решается рациональная, с точки зрения интересов бюрократии, задача. Бюрократия действует по принципу – «проглотили это, будем наступать дальше».

2. Один из наиболее одиозных инструментов современной российской бюрократии – это так называемый «эффективный контракт», который замышлялся прежде всего как способ повысить «управляемость» трудового коллектива, а на деле представил весьма эффективное средство вызывать у этого самого коллектива недобрые чувства, окончательно разрушить психологический контакт между работниками и администрацией.

В реальности «эффективный контракт» применяется бюрократией как средство (а) держать трудовой коллектив «в узде» и (б) манипулировать объемом оплаты труда.

Следует констатировать тот факт, что «эффективный контракт» наносит значительный вред здоровью нации. Социологические службы России отмечают, что в последние годы люди стали реже обращаться в медицинские учреждения⁵⁰. Объяснения этому феномену выдвигаются самые разные, включая весьма радужные, исходящие от бюрократов российской системы здравоохранения. Однако правильное объяснение существует только одно: граждане России просто пренебрегают собственным здоровьем, уходя таким опасным способом от серьезных финансовых потерь, связанных с пребыванием «на больничном».

Антигуманная полифункциональность «эффективного контракта» позволяет использовать его и как средство удаления из трудового коллектива неугодных работников, практически не оплачивая их труд.

3. В настоящее время в российском образовании и науке рулят управленцы новой генерации – так называемые «эффективные менеджеры», которых историк, профессор Академии ФСБ А.М. Плеханов назвал «старательными дураками наших врагов»⁵¹. Жизнь в российском государственном вузе они выстраивают по образцу американского офиса: со слежкой за работниками (в электронном и «натуральном» виде), денежными штрафами и т.д. «Эффективным менеджерам» не дано понять, что вуз, а тем более, если он в статусе университета, – это не раскрашенные стены и даже не военная кафедра. Университет – это традиции и особая атмосфера благожелательности, творчества, доверия, уважения к преподавателям и понимания их роли в вузе.

Вузовская бюрократия, не задумываясь о качестве образования и вытесняя из вузов неудобную для нее профессуру, делает ставку на доцентов среднего по научным меркам возраста (от 40 до 50 лет), которым просто некуда деваться и которые безропотно выполняют все абсурдные требования. Однако всему есть предел, в том числе и физический.

4. Фактом является объективная неспособность бюрократии управлять наукой и образованием. Как может управлять наукой и образованием социальный слой, профессиональное сознание которого антинаучно по самой своей природе? Это обстоятельство наукой доказано и состоит в следующем.

Имманентно присущая бюрократии неэффективность управления исходно определяется ее искаженными представлениями о социальных ценностях и целях общественного развития. Действительная цель государства представляется бюрократии противогосударственной целью. Конечной целью бюрократия считает самое себя. Ориентируясь на бюрократические «цели», она вступает в конфликт с реальными целями общественного развития. Бюрократия выдает формальное за содержание, а содержание – за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, а канцелярские задачи – в государственные. Бюрократия подменяет реально поставленные перед ней цели своими собственными, бюрократическими целями. Маркс по этому поводу писал: «Так как бюрократия есть по своей *сущности* «государство как формализм», то она является таковым и по своей *цели*. Действительная цель государства представляется, таким образом, бюрократии противогосударственной целью... Бюрократия считает самое себя конечной целью государства. Так как бюрократия делает свои «формальные» цели своим содержанием, то она повсюду вступает в конфликт с «реальными» целями. Она вынуждена поэтому выдавать формальное за содержание, а содержание – за нечто формальное. Государственные задачи превращаются в канцелярские задачи, или канцелярские задачи – в государственные»⁵².

Антинаучность имманентно присуща бюрократическому сознанию: бюрократия неизбежно порождает внутри себя ложное сознание и ложную картину мира. «Знание», которым она обладает – это ложное знание. Подлинное знание бюрократией отвергается. «*Действительная наука*, – писал Маркс, – представляется бюрократу бессодержательной»⁵³. А раз так, бюрократия отторгает и носителей подлинного знания. Канадско-американский исследователь законов функционирования бюрократии Лоуренс Джонстон Питер указывает на то, что от носителей подлинного знания, то есть наиболее компетентных работников, всякая бюрократическая структура в обязательном порядке избавляется⁵⁴.

5. Не входит наука в систему ценностей и современной российской бюрократии. «Эффективные менеджеры», управляющие российским образованием, к науке относятся по меньшей мере пренебрежительно, а на самом деле – они ее уничтожают. В современной

России преподаватели вузов объективно лишены возможности заниматься наукой. На них возложена обязанность составлять никому не нужные, абсолютно бесполезные для учебного процесса «учебно-методические комплексы», «рабочие программы» и т.п., объемы которых исчисляются сотнями страниц, а изменение требований к ним со стороны бюрократического центра – это никогда не прекращающийся, «перманентный» процесс. Сейчас у преподавателей вузов нет времени не то что заниматься наукой, а просто перевести дух. В вузах пора создавать специальное подразделение, которое бы отработывало бюрократические требования, а преподаватели были освобождены для учебного процесса и науки⁵⁵.

Вузовская наука после организации в 2013 г. Федерального агентства научных организаций (ФАНО) осталась в ведении Министерства образования и науки Российской Федерации, которое так управляет вузовским образованием, что подавило науку. Ведь наукой в вузе занимаются не кто иные, как преподаватели. С образованием Министерства науки и высшего образования мало что изменилось.

Отдельно следует сказать о выдвинутой российским Министерством образования и науки заманчиво звучащей и внешне привлекательной идее «непрерывного образования», воплощение которой на практике сделало из аспирантов школяров. Эта идея разумна только внешне. В известной степени она рациональна для практических работников, но в таком виде она ничего нового в себе не несет. А вот для сферы науки она не годится и даже вредна. Министерские авторы и разработчики идеи «непрерывного образования» не учитывают важнейшего обстоятельства: сфера обучения («получения образования») и сфера создания нового знания (научного творчества) требуют от субъекта принципиально разных качеств. Для обучения нужно уметь усваивать чужое знание, для науки – создавать свое. Никаким «непрерывным образованием» ученого не создать: или способность к научному творчеству есть, или ее нет. Творческие способности в науке, разумеется, можно и нужно развивать. Но делается это не методом «непрерывного образования», а решением научно-исследовательских задач. Молодым ученым нужно создавать материальные и организационные условия для науч-

ной работы, а не отвлекать их от нее посещением многочисленных «занятий» с последующей сдачей зачетов и экзаменов.

6. Договор между верховной властью и бюрократией в той или иной мере присутствует в каждой стране современного мира. Здесь важны принципы, которые положены в основу такого договора. Суть молчаливого соглашения верховной власти и бюрократии современной России состоит в том, что российская бюрократия взяла на себя задачу держать население в узде (чего стоит одно только исчезновение профсоюзов из реальной жизни российского общества), а верховная власть, со своей стороны, предоставила бюрократии целый ряд серьезных привилегий, позволила очень многое. Такой привилегией является, в частности, особое пенсионное обеспечение работников государственных органов (не работников государственных организаций, а именно лиц, состоящих в государственных органах, т.е. во властной части государства). Закон о пенсионном обеспечении в современной России – это образчик неправового закона (пенсия судьи в 10 раз превышает пенсию профессора, который этого самого судью к профессиональной деятельности готовит). Страна, так относящаяся к материальному обеспечению профессуры и ученых вообще, ни на какой социальный «прорыв» рассчитывать не может.

К привилегиям современной российской бюрократии относятся разрешение со стороны верховной власти иметь начальникам государственных организаций непомерные «зарплаты» (в десятки и сотни раз превышающие размер оплаты труда рядовых работников)⁵⁶, введение «своей» меры уголовно-процессуального пресечения в виде «домашнего ареста» («коррупционная составляющая» которой беспредельна), практика юридической безнаказанности высокопоставленных бюрократов и их детей⁵⁷, «классовый» (в широком смысле этого слова) характер уголовного законодательства современной России и др. Не надо, например, быть семи пядей во лбу, чтобы понять, какие и чьи тайны охраняют нормы статьи 138.1 действующего УК Российской Федерации, о которой уже неоднократно ставился вопрос в российских СМИ⁵⁸, в том числе на встрече В.В. Путина с журналистами в декабре 2017 г. «Противодействие» коррупции в России следует начать с ликвидации этой статьи. Сам

факт ее существования заставляет усомниться в искренности деклараций бюрократии о борьбе с коррупцией.

Разросшийся бюрократический спрут – наиболее опасный внутренний враг государства. А если этот спрут еще и поражен коррупцией, то его опасность для общества возрастает многократно. Уступки бюрократическому спруту со стороны верховной власти опасны не только для населения страны, но и для самой верховной власти. А самое страшное то, что современная российская бюрократия душит рабочую часть социального организма – труд врачей, учителей, преподавателей вузов и др. Это общая закономерность злокачественного образования: уничтожать то, на чем паразитируешь.

Особый статус и всевластие бюрократии в современной России можно пытаться объяснить существованием в ней так называемой «либеральной оппозиции», поведение которой, действительно, нуждается в пристальном внимании российского государства. Но почему от засилья бюрократии должен страдать простой народ, который хорошо знаком с управленческой деятельностью псевдолибералов и на дух их не переносит? Ведь не российский народ строит им «ельцин- и гоголь-центры», а та же самая российская бюрократия. Правда, на народные деньги, которые можно было бы употребить с большей пользой для страны.

Опора верховной власти современной России на бюрократию была в определенной мере вынужденной. Однако наступает такой этап развития России и реформирования систем управления, когда опорой верховной власти должно быть непосредственно население страны, сам народ.

*Казгериева Э.В.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории
государства и права Института права, экономики и финансов
Кабардино-Балкарского государственного
университета им. Х.М. Бербекова*

Судебное понимание «конфликта интересов» (обзор практики Верховного Суда Российской Федерации)

В теории права сочетание «судебное понимание» не входит в научный оборот, поскольку сопряжено с иным содержанием «судебное толкование»⁵⁹. В свою очередь полагаем, что это не совсем справедливо, поскольку анализ судебной практики позволил выявить дифференцированное употребление в судебных актах Верховного Суда «судебного понимания» и «судебного толкования». Например, в апелляционном определении Верховного Суда Российской Федерации от 21 ноября 2018 г. прямо установлено, что «...действия, квалифицированные как вынесение неправосудного решения, к таковым отнести нельзя, так как под вынесением такого решения Конституционным судом понимается не все судопроизводство, а лишь его часть...»⁶⁰. Таким образом, Верховный Суд выделяет «судебное понимание» как отдельный прием судебного познания в числе других приемов. В других случаях, познавательные приемы в судебных актах прямо перечисляются, например, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 12 декабря 2012 г. установлено, что «...материальный закон, регулирующий спорное правоотношение, судом понят и истолкован верно...»⁶¹; в определении Верховного Суда Российской Федерации от 31 марта 2010 г. установлено, что «...решение является законным и обоснованным, материальный Закон, регламентирующий спорное правоотношение, судом понят и истолкован верно...»⁶² и т.д. Союз «и» в приведенных примерах, означает, что Верховный Суд Российской Федерации различает 2 разных познавательных приема: «судебное понимание» и «судебное толкование». В этой связи полагаем, что теоретическое определение и практический анализ «судебного понимания» является объективно необходимым.

В словарях, «понимание» определяется как универсальная операция мышления, связанная с усвоением нового содержания, включением его в систему устоявшихся идей и представлений⁶³. В психолингвистике понимание трактуется преимущественно как результат смыслового восприятия речевого сообщения⁶⁴. В свою очередь полагаем, что специфика судебного понимания заключается в том, что в процессе судебного правоприменения суд уясняет не только нормативный смысл, что является составной частью судебного толкования, но так же уясняет и фактические обстоятельства дела, что позволяет сделать вывод о том, судебное понимание это совокупность 2-х компонентов: судебное уяснение нормативных положений и судебное уяснение фактических обстоятельств дела.

Для иллюстрации судебного понимания как приема судебного познания, нами была проанализированна практика Верховного Суда РФ, связанная с рассмотрением дел о «конфликте интересов»⁶⁵. Итак, анализ судебной практики позволил выявить определенные основания для классификации судебного понимания «конфликта интересов»: потенциальность конфликта интересов; предотвращение конфликта интересов; возникновение информации о конфликте интересов; наличие признаков конфликта интересов; урегулирование конфликта интересов. Рассмотрим более подробно.

1. Первым основанием для судебного понимания является «потенциальность конфликта интересов» при понимании которого суд, как правило, выявляет «возможность или предполагаемость конфликта интересов». Например, в определении Верховного Суда РФ 26 ноября 2018 г. установлено, что «...спорные сделки были совершены в условиях потенциального конфликта интересов...»⁶⁶. В свою очередь анализ нормативных актов позволяет прийти к выводу, что формулировка «потенциальный конфликт интересов», нередко используется в законодательстве, но точного определения «потенциального конфликта интересов» в законодательстве нет. В этой связи следует констатировать затрудненное судебное понимание, поскольку отсутствует нормативное определение содержания «потенциального конфликта интересов».

2. Вторым основанием для судебного понимания является «предотвращение конфликта интересов», которое выражается в следующих составляющих: «избежание конфликта интересов»;

«предотвращение конфликта интересов»; «выявление причин повлекших конфликт интересов»; «недопущение конфликта интересов». Например, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 21 февраля 2007 г. установлена необходимость «... принимать меры по предотвращению конфликта интересов...»⁶⁷. Анализ нормативных актов позволил выявить, что вопросы «предотвращения конфликта интересов» регулируются в различных законах. Так, в статье 11.1. Федерального конституционного закона от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» устанавливаются «обязанности, налагаемые на членов Правительства Российской Федерации в целях предотвращения или урегулирования конфликта интересов»⁶⁸; в статье 12.3. Федерального закона от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» определяются «обязанности передачи ценных бумаг (долей участия, паев в уставных (складочных) капиталах организаций) в доверительное управление в целях предотвращения конфликта интересов»⁶⁹; в статье 15 Федерального закона от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах» закрепляются «меры, направленные на снижение рисков и предотвращение конфликта интересов»⁷⁰; в статье 30.1. Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» определяются «взыскания за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции»⁷¹; в статье 30.1. Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» регламентируются «взыскания за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции»⁷² и т.д. Таким образом, судебное понимание «предотвращения конфликта интересов» может быть затруднено, в связи с его нормативным многообразием.

3. Третьим основанием для судебного понимания является «возникновение информации о конфликте интересов», которое заключается в судебном понимании: «возникновения конфликта интересов», «выявления конфликта интересов», «информации о конфликте интересов», «порождении конфликта интересов», «причины и условия конфликта интересов» и др. Например, в определении Верхов-

ного Суда Российской Федерации от 16 августа 2019 г. «...суды указали, что информация о конфликте интересов между Обществом и его участником, членом совета директоров Г., ...была раскрыта заблаговременно»⁷³. Вместе с тем судебное понимание «информации о конфликте интересов основывается на большом количестве нормативных актов (информационно-справочная система выдает более четырех тысяч документов, которые содержат информацию о «конфликте интересов»), что в некоторых случаях затрудняет понимание суда об «информации о конфликте интересов».

4. Четвертым основанием для судебного понимания конфликта интересов является «наличие признаков конфликта интересов», которые определяются судом с помощью следующих компонентов: «связь с конфликтом интересов», «условия для конфликта интересов», «очевидность конфликта интересов», «не сообщение без уважительных причин о конфликте интересов», «неурегулированность конфликта интересов», «обусловленность конфликта интересов», «присутствие конфликта интересов», «отсутствие конфликта интересов», «признаки конфликта интересов» и т.д. Например, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 27 марта 2019 г. по делу № А53-6491/2018 установлено, что «...в кассационной жалобе общество просит о пересмотре судебных актов как незаконных вследствие неправомерного расширения установленных законодательством о контрактной системе признаков конфликта интересов...»⁷⁴. Обращает внимание тот факт, что в нормативных актах нет прямого указания на признаки конфликта интереса. В качестве таковых можно рассмотреть легальное определение закрепленное в ст. 10 Федерального закона «О противодействии коррупции», в соответствии с которыми выделяются только признаки конфликта интересов на государственной службе: наличие специального субъекта; наличие личной заинтересованности субъекта; влияние или возможность влияния личной заинтересованности на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение лицом его должностных обязанностей⁷⁵. Но, судебное понимание признаков конфликта интересов конкретизируется в каждом отдельном случае.

5. Пятым основанием является судебное понимание «урегулирования конфликта интересов», которые содержат информацию о «выводах о конфликте интересов», «попытках устранения конфлик-

та интересов», «порядка разрешения конфликта интересов» и т.д. Например, в определении Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2010 г. по делу № 3-116/09 установлен, «... период урегулирования конфликта интересов при отстранении от замещаемой должности государственной гражданской службы...»⁷⁶. В свою очередь, «порядок урегулирования конфликта интересов» так же закрепляется во многих нормативных актах. Например, в статье 11.1. Федерального конституционного закона от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» определяются «обязанности, налагаемые на членов Правительства Российской Федерации в целях предотвращения или урегулирования конфликта интересов»⁷⁷; в статье 30.1. Федерального закона от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» определены «взыскания за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции»⁷⁸; в статье 30.1. Федерального закона от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» регламентируется «взыскания за несоблюдение ограничений и запретов, требований о предотвращении или об урегулировании конфликта интересов и неисполнение обязанностей, установленных в целях противодействия коррупции»⁷⁹ и т.д. Таким образом, в нормативных актах, как правило, предусматривается «урегулирование конфликта интересов» в отношении государственных и муниципальных органов, но нет упоминания о порядке разрешения конфликта интересов иных юридических лиц, например некоммерческих организаций.

Таким образом, проведенный краткий теоретический анализ практики Верховного суда Российской Федерации позволил прийти к выводу о наличии проблем в судебном понимании «конфликта интересов», который заключаются как в недостаточном нормативном регулировании, так и многообразном нормативном закреплении «конфликта интересов».

Рябцева Е.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры организации судебной
и правоохранительной деятельности
Российского государственного университета правосудия

Сущность конфликта интересов в судебной деятельности

Понимание сущности того или иного явления, возникающего в правоотношениях, возможно посредством определения тех категорий, с которыми связано его возникновение, существование и/или прекращение. В философии «категории» – это наиболее общие понятия, отражающие существенные, всеобщие свойства, закономерные связи и отношения явлений действительности и познания⁸⁰.

Рассматриваемая дефиниция «конфликт интересов» тесно связана с такими категориями как «социальный конфликт», «юридический конфликт», «правовой конфликт» и т.д.⁸¹

Конфликт интересов в общественных отношениях всегда рассматривается через социальное взаимодействие между определенными субъектами, которое возникает на основании противоположно направленных мотивов. Следовательно, сущность конфликта интересов можно определить через социальный конфликт.

Анализ теоретических исследований конфликта интересов позволяет определить несколько направлений, объясняющих сущность рассматриваемого явления.

Первое направление связано с формированием представлений о конфликте интересов как позитивном явлении в социальных отношениях. Впервые философы древности сформировали представление о конфликте интересов как элементе отношений и взаимосвязей между различными социальными группами. При отсутствии системного подхода к рассматриваемой проблеме представления о конфликте интересов носили эпизодический характер.

Конфликтология, как относительно самостоятельное направление теоретических исследований появилась в индустриальную эпоху. Немецкий социолог, Г. Зиммель, с именем которого исследователи связывают введение в научный оборот термина «социальный конфликт», считал его неизбежным и универсальным явлением, которое обеспечивает развитие общества и государства. Основные пози-

тивные свойства конфликта, как считал исследователь, заключаются в коммуникативности и информативности, что обеспечивает процессе взаимодействия в социуме. Потенциально позитивные функции конфликта, в случае межгруппового взаимодействия, преимущественно связаны с тем, что конфликт приводит к установлению более четких границ между различными социальными группами; формированию системы управления; оптимизации правового регулирования социальных отношений. Благодаря многообразию социальных взаимодействий общество приобретает разные возможности и условия для развития и трансформируется. Таким образом, по теории Г. Зиммеля, конфликт выполняет важную позитивную функцию в общественном процессе⁸².

Среди основоположников теории социальных конфликтов в рамках данного направления необходимо обратиться к работам американского социолога Л. Козера и немецко-британского социолога Р. Дарендорфа. Они сформулировали конфликтологическую парадигму в социологии, посредством рассмотрения конфликта как универсального и во многих случаях позитивного фактора, динамизирующего социальные перемены и поддающегося рационально-институциональному регулированию⁸³. Общество как сложную, иерархическую организованную систему, исследователи связывали с механизмом перераспределения власти, авторитета, в которой конфликт представлял собой закономерный результат любой системы отношений власти (авторитета), поскольку власть всегда является значимым и ограниченным социальным ресурсом.

Второй подход определяет конфликт как негативное социальное явление. Всестороннее изучение конфликта интересов посредством дополнительной конкретизации теории конфликтологии, определении проблемных вопросов управления конфликтом интересов, наиболее системно стало изучаться в новейшей истории (информационная эпоха). Американский теоретик социолог Т. Парсонс⁸⁴, основоположник современной теоретической социологии структурного функционализма, обосновал вывод о том, что, если в системе или подсистеме нарушается какая-либо функция, это вызывает дестабилизацию и дезорганизацию всего общества, порождает конфликты. Ученый был убежден, что между всеми элементами общества нужно стремиться поддерживать бесконфликтные отношения, рав-

новесие и сотрудничество. Он обосновал идею «социального порядка», в которой над конфликтом доминирует достижение консенсуса в структуре отношений и общества.

Немецкий ученый К. Маркс считал, что конфликт в обществе является неизбежным явлением из-за разделения людей на различные классы в соответствии с их положением в экономической системе. Марксистская теория социального конфликта определяет в качестве главной и единственной причины возникновения любого социального конфликта существующие экономические отношения. При таком обосновании социальный конфликт имеет только одну цель-стремление к контролю над дефицитными ресурсами⁸⁵.

Современные исследования теорий социальных конфликтов во многом представляют собой интеграцию взглядов, исключающих восприятие социального конфликта только как позитивное или негативное явление в общественных отношениях. Социальные конфликты порождаются самой природой общественной жизни, являются способом взаимодействия социальных групп, препятствующих оптимальному развитию общественных отношений. Его наличие свидетельствует о нарушении коммуникативных социальных связей в обществе и государстве, наличии объективных и субъективных противоречий между сторонами общественных отношений⁸⁶.

В сфере публично-правовых отношений социальные конфликты особенно остро проявляются, поскольку негативно влияют на целостность государственного управления, препятствует взаимодействию общественных институтов, граждан и органов государственной власти.

Категория конфликта интересов в деятельности государственных органов стала сравнительно недавно исследоваться в российской правовой науке.

В России исследования конфликта интересов в публичных правоотношениях активно проводятся после закрепления данного термина в законодательстве о государственной службе⁸⁷. Однако такие исследования конфликта интересов практически не затрагивают судебную деятельность.

Анализ законодательства, правоприменительной практики, а также теоретических исследований по проблемам, связанным с возникновением и урегулированием конфликта интересов, позво-

ляет выделить несколько направлений в его определении в деятельности судьи.

Во-первых, конфликт интересов как коррупционные проявления в поведении судьи.

Во-вторых, конфликт интересов как одна из причин злоупотребления полномочиями судьей, связанными с осуществлением правосудия, но не являющиеся коррупционными правонарушениями⁸⁸.

В-третьих, конфликт интересов как причина непосредственного нарушения этических норм в служебной и внеслужебной деятельности судьи.

Введение категории конфликта интересов в сферу публичного управления некоторые исследователи связывают с необходимостью предупреждения коррупционного поведения⁸⁹.

В настоящее время государства реализуют различные антикоррупционные стратегии. Практически все они характеризуются акцентом на публичную сферу (США, Великобритания, Канада, Германия, Япония, Китай, Сингапур, страны СНГ и Балтии, а также в другие государства). В качестве одних из основных мер по противодействию коррупции рассматриваемыми странами применяются меры, направленные на предотвращение и урегулирование конфликта интересов лиц, работающих в публично-правовой сфере и т.п.⁹⁰

Российское антикоррупционное законодательство также связывает коррупцию с конфликтом интересов. В ФЗ «О противодействии коррупции» содержится определение «конфликта интересов» и смежных с ним понятий. Однако законодательно не определяется соотношение понятий «коррупция» и «конфликт интересов».

В юридической литературе, посвященной вопросам противодействия коррупции, исследователи поразному определяют соотношение данных понятий.

Представляется обоснованным рассматривать конфликт интересов как один из коррупционных рисков. Конфликт интересов может привести к возникновению коррупционного правонарушения, то есть являться причиной для рассматриваемого негативного явления. Но во всех случаях установление прямой зависимости между конфликтом интересов и коррупцией выделить нельзя. Конфликт интересов является тем коррупционным риском, который приводит

к возникновению коррупционных правонарушений либо создает реальную угрозу совершения таких правонарушений.

Помимо коррупционных правонарушений конфликт интересов может стать причиной злоупотребления правом со стороны судьи.

Конфликт интересов носит деликтологический характер. Проявления конфликта интересов распространены в формах уголовного преступления, административного правонарушения, гражданско-правового деликта, а также дисциплинарного проступка. Но при этом ни Уголовный кодекс России, ни Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях не содержат указание на конфликт интересов, как один из обязательных или факультативных признаков состава соответственно преступления /административного правонарушения.

В тоже время практика привлечения судей свидетельствует о том, что конфликт интересов влечет возбуждение дисциплинарного производства и наложение дисциплинарных взысканий.

Оценка наличия или отсутствия конфликта интересов на практике происходит на основании тех фактов, которые оцениваются с точки зрения соблюдения или нарушения судьей или государственным гражданским служащим аппарата суда требований, предъявляемых к их служебному поведению и поведению во внеслужебное время. Такая оценка осуществляется через этические нормы, в частности закрепленные в Кодексе профессиональной этики судей.

Использование понятия «конфликт интересов» при рассмотрении различных правовых, социальных и других категорий приводят некоторых ученых к необоснованному выводу о том, что конфликт интересов имеет комплексную юридическую и этическую природу²¹.

Являясь онтологически неоднородным элементом государственной деятельности, в том числе судебной, конфликт интересов не может иметь ни правовую, ни этическую природу. Существование рассматриваемой категории не обеспечивается правовым регулированием, а также не поддерживается этическими нормами. Наоборот, правовое регулирование направлено на предотвращение возникновения конфликта интересов, устранение негативных последствий в случае его возникновения.

Шабаева О.А.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры административного и финансового права,
Иркутский государственный университет,
Юридический институт

Право в условиях цифровой реальности: постановка проблемы и определение сфер конфликтности

Формирование огромных информационных массивов, развитие цифровых технологий и их внедрение в сферы общественной жизни, рост объема информации, и иные факторы, неизбежно привели к появлению «цифровой» реальности. Можно с уверенностью отметить, что общество вступило в эпоху «цифровых технологий». В этой связи происходит трансформация всей системы права.

Верно отметили Т.Я. Черногор и Т.Я. Хабриева, что в условиях новой реальности право становится не только средством, инструментом, обеспечивающим «цифровизацию» экономики, управления и других сегментов социального бытия, но и объектом воздействия «цифровизации», в результате которого оно претерпевает изменения своей формы, содержания, системы, структуры, механизма действия и демонстрирует тенденцию к усилению наметившихся трансформаций»²².

Исходя из современной объективной реальности, существующих положений законодательства, хотелось бы рассмотреть влияние процесса информатизации на правовую сферу и затронуть некоторые вопросы взаимодействия права и информатизации, переход к автоматизированному интеллекту, а также поговорить о сферах конфликтности. Развитие информационных технологий приводит как к количественным изменениям в связи с увеличением объема использования цифровых технологий в жизни человека, так и к качественным в связи с увеличением влияния этих технологий на процессы жизнедеятельности, а равно изменение общественного мировоззрения, определяющего место цифровых технологий в современной жизни.

В науке России ведутся дискуссии, направленные на поиски оптимальных решений, которые сопряжены с применением цифровых технологий в области публичного управления, финансов, создания

искусственного интеллекта²³. Отметим, что в условиях интенсивной цифровизации происходит трансформация сферы правового регулирования.

Цифровизацией является некий переход с аналоговой формы передачи информации на цифровую. Она влияет на сферу правового регулирования, в которую входят общественные отношения, которые ранее не существовали или не требовали регулирования. Примером таких общественных отношений являются: отношения, складывающиеся по поводу информации, цифровых технологий; отношения, субъектами которых являются цифровые «личности»; отношения, возникающие в результате реализации прав человека в виртуальном пространстве и иные общественные отношения. Благодаря процессу информатизации меняется содержание и подходы правового регулирования и, думается, что еще необходимо некоторое количество времени для того, чтобы конкретно выявить положительную или отрицательную сторону данного процесса.

С использованием информации появляются новые правовые отношения – правовые отношения в информационной сфере. В связи с этим основным объектом этих правоотношений является информация. Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» дает понятие информации как сведения (сообщения, данные) независимо от формы их представления²⁴.

Верно подметили С.Г. Чубукова и В. Д. Элькин, что на сегодняшний день потоки социально-правовой информации, обрушивающиеся на юриста, требуют от него владения информационными технологиями, справочно-правовыми системами, юридическими экспертными системами, современными программами и техническими средствами защиты информации, электронной цифровой подписью, информационными технологиями, лежащими в основе функционирования современных компьютерных сетей и глобальной сети Интернет²⁵.

Уже сейчас можно утверждать, что информатизация способствует совершенствованию процесса правотворчества – современные технологии позволяют быстро и эффективно осуществлять сбор статистических данных, на основании которых выявляются пробелы и коллизии в нормах права; совершенствованию правоприменения –

необходимый информационный инструментарий позволяет правоприменителю точно установить факты по делу, которые в дальнейшем могут сыграть большую роль в процессе квалификации и применения нужной нормы; повышению уровня правосознания и правовой культуры населения путем использования информационно-правовых систем (например, «КонсультантПлюс» «Юрист»).

Процесс информатизации права лишь только начался и твердо утверждать о его положительных или отрицательных качествах еще пока невозможно. Можно лишь наблюдать за ним и делать промежуточные выводы на протяжении условных сроков. Думается, что сам процесс взаимодействия права и информатизации (как процесса) не несет в себе отрицательных несоразмерных получаемому опыту последствий. Право развивается, приобретает новые формы, источники закрепления, а это все способствует становлению более модернизированной правовой системы.

Современный мир изменился и как следствие право стремительно меняется. Появились совершенно новые понятия и реалии, например искусственный интеллект. Некоторые эксперты утверждают, что всего через лет 20 из-за развивающихся информационных технологий и искусственного интеллекта отпадет необходимость в управлении человеком автомашинами и самолетами, юристы останутся без работы, поскольку все спорные правовые вопросы компьютер станет обрабатывать в сотни раз быстрее и точнее ²⁶.

В настоящее время во многих общественных отношениях используется искусственный интеллект, например, совершение банковских операций, осуществляемых в онлайн-режиме, использование электронной библиотеки.

Думается, что в современной России появление искусственного интеллекта для реализации функций судьи не заставит себя долго ждать. Этот процесс постепенно становится все более и более реальным к осуществлению. Другое дело, как это повлияет на результаты рассмотрения дел и массового сокращения граждан с рабочей должности?

Если обратиться к опыту правового регулирования стран Европы, то там данный вопрос продвинулся чуть дальше. Роботы и компьютеры все больше берут на себя физический и умственный труд человека. Они будут полезными в такой сфере, как правосудие, где нуж-

но обрабатывать большие объемы информации, принимать сложные решения. Но возникают сомнения в способности электронного мозга к уважению основных прав, защите данных, справедливому разбирательству. Учитывая это, Совет Европы принял первую Этическую хартию искусственного интеллекта в судебных системах⁹⁷.

Общественные отношения, связанные с искусственным интеллектом, получили правовое регулирование, а значит, к вопросу подошли уже и с юридической точки зрения. Бесспорно, искусственный интеллект существенно сократит затраты государства на обеспечение заработной платой, социальными расходами и иными выплатами, которые гарантируются работнику. К тому же, появится огромное количество времени, которое можно уделить наиболее важным задачам. Однако, в случае перехода к кибер-субъекту, государство не избавляет себя от его главной задачи – обеспечение нормального функционирования общества. Человек все также будет нуждаться в определенных условиях своего существования.

Представляется, внедрение искусственного интеллекта в правосудие – процесс, не предвещающий особых положительных моментов. Несомненно, это один из этапов технологического процесса, но все же человек в этом случае является константой, заменить которую искусственному интеллекту не по силам.

Отдавая должное искусственному интеллекту, необходимо отметить, что в связи с внедрением его в современную жизнь начали возникать и ряд проблем. Так, 18 марта 2018 г. в Темпе, штат Аризона (США) во время испытаний в ночных условиях беспилотный автомобиль Uber сбил пересекавшую дорогу велосипедистку. Позднее женщина умерла в больнице от полученных травм. Это первая смертельная жертва беспилотного авто. До сих пор подобных инцидентов не случалось, хотя машины без водителей успели проехать уже несколько миллионов километров. Событие может серьезно повлиять на развитие индустрии беспилотных авто. С точки зрения права возникает вопрос, кто и как будет нести ответственность за причинение смерти по неосторожности? И это серьезный вопрос в разрезе того, что в ближайшем будущем ситуация с числом жертв беспилотников начнет меняться. Массовое внедрение, несомненно, будет сопровождаться ошибками – пусть и более редкими, чем у людей. В этот момент летальные ДТП по вине беспилотников будут

случаться все чаще и чаще, просто потому, что парк автомашин с беспилотным управлением растет очень быстро. И такая печальная статистика просто неизбежна. С юридической точки зрения виновником в ДТП будет производитель оборудования, но только если он не оговорил отказ от ответственности. Юридическая общественность уже давно ожидают подобных превентивных мер юридической защиты от тех, кто создает автопилоты. Вероятно, мы увидим такие соглашения уже в ближайшие пару лет (по материалам периодической печати).

Правоотношения в информационной сфере все чаще становятся предметом преступного посягательства. Доказать данные преступления довольно сложно, поскольку это требует определенной процедуры. Наказаниями за эти преступления являются: штраф, лишение права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью, исправительные работы, принудительные работы, ограничения свободы и лишения свободы.

В современном обществе вопросам обеспечения информационной безопасности уделяется огромное внимание, что можно подтвердить принятием ряда международно-правовых документов, таких как Окинавская хартия глобального информационного общества, Декларация принципов информационного общества, итоговые документы Всемирной встречи на высшем уровне по вопросам информационного общества в декабре 2003 г. в Женеве и в ноябре 2005 г. в Тунисе, а также Доктрина информационной безопасности Российской Федерации и ряд других.

Система информационной безопасности в РФ должна обеспечивать сохранение государственной и других тайн, защищать информационные ресурсы и информационно-телекоммуникационную инфраструктуру от воздействия информационного оружия, угроз информационного терроризма и криминала⁹⁸. В настоящее время информация является не только ценным ресурсом, но и опасным стратегическим оружием. Поэтому каждое современное государство уделяет внимания обеспечению должного уровня информационной безопасности.

Современное законодательство по регулированию и защите информации слабо развито в России и в связи с этим требуется систематизировать его, избавиться от повторов и привезти его аппарата

в стройную и согласованную систему. Возможно, одним из действительно верных способов усовершенствовать информационное законодательство будет принятие Информационного кодекса Российской Федерации. Данный кодекс мог бы обобщить все нормативно-правовые акты, касающиеся информационного законодательства, а также закрепить положения об искусственном интеллекте.

Таким образом, можно выделить 3 сферы конфликтности: в области правового регулирования информационной безопасности – конфликт интересов государства и человека (по поводу восприятия информации как предмета общественных отношений); конфликт в сфере общественных отношений по присвоению информации (информация как товар); конфликт в сфере информационной безопасности отдельных видов информации, например, персональные данные, государственная тайна (информация как угроза).

Подводя итог, можно с уверенностью сказать, что цифровые технологии, применяемые в праве, полностью или частично меняют его. Право в условиях цифровой реальности изменяет свою природу, а также предъявляет новые требования к правовой науке и юридической практике. В частности, это касается разработки эффективных средств и способ регулирования различных областей общественной жизни. Главная задача юристов – это придать этой реальности правовую форму.

*Кирдяшова Е.В.,
кандидат юридических наук, доцент кафедры
теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Цифровые технологии как средство нарушения прав человека

1. Нет сомнения, что цифровые технологии могут благотворно сказываться на обеспечении прав и законных интересов индивида. Все мы осуществляем социальное взаимодействие путем обмена самой разнообразной информацией, а новые средства ее поиска, получения, передачи, производства, хранения и распространения позволяют сделать этот процесс гораздо более эффективным. Это относится ко всем сферам жизни общества, поэтому нет ничего удивительного, что даже государство использует цифровые технологии для общения с населением, все активнее отказываясь от привычных личных контактов.

2. Однако цифровые технологии приносят человечеству не только благо, поскольку цели и способы их использования вовсе не обязательно являются положительными с точки зрения общества. Уголовное, административное, налоговое и даже гражданское законодательство пополняется новыми видами правонарушений и новыми мерами по их предупреждению. Еще не так давно активно обсуждалась история по продаже квартиры с использованием цифровой подписи другого человека, полученной вместо него злоумышленником. В итоге последовала запоздалая реакция со стороны государства, итогом которой стала необходимость заблаговременного письменного сообщения заинтересованного лица о желании заключать соответствующие сделки путем использования цифровой подписи. Однако, как обычно, это правило было обусловлено чьим-то горьким опытом, а хотелось бы более продуманного законодательства, которое не позволяло бы появляться сопутствующим негативным явлениям. Причем интенсификация жизни, вызванная внедрением новых технологий, фактически вызывает такую же интенсификацию ее оборотной стороны, и государство должно постоянно держать руку на пульсе.

3. Поговорить, однако, хотелось бы не о тех вариантах использования цифровых технологий, которые государство рассматривает в

качестве правонарушений. Не менее опасными представляются модели включения цифровых технологий в общественную жизнь и государственно-правовую жизнь в частности, а именно вытеснение ими ранее существовавших способов связи с населением, а иногда и просто их замещение.

4. Между тем ст. 29 Конституции РФ закрепляет право каждого человека свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом, а также гарантирует свободу мысли и слова. Аналогичную свободу оборота информации предусматривают международно-правовые акты. Всеобщая декларация прав человека 1948 года в принадлежащее человеку право на свободу убеждений и на их свободное выражение включает в том числе свободу беспрепятственно придерживаться своих убеждений и свободу искать, получать и распространять информацию и идеи любыми средствами и независимо от государственных границ. Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 года, предоставляя человеку право на свободное выражение своего мнения, подразумевает свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно, или посредством печати, или художественных форм выражения, или иными способами по своему выбору (ст. 19). Таким образом, ограничения на способ получения, передачи, производства или распространения информации могут быть установлены только законодательно.

5. По факту же все чаще получается, что цифровые технологии становятся единственными средствами оборота информации. Например, используемый Правительством Москвы проект «Активный гражданин», позиционируется как «проект для тех, кому важно, что происходит в городе» и «создан как площадка для проведения среди различных групп москвичей голосований в электронной форме по вопросам городского развития (т.н. электронных референдумов (онлайн-голосований)). За пять лет работы на проекте проведено 4188 голосований и реализовано более 3000 решений. Беда только в том, что активность гражданина почему-то видится исключительно в интернет-пространстве (хотя оно не признано единственным законным средством обмена соответствующей информацией). А если обратиться к количеству участников проекта,

картина становится еще более грустной. На 22 ноября 2019 году участниками проекта является 2 619 862 человека (что, если верить самому оптимистичному сайту проекта, сопоставимо «с населением таких стран, как Латвия или Словения»).

Москву, однако, как и Российскую Федерацию в целом, вряд ли необходимо сопоставлять с указанными государствами. Население Москвы по официальным данным Росстата на 1 июля 2019 года составляет 12 635 800 человек. Если говорить о количестве зарегистрированных избирателей, то их примерно 7,2 млн человек. Таким образом, даже если предположить, что все зарегистрированные на портале «Активный гражданин», включены в списки избирателей, при проведении голосований остаются неучтенными голоса более чем 4,5 млн москвичей (то есть практически 2/3). Они могут даже не предполагать (и скорее всего, и не предполагают), что в данный момент кем-то решается важный для них вопрос, если не воспользуются электронными ресурсами. Однако человек не обязан контактировать с городскими властями исключительно посредством цифровых технологий, более того, у него может просто не быть соответствующей техники, но разве это означает, что его можно просто не замечать, относя к категории «неактивных», поскольку он сам не в состоянии найти нужную информацию, ввиду распространения ее властью единственным способом – через интернет?

6. Статьей 7 Устава города Москвы предусмотрено, что основная цель осуществления власти – обеспечение прав и свобод человека и гражданина, экономического, социального и культурного развития города Москвы в интересах населения города Москвы. При этом к формам непосредственной демократии, используемым в Москве, Устав относит консультативные опросы и иные способы выявления мнения граждан, которые могут проводить Московская городская Дума, Мэр Москвы, Правительство Москвы, территориальные органы исполнительной власти города Москвы по вопросам жизни города и органы местного самоуправления – по вопросам местного значения. В свою очередь Закон города Москвы «О консультативном опросе граждан в районе города Москвы» фиксирует принцип участия жителей города Москвы в опросе на основе равного и прямого волеизъявления, а также исходит из принципов свободного участия в опросе, открытых и гласных подготовки, проведения и установле-

ния результатов опроса (ст. 4). Никаких ограничений по поводу способа выражения мнений (исключительно через интернет-ресурсы, например) ни один из указанных актов не устанавливает.

7. Как следует из Постановления Правительства Москвы от 27 февраля 2018 года № 117-ПП «О проекте «Активный гражданин»» он введен в действие «в целях обеспечения возможности выявления и учета мнения жителей города Москвы при исполнении органами исполнительной власти города Москвы установленных полномочий и выполнении подведомственными организациями возложенных функций».

Информация о реализации проекта размещается на официальном сайте Мэра и Правительства Москвы, а также на сайте самого проекта в информационно-телекоммуникационной сети Интернет (п. 3 Положения). Таким образом, само положение даже не предполагает каких-то иных способов распространения информации, без какого-либо обоснования отдавая предпочтение только одному. Доступ к информационно-телекоммуникационной сети Интернет в целях участия в проекте, в том числе для участия в голосовании, опросе, выражения мнения и (или) проставления оценки, обеспечивается участниками проекта самостоятельно посредством компьютеров, мобильных устройств и (или) посредством обращения в центры общественного доступа многофункциональных центров предоставления государственных услуг – филиалов ГБУ города Москвы «Многофункциональные центры предоставления государственных услуг города Москвы» (п. 8). То есть, Правительством предполагается, что, если у тебя нет собственного выхода в интернет, ты можешь воспользоваться услугами МФЦ. Но как узнать, что пришла пора? И почему ты должен только посредством интернета добывать информацию об открытой деятельности государственных органов и затеваемых ими опросах, голосованиях и референдумах?

8. Никаких реально замещающих или дублирующих проект средств контактов с населением Правительство Москвы не использует (однако, находит в т.ч. бюджетные средства для поощрения «активных граждан» – через транспортные услуги, парковки, сувениры, посещение мероприятий и пр.) (п.п. 13–18 Положения), что, с одной стороны, несколько похоже на подкуп участников, а с другой, приводит к участию в проекте не потому что тебя действительно

волнует жизнь в городе, а для получения какой-то личной меркантильной выгоды вообще не имеющей отношения к проекту. При этом в московских дворах и подъездах ежегодно обновляют информационные стенды, сообщающие о чем угодно, кроме того же «Активного гражданина» и проводимых голосованиях.

9. Представляется, что до тех пор, пока законодательно не будет определен единственно возможный способ обмена информацией (и, надеясь, что этого никогда не произойдет), государственная власть должна не просто не исключать иные способы взаимодействия с населением, но и содействовать их осуществлению не умаляя достоинства любой известной системы коммуникации. В этом случае свобода поиска, получения, производства и распространения информации, а, соответственно, и народовластие в жизни города станут реальными.

*Жилинская В.С.,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель
кафедры теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Принцип демократизма законотворчества в свете конфликта частного и публичного интересов

При перечислении основных принципов законотворчества одним из первых всегда называется принцип демократизма. Многие авторы, характеризуя его, называют в первую очередь такие признаки, как активное участие населения в законотворчестве и легитимности каждого принимаемого закона, то есть одобрения его теми, в отношении кого он будет действовать.

Однако, сопоставляя этот принцип с реальной процедурой законотворчества, невозможно игнорировать порожденные подобным подходом вопросы и сложности.

Первый и очень важный вопрос состоит в том, а должно ли, собственно, население участвовать в принятии законов, и если должно, то в какой мере?

Чрезмерная абсолютизация демократических идей может привести к соблазну устроить из законотворческой процедуры нечто подобное народному собранию Древних Афин или во многом утопичным по своей сути идеям Руссо.

Превратное понимание принципа демократизма в правотворчестве может привести к выводам, что чуть ли не каждый закон должен приниматься путем референдума или, как минимум, перед принятием активно обсуждаться с населением, чтобы затем можно было смело признать его легитимным.

Утопичность данного подхода довольно очевидна. Даже если не принимать в расчет специализированное законодательство, рассчитанное не узкую целевую аудиторию, все равно остается очевидной некомпетентность большинства населения в законодательной сфере.

К примеру, гражданский или уголовный кодексы рассчитаны на предельно широкую аудиторию, и в идеале записанные в них нормы должны быть понятны любому адресату, независимо от его ин-

теллекта, образования и уровня правосознания. Но доступность понимания заложенных в законе норм практически для любого человека, не делает этого абстрактного "любого человека" компетентным в принятии данных норм.

Понимать закон и создавать закон – совершенно разные вещи. Именно поэтому привлечение широких слоев населения к обсуждению того или законопроекта далеко не всегда себя оправдывает и уж точно не должно восприниматься, как обязательное условие правотворческой процедуры.

Как правило, население привлекается к обсуждению законопроектов именно с целью придания им легитимности. И чаще всего это касается непопулярных проектов, которые обречены по принятию вызвать в обществе негативный резонанс. Во-первых, таким образом убирается эффект негативного шока, население психологически подготавливается к нежеланным переменам в течении более-менее длительного периода времени. Во-вторых, у подвластных создается иллюзия влияния на процесс принятия закона.

Само по себе обсуждение законопроекта в средствах массовой информации призвано убедить народ в том, что с ним советуются, его мнение важно и будет учтено. Излишне говорить, что так вовсе не обязательно должно быть. На самом деле законодатель не связан мнением общественности. Оно может быть как учтено, так и проигнорировано.

Игнорирование общественного мнения не является нарушением принципа демократизма. Напротив, если бы учет этого мнения стал бы обязательным, нарушался бы другой принцип правотворчества – принцип профессионализма. Основная масса населения просто не может быть компетентна в каждом вопросе, по которому принимается тот или иной закон. Невозможно быть профессионалом во всех сферах, не говоря уже о том, что участие в правотворчестве требует специальных юридических знаний.

В массовом сознании компетентность подменяется заинтересованностью в предмете принимаемого закона. Может сложиться мнение, что если закон непосредственно затрагивает права, свободы или обязанности народа, то народ просто обязан принять участие в его создании, чтобы иметь возможность отстоять свои интересы.

И тут возникает еще одна проблема, даже более серьезная, чем отсутствие должной компетентности населения в вопросах законодательства. Это проблема подмены объективной ценности принимаемого закона для всего общества частными интересами его отдельных членов.

Общее благо далеко не всегда можно свести к сумме индивидуальных благ. Многие правовые акты, имеющие целью, к примеру, вывод государства из экономического кризиса, предполагают, как минимум, временное ущемление интересов частных лиц.

Примером могут служить печально известные законы о повышении пенсионного возраста, волна которых в последнее десятилетие прокатилась по всей Европе, не миновав и Россию. Эти крайне непопулярные законы призваны не навредить населению европейских государств, не ущемить права граждан, а предотвратить экономический кризис, сложившийся из-за того, что на работающее население с каждым годом возлагается все более тяжкое бремя по содержанию людей, достигших пенсионного возраста.

С учетом некоторой специфики ситуации в нашей стране, предпочтительнее разобрать отношение к такого рода законам на примере более благополучных европейских государств. Повышая там пенсионный возраст, законодатель исходил из того, что при высокой продолжительности жизни и более чем достойных размерах пенсионного обеспечения, довольно большая часть населения долго и благополучно живет за счет работающего населения. С учетом демографических проблем и сокращения численности молодого населения, работающим достаточно тяжело нести такое бремя.

То есть для экономики в целом ситуация складывается крайне невыгодная. При этом отдельных индивидов, напротив, ранее действовавшая система вполне устраивала, о чем можно судить из большого количества ярких протестов против законодательства, повышающего пенсионный возраст.

Рядовой гражданин, как правило, не дает себе труда задуматься о сложности экономических процессов, об общем благе, об интересах будущих поколений. В первую очередь он видит явную невыгодность собственного положения. Очень часто абстрактное общее благо меркнет на фоне вполне конкретного попраения интереса отдельного индивида. Следовательно, наивно ожидать от населения, что

оно будет подходить к обсуждаемым законопроектам не с позиций собственного кровного интереса, а с позиций блага для государства.

Если же нельзя быть уверенным, что народ предпочтет наиболее оптимальный и справедливый вариант, то насколько логично абсолютизировать его мнение и считать, что оно может быть навязано законодателю?

Конечно, такой подход неминуемо выводит нас на проблему злоупотребления властью. Мол, если не дать народу влиять на законодателей и принимаемые законы, заботясь о собственных интересах, то о каких правах и свободах может идти речь?

Определенная логика в этих возражениях есть, учитывая, что основным источником власти в большинстве государств считается народ. Однако непосредственно участвовать в управлении государством народ может только через институты прямой демократии, в первую очередь путем референдума. При этом совершенно очевидно, что устраивать референдумы по каждому законопроекту нецелесообразно даже в маленьких государствах с невысокой плотностью населения. Тогда как для государств с обширной территорией и большой численностью населения частое проведение референдумов совершенно немыслимо.

Но можно ли сказать, что если народ не принимает решение по каждому законопроекту и даже не каждый раз пользуется правом совещательного голоса, то его власть не реализуется, а принцип демократизма не соблюдается? Представляется, что подобный вывод был бы неверным. Народ реализует свою власть, в том числе в законодательной сфере, посредством институтов представительной демократии.

Выбирая парламентариев, население уже реализует принцип демократизма. Народ по сути создает парламент и вручает ему полномочия на создание законов. В дальнейшем законодательные органы, сформированные путем выборов, вправе принимать законы, не советуясь с теми, кто их избрал.

Это не значит, что мнением населения ни в коем случае не стоит интересоваться. Это значит лишь, что такое мнение нельзя считать обязательным и воспринимать, как наказ для законодателя.

Грамотный взвешенный учет позиции подвластных относительно будущего закона может позволить обеспечить максимально эффек-

тивное действие этого закона. Но такой учет должен делаться не с целью популяризации того или иного закона, а в первую очередь с позиций общего блага. Именно этот критерий должен лежать в основе решения законодателя о том, стоит ли принимать в расчет мнение народа или нет.

Подобная позиция лишь на первый взгляд кажется противоречащей принципу демократизма, на деле же является его реализацией. Народ выбирает парламент, парламент принимают законы от имени народа. В этом суть парламентаризма и представительной демократии.

Таким образом, можно прийти к выводу, что принцип демократизма реализуется уже за счет существования выборности основных законодательных органов.

Однако, как говорилось выше, это вовсе не означает, что власть совсем не должна советоваться с народом относительно принимаемых законопроектов, не должна принимать в расчет его мнение. Традиция размещать законопроекты, потенциально способные вызвать большой резонанс в обществе, в средствах массовой информации и на интернет-ресурсах является дополнительным аспектом принципа демократизма.

Так, например, Конституция СССР 1977 года проходила всенародное обсуждение. Проект Конституции был опубликован во всех центральных, республиканских, краевых и областных газетах. Всенародное обсуждение текста будущей Конституции длилось несколько месяцев, оно началось в июне 1977 года и продолжалось до конца сентября. Проект обсуждался на собраниях в профсоюзах, комсомоле, кооперативных объединениях, творческих организациях, состоялось почти полмиллиона открытых партийных заседаний. От населения поступило около четырехсот тысяч предложений о поправках к отдельным статьям, направленных на уточнение, улучшение и дополнение формулировок проекта.

В сентябре 1977 года состоялось заседание Конституционной комиссии, на котором были подведены итоги всенародного обсуждения. Комиссия одобрила проект с уточнениями, дополнениями и поправками. И лишь затем проект Конституции был утвержден Президиумом Верховного Совета СССР.

Это пример реального эффективного сотрудничества власти и населения в принятии законодательного акта, причем акта самого высокого ранга – Конституции. К сожалению, таких примеров не очень много.

На современном этапе, несмотря на предоставляемые научно-техническим прогрессом возможности для привлечения к обсуждению законопроектов широких слоев населения, обсуждения эти чаще всего носят номинальный характер. Законодатель, как правило, заранее предвидит характер возражений и требований, которые будут предъявлены к законопроекту и по результатам обсуждения создает иллюзию компромисса и соглашения, к которому якобы удалось прийти. У народа складывается впечатление, что власть под давлением общественности пошла на уступки и в результате все стороны остаются более-менее довольны друг другом.

Подобная практика получила довольно широкое распространение и считается, что именно такое сотрудничество является претворением в жизнь принципа демократизма. Тогда как на самом деле это, скорее, видимости его реализации.

Подводя итоги, можно сказать, что принцип демократизма в законотворческой сфере реализуется посредством институтов представительной демократии и не предполагает необходимости обращаться к демократии прямой. Население государства реализует свою власть в законодательной сфере, выбирая парламентариев. Именно поэтому любое участие общественности в обсуждении законопроектов, так же как их предварительное одобрение не являются необходимыми условиями правомерности и демократизма правотворческой процедуры.

*Мальшева И.В.,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин,
ФКОУ ВО «Кузбасский институт ФСИН России»*

Официальное опубликование федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации: нормативные основы, печатная и электронная формы

Официальное опубликование законодательных актов в Российской Федерации как, впрочем, и в любом другом государстве очень значимо, так как это способ ознакомления населения с правовыми нормами. Неопубликованные правовые акты не могут быть обязательными к исполнению. Процедура опубликования в современных условиях претерпевает существенные коррективы, что требует внимательного анализа.

Официальное опубликование федерального закона регламентировано Федеральным законом от 14.06.1994 № 5-ФЗ «О порядке опубликования и вступления в силу федеральных конституционных законов, федеральных законов, актов палат Федерального Собрания» (далее – Федеральный закон от 14.06.1994 № 5-ФЗ) и Указом Президента от 05.04.1994 № 662 «О порядке опубликования и вступления в силу Федеральных законов» (далее – Указ Президента № 662). Существование двух этих нормативных правовых актов, регулирующих схожие общественные отношения поднимают вопрос о неопределенности уровня нормативного правового акта, регулирующего конкретные общественные отношения.

С одной стороны ч. 1 ст. 107 Конституции РФ закрепляет обязанность подписания и обнародования принятого федерального закона Президентом РФ. Это, вероятно, предопределило создание Указа Президента РФ № 662. Однако, принятие федерального закона по тому же вопросу, сохраняя действие Указа Президента № 662, остается не ясным. Сомнительна необходимость существования двух нормативных правовых актов разной юридической силы, регулирующих одни и те же общественные отношения.

Сравнительный анализ этих нормативных правовых актов показывает некоторое несоответствие: в ст. 4 Федерального закона от 14.06.1994 № 5-ФЗ указано три печатных официальных издания

«Парламентская газета», «Российская газета» и «Собрание законодательства Российской Федерации» и один электронный – «Официальный интернет-портал правовой информации» (www.pravo.gov.ru). Все четыре источника являются официальными, первой в соответствии с указанной статьей будет признана первая публикация в одном (любом) из указанных изданий. П. 2.1 Указа Президента № 662 признает в качестве первой – официальное опубликование только на «Официальном интернет-портале правовой информации» (www.pravo.gov.ru), т.е. печатная версия вообще не предусматривается.

Официальный характер первой публикации нормативного правового акта в электронном виде представляется не совсем рациональным решением вопроса обнародования закона с позиции доведения до каждого адресата правовых норм. Убеждены, что первая публикация нормативного правового акта, тем более федерального закона, должна быть обязательно в печатной версии. К слову, конституции некоторых государств это прямо устанавливают: «статья 82 Кыргызской Республики... закрепляет положение, что закон должен быть опубликован в официальном печатном органе»⁹⁹. Хотя, имеются и «радикальные с позиции информационного общества варианты – только электронное официальное опубликование» (Армения, Беларусь)¹⁰⁰.

Ясно, что информационное Интернет-пространство, цифровизация всех сфер жизни общества, включая государственную – неизбежность современного мира. Однако одним из признаков права теоретиками называется письменная форма источника, которая необходима для подтверждения истинности документа. Электронная версия удобна в использовании, правоприменительной практике, но возможности электронной версии с точки зрения упрощенной формы внесения в документ изменений, зависимость от энергетических и иных ресурсов делает ее (электронную версию) закона уязвимой, может спровоцировать нарушение законности по причине неопределенности, и как следствие – снижение эффективности правового регулирования. К слову сказать, во время работы над статьей при поиске правовой информации на одном из сайтов произошел сбой, вместо нормативного правового акта высветилась следующая информация: «Произошел технический сбой. Мы уже

работаем над устранением неполадки. Приносим свои извинения за доставленные неудобства. Воспользуйтесь сайтом позже»¹⁰¹. Это еще раз подтверждает необходимость хранения нормативных правовых актов в печатном варианте.

Стоит также учесть тот факт, что до сих пор есть люди, которые не владеют компьютером и Интернетом, а для успешного использования всеми гражданами официального информационного правового портала как основного источника всех нормативных правовых актов, требуется довольно высокий уровень правовой и компьютерной грамотности населения, что в ближайшее время не представляется реальным. Такой путь правового развития потребует изменений и в системе общего образования – обязательность изучения основ правовой системы государства; всероссийское обязательное обучение информационным технологиям. Кроме этого каждый гражданин должен иметь соответствующие технические средства. Все это пока не представляется достижимым.

Не стоит рассматривать позицию автора как отрицание электронной версии федеральных законов и «заморозка» использования и развития информационно-технических возможностей в правовом пространстве. Совсем наоборот, необходимо активно использовать информационные цифровые технологии, правовые платформы для систематизации законодательства, хранения в контрольном варианте действующей редакции консолидированной версии нормативного правового акта. Стоит констатировать, что в правореализационной и правоприменительной практике удобнее именно такая электронная версия нормативного правового акта в действующей редакции, это подтверждается многолетней практикой существования справочно-правовых систем типа «КонсультантПлюс» и «Гарант».

Законодательно определен не только порядок опубликования и вступления в силу федерального законодательства, но и официальное опубликование нормативных правовых актов субъектов РФ. Основы законотворческой процедуры в субъектах РФ, соответственно и порядок опубликования нормативных правовых актов субъектов РФ определены ч. 2 ст. 8 Федерального закона от 06.10.1999 № 184-ФЗ «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти

субъектов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон от 06.10.1999 № 184-ФЗ): «порядок обнародования конституции (устава), закона субъекта Российской Федерации устанавливается конституцией (уставом) и законом субъекта Российской Федерации».

Субъекты РФ самостоятельно определяют порядок и источники официального опубликования нормативных правовых актов. Абсолютное единство в этом вопросе отсутствует, что вполне логично. Чаще всего электронный вариант закона субъекта РФ публикуется на официальных порталах субъектов РФ (напр., на «Официальном интернет-портале правовой информации Красноярского края» (www.zakon.krskstate.ru); в «Электронных ведомостях Совета народных депутатов Кемеровской области» (zakon.sndko.ru) и др.). В ряде случаев электронный адрес официального сайта прямо в законе не называется: «Официальным опубликованием закона города Москвы считается первая публикация его полного текста в официальном издании Московской городской Думы «Ведомости Московской городской Думы» (электронной версии указанного издания) или официальном издании Мэра и Правительства Москвы – журнале «Вестник Мэра и Правительства Москвы» (электронной версии указанного издания) либо первое размещение (опубликование) полного текста закона города Москвы на официальном сайте Московской городской Думы или официальном сайте Правительства Москвы в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»»¹⁰². Некоторые субъекты законодательно закрепляют в качестве одного из основных источников опубликования официальный всероссийский портал www.pravo.gov.ru¹⁰³.

Большинство субъектов РФ предусматривают печатную версию закона обязательно для всех законодательных актов субъекта РФ, но есть и субъекты РФ, которые печатный вариант официальной публикации предусматривают не для всех законов субъекта РФ. Напр., ч. 7 ст. 6 Закона Красноярского края «О порядке опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов Красноярского края» содержит следующее положение: «в случаях когда законы края и иные нормативные правовые акты органов государственной власти края касаются вопросов защиты прав и свобод человека и гражданина, они официально публикуются в краевой государственной газете «Наш Красноярский край», совместно учрежденной За-

конодательным Собранием края и Губернатором края»¹⁰⁴. Анализ демонстрирует отсутствие единства в вопросе официального опубликования законов субъектов РФ, нормативные правовые акты, закрепляющие официальное опубликование законов субъектов РФ называются по-разному, что создает отдельные сложности. Если у юристов в этом вопросе возникают проблемы, то еще сложнее разобраться в этом правовом массиве гражданам, деятельность которых не связана с правом.

Завершая анализ института официального опубликования федеральных законов и законов субъектов РФ считаем необходимым: первое – решить вопрос об уровне нормативного закрепления официального опубликования федерального закона, устранив коллизию между Федеральным законом от 14.06.1994 № 5-ФЗ и Указом Президента № 662; второе – законодательно закрепить обязательность печатной версии законодательного акта; третье – создать единство в системе официального опубликования законов субъектов РФ возможно с помощью модельных законов или иным способом, с целью частичной унификации законодательства субъектов РФ и повышения эффективности поиска законодательных актов субъекта РФ.

Федоров М.В.,
*старший преподаватель кафедры
конституционного и административного права,
ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский
государственный аграрный университет*

Конфликт интересов в правообразовании

Тенденция взаимоотношений общества и власти регулярно стремится к образованию все новых конфликтных ситуаций. При этом и старые существующие конфликты не всегда урегулируются или разрешаются, чаще замалчиваются, игнорируются, что приобретает накопительный эффект, может вылиться в конфликт негативного характера. Конфликт интересов как разновидность социального конфликта представляет собой определенное отношение между публичными, индивидуальными и корпоративными интересами.

Одной из сфер возникновения конфликта интересов является правообразование. В первую очередь это связано с субъектным составом участников, различием их интересов. Создание актуальных (действительно необходимых обществу) норм права процесс не единовременный, включающий несколько этапов. Основными из них можно назвать: оценка необходимости регулирования; установление баланса интересов путем общественного обсуждения; поиск вариаций взаимодействия (согласование); закрепление общеобязательности путем законодательной или иной процедуры. Последний пункт не является обязательным в случае уже устоявшейся саморегуляции и самоконтроля данной деятельности, например, социальные взаимодействия в интернет-пространстве. Следовательно формальное закрепление правил поведения в нормативно-правовых актах не всегда имеет свою актуальность.

В теории права есть несколько подходов к пониманию процесса в ходе которого образуются и устанавливаются нормы. В юридической литературе и законодательных актах процедура формирования и принятия правил поведения именуется по-разному: «нормообразование», «правоустановление», «нормотворчество» «правообразование», «правотворчество». Наша задача проанализировать причины возникновения, структуру и способы урегулирования конфликта интересов

отталкиваясь от имеющегося теоретического опыта анализа процесса правообразования.

Правообразование представляет собой сложный процесс, который включает в себя не только придание нормативного характера правилам поведения, но и оценка насколько последние сложились в общественных отношениях, в реальном правовом поведении субъектов права, либо сформировались в правосознании граждан. Рассматривая существующие алгоритмы правообразования, считаем необходимым согласиться с наиболее объективным вариантом, который представили В.В. Лазарев, С.В. Липень: «Таким образом в процессе правообразования можно выделить две фазы: 1) возникновение потребностей в правовом регулировании общественных отношений, а иногда и формирование самых необходимых правил поведения без участия органов государства (объективный процесс)»; 2) правотворческую деятельность компетентных государственных органов (сознательно-волевой процесс)»¹⁰⁵.

Не обнаружено и единства мнений относительно природы правообразования. Превалируют следующие точки зрения: это более социальная сфера, нежели правовая; это совокупность процессов общесоциального и правотворческого становления системы правовых норм.

Задача правообразования своевременно установить: 1) необходимость формализации тех или иных общественных отношений; 2) характер возможного конфликта интересов. Второй пункт подразумевает два варианта конфликта интересов: позитивный и негативный. В первом случае результат конфликта влечет определение баланса интересов, выход на новый (объективный) уровень, способствует консенсусу. Негативный вариант предполагает временную деструкцию взаимоотношений, эскалацию конфликта. Необходимо учитывать возможность возникновения конфликта интересов как в процессе правообразования (деятельности субъектов правообразования как носителей «конфликта интересов»), так и в результате действия принятых норм.

Поскольку конфликт интересов перманентен (протекает постоянно, может видоизменяться) в процессе многих взаимодействий. Любая система должна стремиться к его протеканию именно в позитивном ключе. Который предполагает наличие тех рамочных прав и обязанностей (компетенций), выход за пределы которых предполагает утрату

возможных позитивных вариантов развития конфликта интересов, потерю баланса, проявление негатива.

Исходя из сказанного, следует, что соблюдение баланса интересов в процессе правотворческой деятельности играет важную роль для обеспечения стабильного функционирования системы, правовое регулирование которой реализуется.

Ю.И. Гревцов подчеркивает, что: «Большинство законов предназначено для того, чтобы жизнь людей улучшалась, становилась все более безопасной, и возможно, чуть-чуть счастливее»¹⁰⁶. На наш взгляд эта задача стоит не только перед правообразованием, но и правоприменением. Проявление человеком счастья это один из основных способов установления реализован ли его интерес. Интересы людей различны и определяются их потребностями, привычками, правильными или ложными понятиями, которые они составили себе о счастье¹⁰⁷.

Способность человека своей волей самостоятельно достигать счастья никогда не ставилась философами, социологами, психологами, юристами, экономистами под сомнение. Наиболее важной на наш взгляд причиной мешающей этой реализации является сдерживание (ограничение) права на самостоятельную реализацию человеком собственных интересов. А если рассматривать категорию «интерес», как элемент в структуре взаимодействия людей, то подмена такого элемента на схожие понятия (мотив, цель, эмоция), размытое толкование его значения, или просто игнорирование его ценности (значения), со временем приведет к конфликту интересов. Который повлечет притупление осязательности происходящего, перемену жизненных ориентиров (плохое станет хорошим, зло будет интерпретироваться как добро и др.), инициирует проявление эгоизма индивида по отношению к публичным интересам.

Нельзя забывать и о корреспондирующем характере прав и обязанностей субъектов, а также публичных и индивидуальных интересов. В связи с этим актуальны и по сей день слова русского философа В.С. Соловьева: «Сущность права состоит в равновесии двух нравственных интересов: личной свободы и общего блага». Данное высказывание означает, что в нашем мире свобода личности обязательна, но вследствие этой свободы возникают обязанности, которые необходимо выполнять для общего блага. Нежелание исполнять свои обязанности или перекладывание их на «чужие плечи», злоупотребление полномочия-

ми в целях удовлетворения своей заинтересованности, предполагает возникновение конфликта интересов.

На наш взгляд положительного эффекта конфликта интересов можно добиться путем институционализации, то есть обеспечения устойчивости человеческого общества и его развития посредством создания и совершенствования социальных институтов, формализация социальных отношений. Институционализация представляет собой процесс определения и закрепления социальных норм, правил, статусов и ролей, приведение их в систему, действия которой направлены на удовлетворение общественных интересов.

Здесь следует подчеркнуть приоритет общественных интересов по отношению к иным формам интересов (частным, индивидуальным, корпоративным). История взаимоотношений субъектов учит нас тому, что их «выживаемость» повышалась в случае подчинения эгоистического индивидуально (частного) интереса публичным интересам. Вместе было проще добывать пищу, обеспечивать защиту, развиваться культурно и социально. Это повлекло создание первых институтов: власти (вожак, старейшина, коллективные органы), взаимодействия (наем войск для охраны границ; парламентарство), культуры (традиции, обычаи).

Постепенное отдаление людей от властных отношений было вызвано выходом на первый план групповых интересов. Формирование таких групп происходило за счет объединения представителей политических кругов и бизнес элиты для достижения собственных интересов по способу создания и реализации правовых норм. Изоляция интересов граждан от принятия решений (управления) как способа воздействия на взаимоотношения власти и общества, инспирирует негативный конфликт интересов.

Сегодня конфликт интересов различных групп не теряет своей актуальности. Государством принимаются нормативно-правовые акты направленные на ограничение интернета, в ответ группа энтузиастов создает альтернативное интернет-пространство «Medium». Вводятся новые налоги (налог для самозанятых), в свою очередь работодатели с целью уменьшения налоговой нагрузки просят сотрудников регистрироваться в качестве самозанятых. И таких примеров достаточно много.

В результате получается, что право не всегда способно выразить государственную волю общества. Анализ положения представительных органов власти, задача которых осуществлять правотворчество основываясь на принципах поиска истины и справедливости действий, во исполнение воли народа, показал, что интересы общества не являются преобладающими.

Голосуя за тот или иной проект закона, депутаты (представители политических партий), в первую очередь коррелирует свое мнение с интересами партии. В свою очередь перед партией может стоять задача согласования своей политики с другими группами (бизнес; промышленность; государственный аппарат). В результате чего закон несет уже не волю избирателей, а закрепляет интересы организационных структур. Это и подчеркивает отдаление интересов граждан от участия в правообразовании.

Нарастающее напряжение в обществе, конфронтации различных властных, экономических, политических и иных групп, а так же проявление коррупции и отсутствие сбалансированной системы сдержек и противовесов в структуре органов власти, приводит нас к понимаю необходимости изменения законодательства и формирования дополнительных структур (форм) взаимоотношения власти и общества. Это позволит обеспечить социально-экономическую безопасность путем улучшения отношений власти и общества, а так же образования групп способных улучшать экономический политический и социальный климат в нашей стране путем продвижения своих законных интересов во властных структурах. В данном случае одним из способов институализации представительства интересов является лоббизм¹⁰⁸.

В России к лоббистской деятельности отношение неоднозначное, как со стороны общества, так и со стороны власти. Часто недоверие граждан вызывает отсутствие понимания, что же из себя представляет лоббизм как институт, чем это сможет помочь им в реализации своих интересов. Некоторые опросы показывают, что граждане воспринимают лобби и коррупцию как тождественные понятия или как взаимосвязанные (лоббизм предпосылка коррупции). Отношение к лобби как к институту со стороны органов власти можно выразить тем, что на сегодняшний день нормативных актов, специально регулирующих лоббизм, в России на федеральном уровне нет. Поэтому правовой основой лоббизма фактически являются нормы Конституции Российской Фе-

дерации (п. 1 ст. 30; п. 2 ст. 45 ст. 33). При этом регулярно отмечалось о существовании в России теневого лоббизма¹⁰⁹.

В результате чего следует согласиться с мнением В.В. Субочева, что: «Размеры лоббизма в современной России не имеют аналогов в мире. В условиях неразвитости политико-правовой системы и несовершенства законодательной власти лоббизм становится основной формой представительства интересов, но при этом находится «за бортом» внимания государственных органов, прессы, общественности и закона. К сожалению, механизм взаимодействия общества и власти в процессе принятия политических решений сегодня непубличен, коррумпирован и хаотичен; каналы влияния на органы государственной власти монополизированы сильнейшими группами давления, а целый ряд общественных движений и организаций не имеют возможности донести свои интересы до властимущих»¹¹⁰.

Анализ материала по рассматриваемой теме позволяет сделать следующие выводы:

1. Проблемой правообразования в России является то, что не учитывается возможность возникновения конфликта интересов как в самом процессе правообразования, так и в результате действия принятых правил поведения.

2. Поскольку любая система основывается на конфликте интересов, необходимо разрабатывать методы предупреждения, установления, предотвращения, урегулирования, разрешения негативных сценариев развития конфликта интересов.

3. Необходимо учитывать мнение гражданского общества которое выражает все виды интересов (публичные, частные и др.), в чем лице государство сможет найти поддержку актуальных инициатив. Государственный механизм задействовав гражданские объединения в своей работе избежит создание фронды со стороны последних.

4. Участие в законотворчестве ограниченного круга лиц (чиновники, бизнес элита, деятели политики) порождает конфликт интересов, каждая группа ставит свои интересы выше общих. Подобный перевес сил может инспирировать другие группы к уходу от позитивного (созидательного) конфликта интересов к негативному.

М.Н. Козюк,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент Волгоградского института управления –
филиала Российской академии народного хозяйства и государственной
службы

Самообразование юристов как гарантия качества юридической деятельности

В настоящее время в нашей стране проходят многочисленные дискуссии о путях развития отечественной системы образования. Почти ежедневно происходят события, свидетельствующие о кризисных явлениях, о проблемах в данной общественно значимой сфере отражаемые в средствах массовой информации, в блогосфере. Общество с тревогой констатирует о существующих здесь трудностях и отсутствии ясных и понятных планов действий у властей.

Данная тема, бесспорно, касается и юридического образования, которое по своей социальной значимости и массовости находится на одном из значимых мест в российском обществе. Особенность юридического образования выражается и в том, что оно, как правило, в каждом государстве проходит самобытный путь развития и применение каких-то общих зарубежных методик здесь более чем сомнительно. Основой высшего юридического образование является национальное законодательство, которое отражает особенности, в том числе и ментальные, конкретного общества, поэтому оно находится ближе к основам социальности, чем, например, конечно, не менее важное медицинское. Кроме того, по своей близости к конкретным людям выпускники юридических вузов почти не уступают врачам, и ошибка следователя или судьи так же пагубно отражается на человеке, как и врачебная ошибка.

В Конституции России за четверть вековой период ее существования почти не осталось «белых пятен», почти все ее положение, так или иначе, нашли свою реализацию если не на содержательном, то хотя бы на нормативном уровне. Однако в конституционной статье о праве граждан на образование есть одно положение которое еще не нашло своего отражения в законодательстве и в общем то не избаловано вниманием юридической науки. Речь идет о положении, содержащемся в части 5 статьи 43 о том, что Российская Федерация

поддерживает различные формы самообразования. И, несмотря на то, что в стране относительно недавно был принят объемный федеральный закон об образовании, тема самообразования в нем почти не затронута. Видимо авторы закона отнесли самообразование к какой-то отдельной сфере, не вписывающейся в общую стратегию национального образования. Это можно объяснить как сложностью предмета регулирования, так и своеобразной историей его развития. Вообще историю феномена самообразования можно начинать рассматривать со времени Древней Греции и Рима выдающиеся мыслители которых видели в самообразовании достойное занятие для благородного человека. В современном понимании самообразование в России ведет свою институциональную историю с конца XIX века, когда к активной общественной жизни приобщились низшие слои общества, для которых получение формального образования было затруднено по материальным и классовым причинам. Кроме того, настоящие профессионалы, специалисты в различных отраслях хозяйства, техники и культуры прекрасно понимали, что знаний, полученных в университетах и иных учебных заведениях явно недостаточно для успешной профессиональной деятельности и отсутствие эффективной системы пополнения знаний, системы переподготовки и повышения квалификации компенсировали самообразованием. Нужно отметить, что прогрессивные общественные круги достаточно активно поддерживали стремление населения, особенно молодежи к самообразованию. После революций 1917 года, новые власти, одной из задач которых была поставлена проблема повышения образования населения, что изначально было сложно по материальным и социальным причинам, так же активно поддерживали институт самообразования. Такая работа проводилась примерно до 60-х годов прошлого века, когда сложилась советская система образования для молодежи, а задача получения образования для более взрослого населения была успешно выполнена. В это время институт самообразования утратил свои формальные начала, а стал общественной, впрочем, идеологически поддерживаемой социальной инициативой. В то же время в некоторых сферах он продолжал функционировать как важный элемент решения профессиональных задач. Так для повышения квалификации учителей, особенно в сельской местности, когда уровень профессионального ма-

стерства поддерживать централизованными формами достаточно трудно широко используется форма самообразования.

В юридической сфере тема самообразования имеет специфическое место. Дело в том, что обычно для занятия профессиональной деятельностью юрист должен получить формальное образование. Несмотря на то, что в истории страны были исторические периоды, когда объемы юридического образования суживались, по крайней мере, очного, что говорило о недооценке властями правовой сферы, тем не менее, в это время функционировала система заочного образования, в которой львиная доля учебного времени уходила на самоподготовку, а при отсутствии широкого спектра учебной и учебно-методической литературы по существу становилась самообразованием. Вообще, проведения четкой грани между самообразованием и различными формами образования достаточно проблематично.

В настоящее время, когда по существу серьезные барьеры для получения юридического образования отсутствуют, речь о самообразовании может идти в основном в форме постдипломного образования. Педагогическая теория в общем виде выделяет формальное, неформальное и информальное образование. Под именем информального как раз и понимается самообразование. Ключевое здесь понятие «само» – самостоятельность обучающегося, чего нет в иных видах образования. Правда степень этой самостоятельности может варьироваться, однако речь идет о качественной категории.

Специфическая роль самообразования в юридической профессии заключается в том, что юристы по большому счету не являются главными акторами социальной жизни, а призваны «обслуживать» иные социальные процессы: политические, экономические, социальные, культурные и т.п. Все эти процессы должны проходить в определенном социальном порядке, который и скрепляет социум, делает его жизнеспособным. В данной системе каждый социальный акт контролируется и получает свою оценку, критерием которой являются социальные нормы, а основными субъектами – юристы как специалисты в области права. Поскольку социальная жизнь динамична и инновационна, то эффективность социального контроля и адекватность оценок социальных действий во многом зависит от того, насколько контролирующая и надзирающая система адекватна

сложности самой социальной системы. Другими словами, контролер-юрист должен соответствовать подконтрольному объекту. Как уже говорилось, объект-социум имеет тенденцию к усложнению. Соответственно, работники правовой системы должны постоянно наращивать свое профессиональное мастерство для того, чтобы, во-первых, не отстать от системы, а во-вторых, своими некомпетентными действиями не наносить общественного вреда.

Обеспечивать соответствие юридической сферы социальной (в широком смысле) призвана система юридического образования. Однако, как мы заметили в начале, в настоящий момент данная система находится в огне критики именно потому, что неадекватно отражает общественные потребности. Это проблема наглядно видна не столько изнутри правовой системы, как извне, из других сфер: экономической, социальной, культурной, что находит свое выражение и в политической сфере. Проще говоря, выпускники юридических вузов, попадая на ключевые направления общественного развития, не могут оказать влияние на устоявшиеся и устаревшие технологии и приемы юридической работы, что приводит к общественным скандалам, неправомерности и в конечном итоге к чувству несправедливости у граждан и утрате авторитета, как власти, так и закона. Обычно это чревато разрушением социального порядка и государственности. Если иметь в виду, что юрист, работающий в системе правосудия, прокуратуры, правоохранительных органов, органов государственной власти не является только «винтиком», а берет на себя ответственность за состояние системы управления, при этом часто обладает в той или иной мере свободой усмотрения, то становится понятным насколько важен уровень его профессиональной подготовки.

Для решения данной проблемы в рамках ведомственной системы подготовки кадров существует сеть институций призванных решить эти сложные управленческие задачи. Есть институты, факультеты, курсы повышения квалификации, система служебной подготовки, служебной аттестации которыми должен быть охвачен весь личный состав. Существуют внутренние системы контроля, дисциплинарные процедуры, призванные устранить недостатки в подготовке того или иного работника. Однако эти меры формальны и явно недостаточны по многим причинам. Главное, что они имеют внешний

характер и не всегда коррелируют с внутренними установками человека. Они будут эффективными, если совпадают с профессиональными целями и потенциальными возможностями работника, но «пройдут мимо» если не станут основой для его личностных устремлений.

Поэтому наряду с формальной системой повышения квалификации большое внимание должно быть уделено самостоятельной интеллектуальной работе. Дело в том, что самообразование в отличие от формального образования обладает рядом важных специфических черт. Можно присутствовать на учебной лекции и выйдя с нее не вспомнить даже темы, однако невозможно считать бесцельно потерянным временем получая нужную информацию путем самостоятельного осмысленного чтения.

По сообщениям прессы проблема качества подготовки юридических кадров, постепенно становится предметом внимания руководства ведомств, и уже принимаются, в том числе и оригинальные меры. Как отмечается в прессе критика следственных органов со стороны суда и прокуратуры привела к началу процессов своего рода самоочищения. Например, руководство Тульского управления Следственного комитета (СК) РФ решило нагружать нерадивых работников написанием рефератов и переэкзаменовкой по проблемам, которые и привели, скажем, к возвращению дела на пересмотр или к оправдательному приговору¹¹¹. Конечно, оправдательный приговор не является каким-то сверхнегативным событием, если он не следствие некомпетентности следователей и прокуроров.

Одним из векторов современной кадровой политики является то, что работодателям становится не очень важным наличие у претендента на работу диплома, он ориентируется скорее на его практические навыки. А поскольку учебные программы формальных учебных заведений очень отстают от социальных реалий, то работодателю приходится «доводить» специалиста непосредственно на рабочем месте. Понятно, что в случае со следователем, прокурором, судьей такая «доводка» может дорого обойтись для судеб конкретных людей. Поэтому внимание к процессу и технологиям самообразования становится важным аспектом совершенствования отечественной правовой системы.

Социальные притязания и интересы: введение в проблему

В отечественной юридической литературе справедливо отмечается, что правовую действительность следует понимать в широком плане, т.е. в органическом единстве правовых явлений и практики. Как обоснованно замечает В.М. Сырых, в объект правоведения включаются нормы права, юридическая практика и социальная практика в той части, в которой она обуславливает формирование и развитие права¹¹². Само понятие социальная практика, оказывающая влияние на право – явление поистине необъятное. Понятия социальные притязания и интересы, о которых пойдет далее речь относятся к числу социальных феноменов, играющих существенную роль в генезисе и функционировании права, а, следовательно, они подлежат изучению в рамках общей теории права. В постсоветском правоведении самым обстоятельным трудом, посвященным феномену социальных притязаний, является докторская диссертация Смирновой М.Г. В данном диссертационном исследовании под социальными притязаниями автор понимает «требования, которые предъявляют индивиды, социальные группы, иные субъекты к обществу и государству об осуществлении практических действий, способствующих реализации конкретных социальных интересов, а также их институционализации¹¹³». Два эти понятия (интерес и социальные притязания) находятся в неразрывной связи, именно руководствуясь интересами, субъекты и предъявляют требования для их реализации, поэтому сначала необходимо раскрыть природу социальных интересов, показать каким образом они формируются. Связь государства и права с интересами людей была подмечена еще в глубокой древности, так, выдающийся римский оратор и философ Цицерон отмечал, что «государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собой согласием в вопросах права и общностью интересов¹¹⁴».

У большинства теоретиков права понятие интерес ассоциируется с именем Рудольфа Иеринга, основателем т.н. «юриспруденции ин-

тересов», который определял право как юридически защищенный интерес. Его позицию несколько скорректировал выдающийся представитель российской дореволюционной юриспруденции Н.М. Коркунов, который утверждал, что право это не защита интересов, а прежде всего их разграничение¹¹⁵. Как бы то ни было, отметим следующее – позитивное право, как один из элементов правовой формы (правовой надстройки), только лишь с формальной стороны представляет собой систему абстрактных, логических норм; с содержательной же стороны за абстрактными нормами скрываются вполне реальные и изменчивые социальные интересы, которые этими нормами только лишь защищаются и охраняются. Влияние социологической теории юридических интересов сохраняется в отечественной науке и по сей день, так Т.Н. Радько отмечает, что содержание права – это закрепленные правом социальные интересы¹¹⁶.

В науке под интересами принято понимать причину действий индивидов, социальных общностей (классов, наций, профессиональных групп), определяющую их социальное поведение. Как известно, действия людей определяются их общественными взглядами, общественным сознанием, собственно, сами интересы существуют в сознании индивидов, так что необходимо ответить на вопрос, есть ли в обществе некое объективное начало, которое способно определять само общественное сознание. На наш взгляд, единственно правильный ответ на этот вопрос дала социальная философия марксизма, в которой общественное сознание является производным от материального начала – системы производственных отношений, иначе объективного социального бытия, социальной материи, которая существует и развивается вне и независимо от сознания и воли людей¹¹⁷. Данные отношения являются объективным источником общественных взглядов, в конечном итоге, именно они детерминируют сознание и волю людей. Способ производства материальных благ есть та основа, которая формирует социальную структуру, нормы поведения, политическую и правовую надстройку. Люди не создают производственные отношения исключительно по своему произволу, содержание этих отношений от сознания и воли людей не зависит, т.е. является объективным, поскольку всегда определяется данным, наличным уровнем развития производительных сил.

Так как производственные отношения – это отношения между людьми, объективные по своему содержанию¹¹⁸, то и интересы, порожденные ими, также объективны по своему характеру и происхождению, они выражают эти объективные связи. Конкретное общество, основанное на определенном способе производства материальных благ, вызывает к жизни вполне определенные интересы, корни которых в конечном итоге необходимо искать в материальных отношениях – как отмечал Ф. Энгельс, «экономические отношения каждого данного общества проявляются прежде всего как интересы¹¹⁹». Отметим также, что интересы индивидуума необходимо рассматривать с учетом интересов социальной группы, в которой он осуществляет свою деятельность; интересы же социальной общности зависят от ее места в системе общественного разделения труда; т.е. к интересам русского рабочего конца 19 века следует подходить, учитывая интересы рабочего класса в целом.

Интересы всегда функционируют через формы деятельности людей, осознаются в процессе этой деятельности и в свою очередь становятся могучим стимулом для действия, причиной социального поведения и движущей силой исторического прогресса. Именно интерес выступает для субъектов направляющим побудительным фактором, на основе которого они осуществляют свою целенаправленную практическую и теоретическую деятельность. Более того, в науке была высказана мысль о том, что в саму основу объединения людей в социальные группы должен быть положен критерий интереса¹²⁰, поскольку именно интересы лежат в основе самых разных форм взаимоотношений между людьми.

Как уже было отмечено, для того, чтобы субъект интереса стал действовать в соответствии с ним, интерес должен быть осознан, т.е. превращен в идею (в том числе и правовую). Осознанный интерес обладает сложной внутренней структурой, он, как и любая идея, объективен по своему содержанию и субъективен по форме, т.е. представляет собой единство противоположностей. Полностью объективным интерес быть не может, иначе люди представляли бы собой всего лишь марионеток, полностью детерминированных обстоятельствами. Обратный тезис – признание абсолютной субъективности любых социальных интересов превратило бы все основанные на них человеческие действия, как и весь исторический процесс в

целом, в цепочку слепых случайностей. Соотношение категорий необходимости и случайности представляет собой одну из важнейших философских проблем, но подробно останавливаться мы на этом не будем. Выдающийся отечественный мыслитель и психолог Л.С. Выготский неустанно подчеркивал, что человек – есть свободное существо. Содержанием осознанного интереса выступают объективные, конкретно-исторические связи и отношения, которые в нем выражены; человек, совершая свою деятельность в системе общественных отношений, отражает объективную действительность на основе своей практики (субъект действует не потому, что отражает действительность пассивно, как в зеркале; субъект отражает действительность потому что действует в ней). Известный афоризм Карла Маркса гласит, «каков образ жизни людей, таков и образ их мыслей»; к примеру, первобытное общество никогда не сможет породить в сознании человека буржуазные интересы характерные для Англии 19 века, примат экономического базиса, и соответствующая ему объективность интересов, есть факт, который трудно оспаривать. Субъективная форма интереса проявляется в различных индивидуальных восприятиях (эмоции, стремления, влечения, переживания и т.п.) социальной действительности; люди не всегда руководствуются исключительно корыстными интересами, так в истории было множество случаев, когда люди, вооруженные высокими идеалами, действовали как раз вопреки своим классовым, сословным, имущественным интересам ради интересов общества в целом: к примеру, декабристы¹²¹ или образованная молодежь 19 века, совершавшая «хождение в народ» под влиянием знаменитых «Исторических писем¹²²» П.Л. Лаврова. Также интересы поддаются манипулированию, они могут быть и неадекватно осознаны, например, рабская покорность спартанских илотов всегда вызывала искреннее недоумение у большинства историков и т.д. Интересы представляют собой, как и любые другие идеи, элемент человеческого сознания. Поскольку в природе, т.е. вне человеческого общества, никаких идей, разумеется, нет и быть не может, идея, как осознанный интерес, создается человеком, и не просто неким абстрактным, метафизическим человеком, а человеком в его социальной практике. Все без исключения идеи имеют социальную природу, поскольку порождены людьми в процессе деятельности, они суть «отражения

действительности, верные или же искаженные¹²³». Важен не сам факт отражения сознанием общественного бытия, а причина и процесс. Деятельность людей в системе общественных отношений, их материальная практика является той основой на которой возникает и развивается сознание¹²⁴.

Многосторонняя практика людей определяет и сложную структуру общественного сознания. В соответствии с отношениями людей к миру и между собой в процессе их деятельности складываются определенные виды (формы) общественного сознания – нравственное, политическое, правовое и т.д. Кроме того, в связи с деятельностью людей, специально направленной на производство идей и взглядов возникают т.н. сферы (уровни) общественного сознания. Их специфика состоит в выполнении определенных функций – познавательных, идеологических, регуляторных и т.д. К сферам относится – общественная психология, идеология, наука.

Осознанный интерес принимает форму идеи; целостная система этих идей, описывающая и оценивающая действительность, а также выводимые из этих идей директивы действия представляют собой идеологию. В сфере идеологии класс или социальная группа осознает наиболее полным образом свои коренные интересы, одним из ключевых признаков идеологии является функциональная связь с этими интересами («идея», – писал К. Маркс, – неизменно посрамляла себя, как только она отделялась от «интереса»¹²⁵). Идеология относится к теоретическому уровню отражения действительности и, как и другие сферы общественного сознания, проявляет себя уже в конкретных видах общественного сознания. Для нас будет представлять интерес идеология, проявляющая себя в правосознании, т.е. правовая идеология. Правосознание содержит в себе взгляды, выражающие отношение людей к действующему праву, представления о правах и обязанностях, о правомерности или неправомерности того или иного поведения, а также и правовые требования о принятии новых или изменении старых законов, т.е. осознанные в форме идеи или системы этих идей (т.е. идеологии) реальные интересы.

Т.е. социальные притязания как правовой феномен представляют собой способ реализации интересов; так как правовые интересы – это сфера правосознания, то социальные притязания – есть право-

сознание, опрокинутое в деятельность, в практику, причем деятельность эта является целенаправленной – приведение реально существующих правовых явлений в соответствие с представлениями социальной группы о том, какими они должны быть. Правовая реальность не удовлетворяет индивидов, и они своими практическими действиями пытаются изменить ее. Социальные притязания, будучи разновидностью социальной активности, социального творчества выражают собой активный элемент правосознания.

В заключение отметим следующее, социальные интересы и социальные притязания понятия, на первый взгляд, не юридические, они изучаются в рамках теоретической социологии, но при этом они тесно связаны с правовой материей. Общая теория государства и права, как и всякая другая фундаментальная наука, должна познать свой предмет во всей полноте, поэтому теоретическое юридическое исследование не может отказаться от использования достижений других общественных наук. Одним из ключевых тезисов школы Критических правовых исследований, который автор данной работы полностью разделяет, выглядит следующим образом: «не может существовать вызывающей доверие правовой теории без социальной теории¹²⁶», принятие этого принципа открывает дорогу междисциплинарным исследованиям, которые все больше завоевывают себе сторонников среди представителей западной юридической науки¹²⁷.

Филин А.Ю.,
аспирант кафедры теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Политика в сфере культуры: обеспечение баланса интересов общества и государства

Вопрос о государстве в настоящее время все так же не потерял своей особенной важности как в теоретическом, так и в практическом отношениях.

Как указывает Б. Джессоп, «границы государства и его относительное единство в качестве ансамбля или агента все больше зависят от обстоятельств. Это доказывает необходимость изучения различных проектов и практик, наполняющих государство относительным институциональным единством и способствующих его согласованности с более широким обществом»¹²⁸.

Одной из таких практик выступает культурная политика, которая наряду с социальной функцией государства приобретает определяющее значение для исследований в области национальной идентичности и обеспечения баланса интересов государства. Как справедливо отмечает В.А. Куренной, «культура в перспективе культурных исследований выполняет функцию установления гегемонии и тем самым социальной и политической стабилизации общества»¹²⁹.

Культура – это важный объект политико-административного регулирования. Культурная политика позволяет упорядочить ту неконтролируемую совокупность форм общественных отношений, ценностей и символов, которые сообщество использует для поддержания своей связи с прошлым и построения своей идентичности, и с помощью средств распознавания культуры придать ей желаемую форму. Культура буквально представляет собой гегелевское *само-себя-полагающее и внутри-себя-живущее*¹³⁰ явление, порождаемое населением и одновременно находящееся внутри него, формирующее его облик и поведенческие практики. Культура охватывает такие явления, как мировоззрение, мораль, наследие, среду обитания.

Любой анализ государственной культурной политики требует понимания ее места в общей системе государственной политики в целом. В основе эффективной государственной политики всегда лежит

сочетание экономических предпосылок и уникальных историко-культурных особенностей, присущих конкретным национально-территориальным образованиям, которые дифференцируются применительно к национальным государствам, характеризующимся социокультурной однородностью населения и государствам-нациям, «которые признают, что их население охватывает две или более нации, и привержены, по крайней мере в своих конституциях тому, чтобы способствовать их сосуществованию, создав надлежащие политические механизмы»¹³¹. Общим объектом политики названных типов современного государства является национальное единство.

На основании предмета идентичности можно выделить как минимум три основных типа национального единства, которые в том или ином соотношении встречаются в современных государствах:

1. этнический тип, предметом которого является этнос как исторически сложившаяся устойчивая совокупность людей;
2. культурный тип, в основе которого лежит социокультурный критерий;
3. гражданский тип, определяемый правовым статусом личности по отношению к государству.

Вместе с тем на фоне нестабильной политической обстановки и падения авторитета государственной власти гражданская нация имеет свойство терять устойчивость, что порождает множественные конфликты интересов государства и населения.

К тому же в рамках либерального дискурса гражданское единство нередко подкрепляется конституционным запретом государственной идеологии, тогда как на уровне государственной политики эта самая идеология маскируется понятием *культура*. Так, например, социолог К. Гирц, рассматривая публикации американских авторов середины XX века, отмечает, что «по грустной иронии современной истории понятие «идеология» само стало совершенно идеологическим. Сейчас почти везде распространена формула: «У меня – социальная философия; у вас – политические взгляды; у него – идеология»¹³².

Полагаем, что в настоящий момент Российская Федерация представляет собой государство-нацию с преобладающим гражданским типом национальной идентичности, в основе которого лежат кон-

ституционные принципы единого гражданства, единого экономического пространства, равенства прав и свобод человека и гражданина независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения.

Вместе с тем, устойчивой альтернативой гражданскому типу идентичности выступает культурная идентичность, основанной на общности языка, религии, общих культурных традициях, ценностях и иных социокультурных проявлениях. При этом такая концепция культурной политики не содержит predetermined идеологии, что делает ее более гибкой по сравнению с другими типами национальной идентичности.

Формирование культурной идентичности на современном этапе возможно путем осуществления эффективного управления, методологические основы которого изложил французский философ и теоретик культуры М. Фуко в курсе лекций «Безопасность, территория, население». Так, М. Фуко вводит понятие *gouvernementalité* (в отечественных исследованиях – *гувернменталитет, управленчество, правительственность*) для обозначения принципа функционирования власти, объектом которой является население, выступающее «и в качестве цели, и в качестве средства ее достижения... это субъект со своими потребностями и устремлениями, но это также и объект, выполняющий для управления функцию инструмента»¹³³. Тогда как в досовременных государствах задачей осуществления власти провозглашалось общественное благо, которое выражалось во всеобщем повиновении закону, а следовательно, само осуществление власти, указанный принцип направлен на достижение цели, «надлежащей для каждой из вещей, являющихся объектами управления. Но отсюда сразу же следует, что таких целей должно быть много»¹³⁴.

Полагаем, что для определения таких целей должны применяться методы социологической юриспруденции, задачей которой является «теоретико-инструментальный анализ права, включая установление значения права как средства социального контроля, создающего правовой порядок в обществе, уяснение эффективности правовых предписаний, определение значения правовых норм как норм разграничения интересов и норм ограничения произвола гос-

ударственной власти»¹³⁵. Одним из ключевых элементов обозначенного подхода является теория интересов.

К. Гирц, анализируя теорию интересов, отмечает, что «огромным преимуществом теории интереса было и остается помещение идейных систем на твердую основу социальных структур: делается акцент на мотивации тех, кто такие системы признает, и на зависимость в свою очередь такой мотивации от социального положения, прежде всего от классовой принадлежности»¹³⁶.

На основе указанного метода можно выделить следующие уровни столкновения интересов в Российской Федерации: конфликты индивидуальных интересов; конфликты индивидуального и группового интересов; конфликты интересов социальных групп; конфликты интересов населения двух и более регионов; гражданские конфликты интересов населения и власти.

Обеспечению баланса интересов на указанных уровнях может способствовать осуществление культурной политики в рамках производственной парадигмы *Шумпетерианского государства труда*, стимулирующего эффективные отрасли хозяйственной деятельности при условии ответственности государства за финансирование культурного производства.

Культура укрепляет повседневную функциональность, улучшает социальную сплоченность и предотвращает маргинализацию. «Культура порождает ценностные установки, ценностные отношения. Ценности – это не просто заданные человеку регулятивы, нормы-заповеди или субъективные установки. Они субстантивированы, относительноны и фундаментальны. Это обусловлено их культурным происхождением»¹³⁷.

Тем не менее, нужно согласиться с А. С. Ханнановой, которая замечает, что «трактовка культурной политики как инструмента регулирования социокультурных процессов разного уровня (от глобального до локального) подвергается критике за существующий разрыв между теоретическими декларациями и реальным состоянием культуры в обществе, ресурсными возможностями по удовлетворению культурных потребностей населения страны»¹³⁸.

В качестве практических способов реализации культурной политики для снятия напряженности конфликтов интересов между обществом и государством можно выделить следующие:

- 1) обеспечение единого образовательного и культурного пространства на территории Российской Федерации;
- 2) использование технологии больших данных для формирования и управления интересами населения;
- 3) ребрендинг культурной политики: переход от формирования идеологии, присущей гражданской нации, к управлению культурой;
- 4) стимулирование отечественной культурологии как науки, призванной ввести в оборот такие концепции, как *культурные права*, *культурное гражданство*.

При этом важно понимать, что во-многом духовные потребности, а также ценность культурного вклада конкретного члена общества определяются в том числе его социальной принадлежностью. Опыт европейских государств, в той или иной мере эффективно определивших вектор управления культурой, показывает, что в этом случае культурная политика должна будет учитывать как незначительные, так и растущие и узкоспециализированные потребности населения¹³⁹. Здесь также следует обратиться к работам Л. Шестова, который, рассуждая о ценностях, отмечал: «От чего угодно может отказаться человеческая мысль, но от идеи законопослушания она ни за что не освободит ни высшее, ни низшее бытие, ни творца»¹⁴⁰.

Значение культурной политики в развитии государства на современном этапе нельзя недооценивать. Трудно не согласиться с В. Н. Синюковым в том, что «обретение искомой сбалансированности и демократической целостности правовой и политической систем возможно лишь в собственном культурном пространстве»¹⁴¹. Признание границ и уважение опыта членов сообщества, образованного по принципу культурной идентичности, обеспечивают высокий уровень одобрения населением политики государства и сдерживают вмешательство в нее посторонних, более влиятельных лиц, поэтому должным образом проработанная культурная политика может стать эффективным средством обеспечения баланса интересов общества и государства.

*Артамонова Ю.С.,
аспирант отдела социального законодательства
Института законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации*

Систематизация образовательного законодательства как гарантия права на образование в Российской Федерации

Анализ действующего федерального законодательства об образовании позволяет сделать вывод о том, что оно состоит из множества нормативных правовых актов, имеющих в основном, подзаконный характер и объединенных вокруг базового законодательного акта, которым является Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации»¹⁴². Как признают многие исследователи в области образовательного права, образовательное законодательство далеко от совершенства. Анализ научной литературы позволил выделить ряд проблем присущих образовательному законодательству на современном этапе:

«Во-первых, несформированность отраслевых принципов правового регулирования, которые должны определить направленность и характер правотворческой и правоприменительной деятельности в сфере образования, системное единство развития данной отрасли законодательства; Во-вторых, отсутствие сформировавшегося понятийного аппарата, обеспечивающего взаимосвязь норм различных отраслей права (конституционного, гражданского, административного, трудового); в-третьих, неполное соответствие отечественного законодательства в области образования международно-правовым обязательствам Российской Федерации, коллизии нормативных правовых актов в сфере образовательного права федерального уровня, уровня субъектов федерации и местного (муниципального) уровня; в-четвертых, увеличение массива подзаконных актов при одновременном снижении авторитета федерального закона в силу не соответствия его норм современным потребностям общества и государства; в-пятых – «пробельность» действующего законодательства об образовании, отсутствие законодательной регламентации ряда важных вопросов, касающихся обеспечения образовательной деятельности»¹⁴³.

Как справедливо утверждает А.А. Гусева «анализ действующего законодательства Российской Федерации и правоприменительной практики в области регулирования образовательных правоотношений свидетельствует о том, что в данной сфере наблюдается тенденция увеличения массива подзаконных нормативных правовых актов, а переоценка статистических показателей законотворческой деятельности подтверждает необходимость повышения качества законов и качества процесса их принятия»¹⁴⁴.

Следует признать, что наличие чрезмерно усложненной, иерархической системы подзаконных нормативных актов, действующих в сфере образования, является одним из самых серьезных недостатков. С одной стороны, многоуровневое и многоэтапное урегулирование образовательных правоотношений предоставляет больше гарантий для реализации прав и свобод субъектов образовательной деятельности, прежде всего, граждан, реализующих свое конституционное право на образование. С другой стороны, представляется, что такая сложная система подзаконных актов не гарантирует в полной мере соблюдения баланса публичных и частных интересов и оптимального уровня защищенности прав и свобод граждан.

Представляется, что наличие указанных проблем обуславливает проведение масштабной систематизации всего массива нормативных правовых актов об образовании – именно в рамках данного процесса законодателю предоставляется уникальная возможность решения актуальных вопросов развития образовательного законодательства на современном этапе.

Проблемы, вызванные несистематизированным, внутренне противоречивым и непоследовательным характером образовательного права, давно уже стали очевидны для многих. Так, например, А.Н. Козырин, исследуя в своих работах существующие на сегодняшний день проблемы в сфере образования, говорит о необходимости «капитального ремонта» образовательного права, концептуального обновления всей системы образовательного законодательства»¹⁴⁵. А.А. Гусева отмечает, что «решение проблем развития законодательства об образовании в Российской Федерации на современном этапе неразрывно связано с проведением дальнейшей систематизации законодательства об образовании»¹⁴⁶. О.В. Ильина пишет: «в сфере образования в настоящее время сложился поистине громадный

нормативно-правовой массив на всех уровнях – федеральном, региональном, муниципальном, требуется проведение систематизации действующего образовательного массива»¹⁴⁷. Аналогичной позиции придерживается Л.Б. Александрова, утверждая, что «значительная аналитическая работа предстоит в систематизации нормативных правовых актов, регулирующих образовательные отношения. С одной стороны, их совокупность характеризуется множественностью и объемом норм и нормативных актов, а с другой, существенными пробелами, отсутствием регламентации по важнейшим вопросам образования»¹⁴⁸.

Безусловно, решение указанных проблем развития законодательства об образовании в Российской Федерации на современном этапе неразрывно связано с проведением дальнейшей систематизации законодательства об образовании. Как представляется, в основу деятельности по систематизации федерального законодательства об образовании должны быть положены общие тенденции совершенствования российского законодательства, наметившиеся в последнее время.

В первую очередь, речь идет о необходимости обеспечения верховенства Конституции Российской Федерации и федеральных законов в системе источников образовательного права. Не менее важным является обеспечение целесообразности в сочетании динамики и стабильности образовательного законодательства. Острой проблемой является сегодня своевременного устранения дублирования в практике нормативно-правового регулирования, обеспечения доступности нормативных правовых актов для всех участников образовательных правоотношений, улучшение качества юридической техники.

В результате систематизации акты образовательного законодательства должны решить двоякую задачу: с одной стороны, стать актами прямого действия и содержать лишь минимально необходимое количество отсылочных норм, а с другой, – учитывать особенности статуса отдельных образовательных учреждений, наделенных автономией и пользующихся академическими свободами.

Вместе с тем, несмотря на единодушные взгляды, относительно необходимости систематизации федерального образовательного законодательства важной проблемой его систематизации является

выбор ее формы. В последние годы в России существует активная дискуссия о выборе наиболее адекватной формы систематизации законодательства об образовании.

В этой связи, обратимся к анализу форм систематизации образовательного законодательства применительно к федеральному уровню.

Следует отметить, что в период 2000–2002 гг. рядом ученых и специалистов в области образовательного права, среди которых заслуженную роль одного из инициаторов «образовательно-правового движения» играл профессор В.М. Сырых, были определены варианты эффективной систематизации в области образовательного законодательства. Среди них были обозначено несколько путей:

Первый путь – принятие кодекса об образовании Российской Федерации, который позволил бы аккумулировать и интегрировать все положительное в существующем законодательстве и стал бы единым, авторитетным и эффективно действующим образовательным законом прямого действия на территории всего государства.

Второй путь – последовательное увеличение массива законодательных актов посредством разработки и принятия федеральных законов в определенной последовательности, с учетом реальных требований современности, но имея конечной целью также разработку кодекса об образовании на основе уже достаточно полно разработанной законодательной базы в области образования.

Третий – разработка федеральных законов по мере возникновения и «смягчения» «острых» ситуаций в системе образования, разрешение которых можно осуществить только законом»¹⁴⁹.

Вместе с тем, как справедливо отмечает Н.В. Путило «вопрос о том, в какой форме будет осуществляться эта систематизация, имеет не столько теоретическое, сколько практическое значение. Ведь каждая из форм (учет, инкорпорация, консолидация и кодификация) требует особой организации работ, предполагает свои масштабы изучения и глубину преобразования имеющегося нормативного массива»¹⁵⁰.

Коллизия интересов государства, общества, гражданина как детерминанты существования юридических исключений: поиск необходимого баланса

Современная действительность характеризуется бурным развитием и постоянной динамикой, обуславливающей появление исключений в процессе правового регулирования.

«Исключение, – как верно пишет С.Ю. Суменков, – находит свое закрепление только в издаваемых или санкционируемых государством юридических нормах»¹⁵¹.

Об этом несколько ранее, и в ином аспекте, писал С.С. Алексеев, считавший: «... исключения не могут предполагаться, они всегда должны быть точно указаны в нормативных актах»¹⁵².

В.М. Баранов отмечает, что «к числу очевидных свидетельств ложности конкретной юридической нормы относится наличие у нее многих исключений»¹⁵³. По мнению ученого, норма права, содержащая множество оговорок и исключений, иллюстрирует недостаточно высокую степень обобщенности¹⁵⁴ средства государственной регуляции.

Частично не соглашаясь с позицией В.М. Баранова, считаем, что, во-первых, не стоит ставить в один смысловой ряд такие термины как «исключение» и «оговорка», так как последняя является способом закрепления исключений в нормативном акте как в форме и соответственно в норме права как содержания¹⁵⁵. Во-вторых, и это самое главное, наличие в норме права исключений из правил не должно расцениваться (определяться) правоприменителем как недостаточно высокая степень обобщенности.

Правовое регулирование, как известно, может и должно сочетать в себе как требуемую конкретность, так и необходимую абстрактность. Качество юридической нормы, определяется не только по степени обобщения; оно должно рассматриваться в совокупности с требованиями, предъявляемыми к кругу субъектов правоприменения и практической эффективностью (конкретно и официально установленными показателями). В любом случае, наличие исключе-

ний в норме права не является однозначным индикатором ее ложности.

Так, приводимый В.М. Барановым пример об отрицательной формулировке нормы, позволяющей солдатам внутренних войск МВД СССР в исключительных случаях (курсив наш – М.Б.), применять оружие служит напротив проявлением адекватности права, заключающейся в необходимости и возможности учета психологических, индивидуальных особенностей в экстремальных обстоятельствах, которые возникали и возникают в реальной жизни вообще, а при исполнении воинского долга в частности. В данном аспекте, исключения выступают скорее в качестве положительного фактора будучи нормативно зафиксированы.

Кроме того, полностью разделяем позицию С.Ю. Суменкова, о том, что «современное российское право страдает декларативностью, противоречивостью, но никак не тем, что исключения прева-лируют над правилами... исключения из правил ... обеспечивают требуемую абстрактность и (или) казуистичность правового регулирования, что способствует достижению целей последнего»¹⁵⁶.

Таким образом, логично предположить о наличии в праве норм-исключений. Препятствием указанной апории имеется устоявшаяся точка зрения относительно того, что норма права – это всегда безоговорочно и обязательно правило. В контексте данного восприятия, норма права – эталон, стандартизированный образец, модель поведения субъектов права, позволяющая урегулировать многообразие жизненных обстоятельств и казусов. Разделяя данную точку зрения, хотелось бы заметить содержащиеся в ней противоречия. С одной стороны, норма олицетворяет собой эталон, стандарт регулирования, а с другой – норма предназначена для оперативного и адекватного реагирования на динамизм и многообразие общественных отношений.

Сама по себе вышеуказанная коллизия непреодолима, если понимать норму только, как правило. Вместе с тем это коллизия исчезает, если допустить, что норма может подразумевать собой не только правило, но и исключение.

Такие нормы представляют собой «разновидность норм-исключений, направленная на урегулирование экстраординарной ситуации, облакаемая в соответствующую терминологию (связан-

ную прежде всего с использованием термина «исключительный случай») и находящая внешнее проявление в отдельном правовом предписании»¹⁵⁷.

Аналогичной точки зрения (об экстраординарном характере исключительных норм) придерживается А.А. Деревнин. Ученый подчеркивает, что исключительные нормы (в отличие от общих и специальных норм) регламентируют сверхштатные, крайне нетипичные казусы; установление данных норм во многом предопределено обстоятельствами экстраординарного характера.

Как думается, необходимо обратить внимание на, что норма это не только правило писал Н.И. Матузов, который возражал против безапелляционного отождествления нормы и правила. Понятие «норма» и «правило», обоснованно писал ученый, закрепляется и рассматривается как равноценные, заменяемые. Норма более широкий термин, чем правило. Норма насыщеннее и богаче по содержанию¹⁵⁸.

Наглядным примером конфликтного отношения конкурирующих норм выступает коллизия между специальным предписанием ТК РФ (абз. 2 ст. 179) и положениями целого ряда законодательных актов, также относящихся к специальным нормам¹⁵⁹. Возникновение данной коллизии объясняется следующим: 1) они действуют одновременно; 2) возникают в результате частичного совпадения объемов регулирования, что в совокупности необходимо определять как отрицательное явление правовой действительности.

Н.А. Власенко считает, что «коллизия правовых норм следует определять как отношение между нормами, выступающие в форме различия или противоречия при регулировании одного фактического отношения»¹⁶⁰. Ученый солидаризуется с А.Ф. Черданцевым в том, что «конкуренция – это лишь частный случай коллизии...»¹⁶¹, о чем нельзя согласиться.

По нашему мнению, представляется, что логически выверенная позиция по данному вопросу принадлежит И.Н. Сенякину, который считает, что «при конкуренции ... ни о какой коллизии не может быть и речи»¹⁶², поскольку «...нормы, конкурирующие между собой, во-первых, по-разному регулируют одни и ту же область общественных отношений и, во-вторых, не находятся в противоречии между собой»¹⁶³.

Другими словами, следует согласиться, что конкуренция и коллизия норм права безусловно являются «...взаимосвязанными понятиями, но не являются идентичными, ввиду чего неправомерно их отождествление», и как следствие, их необходимо четко разграничивать.

Таким образом, таким образом, подводя итог всему вышесказанному, следует отметить следующее:

во-первых, исключение есть явление объективной действительности, смысл которого заключается в неподчинении общему правилу;

во-вторых, исключения присутствуют в каждом социальном регуляторе. Юридические исключения должны обязательно быть внедрены законодателем в правовую оболочку, придавая праву качество эффективного и гибкого регулятора общественных отношений, разрешая коллизии интересов государства, общества и гражданина в поисках необходимого баланса;

в-третьих, динамическое развитие науки, техники, медицины, и других сфер жизнедеятельности во многом предопределяет необходимость законодательного закрепления не только правил, но и исключений из них, позволяющих максимально комфортно и эффективно разрешать разнообразные казусы.

Бендицкая О.И.,
соискатель кафедры теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
первый зам. руководителя Аппарата
Ассоциации Юристов России

О развитии механизма правозащитной деятельности как правового явления

Для аргументации актуальности и обоснованности изучения *механизма правозащитной деятельности* как *правового явления* представляется обоснованным хотя бы лаконично охарактеризовать этот феномен. Обращение к актуальной юридической литературе позволяет констатировать, что в большинстве случаев *правовое явление* трактуется как аксиоматичное понятие, не требующее каких – либо комментариев. Многие авторы соответствующие *отношения* рассматривают в этом контексте; это может иметь в части названия работ¹⁶⁴, или ее отдельных глав или параграфов («безвестное отсутствие граждан как *правовое явление*»¹⁶⁵; «сущность иностранного элемента в гражданско-правовом отношении как *правового явления*»¹⁶⁶; «изъятие земельных участков для государственных или муниципальных нужд как «социальное и *правовое явление*»¹⁶⁷ и т.д.).

Иногда можно обнаружить и иные термины, например, «*явление* правовой действительности», используемые, в том числе применительно к изучаемому феномену. Так, исследователи пишут о соотношении категорий «правовая жизнь» и «*правовые явления*»¹⁶⁸. В контексте теоретико-правовых исследований важно отметить, что *правоотношение*, как правило, характеризуют как особое *правовое явление*¹⁶⁹.

По нашему мнению, есть основания утверждать, что понятие *правовое явление* большинство исследователей предлагает характеризовать как аксиому *теории права и государства*, которая может быть применима к такому *явлению*, которое признается широким (фактически неограниченным) кругом исследователей как *механизм правового регулирования*. В этом плане характерным является утверждение о том, что «теория *механизма правового регулирования* не предусматривает каких-либо ограничений, а, наоборот, предполагает

возможность развития ее применительно к отдельным отраслям *права*»¹⁷⁰.

Безусловно, в *теории права* сам термин «механизм» носит значительно более специфичный характер по сравнению с дефинициями, содержащимися в энциклопедической литературе¹⁷¹ так, С.С. Алексеев только применительно к категории «*право*» констатировал возможность наличия особого *механизма*, обеспечивающего реальное действие правовых норм¹⁷².

Однако констатировать единство теоретических позиций относительно сущности и содержания *механизма правового регулирования* не приходится. В качестве примера приведем достаточно характерную цитату, согласно которой в изучаемом понятии нужно выделять два элемента (в целом, дефиниция позиционируется как носящая дуалистичный характер). Как пишут исследователи, «нужно разграничить...*механизм правового регулирования*...как процесс правового воздействия на общественные *отношения*... *правовой механизм* – как систему элементов, позволяющих осуществлять такое правовое воздействие»¹⁷³. Данную позицию в том или ином объеме разделяют многие авторы¹⁷⁴.

Одни ученые полагают, что категория *правового механизма* носит более широкий характер, поскольку включает в себя всю совокупность средств юридического воздействия¹⁷⁵; другие авторы фактически занимают противоположную позицию¹⁷⁶.

В определенной мере, мы можем разделить, таким образом, утверждение о том, что «отсутствие единообразного понимания данной категории является следствием научной новизны исследований по этой проблематике в российской правовой науке»¹⁷⁷.

На наш взгляд, категория «*правовой механизм*» может характеризоваться как правовое (а не, к примеру, формально – юридическое явление и, возможно, противоправное антидемократическое) явление только в контексте конкретного его содержания.

В качестве иллюстрации данного суждения приведем небезынтересную в весьма актуальную цитату. «В целом XX в. принес еще и понимание того, – пишет Л.Г. Коновалова, – что, пользуясь демократическими механизмами, к власти могут прийти партии фашистского, ортодоксально религиозного или расистского типа, чья

политика в дальнейшем оказывается направлена на разрушение демократических и конституционных основ государства»¹⁷⁸.

В определенной мере «перекликается» с данной цитатой утверждение о том, что «ключевым свойством правового механизма выступает системность, которая в теории права рассматривается как совокупность взаимосвязанных элементов, в результате взаимодействия которых такая совокупность приобретает иное качество, отсутствующее как у любого из элементов в отдельности, так и у всех взятых вместе, но не взаимодействующих друг с другом. Таким образом, правовой механизм, выражающий право в статике, представляет собой сформированный государством инструментарий, включающий систему специальных органов, институтов, правовых средств, применение потенциала которых позволяет оказать эффективное правовое воздействие на определенные отношения»¹⁷⁹.

Именно с таких исследовательских позиций, базирующихся на понимании правового явления как феномена, имеющего место только в реально-демократического государства, где приоритетной ценностью являются права и свободы человека и гражданина мы будем характеризовать механизм правозащитной деятельности.

Следует сразу оговориться, что сам это институт при его наличии не только де юре, но и де факто изучаемого института государство приближается к стандартам, которые, как правило, – такое регулирование имеет место в Российской Федерации – закрепляются на конституционном уровне. Соответственно, мы можем констатировать наличие констатировать корреспондирующей связи между конституционно – правовым режимом государственности с реальным приоритетом прав человека и правовым механизмом правозащитной деятельности. Полагаем, что необходимо еще раз обозначить конкретный критерий: в том случае, если механизм правозащитной деятельности обеспечивает примат такой общепризнанной ценности как права человека его можно характеризовать как позитивное правовое явление; в противном случае – это формальный юридический механизм. Примеры последнего вида ситуаций имеют место значительно более часто, фашистские, ортодоксально религиозные, расистские и, целом, тоталитарные «правовые механизмы защиты» индивида доминируют в истории.

Опять же представляется целесообразным осуществить попытку охарактеризовать критерии «разграничения» выделенных режимов. На первый взгляд, она не актуальна в силу очевидности антинародного их характера; однако это становится в ряде случаев очевидным лишь спустя значительное время. Так, например, «упреки», в том числе объективируемые в юридической форме меморандумов, обращений, официальных заявлений высших должностных лиц и т.п., о якобы имеющих место нарушении прав человека в нашей стране – уже приобретают системный характер. Однако именно в условиях беспрецедентного политического и экономического давления российская Федерация при всех негативных условиях не разрушила уникальный механизм правозащитной деятельности, субъектом которого является Европейский Суд по правам человека.

Проблемы ограничения абсолютных прав граждан публичной властью: поиск баланса интересов

Степень объективной неотъемлемости абсолютных прав граждан намного выше с точки зрения теоретических умозаключений, нежели чем при практической реализации указанных прав в действительности. Согласно научной доктрине абсолютные права признаны таковыми в силу их неотчуждаемости, а также таких признаков как: обязательная защита и соблюдение должного поведения со стороны противопоставленных лиц, неправомочных каким-либо образом незаконно посягать на данные права. Однако нередко возникающие экономические, политические, социальные, а также информационно-аналитические факторы и условия обуславливают практическую необходимость возможности ограничения абсолютных прав. Такого рода ситуации в силу своей частоты и высокой степени популяризации детерминировали законодательное закрепление оснований для соответствующих ограничений, а также субъектов, уполномоченных санкционировать такие действия.

Закрытого перечня абсолютных прав на законодательном уровне не предопределено. Значительную их часть можно выделить в Основном Законе нашего государства. Таким образом, их абсолютизм подкреплен конституционными гарантиями, а возможности ограничения строятся на конституционных принципах. Общеизвестным является положение о том, что ограничительные меры не могут являться чрезмерными и должны быть адекватны обстоятельствам, в связи с которыми они возникли, и в данном случае принцип соразмерности (пропорциональности) ограничения прав и свобод является одним из главных¹⁸⁰. Соответственно, поиск баланса интересов между личностью и публичной властью при ограничении абсолютных прав должен осуществляться на базе указанного принципа с применением исключительно законных методов и средств, так как ограничение как процесс не должен перерасти в нарушение.

Степень соответствующих ограничений, провозглашенная Конституцией Российской Федерации, четко не определена, а приравнена к степени их необходимости. Таким образом, из объективно направленной законодательно закрепленной системы происходит переход в субъективную и индивидуально-определенную структуру. Многих ученых-теоретиков данное переопределение подвигло к умозаключениям о его целесообразности, а также о более четком понимании и идентификации самой соразмерности проводимых ограничений. В частности, В.Б. Рушайло отмечает, что принцип пропорциональности включает четыре основных требования, связанных главным образом с целями ограничений:

1) обоснованность ограничений (наличие прав и интересов, требующих защиты, ясное указание связи целей и средств ограничения);

2) важность целей ограничения (значимость защищаемых прав заключается в том, что защищаемые права – это основные права и свободы человека и связанные с ними интересы);

3) соответствие степени ограничения прав общественной значимости целей ограничения или значимости защищаемых прав;

4) необходимость применения принципа пропорциональности одновременно с принципами недискриминации, равенства, законности, справедливости¹⁸¹.

Соответственно, логика позиции автора пронизывает не только необходимость соблюдения принципа соразмерности, а также необходимость исполнения конституционных основ, провозглашающих верховенство основных прав и свобод человека, а также всеобщее равенство без учета целого ряда критериев и признаков, которыми может обладать человек. Безусловно, при реализации ограничений прав в рамках поиска баланса интересов между публичной властью и отдельной конкретной личностью данные начала так же обуславливают эффективный процесс указанного взаимодействия.

С одной стороны, теоретически и на законодательном уровне все условия для необходимых ограничений предусмотрены, с другой стороны, в объективной действительности возникают некоторые сложности и проблемы. В частности, рассмотрим ситуацию с ограничением абсолютного права собственности, состоящего из триады правомочий собственника по владению, пользованию и распоряже-

нию. Конституция Российской Федерации не закрепляет указанное право в качестве не подлежащего ограничению, соответственно, разного рода специальные ограничения уместны при определенных объективных обстоятельствах.

Следует отметить, что согласно интерпретации некоторых ученых-теоретиков абсолютное по своей природе право собственности может быть ограничено в двух потенциально разных аспектах и направлениях. Во-первых, возможно ограничение права собственности в целом как самостоятельной правовой единицы (в частности, запрет на некоторые виды распоряжения имуществом, ограничения по субъектному составу, ограничения по способам приобретения имущества); во-вторых, возможно ограничение или сужение некоторого круга полномочий или действий самого собственника (например, ограничения, вытекающие из пожарных, санитарных и другого рода правил)¹⁸². Сложившаяся вариативность породила сложности и проблемы в понимании самой дефиниции «ограничение права собственности» и привела к смешению этих выделенных типов.

В уголовной и административной практике нередко возникают ситуации, связанные с изъятием какой-либо вещи (предмета или документа) у собственника по процессуально закрепленным основаниям. Более того актуальны ситуации возврата указанного имущества в случаях, когда оно не представляет значения или ценности по рассматриваемому делу. Однако право собственности владельца на определенный период фактически было ограничено, что, возможно, доставило ему некоторые трудности материального или морального плана (например, в случае изъятия денежных средств, банковских карт, личных документов, ключей от автотранспортных средств либо жилища и тому подобное). Однако закон каких-либо пояснений по указанной ситуации не дает, речь идет лишь о возвращении вещи лицу в ее первоначальном виде. Более того, временные рамки такого возврата законодателем конкретно не установлены, в связи с чем у собственника возникает необходимость самостоятельно инициировать механизмы по защите своей частной собственности и восстановлению правомочий по владению, пользованию и распоряжению. Однако нередко бывают случаи с невозможным немедленным принятием решения по заявленному ходатай-

ству о возврате изъятых ценностей, следовательно, собственник снова терпит материальные и моральные издержки, связанные с временным ожиданием. Соответственно, возникает проблема обеспечительного характера, провоцирующая трансформацию процессуальных действий по изъятию и удержанию имущества в последующее нарушение абсолютного права собственности.

В подобного рода условиях собственники в целях восстановления своих субъективных прав уже ссылаются не только на нормы Российского законодательства, но также на положения международных нормативно-правовых актов, в частности, на «Конвенцию о защите прав человека и основных свобод», заключенную 04 ноября 1950 года. Указанная Конвенция провозглашает наличие у каждого физического или юридического лица права на уважение права собственности, то есть признание и обеспечение справедливости, правового равенства и обеспечения гарантий в вопросах обращения с имуществом. Таким образом, координирование и оптимизация обеспечительных мер со стороны государства и публичной власти, соблюдение норм международного законодательства позволят достичь актуальной цели повышения степени эффективности защиты прав личности, а, следовательно, создать успешную систему баланса между интересами самой власти и конкретного лица, чьи абсолютные права подлежат ограничению.

Интеллектуальная собственность и абсолютные интеллектуальные права также могут быть ограничены. Большое количество нерешенных сложностей и проблем такой специфики возникает при неограниченном и неконтролируемом количестве обращений к продуктам интеллектуального труда, например, в сети Интернет. Имеют место быть ситуации с ограничением доступа к каким-либо информационным ресурсам на определенных сайтах по просьбам самих правообладателей, однако нередко доступ ограничивают не частично, а ко всей расположенной на сайте информации (ко всему сайту) без учета согласия других правообладателей, не выступающих против открытого обращения к результатам их интеллектуального творчества. Подобного рода ограничения порождают нарушение правомочий и субъективных прав собственников. Более того в киберпространстве сложно отследить и проконтролировать частичное или полное ограничение доступа, так как нередко вся система транс-

формаций и действий ведется через информационных посредников, предоставляющих возможность размещения материалов в Сети. Необходимо отметить, что указанные посредники в соответствии с Гражданским законодательством не несут ответственности за нарушение интеллектуальных прав при передаче материалов. Таким образом, снова возникает проблема обеспечительного характера, а также проблема неполного и невсеобъемлемого контроля над реализацией абсолютных интеллектуальных прав.

Подводя итог, следует отметить, что любая система не всегда работает идеально, в том числе сложная по своей природе схема ограничения абсолютных (неотъемлемых по внутренней сущности) прав. Поиск баланса интересов между публичной властью и отдельной конкретной личностью и есть один из способов решения возникающих проблем и трудностей. При эффективном взаимодействии этих двух сторон-участников будут найдены наиболее оптимальные и результативные способы и средства устранения пробелов в законе и на практике, необходимо лишь обоюдное соблюдение установленных принципов и обеспечение процессуальных гарантий.

Неправомерное деяние как конфликт интересов гражданина и общества

В последнее время факты проявления неправомерных деяний в отношении различных субъектов права участились, при этом способы их осуществления становятся все более изощренными. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации сказано, что обеспечение национальных интересов осуществляется посредством реализации таких стратегических национальных приоритетов как государственная и общественная безопасность, стратегическими целями которых являются защита конституционного строя, суверенитета, государственной и территориальной целостности Российской Федерации, основных прав и свобод человека и гражданина, сохранение гражданского мира, политической и социальной стабильности в обществе¹⁸³, что показывает важность недопустимости нарушения прав и свобод, в том числе проявляемых при неправомерных деяниях. В данном случае сам факт совершения неправомерных деяний служит основанием для возникновения конфликта интересов между государством и обществом.

В статье 10 Федерального закона «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 №273-ФЗ дается понятие, что конфликт интересов представляет собой такую ситуацию, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение должностных (служебных) обязанностей (осуществление полномочий) лица¹⁸⁴. В ситуации, когда субъект совершает какой-либо вид неправомерных деяний, его действия как раз направлены на реализацию собственных интересов в ущерб другим, мотивом подобных действий выступает личная заинтересованность. Однако отличием от типичного проявления конфликта интересов здесь является то, что в случае совершения неправомерных деяний субъектом может быть любой гражданин, который ставит свои интересы выше других, нарушая права третьих лиц и причиняя определенный вред своими действиями, в то время как субъектом конфликта интересов в соот-

ветствии с ФЗ «О противодействии коррупции» будет лицо, замещающее должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов¹⁸⁵. Довольно часто встречается точка зрения, согласно которой конфликт интересов ассоциируют с коррупционным правонарушением, то есть, если говорить о том, что конфликт интересов общества и государства является причиной проявления неправомερных деяний, то и коррупционное правонарушение также способствует совершению неправомερных деяний, что, безусловно, не одно и то же, и требует более глубокого теоретического осмысления.

Для решения указанной проблемы необходимо обратиться к зарубежной практике, а также к возможности введения в законодательство понятия «коррупционное правонарушение», с целью избежать смешения таких правовых категорий как «правонарушение», «коррупционное правонарушение» и «неправомерное деяние».

В соответствии с иностранным законодательством, в частности англосаксонской правовой системы, конфликт интересов представляет собой потенциально допустимую ситуацию. Придерживаясь вышеуказанной логике, в случае, когда работник извещает своего работодателя о возникшей ситуации, он предотвращает возможность совершения коррупционного правонарушения. В данном случае подобный порядок действий приносит выгоду как для работника, так и для работодателя, приводя в действия так называемую «служебную превенцию». Однако в российском законодательстве приведенные обстоятельства рассматриваются в качестве уже свершившегося факта и правонарушения (то есть одного из видов неправомερных деяний), а не как возможно случившаяся ситуация, что доказывает необходимость введения в юридическую терминологию такой правовой категории как «коррупционное правонарушение¹⁸⁶».

До сих пор термин «коррупционное правонарушение» не предложен законодателем. Ни в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, ни в Уголовном кодексе Российской Федерации, ни в Федеральном законе «О противодействии коррупции» (казалось бы «главном» нормативно-правовом акте о коррупции) не сформулировано данное понятие. Только в Феде-

ральном законе «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» упоминается данная категория, но без четкой трактовки самого понятия и его признаков, что указывает на возможный «корень» поднятой проблемы, поскольку конфликт интересов, как отмечалось ранее, в большинстве своем связывают с коррупционным правонарушением (точнее – его последствием), в свою очередь вышеупомянутые категории напрямую зависят от совершивших субъектом неправомерных деяний.

По своей сути неправомерные деяния, в узком понимании – это запрещенные законом и нарушающие правовые нормы действия или бездействия (то есть правонарушения). Их можно охарактеризовать по целям субъекта, преследуемым мотивам, тяжести наступления последствий и их направленности¹⁸⁷. До сих пор в теории права неправомерные деяния и правонарушения в отдельных трудах рассматриваются как тождественные понятия. Так, Е.Г. Лукьянова пишет: «Неправомерные действия или бездействия – это различные правонарушения, выступающие основанием возникновения охранительных правоотношений¹⁸⁸». Вместе с этим, в теоретической науке сформирован подход, заключающийся в том, что правонарушение выступает в качестве вида неправомерного деяния и не может с ним отождествляться.

В широком понимании неправомерные деяния – это действия или бездействия, направленные против целей права, нравственности и добросовестности. В данном случае наряду с традиционным правонарушением как разновидности неправомерных деяний, рассматриваются такие юридические факты как «злоупотребление правом», «добросовестное заблуждение», «объективно-противоправное поведение», «недобросовестное поведение», «действия в обход закона», «квазисудебные правонарушения» и другие правовые категории, которые фактически закон не нарушают, однако при их проявлении и возникновении можно четко проследить конфликт интересов, поскольку субъект действует с личной выгодой вопреки интересам государства и общества в целом.

Еще Г. Гегель в своей работе писал, что «различные интересы... могут вступить в столкновение друг с другом, и... соглашение между ними требует... урегулирования, сознательно предпринимаемого стоящей над ними инстанцией¹⁸⁹». Однако не все виды неправомер-

ных деяний урегулированы нормами права и влекут за собой юридическую ответственность. О подобном последствии для субъекта, совершившего неправомерное деяние, может идти речь только тогда, когда речь идет о правонарушении (то есть неправомерное деяние в узком понимании). Что касается других видов неправомерных деяний, таких как злоупотребление правом», «добросовестное заблуждение», «объективно-противоправное поведение», «недобросовестное поведение», «действия в обход закона» и др., для них не предусмотрен инструмент государственного воздействия, поскольку никакие нормы права фактически не нарушаются, что, безусловно, является проблемой, ведь возникший конфликт интересов между государством и обществом налицо.

Вполне закономерно возникает вопрос: «Что делать в подобной ситуации?» Необходимо принимать во внимание степень участия государства в различных сферах жизнедеятельности и установление ее пределов, с целью учета соответствия интересов общества и государства, дабы избежать в дальнейшем конфликт интересов между ними. По этой причине следует обращаться к различным нормативно-правовым актам (например, Стратегия национальной безопасности Российской Федерации), в которых четко определено место государства в общественных отношениях страны, ведь принцип баланса национальных интересов представляет собой эффективное орудие в решении конфликтов, возникающих в обществе. Поскольку право считается «убежищем» для отдельно взятого человека при защите его интересов, именно регулирование интересов государства и общества, путем введения в законодательство ряда правовых норм, является важнейшей задачей для устранения конфликта интересов¹⁹⁰, возникающего между государством и обществом при неправомерных деяниях.

*Абакишина Н.А.,
советник юридического отдела
Фонда поддержки ветеранов боевых действий
и участников вооруженных конфликтов ДНР*

**Правовые механизмы устранения конфликта интересов
в вопросах привлечения Генерального прокурора ДНР
к уголовной ответственности: проблемы злоупотребления
публично-властными полномочиями¹⁹¹**

Обязанность каждого гражданина Донецкой Народной Республики противостоять беззаконию и произволу власти в защиту не только своей гражданской и человеческой позиции, а также в защиту всей Республики в целом от злоупотреблений правом со стороны государственных деятелей и должностных лиц во имя спасения общего блага, спасения той светлой идеи создания правового государства, за которое люди Донбасса отдали свой голос 11 мая 2014 года, присягнув на верность Родине.

Конституция ДНР гарантирует защиту прав лиц, потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью, где в соответствии со ст. 38, 49 государством гарантируется защита прав и свобод человека и гражданина, каждый, находящийся на территории Донецкой Народной Республики, обязан соблюдать Конституцию, законы Республики, уважать права и свободы других лиц¹⁹².

Проблема злоупотребления публично-властными полномочиями заключается в неправосудной системе, действующей на территории Донецкой Народной Республики. В сложившейся ситуации злоупотребления правом следует отметить отступления от конституционных требований, закрепленных в ст. 3 Конституции ДНР, где человек, его права и свободы являются высшей ценностью для государства, государственных органов и должностных лиц, обязанность которых заключается в признании, соблюдении и защите прав и свобод человека и гражданина.

В соответствии со ст. 12 Конституции ДНР права и свободы человека и гражданина в Республике признаются и гарантируются согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и обеспечиваются правосудием. Так, ст. 17 Конвенции о защите прав человека и основных свобод (Рим, 04.11.1950) (с измене-

ниями от 21.09.1970, 20.12.1971, 01.01.1990, 06.11.1990, 11.05.1994) говорит о недопустимости злоупотребления правами каким-либо лицом путем совершения каких бы то ни было действий, направленных на упряднение прав и свобод или на их ограничение в большей мере, чем это предусматривается в Конвенции.

В соответствии с Международным кодексом поведения государственных должностных лиц, принятым резолюцией 51/59 Генеральной Ассамблеи от 12.12.1996, государственная должность, к которой относится должность Генерального прокурора ДНР, Верховного судьи ДНР, Министра финансов ДНР, Министра доходов и сборов ДНР, предполагает должность, облеченную доверием и обязанностью действовать в интересах государства, общества, человека и гражданина. Государственные должностные лица должны быть внимательны, справедливы и беспристрастны при выполнении своих функций, не допуская дискриминации по отношению к кому-либо или злоупотребляя возложенными на них полномочиями и властью.

С учетом конституционной обязанности публичной власти, закрепленной в ст. 39 Конституции ДНР, в Республике каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод, однако в действительности следует отметить определенные отступления от конституционных требований, что характеризует природу злоупотребления правом.

В период с 2014 года на территории Донецкой Народной Республики действовали во времени и пространстве следующие Законы: Закон ДНР “О прокуратуре”, утвержденный Постановлением Верховного Совета Донецкой Народной Республики № 21 / 6-ВС от 15.07.2014, Закон ДНР “О прокуратуре Донецкой Народной Республики”, принятый Постановлением Народного Совета 15.04.2016 и Закон ДНР “О прокуратуре”, принятый 31.08.2018 Постановлением Народного Совета.

Вопрос злоупотребления правом на территории Донецкой Народной Республики связан с осуществлением незаконной деятельности в сфере юстиции и правосудия территориальных прокуратур ДНР.

В соответствии с Законом ДНР “О прокуратуре Донецкой Народной Республики”, принятым Постановлением Народного Совета 15.04.2016, приказом Министерства экономического развития ДНР

№ 37 от 05.05.2016 “Об утверждении порядка ведения регистра статистических единиц Главного управления статистики Донецкой Народной Республики”¹⁹³, постановлением Совета Министров ДНР № 36-10 от 29.09.2014 “Об утверждении порядка государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей”¹⁹⁴ на Генерального прокурора ДНР возложена обязанность государственной регистрации территориальных прокуратур ДНР в Департаменте государственной регистрации Министерства доходов и сборов ДНР и дальнейшей постановке на учет в Главном управлении статистики ДНР, где ведется реестр статистических единиц, после чего подлежат финансированию из государственного бюджета Республики Министерством финансов ДНР в части перечисления денежных средств на выплату заработной платы сотрудникам данных территориальных прокуратур.

Так, в Законе ДНР “О прокуратуре Донецкой Народной Республики”, принятым Постановлением Народного Совета 15.04.2016, закреплены следующие правовые основания государственной регистрации территориальных прокуратур ДНР, где в соответствии со ст. ст. 1, 12 Закона прокуратура ДНР представляет собой единую государственную централизованную систему органов, осуществляющих от имени Республики надзор за соблюдением Конституции ДНР и исполнением законов, действующих на данной территории, систему прокуратуры ДНР составляют Генеральная прокуратура ДНР, прокуратуры городов и районов, приравненные к ним военные и другие специализированные прокуратуры, научные и образовательные учреждения, редакции печатных изданий, являющиеся юридическими лицами. Более того, в соответствии со ст. 18 Закона Генеральный прокурор ДНР руководит системой прокуратуры Республики, осуществляя образование, реорганизацию, ликвидацию органов и учреждений прокуратуры, определяя их статус и компетенции, полномочия структурных подразделений, устанавливая их штатную численность и структуру, неся всю полноту ответственности за выполнение задач, возложенных на органы прокуратуры настоящим Законом. Создание и деятельность на территории Республики органов прокуратуры, не входящих в единую систему прокуратуры ДНР, не допускается.

Таким образом, прокуратуры городов и районов Донецкой Народной Республики являются юридическими лицами, которые в соответствии с постановлением Совета Министров ДНР № 36-10 от 29.09.2014 и приказом Министерства экономического развития ДНР № 37 от 05.05.2016 являются субъектами экономики, подлежащими государственной регистрации в Департаменте государственной регистрации Министерства доходов и сборов ДНР и последующей постановке на учет в Главном управлении статистики ДНР. Информация обо всех видах экономической деятельности, которые осуществляет или может осуществлять субъект экономики, содержится в Едином государственном реестре юридических лиц и физических лиц-предпринимателей ДНР – РСЕ, где согласно классификации видов экономической деятельности – КВЭД-2010 Генеральная прокуратура ДНР осуществляет деятельность в сфере юстиции и правосудия 84.23. Организационно-правовая форма (КОПФХ) структурных подразделений Генеральной прокуратуры ДНР – 610 – именуется как филиал (другое обособленное подразделение). Однако, в соответствии со ст. 12 Закона “О прокуратуре”, принятого Постановлением Народного Совета 15.04.2016, прокуратуры городов и районов являются юридическими лицами, что требует особого внимания в данном вопросе.

В соответствии с ч. 3 постановления Совета Министров ДНР № 36-10 от 29.09.2014 действие порядка государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей распространяется на всех юридических лиц, независимо от организационно-правовой формы, формы собственности и подчиненности, в результате чего также распространяется на деятельность Генеральной прокуратуры ДНР в вопросах обязательной государственной регистрации территориальных прокуратур ДНР, в частности прокуратур районов и городов Донецкой Народной Республики. Вопрос злоупотребления правом связан с недобросовестным бездействием и неисполнением нормативных правовых актов Генеральным прокурором ДНР, о чем свидетельствуют сведения Главного управления статистики ДНР от 13.06.2019 за № 21-27/319, согласно которых прокуратура города Донецка, а также прокуратура Ворошиловского района города Донецка для постановки на учет в органы государственной статистики Донецкой Народной Республики по состоянию на

13.06.2019 не обращалась. Также, согласно информационного письма из Главного управления статистики ДНР за № 21-26/22 от 15.01.2020, установлено, что в Реестре статистических единиц Главстата ДНР отсутствуют сведения о всех территориальных органах Генеральной прокуратуры ДНР.

Проблема злоупотребления правом коснулась также судебной власти Верховного судьи ДНР, о чем свидетельствует информация Главного управления статистики ДНР от 18.06.2019 за № 21-27/320, согласно которой Ворошиловский межрайонный суд города Донецка для постановки на учет в органы государственной статистики Донецкой Народной Республики не обращался, а также информация от 27.06.2019 за № 21-27/336, согласно которой Апелляционная палата Верховного суда ДНР для постановки на учет в органы государственной статистики Донецкой Народной Республики также не обращалась. Данный вопрос непосредственно затрагивает конституционные права и свободы граждан Донецкой Народной Республики, интересы физических и юридических лиц всей Республики в целом, где имеет место нецелевое расходование бюджетных средств Донецкой Народной Республики.

Организация деятельности Генеральным прокурором ДНР незарегистрированных в Главном управления статистики ДНР структурных подразделений Генеральной прокуратуры ДНР, в частности прокуратуры города Донецка, прокуратур районов города Донецка, прокуратур городов Донецкой Народной Республики является незаконной, в результате чего, вносятся незаконно документы прокурорского реагирования, а также имеют место незаконные участия прокуроров незаконно функционирующих структурных подразделений Генеральной прокуратуры ДНР в судах Республики, в отношении граждан ДНР, а также граждан Российской Федерации, выносятся заведомо неправосудные решения суда таких же незаконно функционирующих структурных подразделений Верховного суда ДНР, и финансирует всю эту незаконную юридическую деятельность Министерство финансов ДНР.

Деятельность данных структурных подразделений должна быть признана незаконной и все юридические факты, в ходе осуществления данной деятельности, должны быть признаны незаконными, не

имеющими юридической силы, в результате чего подлежат переосмотру все решения суда и документы прокурорского реагирования.

Данные противоправные деяния Генерального прокурора ДНР следует квалифицировать по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 159 "Мошенничество" УК РФ, ст. 160 "Присвоение или растрата" УК РФ, ст. 335 УК ДНР "Нецелевое расходование бюджетных средств", ст. 372 УК ДНР "Укрывательство преступлений" и ст. 143 УК ДНР "Отказ в предоставлении гражданину информации". Также необходимо учесть тот факт, что судебные решения незарегистрированных в установленном Законом порядке судов Донецкой Народной Республики с участием прокуроров незарегистрированных незаконно функционирующих прокуратур являются заведомо неправосудными и незаконными, что указывает на признаки составов преступлений, предусмотренных ст. 360 УК ДНР "Вынесение заведомо неправосудных приговора, решения или иного судебного акта" и ст. 414 УК ДНР "Злоупотребление властью, превышение или бездействие власти"¹⁹⁵.

Учитывая вышеизложенное, необходимо дать правовую оценку деятельности в сфере юстиции и правосудия Генеральной прокуратуры ДНР, Верховного судьи ДНР, не оставив без внимания также финансовую деятельность Министра финансов ДНР, а также Министра Доходов и сборов ДНР. Неопровержимые факты злоупотребления правом на территории Донецкой Народной Республики свидетельствуют о том, что судебная защита прав и свобод человека на данной территории заведомо неправосудна, что представляет особый интерес для теории государства и права.

В соответствии со ст. 124 УПК ДНР, по делам о преступлениях, предусмотренных ст. ст. 143, 360 УК ДНР, а также о преступлениях, совершенных государственными служащими, должностными лицами республиканского органа исполнительной власти, реализующего государственную политику в сфере доходов и сборов, предварительное следствие проводится следователями прокуратуры. По решению Генерального прокурора ДНР следователями прокуратуры могут расследоваться и иные преступления. По делам о преступлениях, предусмотренных ст. 335 УК ДНР предварительное следствие проводится тем органом, который возбудил уголовное дело, соответственно по делам о преступлениях, предусмотренных ст. 372 УК

ДНР предварительное следствие проводится тем органом, к подследственности которого относится преступление, в связи с которым возбуждено данное дело¹⁹⁶. В данном вопросе актуальность проблемы злоупотребления правом связана с отсутствием правовых механизмов привлечения Генерального прокурора ДНР к уголовной ответственности в виду того, что вышеперечисленные преступления относятся к подследственности Генеральной прокуратуры ДНР, которую он возглавляет, что представляет собой природу конфликта интересов в контексте злоупотребления публично-властными полномочиями. Говоря о том, что злоупотребление правом связано с нарушением конституционных принципов, решение данной проблемы возможно исключительно конституционным образом.

*Темурзиев М.Н.,
аспирант кафедры теории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Проектирование правовых средств противодействия коррупции в локальных актах частных предприятий и организаций

Предупреждение коррупции в коммерческих организациях является частью системы управления и связано с контролем соблюдения законодательства, а также с разработкой локальных актов, регулирующих механизмы противодействия коррупции. Хотя сложно представить собственника организации, который не позаботится о снижении уровня коррупции в его компании, предупреждение коррупции является обязанностью, установленной ст. 13.3 ФЗ 273-ФЗ¹⁹⁷.

Для реализации данной обязанности в компании должен быть разработан и подвержен обновлению кодекс корпоративного поведения (кодекс корпоративной этики).

Приказом назначаются лица, ответственные за контроль исполнения внутренних документов компании по противодействию коррупции. По общему правилу это руководящее лицо компании, имеющее аппарат подчиненных работников. Однако, в крупных компаниях обязанности по контролю берет на себя служба безопасности, имеющая техническую возможность выявления нарушений.

Локальными актами (распоряжениями, приказами) так же вводятся процедуры контроля работы компании на предмет соответствия требованиям законодательства о противодействии коррупции и утвержденным внутренним документам. Со всеми актами сотрудники и руководство компании должны быть ознакомлены.

В частности, локальными актами в компании следует устанавливать процедуры для рассмотрения ситуаций, связанных с нивелированием конфликта интересов, а также процедуры проведения соответствующих регулярных проверок. В результате проверок выполняются действия, направленные на устранение нарушений при их наличии.

Какие это могут быть процедуры и проверочные мероприятия?

Процедуры по контролю работы отдела продаж и отдела закупок

Продажа и закупка товаров – одна из наиболее коррупционногенных сфер работы любой компании, вследствие этого она должна быть урегулирована в первую очередь. Организация процесса продажи и закупки в компании строится на кодексе корпоративного поведения и должна обеспечивать не только соответствие данного процесса положениям законодательства о противодействии коррупции, но и учитывать специальные законы, посвященные закупкам для государственных нужд (223-ФЗ, 44-ФЗ).

Для обеспечения прозрачности выбора поставщиков товаров и услуг требуется организация тендерного процесса закупок, стоимость которых выше суммы, определяемой во внутренних актах. Порог, отсекающий закупки, требующие проведения торгов, от незначительных покупок, необходимых для текущей деятельности организации, назначается в зависимости от размеров компании и ее оборота. В целом, могут быть установлены различные уровни согласования: от мелкой покупки канцелярии, до заказа работ по строительству зданий и сооружений. В любом случае, в компании назначается ответственное лицо или лица, которые принимают решения об одобрении расходов после соответствующих процедур (тендер или запрос предложений).

Контроль крупных сделок и сделок с заинтересованностью. Проверка контрагентов на предмет конфликта интересов.

Основы механизма контроля крупных сделок и сделок с заинтересованностью уже заложены в отраслевом законодательстве. Внутренними локальными актами требуется его уточнение через установление процедуры одобрения крупных сделок. Такое установление должно делаться в соответствии с ФЗ «Об акционерных обществах»¹⁹⁸ и ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью»¹⁹⁹. Например, согласование крупной сделки в АО относится к компетенции общего собрания акционеров (ст. 48 ФЗ №208), в ООО – к компетенции совета директоров (ст. 32 ФЗ № 14).

Кроме того, требуется проводить проверку налогового и финансового положения контрагентов несколькими независимыми друг от

друга отделами. Например, недопустимо заключения сделок с компаниями, пренебрежительно относящимися к налоговому законодательству. На данный момент существует негативная практика, когда налоговый орган может признать деятельность такого контрагента фиктивной и обвинить даже добросовестную компанию с ним сотрудничавшую в уходе от налогов. Суды с очень большой вероятностью займут сторону государственного органа²⁰⁰.

Разумеется, проверка финансового состояния компании на предмет отсутствия задолженностей перед другими контрагентами (просуженных решений), отсутствия начала процедуры банкротства, а так же отрицательных отзывов является рутинной для компании, не желающей нести невозвратимые расходы.

Конфликт интересов существует, если физическое лицо в компании имеет профессиональные, личные или частные интересы, которые расходятся с интересами, которые лицо, как ожидается, будет иметь при представлении компании. Иными словами: индивидуальный интерес вступает в конфликт интересами компании²⁰¹.

Возникновение конфликта интересов неизбежно. Проверка связи учредителей или, что чаще наемных менеджеров компании, с контрагентами – важная обязанность службы безопасности или другого ответственного за это лица. В век автоматизации проследить является ли собственник контрагента «однофамильцем» менеджера, принимающего решение о заключении сделки, не должно составлять труда и может уберечь компанию от неоправданных расходов.

Контроль работы кадрового отдела

Грамотная кадровая политика является одним из основных инструментов по снижению уровня коррупции. Разумеется, невозможно проникнуть человеку в голову, узнать его мысли и безапелляционно понять модель поведения. Однако, существуют вопросы, которые требуется задавать, прежде чем нанимать работника на ответственную должность.

Материально ответственные лица и лица, занимающиеся управлением компанией, могут потерять право занимать определенные должности. Например, в случае привлечения лица к уголовной ответственности (ст. 47 УК РФ)²⁰². Следовательно, при приеме лица на

работу важно получить информацию об отсутствии судимости и запрета занимать определенные должности.

Обязательна проверка дипломов об образовании. Часты случаи покупки поддельных дипломов, либо получение «корочки» в лишенных лицензии ВУЗах. Даже если у ВУЗа лицензия была отменена позже получения диплома об образовании, это является поводом обратить внимание на правдивость указанной кандидатом информации и провести дополнительные проверки.

Так же важно получить рекомендации с прежнего места работы. Даже в случае установления факта коррупции на прежней работе, бывший работодатель может не захотеть официально привлекать пойманного работника к ответственности. Простой запрос может уберечь компанию от недобросовестного работника.

Еще одним важным аспектом является вопрос занимал ли кандидат должность на государственной или муниципальной службе. В течение двух лет после его увольнения с государственной службы для занятия им должности в частной компании или заключения с ним гражданско-правового договора требуется согласие специальной комиссии (ст. 12 ФЗ № 273)²⁰³. Кроме того, требуется сообщать по прежнему месту работы о заключении трудового договора с таким работником²⁰⁴.

Юридическому или кадровому отделу (в зависимости от распределения обязанностей) следует так же создать и актуализировать реестр доверенностей/приказов, уполномочивающих сотрудников совершать от имени компании юридически значимые действия с последующим немедленным отзывом доверенностей при прекращении полномочий.

Общие положения о контроле деятельности сотрудников

Начиная с «незначительных вопросов», требуется провести разъяснительную работу с сотрудниками компании на предмет их понимания требований закона о стоимости подарков для российских государственных служащих (3000 рублей). Например, на объекте строительства не следует дарить техническому надзору заказчика – государственного органа алкоголь дороже 3000 рублей. Так же, в ходе выездной проверки не будет уместно дарить проверяющим сотрудникам налогового органа что-то кроме блокнотов и ручек.

Следует так же создать систему контроля взаимодействия между работниками (в т. ч. должностными лицами). Все переговоры и переписки по внутренним средствам связи должны проверяться точно, либо проверяться автоматически по ключевым словам.

В литературе встречается мнение, что при выявлении фактов коррупции «в целях предотвращения подобных случаев в будущем и обеспечения соблюдения законодательства о противодействии подкупу ДЛ в дальнейшем должны быть приняты меры (например, проведение внутренних расследований и проверок, внедрение новых или пересмотр действующих политик и процедур в отношении противодействия подкупу ДЛ, организация обучения работников по теме и т.п.). Следует регистрировать случаи привлечения руководителей и/или иных работников компании к ответственности за дачу взятки, или коммерческий подкуп, или провокацию взятки или коммерческого подкупа ДЛ (Уголовный кодекс РФ)²⁰⁵. Данный взгляд можно считать идеалистическим. Официально к ответственности привлекут только низшие звено сотрудников. Менеджеры среднего и крупного порядка, замеченные на фактах коррупции будут «уволены по собственному желанию», поскольку такие люди владеют корпоративной информацией, распространение которой может навредить компании существеннее их воровства.

Должна быть предусмотрена возможность анонимного сообщения о фактах коррупции. Это может быть "горячая линия" или специальный ящик электронной почты. В обязательном порядке заявления, последовавшие из данного источника, должны быть подвергнуты тщательной проверке.

Надо отметить, что правонарушения коррупционной направленности в компаниях обладают своей спецификой. Одной из характерных черт является частый мотив мести из-за которого совершается коррупционное деяние (откат, взятка или хищение корпоративного имущества). Речь идет о злобе за задержки в выдаче заработной платы, за отказ в повышении или продвижении лояльных сотрудников вопреки реальным заслугам и успехам более достойных работников. На ответственное лицо должна быть возложена обязанность отслеживания жалоб и проявления недовольства сотрудников – письменно или через «горячую линию». Заявления должны рассматриваться на предмет появления причин озлоблен-

ности сотрудника, поскольку человек, обиженный руководством, с большой вероятностью начнет работать в «своих интересах», пренебрегая нормами морали и закона. С другой стороны, должно иметь место поощрение работников за успехи, которое вызывает чувство благодарности и следование корпоративным интересам.

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО И ВЛАСТЬ: ЛИЧНОСТЬ И ИНСТИТУТ В ИСТОРИИ

*Александрова А.В.,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Пензенского государственного университета,
кандидат юридических наук*

Пенсионное обеспечение: право личности и обязанность государства (на примере французского законодательства XX в.)

Актуальность исследования пенсионного законодательства Франции XX в. обусловлена, с одной стороны, повышенным вниманием ученых (юристов, экономистов, социологов) к вопросам пенсионного обеспечения в связи с необходимостью оптимизации систем его функционирования; с другой стороны, тем, что именно Франция в настоящее время демонстрирует весьма высокий уровень социальной защиты пенсионеров, а основы этого были заложены в XX в.

Концептуальное обоснование права на пенсионное обеспечение (в рамках права на социальное обеспечение) и его последующее законодательное закрепление произошли в эпохи Нового и Новейшего времени. В частности, французские просветители указывали, что поддержка нуждающихся является священным долгом сообщества²⁰⁶.

Первая французская Конституция 1791 г. предусмотрела создание «учреждения государственного призрения для воспитания покинутых детей, ухода за неимущими нетрудоспособными лицами»²⁰⁷.

В Конституцию Второй республики 1848 г., было включено положение о том, что «общество оказывает помощь покинутым детям, калекам и старцам, не имеющим ни средств к существованию, ни родни, которая могла бы их содержать»²⁰⁸.

Если в конституционных документах XVIII–XIX вв. и признавалась обязанность государства заботиться о нуждающихся лицах, то практически ничего не говорилось о корреспондирующей этой обязанности праву лица на социальное (в том числе пенсионное) обеспе-

чение²⁰⁹. Такое право появится только в Преамбуле Конституции Четвертой республики 1946 г., согласно которой всякий человек, который в силу своего возраста, физического или умственного состояния, экономического положения оказывается неспособен к труду, вправе получать от общества необходимые средства к существованию²¹⁰. Спустя два года сходная норма будет закреплена во Всеобщей декларации прав человека («каждый человек как член общества имеет право на социальное обеспечение»²¹¹). Включение этого права в перечень основных прав человека²¹² означало признание притязаний личности на обеспечение условий для ее свободного развития и достойного существования. Очевидно, что такому переходу (от закрепления обязанности государства до провозглашения права личности на социальное обеспечение) предшествовала долгая эволюция политико-правовой мысли, которая может стать предметом отдельного исследования и не освещается в рамках настоящей статьи.

Обратимся теперь к эволюции французского пенсионного законодательства XX в., явившегося в определенном смысле отражением названной тенденции.

Во Франции обеспечение рабочих, потерявших нетрудоспособность, в том числе и по причине старости, осуществлялось до начала XX в. добровольными обществами взаимопомощи. В конце XIX в. в парламенте началась работа над законопроектами, предусматривавшими обязательное пенсионное страхование наемных работников. Эта работа продолжалась несколько десятилетий.

Система французского пенсионного страхования первой половины XX в. испытала на себе значительное влияние законодательства О. фон Бисмарка, принятого в конце 1880-х гг. (в частности, германский закон 1889 г. предусмотрел создание системы пенсионного страхования, основанного на паритетных взносах работников и работодателей; при этом величина пенсии ставилась в зависимость от величины взносов).

Первые французские законы в этой сфере (законы 1910 г. и 1928 г.) практически не были воплощены в жизнь, встретив активное сопротивление работодателей, в связи с чем они оцениваются исследователями весьма критически²¹³. Первым действующим законом о пенсионном страховании принято считать закон 1930 г., учредив-

ший систему социального страхования наемных работников промышленности и торговли. Закон 1930 г. предусмотрел возможность страхования на случай старости, болезни, материнства, инвалидности, смерти. Страхованию подлежали только те наемные работники, чей заработок не превышал определенного «потолка». Система страхования основывалась на принципе капитализации (накопления средств застрахованного лица) и не предусматривала никакой защиты на случай инфляции или экономического кризиса. Страхование осуществлялось многочисленными кассами, руководство которых, главным образом, находилось под влиянием патроната.

Во время оккупации правительством Виши был принят ряд populistских актов о пенсионном обеспечении (закон от 14 марта 1941 г. и ордонанс от 2 февраля 1942 г.) учреждавших пособие по старости для наемных работников. На деле на финансирование этих пособий были направлены средства от капитализации пенсионных взносов, сформированных на основании закона 1930 г. В итоге средства пенсионного страхования были израсходованы, что и констатировало Временное правительство Франции²¹⁴. В период фашистской оккупации многие французские государственные деятели оказались в изгнании в Лондоне. Был среди них и П. Ларок – будущий основатель французской системы социального обеспечения. В 1942 г. в британском парламенте выступил лорд У. Беверидж с докладом, посвященным основам организации социального обеспечения («Social Insurance and Allied Services»). Ключевыми идеями доклада были всеобщность и единообразие социального обеспечения.

После освобождения во Франции были предприняты реформы социального обеспечения, во многом вдохновленные этими идеями. Принципы организации социального обеспечения (всеобщность, единство, социальная демократия), а также сама формулировка «социальное обеспечение» были утверждены в заключении, принятом Временной консультативной ассамблеей Франции в августе 1945 г.

Ордонанс от 4 октября 1945 г. учредил административную структуру социального обеспечения, а также урегулировал вопросы взимания взносов. Взносы взимались с заработной платы, не превышающей 120 000 франков в год; единый взнос социального страхования (на случай болезни, материнства, старости) составлял 12% и

должен был выплачиваться наполовину работодателем, наполовину работником (6% + 6%)²¹⁵.

19 октября 1945 г. был принят ордонанс о социальном страховании²¹⁶, установивший режим пенсионного страхования, основанный на принципе распределения. Право на пенсию по старости предоставлялось работникам наемного труда, достигшим 60-летнего возраста (мужчинам и женщинам) и имевшим 30 лет страхового стажа.

Ордонанс от 4 октября 1945 г. предусмотрел в качестве временной меры сохранение специальных режимов страхования для работников аграрной сферы и лесной промышленности, а еще для некоторых профессий (шахтеры, железнодорожники, моряки и др.). Эта норма была, главным образом, направлена на сохранение режимов социального страхования отдельных категорий работников, учрежденных до принятия закона 1930 г., и предусматривавших повышенные гарантии по сравнению с общим режимом, особенно в области пенсий.

В 1946 г. правительство Франции предприняло меры по распространению единого режима социального обеспечения на все население страны. В частности, в ст. 1 Закона от 13 сентября 1946 г. было установлено, что с 1 января 1947 г. страхование по старости будет распространено на все активное население. Однако уже в начале 1947 г. Управление социального обеспечения Франции констатировало, что «вследствие экономических трудностей настоящего времени, а также неблагоприятной психологической обстановки, вызванной кампаниями протеста, проводимыми по всей стране, приступить к взиманию взносов не представляется возможным»²¹⁷.

Предвидя трудности, которые возникнут при взимании взносов социального обеспечения с самозанятых работников, правительство отказалось применять статью 1 закона от 13 сентября 1946 г. 17 января 1948 г. был принят закон, который создал отдельные режимы страхования по старости для различных категорий самозанятых работников.

Итак, в 1948 г. реализация французского плана всеобщего социального обеспечения окончилась частичной неудачей, поскольку цели всеохватываемости и единства системы не были достигнуты. Вместо единого режима в период Четвертой республики во Франции сложилось несколько категорий режимов социального страхо-

вания: общий режим, специальные режимы для наемных работников, специальные режимы для самозанятых работников, особый режим пенсионного страхования для работников сельского хозяйства, а также различные дополнительные режимы.

Однако в последующие годы Пятой республики система социального обеспечения постепенно смогла охватить все население страны. Расширение социального обеспечения происходило двумя путями: во-первых, посредством создания специальных режимов для отдельных категорий работников, и, во-вторых, путем включения в общий режим новых категорий населения.

Во второй половине XX в. социальное обеспечение во Франции полностью заменило собой прежнюю систему социального страхования, учрежденную в 1930 г., и стало занимать все более важное место в обеспечении доходов семей и в национальной экономике. Тем не менее, сохранение множества различных самостоятельных режимов сделало эту систему, по признанию самих французских исследователей, исключительно сложной. «С течением лет французская система социальной защиты сложилась в сложную мозаику программ, как обязательных, так и факультативных (дополнительных), направленных на покрытие различных рисков. Несмотря на то, что изначально все эти программы очень отличались друг от друга: с точки зрения их управления, суммы взносов и сферы их действия, на сегодняшний день все они стали сопоставимыми с общей программой»²¹⁸. В то же время, наличие во Франции, помимо базовых, дополнительных режимов пенсионного страхования позволяет гарантировать французским гражданам достаточно высокий уровень пенсионного обеспечения. В частности, благодаря много-ярусной пенсионной системе один француз получает около 2,8 различных пенсий. В среднем коэффициент замещения (с учетом всех видов пенсий) составляет 78% для мужчин и 72% для женщин²¹⁹.

Амплеева Т. Ю.,
*профессор кафедры правовых основ управления
Московского государственного института международных
отношений (университет) Министерства
иностраннных дел Российской Федерации»,
доктор юридических наук, кандидат исторических наук, доцент*

Право и власть в правовой традиции Российского государства

Правовая традиция – приверженность общества определенным парадигмам, стереотипам мышления и мотивации поведения в правовой сфере, соединяющей мышление, опыт и знание. Посредством традиций определенный коллектив индивидуумов передает по наследству знания, необходимые для саморазвития и даже выживания. То есть, данный термин можно трактовать как важнейший механизм коллективной коммуникации.

Современные исследователи изучают правовые традиции в организационной связи с правовыми культурами²²⁰.

Есть все основания согласиться с мнением А. Н. Медушевского о том, что использование когнитивного метода позволяет говорить о конструировании юридической картины мира, определяющей особенности правопонимания и поведения социальных групп, вариативность правовых процессов и характер институционального выбора²²¹. Изучение отечественной правовой традиции в исторической ретроспективе дает возможность получить представление о том, как формировались концепты тех или иных правовых явлений и институтов. Историко-антропологический подход позволяет выявить характерную для отечественной правовой культуры и ею формируемую форму концептуализации правовой жизни. В настоящее время содержание понятия «концептуализация» трактуется исследователями различным образом. Наиболее полно и точно суть этого понятия сумела передать Е. С. Кубрякова. Она рассматривает процесс концептуализации как взаимодействие внешнего потока информации с внутренним миром человека, в результате которого происходит его осмысление и рождение новых смыслов²²².

Изучение процесса концептуализации системообразующих элементов русской правовой традиции, отразившихся в письменных памятниках Древней Руси, не возможно без анализа тех или иных

языковых форм, а также определения значения используемых в древнерусских текстах слов и выражений. Остановимся на двух базовых концептах, не только отражающих, картину древнерусской правовой реальности, но и определяющих особенности правовой культуры домонгольской Руси. Это: «власть» и «право» в нарративах древнерусского историографического дискурса.

Процесс концептуализации верховной власти достаточно полно отразился в тексте «Сказания о призвании варягов», сохранившегося в разных редакциях Повести временных лет – памятнике древнерусской историографии начала XII в. Сказание принадлежит к широкому кругу социозтнологических легенд о происхождении правящей династии, что в категориях средневековой историографии тождественно происхождению государства. В процессе формирования ранних государств этиологический миф о происхождении основателя государства/династии обычно связывает его появление с нахождением, переселением или приглашением²²³.

Как отмечает Е. А. Мельникова, Сказания о призвании имеют единую структуру, включая в себя несколько обязательных частей: преамбула (обоснование необходимости призвать правителя), поиски правителя (обращение к иноплеменникам), его приход, условия передачи власти, история правления («деяния»), передача власти по наследству, то есть, основание династии, современной автору сказания. Она подчеркивает, что историческое наполнение отдельных частей определяется конкретно-историческими условиями составления произведения, а степень и формы разработки каждой части – национальными традициями, теологическими представлениями автора, а также, задачами перед ним стоящими²²⁴.

Действительно, в древнерусском варианте Сказания присутствуют все традиционные эпизоды, но та часть текста, которая описывает деяния правителя (обычно самая объемная), представлена очень сжато. Зато четко обозначена причина «призвания», предварительно дано объяснение, почему приглашены именно варяги: *«Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собой владеть²²⁵, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам...»*. Далее

приведена форма приглашения: *«Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами»*²²⁶.

По мнению Е. А. Мельниковой, на первый план летописец выдвинул правовую сторону «призвания». Больше всего его интересовала тема отсутствия правопорядка (правды) и необходимости его установления: *«... и не было среди них правды, и встал род на род»*²²⁷. Исследователи обращают внимание и на богатство правовой лексики в тексте Сказания: «правда», «наряд», «ряд», «княжити и володети», «рядить», «судить по праву». Исходя из этого, В. Т. Пашуто высказал предположение о том, что летописец использовал более древнее устное предание, содержащее сведения о соглашении, на основе которого было осуществлено «призвание»²²⁸.

В летописном тексте видна договорная основа «призвания варягов». Варяжский правитель приглашается «судить по ряду», то есть, согласно договору²²⁹. Важно отметить, что в летописи передача верховной власти приглашенному правителю сопряжена с условием установления правопорядка и политической стабильности на указанной территории. Следующая задача правителя – защита от внешних врагов, коими в первую очередь были сами варяги. И, наконец, третья задача – обеспечение правосудия на подвластных территориях. Так, на основании событий глубокой древности, отраженных в мифологической форме, осмысленных и изложенных летописцем, начала свое формирование правовая традиция, определившая основные обязательства верховной власти, и не потерявшие своей актуальности и в наши дни. Необходимо отметить, что в летописном контексте верховная власть была прямо сопряжена с правом. Как видно из текста власть князя была введена в четкие правовые рамки: «владеть и судить по праву» или в других вариантах по «ряду», то есть, согласно договору.

Активное использование понятие «ряд» древнерусскими книжниками, как и сохранение этого понятия в устной традиции на протяжении длительного времени, объясняется его значением для урегулирования отношений первых Рюриковичей и их дружин с местными элитами. Обе стороны были заинтересованы в максимально точном сохранении условий «ряда», который не только определял их взаимные права и обязанности, но и придавал договорной характер княжеской власти. Особое значение «ряда» в контексте установ-

ления верховной власти, стало причиной формирования вокруг него как исторического ядра, предания об основании правящей династии/государства, имеющего ярко выраженный эпический характер²³⁰.

Перечисление городов, где «сели» варяги и сведения, приводимые летописцем о раздаче Рюриком городов своим «мужам», формирует общее понятие «кормления». «Корм» или «кормление» рассматривается в отечественной историографии как одна из форм обложения в натуральной или денежной форме в пользу князя и должностных лиц²³¹. К середине X в. кормление превращается в государственный институт материального вознаграждения князя и его дружины за исполнение военно-административных и судебных обязанностей и соединяется с ними. Повесть временных лет содержит рассказ о «восстании волхвов на Белоозере» в 1071 г. В нем не только подробно и обстоятельно изложена история о том, как воеводе князя Святослава Яну Вышатичу, собиравшему дань на этой территории, пришлось приложить немалые усилия для ликвидации «восстания», но и раскрывается сущность «кормления». Не получив от местного населения активной поддержки в поимке волхвов, он пригрозил им: «Если не схватите этих волхвов, не уйду от вас целый год»²³². Угроза того, что придется «кормить» Вышатича и его «мужей» так долго подействовала моментально. Белозерцы тут же схватили волхвов и привели их к Яну. Кормление (содержание за счет собственных средств населением представителя власти на время выполнения им своих властных полномочий) уже в домонгольский период становится принципом государственного управления²³³.

Подобный институт встречается и у южных славян. Так, согласно ст. 5 хорватского Виндольского закона XIII в., князь, проезжая по территории Виндольского княжества, имел право за плату требовать от населения продукты, необходимые для пропитания его самого и сопровождающих его лиц²³⁴. Напротив, уникальный памятник древнего хорватский права – Полицкий статут, хоть и составленный в более позднее время, содержит трактовку института кормления, сходную по своему содержанию с древнерусской. Три раза в год полицкий князь со своим двором обязан объезжать всю территорию княжества, останавливаясь в определенных местах для отправления правосудия. Во время своих поездок он имеет право

собрать с населения по 30 овец за поездку²³⁵. Следовательно, можно предположить, что институт кормления имеет общеславянские корни. Однако содержательное его наполнение может различаться в зависимости от геополитических, природно-климатических и социально-экономических факторов.

Понятие верховной власти в отечественной правовой культуре сопряжено с образом правителя. Визуализация власти как политико-правового института Древней Руси нашла свое отражение в миниатюрах Радзивилловской летописи начала XIII в. Летопись содержит 618 полихромных миниатюр, иллюстрирующих текст. Основные действующие лица на миниатюрах это князья, представленные, прежде всего, в образе воинов-защитников. Основное внимание мастер уделил военной истории и управленческим делам Рюриковичей. На миниатюрах изображены: языческие праздники, княжеские пиры, сцены княжеской охоты, княжеский суд и другие сюжеты княжеской жизни.

М. В. Бибиков, подчеркивая архаичность политического правосознания мастера, отразившегося в сюжетах, композициях и изображениях на выполненных им миниатюрах, говорит о равноправии князей, отсутствии симпатий к государственной централизации, подчеркивает интерес художника к городскому самоуправлению²³⁶.

Базовыми понятиями на самом раннем этапе формирования правовой традиции Древней Руси стали «власть» и «право». Олицетворением верховной власти была власть княжеская. Древнерусские книжники в домонгольский период подчеркивали договорной характер власти. Следует отметить, что договор и договорные отношения были в центре их внимания и рассматривались как правовая основа социальных отношений. При этом, легитимность власти определялась не «божественным происхождением», хотя эта византийская концепция была хорошо известна на Руси XII в., а ее эффективностью.

*Багдасарян С.Д.,
профессор кафедры
теории и истории государства и права
Международного юридического института,
доктор исторических наук, профессор*

Публичная власть и культ личности

Государство как общественный институт имеет не только длительную в исторической перспективе эволюцию, но по мере своего развития формирует тенденции в политическом процессе, влияя на политико-правовую систему в целом. Следовательно, изучение главного элемента государственной организации – публичной власти требует применения определенного комплекса научных подходов: философского, исторического, культурологического, правового, политического, социологического и др. Необходимо научное подтверждение проблем становления, организации и развития институтов публичной власти, которое занимает определенное место в отечественной и зарубежной науках, хотя, данной теме и посвящено множество изысканий, о чем подчеркнуто в последних работах российских исследователей²³⁷.

Современное государство, исходя из теоретико-методологических подходов теории и истории права и государства, должно развиваться в рамках доктрины правового демократического государственного образования, базируясь на принципе разделения властей с механизмом сдержек и противовесов, закрепленных в конституционных основах и реализуемых на основе принципа законности. Публичная власть строится на соблюдении идиомы верховенства права, равенства перед законом ветвей и институтов государственной власти и гражданского общества, личности.

В этом контексте и возникает вопрос: как личность влияет на процесс развития институтов власти, государства в целом, откуда возникает политический и правовой феномен культа политического лидера. Такая постановка требует осознания как складывание политического режима в определенной общественной реалии приводит к оформлению культа личности. Подобный вопрос ставит перед собой и проблему, почему в одних государственных режимах культ

личности торжествует, в иных не формируется, не имея политико-правовой и социальной базы.

Перечисленные факторы позволяют согласиться с исследованиями феномена «культ личности» как следствия автократии, диктаторских черт самой личности политика, его харизматических данных. Философы, политологи, историки последних десятилетий²³⁸ эту позицию подтверждают изучением культов Ленина, Сталина, Гитлера, Муссолини, Мао-Цзедуна, Ким Чен Ира и многих других политических лидеров тоталитарных режимов XX в.

Одной из главных характеристик взаимодействия структур государственной власти и общества при формировании и развитии политической системы становится мифологизация культа политического лидера для легитимации его власти, что проявляется в следующих парадигмах:

- символизация исключительных качеств политического лидера – вождя;
- «Культ» как обоснование государственной модели;
- восхваление государственного начала над общественным;
- идеологизация власти, ее структур,
- слияние политического, государственного, партийного и общественного начала при подавлении прав личности на самоорганизацию, реализацию своих прав и свобод.

Резюмируя политические, исторические и философские позиции, необходимо констатировать, что восхваление политического лидера, его качеств как государственного деятеля на котором зиждется государственность является результатом определенного социального заказа, то есть потребностей данного общества в определенное историческое время существования государства, строящего новую модель общественного развития (коммунистического, национал-социалистического, фашистского или иного).

Инструментарий такого возвышения политической власти с правовых позиций позволяет говорить о неразвитости в таких типах недемократических политических режимах институтов публичной власти, гражданского общества, низкой правовой культуре и правового сознания граждан, при необходимости обоснования истоков власти, ее легитимации в условиях революций, государственных переворотов, гражданских войн. Все это влечет процессы концен-

традии власти в руках одного личности, бюрократизации государственных структур, слияния политических, партийных и государственных истоков. Соответственно неготовность общества, личности, как активных участников политического процесса, сохранение традиционной или подданнической политической культуры становится базой для роста авторитарности власти одного лица, устраняющего инакомыслие, оппозицию, самовыражение личности, возможности высказать политическую, правовую или иную позицию на устройство государства, общества.

Рассматривая подходы к характеристике феномена культа личности в XX в. надо признать, что при всех расхождениях в причинах этого политического феномена, исследователи считали, что подобное явление является неотъемлемой частью тоталитарной структуры, особенно коммунистических режимов СССР, Китая, Северной Кореи, Кубы. Но распад СССР, роспуск социалистического лагеря в конце 1980-х гг., исповедующего идеи построения социалистического общества не привел к исчезновению этого феномена с геополитического пространства мира. Необходимо, констатировать, что культ личности оказался, востребован в правовой и политической культуре ряда стран Центральной и Средней Азии, Ближнего Востока, Юго-Восточной Азии, сохраняющих наследие парадигмы традиционной культуры и посттоталитарного наследия.

Исторические традиции института культа личности сохраняются в менталитете современного российского социума, сохраняющего отношение к главе государства как высшей инстанции в решении общественных проблем, это при том, что оформление институтов публичной власти с позиций демократических идеалов, развития гражданского общества на основе накопленных цивилизацией ценностей в сфере реализации прав и свобод человека и гражданина закреплено в конституционных принципах Российской Федерации.

Балковая В.Г.,
заведующая кафедрой
теории и истории государства и права
Владивостокского филиала Российской таможенной академии,
доктор юридических наук, доцент

Уставные таможенные грамоты как средство реализации публичного интереса в Московском государстве

Таможенное дело возникло на Руси еще в конце X в. как способ организации косвенного налогообложения. Объектом обложения длительное время были сделки внутренней купли-продажи, что в условиях господства натурального хозяйства позволяло получать дополнительные поступления в казну. Таможенное дело в таком формате быстро распространилось на все русские земли, вследствие чего в период феодальной раздробленности в каждом из княжеств сформировалась своя система пошлин и правил их исчисления.

Завершение к концу XV в. политической централизация русских земель поставило задачу проведения экономического объединения. Важную роль в этом процессе сыграли уставные таможенные грамоты.

Появление уставных грамот земского управления и уставных таможенных грамот относится к правлению Ивана III, оно было призвано закрепить юрисдикцию великого князя в отношении тех земель, для которых принимался соответствующий документ. В отличие от других видов княжеских грамот, уставные таможенные грамоты изначально содержали норму, исходящую от центральной власти, поэтому из всех иных грамот они ближе всего находятся к современному пониманию законодательства. В дальнейшем уставная законодательная форма прочно укоренилась в таможенном деле России, а таможенные уставы надолго заняли место ведущего отраслевого источника права. Уставы как законодательная форма на Руси известны с конца X в., первоначально они возникли как источники церковного канонического права, а в дальнейшем эта форма утвердилась и в светском праве. Как писал М. Ф. Владимирский-Буданов, «под уставами разумеются специальные узаконения для известного ведомства или какой-либо части материального пра-

ва»²³⁹. Именно в первом значении уставы были восприняты для регулирования таможенного дела.

Первые уставные грамоты в сфере таможенного дела появились на рубеже XV–XVI вв.²⁴⁰, когда интенсивно велся процесс создания единой централизованной государственности. В тот период они носили территориально и предметно-ориентированный характер, так как регламентировали деятельность конкретных таможен на определенной территории, устанавливали порядок их укомплектования (верный или откупной), закрепляли систему таможенных пошлин и сборов и способы их исчисления. В условиях незавершенной централизации эти уставные грамоты носили характер соглашения между центральной властью и тем или иным городом или торгом: великий князь шел на признание существовавшей на данной территории системы таможенных пошлин, а город или торг, в свою очередь, признавал власть Москвы. В этих актах ярко проявлялось достаточно неустойчивое положение великокняжеской власти в указанный исторический период. «Уставные грамоты не могли ни ввести всюду одинаковых видов пошлин, ни ввести однообразия в их взимании, потому что были особенными законами для известной местности, какого-нибудь города, села, и главной целью имели только подтверждение старых обыкновений»²⁴¹. Похожую оценку юридической природы уставных таможенных грамот давал и Д. А. Толстой, который отмечал, что при сборе таможенных пошлин «обычай преобладал над законом, последний имел главной целью только поддержание первого»²⁴².

В большинстве уставных таможенных грамот XVI в., а нередко и XVII в., содержится обещание великого князя, а затем царя «все таможенные пошлины держати по старине»²⁴³, центральная власть возлагала на себя обязанность охранять местные обычаи. Любопытно, что при этом имелись в виду не только письменно закрепленные правовые обычаи, но и обычаи, сохранявшиеся в устной форме. Эта практика сохранялась еще и в XVII в. Так, в новой уставной таможенной грамоте, выданной городу Гороховцу в 1633 г. вместо утерянной, говорилось: «А которая будет таможенная пошлина в сей уставной таможенной грамоте не написана, а в Гороховце истари та пошлина собирается, и ту пошлину собирали бы попрежнему, как имано истари и как во всем государстве казне при-

большее»²⁴⁴. Таким образом, перечень пошлин, закрепленных в уставных грамотах, мог толковаться расширительно.

Московское централизованное государство достаточно долго сохраняло таможенную обособленность отдельных территорий, в уставных таможенных грамотах прослеживаются множественные свидетельства былой раздробленности: в разных землях российского государства по-прежнему существовал свой перечень пошлин и свои правила их исчисления.

Вместе с тем, именно уставные таможенные грамоты являлись инструментом, который постепенно вел к унификации нормативно-регулирующего в пределах всего государства. Уставные таможенные грамоты распространились повсеместно; они выдавались из четвертных приказов и иных приказов территориального управления подчиненным таможням и подлежали периодической замене, что происходило в следующих случаях:

- при утрате ранее выданной грамоты;
- в случае корректировок содержания, обычно происходивших при смене царя;
- при изменении организационной системы таможни (переход с верной службы на откупное содержание и наоборот)²⁴⁵.

Форма и содержание более поздних грамот, выдававшихся различным торгам, все более унифицируется. Из этого можно определить уникальность уставных таможенных грамот как источников права, имевших комплексную юридическую природу, сочетавших в себе элементы обычно-правового и нормативно-правового регулирования.

Анализ содержания уставных таможенных грамот позволяет выделить несколько групп норм, традиционно включавшихся в эти нормативные акты. Одни из них оформились на основе правового обычая, другие же изначально исходили от государства. Обычно-правовыми следует признать, прежде всего, нормы о торговле, в значительной мере напоминавшие правила, существовавшие в период раздробленности.

1. Нормы пошлинного обложения, определявшие размер ставок таможенных платежей для различных наименований товаров, в особых случаях также и правила их исчисления для единиц товара. Эти нормы фактически стали в дальнейшем прообразом для разра-

ботки ставок таможенно-тарифного обложения. Уставные таможенные грамоты принимались для различных торгов и первоначально закрепляли исторически сложившуюся систему пошлин, в дальнейшем же, учитывая, что выдача грамот производилась из центральных приказов, размеры таможенно-пошлинного обложения начинают сближаться в пределах всего российского государства, пока, наконец, не были заменены единой рублевой пошлиной.

2. Нормы, определявшие торговый статус местного населения и приезжих купцов (иностранцев и иноземцев). Местное население (особенно непрофессиональные торговцы) находилось в более привилегированном положении, их сделки облагались достаточно низкими пошлинами. Пошлины с иностранцев и иноземцев за такие же сделки были в среднем в два-три раза выше, что побуждало их привозить товары, не имевшие аналогов на местном рынке, которые бы не конкурировали с местной продукцией. Появление такой нормы можно оценить как зарождение основ российского протекционизма, призванного защищать местного производителя, она близка идее городского цехового протекционизма, существовавшего в Западной Европе.

В другую группу необходимо включить нормы публично-правового характера, изначально спускавшиеся от центральной власти.

3. Нормы учредительного характера, определявшие организационные основы таможенного учреждения – способ укомплектования (верный или откупной) и сроки полномочий служителей. Важным было стремление законодателя примерно уравнивать формальные показатели деятельности таможен, в частности, итоговую сумму пошлинного сбора, в связи с чем по одной и той же таможенной грамоте таможня могла периодически находиться то на откупном, то на верном содержании.

4. Нормы регламентирующего характера, определявшие порядок явки товара иностранцами купцами, а также правила их размещения и торговли в городе. Раньше всего среди этих норм появляется требование оформить товар до его спуска с воза (судна или саней). Это делалось для предотвращения утайки части товара. Позже, после открытия в важнейших торговых центрах специальных центров, гостиных дворов, появилось требование производить таможенное

оформление товаров, их размещение и торговлю ими иногородними купцами исключительно в этих дворах. Изучая в хронологическом порядке уставные грамоты, можно увидеть постепенное усложнение сопутствующих этим мероприятиям процедур: постепенное формирование и нормативное закрепление таможенных обрядностей, которые достаточно быстро приобрели всероссийский характер.

5. Нормы охранительного характера, определявшие правила привлечения к юридической ответственности участников сделок купли-продажи за нарушение установленных таможенных правил. Санкции в данной сфере носили в основном имущественный характер, что выражалось в уплате штрафных пошлин (различных заповедей – промыта, протаможья, пропятенья и др.), а в дальнейшем было дополнено возможностью конфискации предмета нарушения или его части «на великого государя». Вместе с тем, в особых случаях допускались и телесные наказания.

6. Нормы дисциплинарного характера, определявшие ответственность за злоупотребления должностных лиц таможен в процессе осуществления служебных полномочий (нерадение, поновровку, воровство, пьянство). В данном случае преобладали санкции личного характера.

Сравнивая содержание таможенных грамот в хронологической последовательности (принятых в первой половине XVI в., второй половине XVI в., первой половине XVII в.) можно отметить устойчивую тенденцию к увеличению объема норм публично-правового характера и изменения характера норм, изначально пришедших из правового обычая.

Появление уставных таможенных грамот позволило обеспечить плавный переход от обособленности к единому в масштабах государства нормативному регулированию, что удалось достичь путем включения в уставные таможенные грамоты, издававшихся в XV–XVI вв., норм обычного права, а затем постепенного вытеснения их в более поздних грамотах едиными нормами. Такую практику можно определить как разумный компромисс, позволивший плавно и поэтапно подвести к введению единых в пределах государства норм, сгладить антагонизм во взаимоотношениях центральной власти и отдельных территорий. Формирование единого в пределах

государства рынка было бы невозможно без проведения унификации правового регулирования – в частности, без выработки единых подходов к таможенному обложению внутренних таможенных операций в пределах всего государства, что должно было привести к утрате значения уставных таможенных грамот отдельных торгов и их замене всероссийскими уставными таможенными грамотами в пределах всего централизованного государства²⁴⁶. Именно проведение этих мероприятий составило основное содержание таможенной реформы царя Алексея Михайловича Романова, проводившейся в середине XVII в. Ее проведение свидетельствовало об окончательной победе публично-правовых методов регулирования торговли в Московском государстве.

*Берзина А.А.,
доцент кафедры истории государства
и права Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат исторических наук, доцент*

**Судебный процесс по делу об организации восстания
на крейсере «Память Азова»
и защита И.И. Бунакова-Фондаминского**

I Государственная Дума начала свою работу 27 апреля 1906 г. Это было первое в истории России собрание народных представителей, имеющее законодательные права. Опыт работы данного значимого для государственного развития органа, непосредственно связанный с острой политической борьбой и созидательной законодательной работой, во многом актуален и в наши дни. Изначально представители левых и крайне правых партий бойкотировали выборы в I-ю Думу. Левые полагали, что Дума не располагает никакой реальной властью и призывали к революционному перевороту, а крайне правые в целом отрицали идею парламентаризма, выступая за неизбежность самодержавия.

Когда стало ясно, что идея бойкота не находит широкого отклика в стране, что число крестьянских представителей в Думе будет значительным, и что Дума станет центром политической борьбы, эсеровское руководство изменило свое отношение к ней, увлекшись борьбой, происходившей в ее стенах и перестав уделять должное внимание организации внедумских сил. При активном содействии эсеров, наиболее деятельными из которых являлись И. И. Бунаков-Фондаминский и В. М. Чернов, сформировалась Трудовая группа в Государственной думе. Ряд эсеровских идей и программных положений вошли в программу этой группы, а также в ее аграрный проект «104-х». Целиком на эсеровских принципах был основан земельный проект «33-х», предложенный рассмотрению Думы. В связи с этим, неудивительно, что на роспуск 1-й Государственной думы эсеровское руководство реагировало очень эмоционально. К партийным организациям были адресованы директивы Центрального комитета, в т.ч. циркуляр «К партийным организациям», обязывавший их объявить и начать немедленно открытую войну с правительством. Главная ставка делалась на крестьянство и армию. ЦК

ПСР вместе с ЦК РСДРП, Крестьянским, Железнодорожным и Учительскими союзами поставил свою подпись под «Манифестом ко всему российскому крестьянству», призывавшим крестьян брать самим землю и волю.

Эсеры, как и все революционеры, большую роль в массовых выступлениях после роспуска Думы отводили активной деятельности депутатов, к которым они обратились с призывом не признавать разгона. Основным моментом в их новом плане было предварительно спланированное единовременное восстание в Балтийских крепостях. Главное внимание было обращено на восстания крестьян и войска. Для их организации в военные крепости, гарнизоны, в армию и на флот должны были быть брошены лучшие партийные силы. Среди важнейших пунктов значились Свеаборг, куда был направлен В. М. Чернов, Кронштадт – куда направлены член Государственной думы Ф. М. Оникко, С. Ф. Михалевич, Е. Ф. Азеф. И. И. Фондаминский по заданию партии направился в Ревель. Попытка Фондаминского принять на себя руководство Ревельским восстанием является иллюстрацией его революционности на данном этапе. Этот факт биографии революционера изучен гораздо слабее, чем его участие в декабрьском вооруженном восстании в Москве.

В ночь на 20 июля 1906 г. на крейсере 1-го ранга «Память Азова», стоявшем на якоре в бухте Папенвик, в результате мятежа среди матросов судовой команды часть находившихся на крейсере офицеров была убита, а часть арестована. Из обвинительного акта по данному делу следует, что старший флаг-офицер лейтенант Лосев и гальванерный квартирмейстер Колодин узнали, что по прибытии на Ревельский рейд на судно переправятся два «господина». Один из них – «член Государственной думы, принадлежавший к трудовой партии», и «эти лица будут распоряжаться дальнейшей судьбой как крейсера, так равно и арестованных офицеров»²⁴⁷.

21 июля в газетах сообщалось, что «в три часа ночи на 20 июля оказался на «Памяти Азова» статский, переодетый матросом, которого хотели арестовать, но команда воспротивилась этому и убила вахтенного офицера, командира и трех других офицеров...»²⁴⁸. В другом издании мы находим информацию о продолжении этих событий, когда «оставшаяся верной долгу часть экипажа «Память Азова», придя на Ревельский рейд, сама силой справилась с бунтовщи-

ками и попросила прислать пехоту...Один агитатор задержан»²⁴⁹. Фондаминский был арестован на крейсере (броненосце) «Память Азова» уже после окончания восстания. Это следует и из воспоминаний непосредственного участника событий, матроса И. А. Шибалина. Он пишет, что после подавления восстания, вечером «к «Азову» подходит шлюпка, в ней сидело трое «вольных». Это были представители Кронштадта, которые ехали руководить дальнейшим ходом восстания,... И. И. Бунаков и двое его товарищей. Все трое были арестованы»²⁵⁰. В документах Особого Отдела Департамента Полиции мы также находим сообщение о том, что Бунаков вместе с В. Ивановым и М. Косыревым, наняв лодку, отправились к мятежному крейсеру²⁵¹. «На крейсер они допущены не были, а подъехавшие к ним на военном баркасе матросы их арестовали»²⁵².

Не оставлен без внимания данный эпизод и жандармским генералом А. И. Спиридовичем, который определяет цель прибывших в шлюпке на крейсер как руководство восстанием²⁵³. Поскольку представители партии эсеров не знали о случившемся на корабле новом повороте, то стремились попасть в гущу событий, но, попав на корабль уже после подавления восстания, были арестованы.

Вспоминая эти события, П. И. Леушев (осужденный под конспиративным именем Иванов), говорит о том, что вместе с Фондаминским они разрабатывали пути проникновения на уже восставший крейсер. После ареста на судне их доставили в полицейский участок г. Ревеля, где все трое были допрошены одновременно. «Я как главный виновник этой истории выступаю вперед и даю показания»²⁵⁴, из которых следовало, что арестованные незнакомы и случайно оказались в одной компании, разговорившись на родном русском языке. Естественно, что Фондаминский и Косырев, слышавшие все, показали то же самое. После допроса они были посажены в башню Маргарита Вышегородского замка, «где находились славные азовцы»²⁵⁵, и содержались там до суда.

Надежд на спасение Фондаминского не оставалось даже у его ближайшего друга В. Зензинова²⁵⁶, писавшего позднее, что в биографии Фондаминского «ревельский эпизод был, несомненно, самым ярким и не мог не оставить следа на всей его последовавшей жизни»²⁵⁷. Сам В. Зензинов, узнав из газет о случившемся, срочно отправился в Ревель, чтобы оказать посильную помощь. Жена Фон-

даминского Амалия совместно с местным присяжным поверенным А. А. Булатом начали подготовку к суду. Вместе с Зензиновым они установили местопребывание арестованных и разработали дерзкий план спасения Бунакова, от которого он сам категорически отказался, не желая подвергать опасности других людей²⁵⁸.

После суда восемь матросов и руководитель восстания Оскар были расстреляны 5 августа в 4 часа ночи. Фондаминский, Леушев и Косырев были переданы гражданским властям города Ревеля за не доказанностью вины. Второй раз революционеров судили в военном окружном суде Санкт-Петербурга, где их защищали присяжные поверенные П. Н. Малянтович, Н. Д. Соколов, А. С. Зарудный, А. А. Булат, В. А. де Плинсон. После трехдневного заседания был вторично вынесен оправдательный приговор. Все трое оказались на свободе.

Таким образом, Фондаминский был судим дважды в 1906 г., в Ревеле и Петербурге. В мемуарах можно встретить утверждение, что революционер оба раза «непостижимым образом был оправдан царским судом»²⁵⁹. На основании изученных нами материалов следствия по делу об организации восстания на крейсере «Память Азова», свидетельств очевидцев, прессы, воспоминаний современников, мы пришли к выводу, что отнюдь не чудо спасло Бунакова-Фондаминского, а огромные усилия его жены, соратников и друзей, помощь местной партийной организации.

Сам Фондаминский также «не пал духом, а мужественно и страстно отстаивал право на жизнь свою и своих случайных товарищей по процессу»²⁶⁰. М. Вишняк считал, что «внешностью, фигурой, искренностью, ораторским блеском он, видимо, произвел на судей такое впечатление, что оно вытеснило предубеждение против покусившегося на священные основы самодержавия инородца»²⁶¹. Конечно, личная симпатия к осужденному не могла оказать решающего влияния на решение судей, но полностью сбрасывать со счетов это обстоятельство мы не можем. Позволим себе не согласиться с категоричным заявлением М. И. Леонова о том, что Бунакова-Фондаминского и его спутников оправдали «благодаря усилиям богатых родственников, нашедших дорожку к надежным покровителям в правительственных верхах»²⁶². Это объяснение нам представляется слишком упрощенным, поскольку вряд ли только деньги могли помочь в деле, касающемся посягательства на самодержав-

ный режим. Тем более что военным прокурором был небезызвестный В. П. Павлов, большинство судов с участием которого закончились расстрелом.

Несомненно, огромную роль в вынесении оправдательного приговора сыграла и грамотно организованная защита, влияние и компетентность адвокатов, помогавших обвиняемым. А. Ф. Керенский вспоминал, что в конце октября 1906 г. ему позвонил известный адвокат Н. Д. Соколов и сообщил о политическом процессе по делу о бунте на крейсере «Память Азова»²⁶³. Звонивший вместе с группой защитников направлялся в Кронштадт, чтобы помочь матросам и Бунакову (Фондаминскому), обвиняемому в организации восстания. Письма присяжного поверенного А. А. Булата (адвоката из Ревеля) Н. Д. Соколову по этому делу являются свидетельством их усердной работы по поиску оправдательных фактов вопреки обвинению. Поскольку Фондаминский и его товарищи добрались до крейсера уже после поражения восстания, обвинять их в руководстве оным было затруднительно. Защита строилась на огромном количестве версий, использовала любые факты и порой хваталась за соломинку. Иллюстрацией становятся письма о поиске свидетелей, которым 20 июля удалось взять лодки для катания в районе крейсера «Азов»²⁶⁴. Булат планировал сделать упор на безобидности цели использования шлюпки – катание, и приводил реальный пример. «В тот же вечер, часов около 11, два писца поехали кататься и их обстреляли, к счастью не попали, и взяли на судно, но, подержав 2–3 часа, отпустили. Значит, лодки получить все же можно было, хотя по всему берегу, особенно около города, были войска, и, кроме того, было всем лодочникам распоряжение никому лодок не сдавать»²⁶⁵. «Не вызвать ли этих писцов свидетелями?» – спрашивает далее Булат. Очевидно, что используется любая возможность, любая зацепка для защиты обвиняемых. Скорее всего, писцы были взяты в качестве свидетелей, т.к. в другом письме Булата имеются показания письмовода В. И. Кревера, подтверждающие факт катания вблизи мятежного крейсера и ареста²⁶⁶.

Как же в самой партии оценивали итоги неудавшегося восстания? В докладе на Всероссийском совещании партийных работников среди крестьянства кронштадские, свеаборгские и ревельские события В.М.Чернов не рассматривал как крушение всего плана. «Они

имели огромное моральное значение. Военные организации в других местах еще не ставили на карту своих сил. Народ еще не двигался, а правительству уже чувствовалось себя одно время висющим на волоске»²⁶⁷. Кронштадско-свеаборгские события расценивались ЦК как один из восходящих этапов тернистого пути революции, беспримерный по своим размерам. «И эта небывалая еще сила движения, несмотря на самые неблагоприятные условия, в которых они разыгрались, – лучший залог того, что время победоносной битвы уже недалеко»²⁶⁸. Эсеровские руководители многое делали для разжигания пожара гражданской войны. Мы выяснили, что после разгона I-й Думы И. И. Фондаминский активно откликнулся на призыв партии и действовал в одном русле с ее центристскими лидерами, которые сами двинулись в гущу событий во главе взбудораженных солдат, матросов, крестьян, рядовых членов партии, а не наблюдали бой со стороны. Ценой жизни они были готовы превратить свою идею в реальность. Но разрозненные солдатские и матросские восстания, а также крестьянские выступления не переросли летом 1906 г. в революционный подъем всероссийского масштаба. Однако революционность Фондаминского в период 1905–1907 гг. не вызывает сомнения.

Грищенко В.В.,
*преподаватель кафедры правового обеспечения
управления Государственного университета управления,
кандидат исторических наук*

Роль и юридическая основа урбанизации в советский период

История городской цивилизации – сложный и интересный период в истории любого государства. Сегодня развитие городской цивилизации рассматривается через понятие «урбанизация», под которым понимается социально-экономический процесс, выражающийся в росте городских поселений, концентрации населения в них, особенно в больших городах, в распространении городского образа жизни на всю сеть поселений²⁶⁹.

В данной статье будет рассмотрен только небольшой, но значительный период урбанизации Российского государства – советский период.

В историческом плане процесс урбанизации в советское время проходил по двум основным этапам. Первый охватывает 20–40-е гг. XX в. После революции 1917 г. урбанизация страны приобрела бурный характер, причем движущей основой ее явилось развитие индустрии и связанных с нею функций. И если в 1917 г. доля городского населения России составляла только 18% то к 1940 году, она дошла до 33%. Второй этап приходится на вторую половину XX в. Его еще можно назвать послевоенный. Этот этап характеризуется интенсивным индустриальным развитием страны в послевоенные годы. Для него типично не просто ускорение темпов роста городского населения, но и возникновение таких новых качественных параметров, как преимущественный рост больших городов, формирование городских агломераций распространение городского образа жизни на сельскую местность и др. Всего за этот период число городов увеличилось с 877 до 1037. Доля городского населения к началу 90-х гг. XX в. составляла уже 60%²⁷⁰.

Изучая исторический материал, и особенно правовые программные документы каждого этапа, мы пришли к выводу, что основной движущей силой развития городов в данное время являлись волевые решения советского правительства направленные на индустриализацию промышленности и ее восстановление после войны. До-

статочно привести такие решения, как разработанный по заданию и под руководством В. И. Ленина Государственный план электрификации России, который был принят Советом народных комиссаров и имел силу закона.

В середине 1920-х гг. партийное руководство СССР выдвинуло цель – формирование самого современного в мире, самого мощного военно-промышленного комплекса (ВПК) для кардинального технического перевооружения и механизации Красной армии. Эта программа получила наименование «индустриализация». В связи с программой индустриализации были поставлены задачи:

- расширение добычи природных ресурсов для обеспечения тяжелой промышленности и экспорта, с тем чтобы было чем рассчитываться с зарубежными торговыми партнерами за приобретение передовых производственных технологий и образцов техники, а также для того, чтобы сделать Европу зависимой от нашего сырья;
- формирование единой общегосударственной системы энергетической инфраструктуры (для обеспечения расширяющегося военно-промышленного производства электроэнергией);
- формирование единой транспортной структуры (для обеспечения связности в цепочках производственных процессов и переброски грузов и живой силы к намечаемым театрам военных действий).

В ходе разработки программы индустриализации был осуществлен коренной пересмотр базовых принципов и модели географического размещения промышленности и характера административно-территориального деления.

Не менее важные планы, имеющие силу законов принимались на съездах народных депутатов в виде пятилетних планов развития народного хозяйства.

В качестве примера освоения Сибири и Дальнего Востока и развития городов в данном регионе достаточно привести решение Госплана СССР в котором определялось потребность первой пятилетки в рабочей силе в 10 млн человек. Но поскольку плотность заселения данных районов была исчезающе малой (менее 0,5 человек/га)²⁷¹, то взять эту рабочую силу на местах было неоткуда. Поэтому власть вынуждена была разрабатывать мероприятия по перемещению на осваиваемые территории крупных масс трудовых ресурсов и развитие инфраструктуры. А это означало строить здесь же – на пустом

месте, новые рабочие поселения для размещения перемещаемых сюда трудовых ресурсов. Причем не просто рабочие поселки, а целые города, поскольку мощность фабрик и заводов-новостроек требовала концентрации вокруг себя трудовых ресурсов в количествах от 50 до 300 тыс. человек. Моногорода первых пятилеток возникали:

- рядом с местами залегания природных ископаемых – сырья (Магнитогорск, Новокузнецк, Каспийск, Байкальск);
- как пригородные поселки возле крупных городов, рядом с которыми возводились новые промышленные объекты (Верхний Уфалей, Чебаркуль);
- подле перерабатывающих комбинатов, а также на основе выросших рабочих поселков Краснотурьинск, Медногорск, Сясьстрой, Ковдор)²⁷².

Рост городского населения в России происходил за счет трех составляющих: превышение числа родившихся над числом умерших; превышение числа прибывших в города над числом выбывших из них; административно-территориальных преобразований в результате которых, многие сельские жители, никуда не выезжая, становились горожанами.

Особенность советской урбанистической политики заключалась в том, что рабочая сила перемещалась в возникающие моногорода, во-первых, планоно – в количестве, predetermined расчетами потребной ее численности в соответствии с мощностями и трудоемкостью градообразующих промышленных предприятий, а во-вторых, преимущественно принудительно – советская власть отказалась от стимулирования людей к перемещению на новые места обитания за счет создания лучших условий жизни, нежели в существовавших городах. «Материальная заинтересованность» и «прельщение комфортом» были заменены на «трудовое-мобилизационное принуждение».

В целом контингенты рабочей силы (составлявшие население моногородов-новостроек) по типу миграций можно подразделить на пять категорий:

- добровольные – приезжавшие по найму, по велению сердца;
- добровольно-вынужденные – вынужденные покинуть существующие города;

- добровольно-принудительные планово-мобилизационные переселения (расселение демобилизованных красноармейцев, направление специалистов и квалифицированных работников, направление по комсомольским путевкам, оргнабору и проч.);
- принудительные (депортации; спецпереселения);
- репрессивные (распределение заключенных по сети трудовых колоний и лагерей)²⁷³.

Однако к концу XX в. картина изменилась. Сегодня в России городов чуть больше тысячи. Практический прирост числа городов не только остановился, их количество даже сократилось. Однако бурно развивается другая тенденция – укрупнение городов. Число крупных городов за последние годы выросла с 7 до 165 и в них проживает 45% населения страны. При этом сегодня мы остро ощущаем недостаток городов на обширной территории Урала, Сибири, в Дальневосточном регионе. А именно эти районы, становятся в настоящее время, и в перспективе наиболее привлекательными и с экономической и комфортной составляющей. В этой связи полагаем, необходимым изучать советский опыт развития городов и их продвижение по всей территории страны.

*Ефремова Н.Н.,
профессор Департамента
общих и межотраслевых юридических дисциплин
Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики»,
кандидат юридических наук, профессор*

Изменение роли судьи в судопроизводстве по судебным уставам 1864 г.

Интерес к вопросам организации и отправления правосудия в Российской Федерации не ослабевает в юридической доктрине уже несколько десятилетий. Помимо имевшегося ранее и сохраняющегося сегодня общественного и профессионального недовольствия судом²⁷⁴, его всплеск отчасти был порожден разработкой Концепции судебной реформы, утвержденной Постановлением ВС РСФСР от 24 октября 1991 г. № 1801-1 «О концепции судебной реформы в РСФСР», и последующей ее реализацией в постсоветский период. Новая парадигма организации судебной власти и потребность в ее легитимации обусловили общественный и исследовательский интерес к истории отечественного суда и этапам развития независимой судебной власти, в значительной мере гарантируемой принципом несменяемости судей. В рамках радикального обновления законодательства о судоустройстве и судопроизводстве, а также приведения его в соответствии с международно-правовыми стандартами правосудия, согласно положениям Концепции, был принят Закон РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации». Его ст. 1 определяет главную роль судьи как носителя судебной власти, независимой от законодательной и судебной, ранее не известной доперестроечному советскому судебному законодательству, новым формам воплощения которой суждено было сложиться в изменившихся российских социально-политических условиях.

Проблема определения роли судьи в государственном судебном процессе была и остается актуальной и наиболее сложно решаемой для законодателя, она, в первую очередь, зависит от того, какую задачу ставят перед судом, а, во вторую, от того, каким образом судья должен участвовать и обеспечивать ее решение. При этом, в

условиях гипертрофированного представления о роли судьи создается угроза судебскому произволу, при ее умалении – случайность решения, не гарантированность единообразия в отправлении правосудия. Решение возникшей проблемы требовало, в частности, и обращения к отечественному историческому дореволюционному опыту формирования судей новой формации в условиях провозглашения независимой судебной власти Судебными Уставами, утвержденными Александром I 20 ноября 1864 г.²⁷⁵

Ретроспективный анализ развития нормативного закрепления статуса и роли судьи в отечественном судебном законодательстве позволяет проследить его эволюционный характер на протяжении длительного периода, но также и увидеть и примеры революционных преобразований, причем как в ходе реальных социально-политических революций (к примеру, 1917 г.), так и в процессе радикальных квази-революционных преобразований суда, не затрагивающих государственно-правовых основ в целом (к примеру, реформы XVIII и XIX вв.).

Судья в процессе представляет собой участника или лицо, входящее в состав суда соответствующей юрисдикции и инстанции, которое в соответствии с законом (формально-юридическим источником права) имеет право осуществлять правосудие, иначе говоря, в этой форме реализовывать судебную власть. Хотя понятие судебной власти, как независимой ветви государственной власти, в российском законодательстве появляется только в 1864 г; конструкция «суд власть имеет...» использовалась и в дореформенном законодательстве. Тогда под властью суда, или судьи, понималась совокупность осуществляемых ими в судопроизводстве полномочий, наделение которыми осуществлялось монархом, обладавшим нераздельно всей полнотой государственной власти.

Обращаясь к истории, конечно, нельзя не отметить, что на первом этапе становления государственного суда в Древней Руси еще не ставилась задача, которая, к примеру определялась п. 4 Концепции судебной реформы 1991 г.: «...создание независимой и влиятельной судебской корпорации, гарантирование процессуальной самостоятельности работников юстиции и их достойного материально-бытового и социального обеспечения», а лишь утверждалась в целом базовая позиция государства относительно организации суда –

вытеснение самосуда и произвола, характерного для традиционной юстиции, и введение единого государственного, основанного на законе. Так, например, ст. 18 Краткой редакции Русской Правды устанавливалось: «Аще познает кто, не емлит его, то не рцы ему: мое; но рцы ему тако: поиди на свод, где еси взял»²⁷⁶. Как известно, в тот период суд организационно и функционально еще не отделялся от администрации, юрисдикция суда была не широка, и соответственно авторитет государственного суда был слаб, а потому активная роль в процессе принадлежала именно сторонам, а не судье, которому отводилась позиция арбитра в условиях состязательного по форме процесса. Даже требуемые доказательства не всегда определялись судьями, а чаще были установлены законом; вызова свидетелей суд также не производил: они являлись добровольно, или по вызову сторон²⁷⁷.

Очевидно, в значительной мере, роль судьи обусловлена и формой судебного процесса, так, например, в розыском, инквизиционном процессе, она дополняется совмещаемой в его лице ролью следователя, что имеет выражение в умножении и расширении функций судьи, предоставлении ему большей свободы в ведении судопроизводства и соответственно в определении его исхода. Причем такая роль, в целом, была обусловлена ростом государственного интереса в отправлении формального правосудия, попыткой установления на него государственной монополии, что прослеживается в памятниках средневекового русского права в качестве ведущей тенденции: от Судебника 1497 г. до Указа о форме суда 1723 г. В частности, Великокняжеский судебник 1497 г. упразднив удельную юрисдикцию и соответственно юстицию, установил состав должностных лиц, наделенных судебными полномочиями – «суд судить бояром и окольниковим ...» от имени государя, и одновременно ввел наряду с сохраненной формой состязательного процесса еще и розыскную. В последующем законодательстве, Царском Судебнике 1550 г. и Соборном Уложении 1649 г., этот дуализм был сохранен. Однако заметно, что законодатель поощрял применение «розыска» и недоверчиво относился к «суду». В частности, в Петровском законодательстве это уже было специально подчеркнуто и обосновано такими недостатками состязательного процесса, как волокита, затягивание сроков из-за неявок участников, ябедничество, мздоимство

и др. Вместе с тем, начиная с Судебников, четко обозначился принцип законности в отправлении правосудия, с учетом того, что законы устанавливались монархом и свободному судейскому усмотрению места не оставалось. Так, например, Судебник 1550 г., в ст. 62 устанавливал: «Судити наместником по всем городом по нынешним царевым государевым жалованным вопчим грамотам». А уже в Уставной грамоте от 15 августа 1555 г. наряду с установлением уголовной ответственности выборных старост и целовальников (заменивших наместников) за неправоудие, учиненное «их хитростью и небрежением», предусматривалось и поощрение за соблюдение принципа законности при рассмотрении и решении дел: « а учнут те выборные судьи судити... прямо по нашему уложению, по Судебнику и по уставной грамоте безволокитно и беспосулно... и мы... пошлин и податей всяких имати не велим да сверх того пожалуем»²⁷⁸.

Петр I предпринял попытку запрета состязательной формы процесса и оставления одной розыскной. В Именном указе от 21 февраля 1697 г. давалось обоснование преимуществ «розыска» путем подробного перечисления недостатков «суда»: «... в судах и в очных ставках от истцов и ответчиков бывает многая неправда и лукавство, и ищут многие истцы исков своих, затевая напрасно, также и ответчики в прямых исках отвечают неправдою ж составными вымыслы своими и лукавством, хотя теми составными затейными ответы прямых исков напрасно отбыть, забыв страх Божий; а иные истцы и ответчики, для таких же своих коварств и неправды, нанимают за себя в суды и в очныя ставки свою братью и Боярских людей, ябедников и составщиков же воров и душевредцев, и за теми их воровскими и ябедническими и составными вымыслы и лукавством в вершенье тех дел правым и маломочным людям во оправдании чинится многая волокита и напрасныя харчи и убытки и разоренье...»

Однако в судебной практике продолжали использоваться обе формы процесса. В 1716 г. в приложенном к «Воинскому уставу» «Кратком изображении процессов» Петр установил подробные правила осуществления розыскного процесса, который был предписан изначально специальным военным судам, но далее распространен и на гражданские. К его типичным чертам относились активная пози-

ция судьи на всех стадиях процесса, от возбуждения дела до вынесения приговора, хотя практически все его функции были детально установлены законодателем, ожидавшем от суда тщательного и неотступного исполнения его воли. Судья одновременно выступал и следователем в процессе. Резко ограничивались права обвиняемого, действовала презумпция виновности. Была установлена формальная оценка каждого вида доказательств, которые допускались законом. Основным их делением стало деление на совершенные и несовершенные. Однако доказательство признавалось совершенным лишь при наличии условий, четко определенных законом. Наивысшей доказательной силой наделялось собственное признание обвиняемого, которое могло быть получено и путем применения санкционированной и регламентированной законом пытки. Однако законодатель установил и основание для ее применения, это – обоснованное подозрение судьи в совершении обвиняемым преступного деяния. Вместе с тем, такое широкое усмотрение судьи в вопросах применения пыток, законодатель пытался поставить в рамки, предусматривая уголовное наказание за ее использование «с вымысла», то есть не обоснованно.

На следующем этапе судебной реформы Петр I издал в 1723 г. Указ «О форме суда», в котором сохраняя состязательную и розыскную формы процесса, допускал по усмотрению судьи использования процедур одной в другой и наоборот. Но к этому времени «розыск» доказал свою эффективность в защите государственного интереса и стал доминирующим, тогда как состязательность была сохранена лишь в судах «особенной» юрисдикции. Устное судоговорение предельно сокращалось, процесс осуществлялся преимущественно в письменной форме.

Последовавшая в последней четверти XVIII в. судебная реформа Екатерины II установила новую судебную систему, но существенно не затронула процесса, поэтому розыскной процесс при некотором смягчении черт в правление императрицы и в первой половине XIX в. просуществовал до принятия Судебных Уставов 1864 г., заменивших его новой прогрессивной состязательной формой, установленной для судов общей юрисдикции. Учреждение судебных установлений 1864 г., один из законов, составивших Судебные Уставы, вводил несменяемость для всех судей судов общей юрисдикции: пред-

сдателей, товарищей председателей и членов, которые не могли быть уволены без собственного прошения об отставке или переведены без их согласия в другую местность. При этом временное их отстранение от должности допускаюь только в случае предания их суду, а окончательному отстранению от должности они могли подвергнуться не иначе как по приговору уголовного суда. Указанный закон содержал все-таки основания для увольнения судей, но лишь по решению общего собрания того судебного органа, в котором пребывали на службе. Несменяемость мировых судей действовала в пределах трехлетнего срока их полномочий.

Введенные Судебными Уставами принципы независимости суда, несменяемости судей и состязательности процесса, высокие образовательные и профессиональные требования к лицам, занимавшим должности судей, привели к существенному изменению роли судьи в судопроизводстве. Для ее понимания следует также учитывать изменившиеся цели и задачи нового суда, провозглашенные Александром II в Указе Правительствующему Сенату 20 ноября 1864 г. об опубликовании Судебных уставов, изданным наряду с ними: «водворить в России суд скорый, правый, милостивый, равный для всех подданных Наших, возвысить судебную власть, дать ей надлежащую самостоятельность и вообще утвердить в народе то уважение к закону, без коего невозможно общественное благосостояние и которое должно быть постоянным руководителем всех и каждого от высшего до низшего». По-новому понималась и состязательность сторон, которая не связывала судью как в древнерусском процессе лишь информацией, данной сторонами процесса, но требовала «самодетельности суда в уголовном судопроизводстве» с тем, чтобы сторонам была предоставлена «возможность судебного состязания», уголовный суд решал задачу открытия «в каждом деле безусловной истины». А потому, «в стремлении к этой цели суд уголовный не может принимать в уважение желание сторон, – ни того, что сам подсудимый не хочет оправдывать свою невиновность, ни того, что сам обвинитель потворствует ему. Поэтому если стороны не предъявили всех тех сведений, которые должны служить данными для основательного разрешения дела, то суд не может удовлетвориться одними их заявлениями, но обязан потребовать дополнительных сведений»²⁷⁹.

Относительно суда местной юрисдикции Учреждение судебных установлений постановило единоличность власти мировых судей, а это означало автономность действий судьи в процессе формулирования заключений по делам. По сути, единственным регулятором здесь выступало его убеждение, опирающееся на которое, в свою очередь, опиралось на Устав о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, и имеющиеся материалы дела.

Устав уголовного судопроизводства, в ст. 119 отмечал, судья должен, руководствуясь убеждением, комплексно подойти к изучению конкретного дела, учитывая аргументы обеих сторон и все выявленные обстоятельства. На необходимость комплексного, всестороннего и объективного подхода к делу, опору на убеждение и совесть при принятии решений, а также строгое соответствие судебного рассмотрения нормам закона отмечались и в Уставе гражданского судопроизводства в ст. 129.

Относительная судебская самостоятельность, ввиду установленного запрета на отказ в правосудии по основаниям неясности и неполноты закона, в отличие от дореформенного периода проявилась и в обязанности принять дело и в этих случаях к рассмотрению, не ожидая повеления монарха и соответственно обретая возможность определенной степени участия в правотворчестве. Судьи в пореформенный период посредством своих процессуальных правомочий были призваны Судебными Уставами осуществлять функции борьбы с нарушениями закона и прав личности, обеспечения закона и установленного им общественного порядка, защиты интересов государства. Разумеется, что в условиях сохранения сословного неравенства, не модернизированного типичного абсолютистского правительственного аппарата и архаичного материального законодательства выполнять эти, зачастую разнонаправленные функции было не просто, но, по мнению, апологетов Великой судебной реформы, к примеру, А. Ф. Кони, многие из них с этим справлялись.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что роль судьи в пореформенном судопроизводстве изменилась в соответствии с новыми формально провозглашенными целями и задачами суда, направленными на утверждение начал законности, обеспечения процессуального равенства сторон, состязательности процесса и справедливости решений, то есть тех принципов, которые обеспечивают

надлежащую организацию правосудия. И несмотря на опережающий время их характер относительно реалий российского государства того периода, многие судьи достойно выполняли полномочия в интересах «правильного, по словам С. И. Зарудного, одного из «отцов» Великой судебной реформы, правосудия. Своей высокопрофессиональной и нравственной деятельностью они формировали представление о судьях новой формации, способствовали повышению профессионального и массового правосознания и правовой культуры.

Козлов С.С.,
заведующий кафедрой
теории государства и права
Мурманского арктического государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент

Земельный кодекс РСФСР 1922 г.: системно-структурный анализ

Октябрьская революция 1917 г. хотя и считается проведенной без насилия, имела многие негативные последствия с точки зрения социально-экономического состояния страны. Так, политика «военного коммунизма», которую во многом вынужденно ввела советская власть вскоре после завладения большевиками власти в стране, а затем гражданская война привели к тому, что российская экономика оказалась разрушенной едва ли не до основания, и прежде всего в промышленности и сельском хозяйстве.

С целью выхода из создавшегося кризиса по инициативе Ленина была предпринята и реализована новая экономическая политика (НЭП). Основные принципы этой политики были одобрены на X съезде РКП (б), который состоялся в марте 1921 г., в частности, было решено целесообразным заменить продразверстку продналогом (было реализовано в соответствующем декрете²⁸⁰), что означало радикальное изменение методов производства сельскохозяйственной продукции²⁸¹. Кроме того, допускались элементы свободного товарообмена, частной торговли, что, по сути дела, означало возврат к капиталистическому способу экономической деятельности; правительство вело переговоры с иностранцами о заключении договоров на добычу полезных ископаемых (как будет показано ниже, эти аспекты найдут отражение в первом Земельном кодексе РСФСР 1922 г.).

Для того, чтобы заручиться поддержкой партийных масс, в том же 1921 г. (в мае) состоялась внеочередная партийная конференция, где Ленин убеждал делегатов конференции в правильности выбранной стратегии НЭП, что эта политики – «всерьез и надолго»²⁸². Помимо этого, Ленин в своих статьях также приводил необходимые аргументы, в том числе обосновывал конкретные меры, которые необходимо провести в связи с НЭП, исходя из сложившейся соци-

ально-экономической ситуации в стране. Так, в докладе об уроках Кронштадта на X съезде РКП (б) Ленин отмечал, что необходимо установить немедленное соглашение с крестьянством, и прежде всего с середняками²⁸³. Такая постановка вопроса во многом была обусловлена тем, что накануне в ряде правовых актов, в частности, в принятом в начале 1919 г. Положении о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию²⁸⁴ советская власть определилась с формулировкой о статусе собственника земли, указав, что вся земля в России независимо от того, в чьем владении она находилась, объявлялась «единым государственным фондом».

Между тем указанное решение явно не устраивало ту часть крестьянства, которая еще в период империи благодаря проводимой земельной «стольпинской» реформе сумела стать собственниками земли, причем немало хозяйств сумели укрепить, а после политики «военного коммунизма» и проразверстки доверие крестьян к советской власти было определенным образом подорвано.

При этом ключевым оставался вопрос о статусе земли как важнейшего фактора сельскохозяйственного производства и организации жизни на селе в целом. С учетом перехода к НЭП земельный вопрос встал очень остро. Требовалось находить с крестьянством определенный компромисс, то есть некоторым образом смягчить принципы ранее продекларированной национализации всей земли в стране. Это было важно еще и потому, что к тому времени (начало 1921 г.) 97 процентов сельскохозяйственных производителей были единоличниками-общинниками и хуторянами²⁸⁵. Данная проблема обсуждалась в том же 1921 г. на разных уровнях и принимались соответствующие решения, в том числе ставился вопрос о необходимости быстрого применения Земельного кодекса РСФСР²⁸⁶. В частности, на девятом Всероссийском съезде Советов (23–28 декабря 1921 г.) было принято постановление²⁸⁷, в соответствии с которым признавалось необходимым скорректировать земельно-правовые отношения посредством предоставления свободного выбора форм землепользования самим крестьянством.

Вместе с тем следует иметь в виду, что в рассматриваемом акте достаточно четко подчеркивался тезис о том, что основой земельного законодательства Рабоче-Крестьянской Республики является

«государственная собственность на землю»; обращает на себя внимание то обстоятельство, что пока еще речь не идет об исключительном праве государства на земельную собственность. В том же постановлении девятого Всероссийского съезда Советов был определен в повестку дня вопрос, причем отдельной главой постановления, отражавший определенный тупик, в который входила власть по земельному вопросу – «Об укреплении и развитии пролетарского земледелия»²⁸⁸. Здесь прямо говорилось для чего это делается: «в целях уменьшения зависимости рабочего движения от условий рынка».

Затем в мае 1922 г. был принят Закон о трудовом землепользовании²⁸⁹, который, в частности, позволял брать землю в аренду на срок до трех лет, а особых случаях – до шести лет, допускал более высокую степень выбора формы трудового землепользования, и в этом проявлялась некоторая либерализация земельных отношений, что отражало наметившийся курс на НЭП.

В целом это достаточно обширный нормативно-правовой акт, и в своей основе он позже был включен в принятый в конце 1922 г. Первый Земельный кодекс РСФСР, в связи с чем рассмотрим более подробно основные его положения. Следует заметить, что проект Земельного кодекса РСФСР довольно активно обсуждался на разных уровнях, в частности, в конце 1921 г. он был предметом дискуссии на земельном съезде, затем, уже в начале 1922 г. – еще на двух съездах (съезде агрономов и съезде мелиораторов²⁹⁰), а также на IX Всероссийском съезде Советов, который поручил Народному комиссариату земледелия пересмотреть действующее на тот период времени земельное законодательство в целях согласования с положениями и принципами новой экономической политики, а также имея в виду представить земельное законодательство в ясный, стройный, доступный для пониманию всей массы земледельцев свод законов о земле. В мае того же года третья сессия ВЦИК девятого созыва одновременно с принятием закона «О трудовом землепользовании» приняла также постановление «По вопросу о кодексе земельных законов»²⁹¹, где были в основном одобрены ключевые положения будущего земельного кодекса.

И уже четвертая сессия ВЦИК девятого созыва через несколько месяцев (30 октября 1922 г.) утвердила Земельный кодекс РСФСР²⁹²,

который вступил в силу с 1 декабря 1922 г. После создания СССР земельные кодексы были приняты и в других союзных республиках, при этом тексты этих кодексов составлялись на базе Земельного кодекса РСФСР. Этот кодекс функционировал весь период НЭП, в связи с чем рассмотрим более подробно основные его положения. Прежде всего, говоря об общих характеристиках, необходимо отметить, что в первом Земельном кодексе РСФСР были воедино собраны и кодифицированы ранее действовавшие акты в сфере земельно-правовых отношений, которые не противоречили новой экономической политике советского государства. Одновременно были отменены законодательные акты, которые вошли почти целиком в земельный кодекс РСФСР (например, отмеченное выше Постановление ВЦИК «О трудовом пользовании») либо устаревшие. Земельным кодексом РСФСР подробно регулировалось землепользование сельскохозяйственных артелей и коммун, советских хозяйств (совхозов), товариществ по общественной обработке земли.

При этом земельный закон, тем не менее, очень четко постулирует фундаментальные принципы советской земельной политики, утверждая, в частности, в разделе «Основные положения», «отмену навсегда частной собственности на землю, недра, воду и леса» (ст. 1). И тут же, следом, законодатель объявляет, что все земли, в чьем бы ведении они не находились, являются «собственностью рабоче-крестьянского государства» (ст. 2), соответственно запрещались все сделки по отчуждению земли (в том числе покупка, продажа или запродажа, завещание или дарение, а также залог земли) под страхом уголовного наказания» (ст. 27), а совершенные сделки объявлялись недействительными. Из последующих норм этого закона со всей очевидностью следовало, что земля могла быть использована только в форме землепользования, и этому аспекту, собственно, посвящен основной объем Земельного кодекса РСФСР.

Важнейшей задачей Земельного кодекса РСФСР определялось создание условий, обеспечивающих «правильное и устойчивое землепользование, приспособленного к хозяйственным условиям. Исходя из этого устанавливался соответствующий порядок передела земель: основные пахотные земли следовало переделывать не иначе как по истечении времени, которое было необходимо для 3-х кратного проведения севооборота, принятого в данном земельном обществе,

либо по истечении девяти лет при отсутствии севооборота. Дальнейшее поравнение земельных угодий допускалось только в порядке землеустройства, которое, в свою очередь, проводилось для создания в сельской местности наибольших удобств в землепользовании, в том числе посредством устранения чересполосицы и дальнотемелья. Вместе с тем в промежутках между переделами законом разрешалось частичное поравнение земель, при которых земельные участки дворов не меняли своего расположения, но при этом излишки земель одних дворов передавались другим.

С принятием этого закона в стране начался новый этап развития организации крестьянского землепользования, а если точнее, то сельские общества были трансформированы в земельные общества, то есть экономическая составляющая была поставлена на передний план, в то время как при сельском обществе на первом плане была муниципальная, то есть самоуправляющаяся составляющая в системе землепользования. В этой связи нужно заметить, что на тот момент времени в пользовании крестьянской общины находилось от 80 до 95 процентов крестьянских земель (больше в южных регионах и меньше в северных районах страны)²⁹³. Земельное общество получало право получения статуса юридического лица, что предполагало полномочия приобретать и продавать различное необходимое для землепользования имущество, заключать от своего имени договоры, выступать в суде в качестве истца, равно как и в качестве ответчика, обращаться от своего имени в государственные учреждения. В целом Земельный кодекс РСФСР довольно подробно регулировал статус земельных обществ (обществ землепользователей), чему был посвящен самостоятельный Раздел 1У Земельного кодекса РСФСР.

В соответствии с Земельным кодексом РСФСР земельными обществами признавались следующие образования:

- сельскохозяйственные коммуны;
- сельскохозяйственные артели;
- добровольные объединения отдельных дворов;
- совокупность дворов, выделившихся из прежних обществ, то есть само земельное общество означало, в соответствии с кодексом, объединение крестьянских дворов, а главной функцией земельного

общества являлось регулирование хозяйственной деятельности этого общества.

Закон определял, что членами земельных обществ могли быть все лица, причем независимо от пола, входившие в состав тех дворов, которые образовывали вместе земельное общество, а также члены сельскохозяйственных коммун и артелей. Полноправными членами земельных обществ признавались достигшие восемнадцатилетнего возраста лица, а также лица моложе восемнадцати лет, но которые самостоятельно ведут домохозяйство.

Отметил далее, что в Земельном кодексе РСФСР определялось равенство прав каждого члена земельного общества, соответственно земля между дворами земельного общества распределялась на одинаковых основаниях в зависимости от численности разверсточных единиц, приходящихся на один двор. В практике применялись следующие основные виды разверстки:

- по едокам;
- работникам;
- смешанной системе, в которой учитывались первые два вида²⁹⁴.

Вместе с тем, давая свободу выбора форм землепользования, Земельный кодекс РСФСР подробно регулировал каждую из них. При этом о возможности отчуждения земельных участков в гражданско-правовом смысле (купля-продажа, аренда и т.д.) никакой речи, разумеется, не было.

Земельный кодекс РСФСР предоставлял право передела земель за земельным обществом, но ограничивал его применение. В частности, кодексе отсутствовало указание о том, что при разрешении земельных споров первой инстанцией является общее собрание земельного общества. Сельский сход, как видно, решая выделенные выше вопросы, де-факто лишь исполнял вопросы в основном технического характера, то есть юридические решения – по тем земельным спорам – сход принимать не мог, и получалось, что основанная на обычае, закрепленным предшествующими десятилетиями в императорской России, практика регулирования многих важнейших вопросов землепользования определялась не обсуждениями среди крестьян в земельном обществе, а передавалась на усмотрение органам государства.

В целом же, в отличие от предыдущих земельно-правовых актов, Земельный кодекс РСФСР, несмотря на некоторую либерализацию земельно-экономических и земельно-управленческих отношений, определенным образом расширил государственное регулирование земельного дела, внес немало новелл, которые в последствии окажут серьезное влияние на дальнейшее развитие земельного права²⁹⁵. Значительное внимание в Земельном кодексе РСФСР уделено вопросам землеустройства и государственного земельного кадастра (учета). Так, в ст. 165 Земельного кодекса была обозначена задача ила землеустройство – упорядочение действующих землепользований и создание новых, в соответствии с установленными нормам на выделение земельных участков и условиями «хозяйственно-технической целесообразности».

Земельный кодекс определял также, что государственная запись землепользований имела в качестве основной задачи собирать и хранить, причем, в систематически наглядном виде, своевременные и верные сведения о хозяйственном и правовом положении всех землепользований данной территории уезда (ст. 194 Кодекса). Это должно было осуществляться:

- в интересах общегосударственного управления землями;
- для потребностей различных сфер народного хозяйства;
- для ограждения законных прав и интересов землепользователей.

Рассматриваемым актом предусматривалось, что земельные участки могли предоставляться не только на праве бессрочного пользования, но также и на праве аренды. Тем самым советский законодатель вернулся к тем норма, которые имели место в земельно-правовых актах, принимаемых в первые годы советской власти (еще во время коалиции большевиков и социалистов-революционеров), на что ранее мы обращали внимание. Возврат к практике передачи земли в аренду был вызван прежде всего необходимостью получения дополнительных доходов от использования земельных наделов. Согласно кодексу земля в аренду предоставлялась всем желающим, которые намеревались обрабатывать землю сельскохозяйственным трудом, а также возводить объекты недвижимости, – при условии запрета использования²⁹⁶ наемного труда; запрещалась также передач земельного участка в субаренду, которая могла использоваться для извлечения выгоды.

Во многих регионах страны отмеченные выше общие собрания земледельцев и сельсоветы довольно активно участвовали в обсуждении и решении вопросов земельных отношений. Общие собрания созывались как председателем сельсовета, так и по инициативе членов земельной общины. Повестки дня сходов определялись председателем сельского совета, без учета мнений членов сельского совета, однако во время обсуждений повестка дня нередко дополнялась (обычно вопросами о льготах по сельскохозяйственному налогу, землепользованию и землеустройству). Принятые постановления общих собраний исполнялись через сельский совет. Те крестьяне, которые хорошо владели сведениями о границах земельного общества, участвовали вместе с сельским советом в решении различных проблемы землепользования (таких крестьян было немного – пять человек).

Практика показывала также, что крестьяне далеко не всегда понимали разницу между общим собранием земельного общества и сельским советом. Однако это не было удивительным, поскольку и сам Земельный кодекс РСФСР в определенной степени способствовал такой путанице. Так, в примечании ст. 50 кодекса указывалось, что в тех земельных обществах, границы которых совпадали с границами территории сельского совета, обязанности выборных органов земельного общества должны были исполняться сельским советом. И все же в практике основная часть вопросов решалась на общих собраниях земельных обществ.

Из-за недостаточного контроля за деятельностью земельных обществ в ряде случаев решения принимались с выходом за рамки установленных Земельным кодексом полномочий (это касалось, в частности, утверждения договоров на продажу построек, вопросов семейно-имущественных разделов).

Как ни парадоксально, переплетение и некоторое дублирование функций общих собраний земельных обществ и сельских советов, показывало сближение общинной демократии и административной (советской) власти.

В результате к 1928 г. земельные проблемы так и не были решены. Государство, искусственно вмешиваясь в естественный процесс закрепления крестьянами своей земли путем образования участковых хозяйств, лишь мешало ликвидации существующих на селе общин-

ных пережитков²⁹⁷. Указанные негативные явления послужили основанием для внесения в Земельный кодекс РСФСР 1922 г. изменений и дополнений после введения его в действие. В частности в 1925 г. были приняты Постановления ВЦИК и СНК (от 6 мая 1925 г. 116 и 28 сентября 1925 г.²⁹⁸), в соответствии с которыми бывшим землевладельцам и помещикам, которые не происходили из дворян и не являлись таковыми, равно как иностранным гражданам, которые проживали на территории России, могли предоставляться земельные участки в трудовое землепользование. В том же году были СНК СССР приняты временные правила о применении наемного труда в сельском хозяйстве²⁹⁹, а вслед за этим также СНК СССР была утверждена инструкция по применению этих правил³⁰⁰.

В феврале 1926 г. также Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР в Земельный кодекс РСФСР были внесены очередные изменения, касающиеся регулирования вопросов трудовой аренды земли и вспомогательного наемного труда в сельскохозяйственных хозяйствах³⁰¹ крестьянам предоставлялось право сдавать землю в аренду сроком до двух полных севооборотов при многополье и на срок до 12 лет при трех- и четырехполье). Как показывают современные исследования в сфере развития сельского хозяйства в период НЭП, основной фигурой в деревне 1920-х гг. являлся крестьянин-середняк – именно эта категория была самой многочисленной. Середняки сотрудничали и с бедными, и с зажиточными односельчанами в зависимости от ситуации. А ход дальнейшего развития земельных отношений, как нам представляется, зависел больше уже не от содержания земельных отношений, а от того, как складывалась индустриальная составляющая советской экономики.

Советская власть приняла решение использовать крестьянский резерв для поднятия не только сельского хозяйства, но и всей экономики. Был взят курс на индустриализацию, причем с использованием административных, а не экономических методов. Данный стратегический подход предполагал переток людей из деревни в город и подчинение крестьянского труда нуждам города и промышленности, то есть требовалось более жестко управлять сельскохозяйственным трудом, и в эту парадигму ни земельные общины с их определенной автономией в части землепользования, ни тем более единоличники уже никак не вписывались. С 1927 г. началось

постепенное свертывание НЭП³⁰², и тогда же было положено начало процессу коллективизации сельского хозяйства как неизбежного следствия индустриализации, при которой требовалось законодательно антистимулировать применение общинного и единоличного хозяйствования на земле в пользу обобществленного труда крестьян. Ученые, разделявшие большевистские позиции по земельному вопросу, поддержали это³⁰³. Была найдена и форма такого землепользования – колхозы, и в последующие годы создание и укрепление колхозов стало главной линией в развитии сельского хозяйства советской России. Можно констатировать, что в самом начале 1920-х гг. земельное законодательство советской России стало корректироваться в сторону некоторой либерализации, что было следствием протестных выступлений крестьянства против навязывания коллективных способов ведения хозяйствования, которые противоречили сложившимся традициям в сфере крестьянского землепользования, где преобладали общинное землепользование, сочетаемое с единоличным хозяйствованием, что вписывалось в объявленную большевиками НЭП и нашел отражение в первом Земельном кодексе РСФСР 1922 г.

Такое положение представляло определенный компромисс между настроем большинства российского крестьянства, тяготеющего к вековым традициям, и советской властью, озабоченной реализацией политико-классовой большевистской доктрины. Этот компромисс, имевший огромное моральнопсихологическое значение после гражданской войны, позволял повысить эффективность сельского хозяйства и уровень жизни крестьян, и он мог стать вектором дальнейшего и длительного развития земельных отношений в стране. Однако советская власть не воспользовалась этим уникальным шансом, и верх взяла другая стратегия – курс на индустриализацию экономики и прежде всего промышленности, которую НЭП не смогла изменить коренным образом и ее стали свертывать. Для деревни это трансформировалось в начало принудительной коллективизации сельского хозяйства с конца 1920-х гг.

Колотков М.Б.,
старший научный сотрудник
Высшей школы юриспруденции и судебно-технической
экспертизы Санкт-Петербургского политехнического
университета Петра Великого,
кандидат юридических наук

Правовой механизм борьбы с террором в России (1906–1907)

В конце 1906 г. российское правительство во главе с П. А. Столыпиным продолжило осуществлять преобразования органов политического сыска. В частности, 14 декабря 1906 г. было принято совершенно секретное Положение «О районных охранных отделениях», которое учредило на территории Российской империи 8 таких отделений «для объединения и направления деятельности местных органов, ведающих политический розыск в Империи»: Северное, Центральное, Поволжское, Юго-Восточное, Юго-Западное, Южное, Северо-Западное и Прибалтийское. Районные охранные отделения учреждались для организации работы в нескольких губерниях: к примеру, Северное было образовано для 5, Центральное – для 12, а Прибалтийское – лишь для 2 губерний. В соответствии с параграфом 6 Положения в округе районного отделения все органы, занимавшиеся политическим розыском, должны руководствоваться указаниями начальника районного охранного отделения и исполнять «все требования последнего по розыскной части и вытекающим из розыска следственным действиям»³⁰⁴. Сами начальники районных охранных отделений подчинялись непосредственно директору Департамента полиции, отношения с которым устанавливались через Особый отдел Департамента.

В соответствии с параграфом 7 Положения приоритетным направлением работы районных охранных отделений являлось учреждение «центральной внутренней агентуры», которая должна располагать возможностью предоставлять сведения о деятельности революционных сообществ на подконтрольной территории. Примечательно, что получаемые от нее сведения ложились в основу «направления деятельности входящих в районы розыскных органов»³⁰⁵. Кроме того, именно начальники районных охранных отделений занимались сбором и систематизацией всех агентурных све-

дений на вверенных им территориях, которые в виде сводок ежемесячно докладывались руководству Департамента полиции. Положение также наделяло начальников районных отделений правом требования (у жандармских и полицейских чинов) производства любых обысков, осмотров, выемок и арестов, правом доступа ко всем делам местных жандармских управлений, а также ознакомления (по требованию) с личностями секретных сотрудников этих управлений. В обязанности начальников также входило организация на местах филерской службы, а также ведение статистического и регистрационного учетов данных розыска.

С принятием Положения от 14 декабря 1906 г. при всей кажущейся, на первый взгляд, тенденции централизации процедуры управления системой политического сыска в России на практике произошла частичная децентрализация деятельности розыскных органов. Действительно, если ранее органы политического сыска осуществляли передачу агентурных сведений напрямую в Департамент полиции, то с учреждением нового розыскного органа таковые сведения стали концентрироваться в руках начальников районных охранных отделений, которые обладали правом принятия оперативных решений по ним. В таком случае Департамент полиции лишь информировался ими о результатах проведенных в районе мероприятий и фактически не участвовал в принятии конкретных решений на местах. Только в тех случаях, когда агентурные сведения имели или общегосударственное значение или требовали оперативного реагирования за пределами вверенной районному охранному отделению территории, местные розыскные органы самостоятельно передавали такие сведения в Департамент полиции. С другой стороны, появление обязанности у местных розыскных органов направлять все агентурные сведения начальнику районного охранного отделения способствовало выстраиванию более эффективной вертикали управления этими органами и, как следствие, централизации всей системы политического сыска. На эту особенность обращали внимание некоторые исследователи. Например, З.И. Перегудова полагала неслучайным организацию такого порядка управления политическим сыском в России: территориальные рамки большинства районных охранных отделений совпадали с местами функционирования областных и окружных партийных коми-

тетов революционных организаций, что существенно упрощало работу сыскных органов³⁰⁶.

Безусловно, появление районных охранных отделений способствовало повышению эффективности борьбы с террором в России. В условиях стремительного развития террористической деятельности в России в 1905–1906 гг. создание этих органов позволило снять излишнюю организационно-управленческую нагрузку с Департамента полиции, который теперь мог сконцентрировать внимание на наиболее важных проблемах в рамках всей страны. Однако проблема межведомственного взаимодействия продолжала оставаться актуальной и в это время. Как и ранее, между охранными отделениями и жандармскими управлениями можно было зарегистрировать соперничество, а иногда и жесткую конфронтацию, в то время как по замыслу руководства Департамента полиции эти органы должны были тесно взаимодействовать между собой, а многие мероприятия вообще реализовывать совместно. Департамент полиции регулярно обращал внимание руководителей данных ведомств на местах на эту проблему. Примечательно, что российское руководство понимало всю сложность складывавшейся ситуации в системе органов политического сыска. В этой связи, менее чем через два месяца с момента учреждения районных охранных отделений в работу розыскных органов были внесены коррективы: 9 февраля 1907 г. принято секретное Положение «Об охранных отделениях». Довольно большое по объему (45 параграфов) Положение предусматривало создание в тех местностях империи, где это необходимо, отдельных розыскных органов, при которых «негласные расследования по делам о государственных преступлениях возлагаются на особо назначаемых для этой цели офицеров Корпуса жандармов или состоящих при Департаменте полиции чиновников»³⁰⁷. Согласно п. 3, 5 Положения начальники охранных отделений назначались в распоряжение директора Департамента полиции и осуществляли свои обязанности под высшим руководством Департамента. Однако п. 6 этого документа устанавливал, что в местностях, подконтрольных районным охранным отделениям, начальники охранных отделений должны подчиняться руководству этих розыскных органов.

Основные направления деятельности создаваемых охранных отделений также были четко определены в данном Положении. Так,

охранные отделения должны были решать две задачи: заниматься предупреждением, обнаружением и расследованием государственных преступлений, а также исследовать политическую благонадежность отдельных лиц. Комплектование штата охранных отделений находилось под непосредственным контролем Департамента полиции: для зачисления на службу требовалось либо разрешение директора (для должностей письмоводителя и старших служащих), либо удовлетворение ходатайства о зачислении чинов отделения на государственную службу. Следует отметить, что ни при каких обстоятельствах не допускалось брать на службу секретных сотрудников, а также лиц, ранее привлекавшихся к ответственности за совершение государственного преступления.

Особое внимание в Положении было уделено организации взаимодействия в системе органов политического сыска. Так, п. 15 Положения устанавливал, что начальники охранных отделений должны принимать «все зависящие меры к установлению правильных отношений с начальниками управлений, офицерами корпуса, производящими дознание, а равно с прокурорским надзором и судебными следователями, в видах оказания содействия успеху дознаний и следствий»³⁰⁸. Кроме того, начальники охранных отделений обязывались своевременно уведомлять руководство губернских жандармских управлений об интересующих их обстоятельствах в рамках производимых дознаний. При этом начальники охранных отделений имели право пользоваться в интересах розыска всеми имеющимися в жандармских управлениях сведениями, в том числе знакомиться с делами, а также с материалами негласного розыска.

Порядок организации работы с агентурными сведениями, по сравнению с Положением от 14 декабря 1906 г., не претерпел существенных изменений. В частности, в вопросе децентрализации управленческих решений никаких новых нормативных положений принято не было, однако Департамент полиции обязал руководство охранных отделений сообщать важнейшие агентурные сведения сразу в две инстанции: как в Департамент, так и в районные охранные отделения. Особое внимание было уделено процедуре полной и обязательной регистрации данных розыска на местах, поскольку руководство Департамента полиции стремилось выстроить единую для всей страны информационно-поисковую базу, которая позволя-

ла бы, чтобы «начальник отделения в каждый момент мог дать все сведения о преступной деятельности известного отделению лица»³⁰⁹.

Вместе с тем, Положение от 9 февраля 1907 г. акцентировало внимание начальников охранных отделений на необходимости обучения агентуры на предмет установления фактов, впоследствии необходимых для проведения следственных действий, а также на обязательной перепроверке сведений, получаемых агентурным путем, поскольку «розыскные органы должны руководить секретными сотрудниками, а не наоборот»³¹⁰. Впервые нормативное закрепление получило требование Департамента полиции (п. 23 Положения) о концентрации усилий розыскных органов не на повышении числа ликвидаций террористов, а на предупреждении преступлений. Следует отметить, что исследуемое Положение также содержало существенное количество норм процессуального характера, определявших основания и порядок производства следственных действий.

При всей строгости отношения к розыскным органам на местах и требовании неукоснительного исполнения нормативных предписаний центра, Департамент полиции нередко позволял себе определенные вольности к исполнению своих собственных циркуляров и инструкций. Например, с момента создания в 1906–1907 гг. новых охранных отделений все подготавливаемые в рамках организации розыскной работы документы стали направляться исключительно руководству этих структур. В это время начальники губернских жандармских управлений в местностях, где розыскные пункты отсутствовали, продолжали осуществлять свою деятельность по прежним нормативным правовым актам, либо по циркулярам, изданным в дополнение и развитие неизвестной им инструкции.

Королев С.В.,
главный научный сотрудник
сектора международного права
Институт государства и права РАН,
доктор юридических наук

К. Шмитт: парламентаризм как политико-правовая мифология

Первый барьер на пути к заявленной теме – этимологический. Древние греки учили, что во всякой научной дискуссии сначала надо договориться о значении базовых терминов. Начнем, с «мифологии»³¹¹. По К. Шмитту парламентаризм (об этом термине подробнее ниже) это мифология с маленькой буквы, поскольку есть Мифологии с большой буквы, например, Махабхарата или миф о богине солнца Аматерасу. Мифологии с маленькой буквы тривиальны, их содержание во многом постигается по контрасту с Мифологиями с большой буквы. К последним К. Шмитт, в частности, причислял немецкий нацизм и советский коммунизм, которые во второй трети прошлого века экзистенциально противостояли друг другу. Именно о подобном противостоянии говорится в нашумевшей работе Шмитта «Понятие Политического»³¹².

Мифологии с большой буквы тотальны, иногда тоталитарны, но тоталитаризм не является необходимым свойством, это, скорее, социо-культурная акциденция³¹³. Буддизм, например, тотален, но не тоталитарен. Мифология с большой буквы – это не просто набор идеологем, это совокупность самоисполнимых пророчеств, точнее, самовозобновляемых форм социального взаимодействия. Отсюда, Мифология с большой буквы, прежде всего, перформативны.³¹⁴ Важен сам процесс погружения ее носителей в ритуальную социальную практику. Контент же такой Мифологии выполняет функцию символа веры. Перечисление свойств Мифологий с большой буквы можно продолжать, но в качестве последнего свойства отмечу, что такие Мифологии экзистенциальны³¹⁵ в том смысле, что пронизывают все существование человека. Другими словами, носители такой Мифологии готовы за нее умереть.

Переходим к термину «парламентаризм», и сразу видим, что парламентаризм не дотягивает до экзистенциальной Мифологии с

большой буквы, с которой люди живут и без которой умирают. Вряд ли в современную эпоху найдутся такие адепты парламентаризма (не будем путать парламентаризм и демократию), которые готовы за него умереть. В какой-то степени можно говорить о перформативности парламентаризма, но это, точно, не сакральный ритуал, который способен повергнуть адептов в экстаз и практику самопожертвования. Перформативность парламентаризма это, скорее, юридическая тривиальность³¹⁶.

Парламентаризм – просто совокупность идеологием, причем по преимуществу формальных и негативных или, говоря юридически, негаторных. Парламентаризм по существу отрицает политическое единство нации и вместо него признает лишь совокупную значимость различных политических мнений. Парламент – место, где представители противоборствующих идеологий покупают друг у друга уступки. Парламентаризм по слову Шмитта символизирует эпоху универсальной нейтрализации, когда все т.н. парламентско-способные идеологии систематически нейтрализуют друг друга вплоть до того, что вторгаются в чуждое идеологическое ядро. Можно привести следующий пример: инициаторами жесткого сокращения социальных программ в недавней истории Франции были не правые неолибералы, а социалисты.

Здесь самое время перейти к анти-парламентским инвективам Карла Шмитта. В отношении мировоззрения Шмитта можно говорить о двух бесспорных источниках: это, во-первых, католицизм и, во-вторых, Т. Гоббс. От католицизма Шмитт усвоил максимум, что в основе всякого социального знания и поведения лежит некая ценностная ориентация. Например, даже в отношении людей, полностью погруженных в мир потребления, можно сказать, что они исповедуют т.н. материальные ценности и поэтому отвергают интеллектуальные или духовные ценности. От Гоббса Шмитт унаследовал концепцию общественного договора, которую Шмитт для условий и задач Веймарской республики трансформировал в теорию народного суверенитета, а также в теорию диктатуры, или идею персонального суверена, которую Шмитт развил до оригинальной теории под названием «децизионизм».

С учетом мировоззренческого наследия Шмитта даже при формальном подходе в его «Учении о конституции»³¹⁷ трудно найти са-

мозаконное место для парламентаризма как Мифологии с большой буквы: парламентаризм по Шмитту – политико-юридическая форма либерализма, в принципе неспособного воспринимать мир в духе шмиттовской оппозиции «друг – враг».

В предисловии к своей небольшой монографии «Духовно-историческое положение парламентаризма»³¹⁸. Шмитт цитирует критическое замечание со стороны одного из лидеров немецкого юридического позитивизма Р. Тома. Последний обвиняет Шмитта в том, что он критикует парламентаризм с анахронических позиций, в частности, выделяя в качестве главнейших принципов классического парламентаризма (1) дискуссии и (2) публичность. По мнению Тома, эти принципы устарели еще до начала Веймарской республики, поскольку еще в конце XIX в. главной функцией парламента стало техническое законодательство, а не политическое представительство. По мнению Шмитта, в XIX в. торжество парламентаризма как формальной или технической разновидности либерализма произошло как бы само собой благодаря одновременной экспансии в политическое пространство Европы и последующему апофеозу демократической идеи. Другими словами, парламентаризм в некотором роде паразитировал на развитии и укреплении демократизма, выдавая себя за технического собрата демократии. Однако, как утверждает Шмитт в начале XX в. стали видны трещины между либеральным парламентаризмом, опосредующим и, следовательно, нейтрализующим демократию, и демократической идеей как формы прямого народовластия, или, по крайней мере, как политического мнения т.н. улицы. Как справедливо замечает Шмитт, духовную основу или политическую, а не только лишь техническую ценность парламентаризма нельзя сводить к фразе «А что вместо?» Данная фраза имплицитно подразумевает, что парламентаризм – это, в лучшем случае, *liim* меньшее зло, но не позитивная политическая ценность. Таким был, например, классический либерализм XVIII в., который опирался на принципы дискуссии и публичности. На этих принципах базируется и принцип личной свободы парламентария, который в своих решениях не зависит ни от избирателей, ни от партии. Современные парламентарии часто бравировуют тем, что они не зависят от избирателей, но мало кто из них может позволить себе не зависеть от собственной партии. Как видим, лукавый ленинский

принцип т.н. демократического централизма делает любого парламентария заложником собственной партии вопреки идеологии чистого, или классического парламентаризма в духе И. Бенгтама и Дж. С. Милля.

По слову Шмитта, в рамках современного парламентаризма политика перестала быть делом элиты в строгом смысле этого слова и стала – цитирую – «достаточно презренным гешефтом достаточно презируемого класса людей». Но и классический парламент, по мнению Шмитта, небезупречен: если сословные представительства, например, Испанские Кортесы, или французские Генеральные Штаты или соборы Московской Руси были представительствами реальных (сословных) *интересов*, то пришедшие им на смену парламенты стали представительствами *мнений*. Когда парламентарий поет с чужого голоса, а так бывает часто, то он своим мнением маскирует чужой, разумеется, оплаченный интерес, который для избирателя часто остается непрозрачным.

В перспективе Шмитта парламент как детище буржуазии представляет собой регресс по сравнению с сословными представительствами Средневековья. Как бы то ни было, если представить себе гипотетическую ассамблею работодателей и наемных работников, то в ней в отличие от современных парламентов будет представлена не мозаика *мнений*, порой самых экзотических и оторванных от реальной жизни, а неизбежным будет прозрачное столкновение интересов условной партии работодателей с условной партией наемных работников.

Однако и на примере ассамблеи сословий или профессий мы видим, что представительный орган не предназначен для того, чтобы стать рупором объединяющей идеи, или Мифологии с большой буквы. Такая Мифология, как мы видели выше, представляет собой некую манифестацию народного духа. Именно *Volkgeist* интегрирует некое сообщество людей в узнаваемую социо-культурную целостность в рамках политической организации под названием «государство». Но с этим словом всегда были проблемы. Государство можно понимать как факт, а именно как воспринимаемую, так или иначе, специфическую модель господства и подчинения³¹⁹. Вспомним в этой связи антимонархические карикатуры царской России, где изображена пирамида условных эксплуататоров во главе с царем, а

внизу этой пирамиды, держа ее на своих плечах, стоит крепостной мужик. Адаму Смиту принадлежит хлесткий афоризм: «Уголовник – это субъект с инстинктами хищника, у которого нет достаточного капитала для организации корпорации. Большинство правительств – это правительства богатых для богатых. Правительство оформляет значительную часть организованной несправедливости в любом обществе, древнем или современном. Гражданское правительство, поскольку оно учреждено для охраны собственности, в реальности учреждено для защиты богатых против бедных и для защиты тех, у кого есть собственность против тех, кого ее нет»³²⁰.

Государство можно понимать в духе Г. Кельзена чисто юридически, т.е. как правопорядок в смысле строгой нормативной иерархии³²¹, во главе которой конституция государства, а в самом низу какой-нибудь локальный акт председателя СНТ. В отличие от смитовского определения государства здесь уже можно говорить о некоем, а именно чисто нормативистском единстве, поскольку председатель СНТ хотя и может фактически, но нормативистски не может издать локальный акт, противоречащий конституции государства. В этой нормативистской мифологии есть место и парламенту как главному блюстителю непротиворечивости нормативных актов конституции страны.

Наконец, государство можно понимать как совокупность устойчивых социальных институций³²², например, как систему государственной службы. Так она называется в России и Германии. В Великобритании речь идет уже о Civil Service, т.е. дословно о системе гражданской службы. Другими словами, если в России, Германии, а также во Франции чиновники служат государству, то в Великобритании они служат не государству, а гражданскому обществу. Если парламент воспринимать в терминах устойчивых социальных институций, то возникает вопрос: кому или чему должен служить парламент – государству или гражданскому обществу? Ясно, что эксплуататорское государство в духе Адама Смита и даже формально-юридическое, как бы индифферентное государство в духе Кельзена вполне можно толковать в терминах концепции Шмитта «друг – враг». Если парламент служит бюрократическому государству (не важно эксплуататорскому или же просто нормативистскому), то парламент, говоря жестко, является врагом гражданского общества.

Если же парламент служит гражданскому обществу, или, за неимением такового, «электорату», то парламент становится врагом государству. Казалось бы, из этой дилеммы нет выхода. Но Шмитт его находит в концепции сильного государства. По мнению Шмитта, сильное государство сильно не тем, что подавляет слабых, а тем, что умиряет сильных. Получается, что сильное государство – это Мифологема с большой буквы. По факту почти все нынешние государства суть олигархии, заинтересованные в концепции слабого, а не сильного государства. Противостоять же (транс)национальной олигархии в условиях глобализации – дело политического Прометея. Сильный правитель по Шмитту – тот государственный деятель, который умеет сдерживать в разумных рамках аппетиты олигархического меньшинства, в том числе и через парламентские акты и процедуры.

*Мележик И.Н.,
доцент кафедры истории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент*

Создание единой Италии (историко-правовой аспект)

Процветающие некогда государства аппенинского полуострова источники своего прогресса черпали в развитой торговле на Средиземном море, которое до великих географических открытий было центром торговли многих европейских государств. Но после открытия новых торговых путей, уже не проходящих по средиземному морю, итальянские государства, с различной формой правления, начинают приходить в упадок. Экономика внутри этих государств была слабо развита, т.к. многие десятилетия их благосостояние строилось лишь на отношениях вне аппенинского полуострова. Сельское и городское хозяйство строилось на устаревших орудиях производства, которые не могли привести к росту благосостояния населения.

В середине XVIII в. в итальянских государствах основной формой правления была абсолютная монархия, которая не могла справиться со все более нарастающими экономическими проблемами на полуострове. Попытки провести некоторую модернизацию государственных органов не привели к изменению политической и социальной структуры общества. В экономической и политической сферах продолжало господствовать духовенство и феодальное дворянство. Основную часть населения составляло крестьянство, эксплуатация которого в конце XVIII в. даже возросла. Договоры владельцев земли с крестьянами пересматриваются в сторону сокращения сроков аренды и увеличения платы за нее. Происходит захват общинных земель, уничтожается общинный уклад, что способствует появлению капиталистических элементов в сельском хозяйстве, но и это приводит не к оздоровлению экономики, а к обнищанию и еще большей эксплуатации народных масс. В такой ситуации лишь северная, северо-западная и центральная территории полуострова (Тоскана, Ломбардия и Пьемонт) добиваются лишь некоторого успеха за счет развития мануфактурного производства и торговли, которые тормозились экономической и политической раздробленностью Италии.

В Сардинском королевстве с крестьян взимали феодальную ренту, подушный налог с подданных короля старше 7 лет, рабочий скот, на ремесла, налог на аренду земли, налог на соль и даже на сальные свечи. Феодалы же сохраняли за собой право взимать деньги за охоту, рыбную ловлю, проезд по мостам, за помолку зерна на мельницах и выпечку хлеба в хлебных печах. За все за это деревенское население обеспечивалось определенным стабильным положением. Но в конце XVIII в. перейдя к системе крупной аренды владельцы имений позволяли новым арендаторам превращать крестьян в батраков, усиливают их эксплуатацию. Происходит постоянный рост цен на сельскохозяйственные продукты, прежде всего на хлеб. (Это было усилено еще и тем, что в Пьемонте было подряд несколько неурожайных лет). Начавшиеся в 1789 г. крестьянские волнения длились почти 10 лет, расшатывая устои сардинской монархии.

Основные требования крестьянских масс включали в себя отмену или уменьшение размеров налогов, ликвидацию феодальных прав, ограничение прав новых (буржуазных) арендаторов. Правительства государств были неспособны к решению экономических проблем все острее стоявшими перед государствами полуострова.

Наиболее прогрессивно настроенная и передовая на тот момент часть дворянства и буржуазии, желающая преобразований в экономической и политической жизни полуострова, была разобщена и слаба. Среди буржуазно настроенной части общества доминировали идеи умеренного толка: с помощью реформ ликвидировать феодальные права, получить политическую власть и приобрести права на церковные и феодальные земли. В среде наиболее консервативной части феодалов были даже выступления против ограничения привилегий своего сословия.

Толчком к новому, более прогрессивному осмыслению событий на полуострове, определению целей и задач изменения в обществе, стала Французская революция 1789 г. и принятая «Декларация прав человека и гражданина». Исследователи этого периода времени говорят о появлении двух противоположных лагерей в итальянском обществе. Представители одного из которых выступали против революционных изменений в обществе, а другие, полностью или с оговорками соглашались с ее идеями³²³.

В этот период времени низы крестьянства выступают с желанием пойти по пути французской революции³²⁴. (Особенно это было заметно в тех регионах, где резко обострились социальные противоречия – Центральная и Южная Италия, Сардинское королевство со столицей в Пьемонте). В Савойе, приветствуя начало революционных событий во Франции, крестьяне начали отказываться нести феодальные повинности, платить церковную десятину и новые налоги, введенные в королевстве. В стране разрастается отказ повиноваться властям. Крестьяне нападали на феодальные замки, вступали в схватки с местными военными отрядами, разграбляли лавки с продуктами питания. В Пьемонте крестьяне, нападали на представителей местной власти и полиции, изгоняли королевских солдат. Все это еще больше усилилось неурожайным 1790 г. Антифеодальные, народные выступления охватили почти все королевство. Ослабление торговли с Францией привели к тому, что городское мануфактурное производство сталкивается с большими трудностями. Сардинская буржуазия, вслед за крестьянами и ремесленниками начинает выступать с требованиями гражданского равенства и отмены привилегий высших сословий. К сторонникам республиканских и демократических требований на Севере и в Центральной части Италии можно отнести буржуазную интеллигенцию, крупную городскую буржуазию, ремесленников, служащих и часть военных.

В тех регионах, где буржуазные отношения были развиты слабее (Неаполитанское королевство), решающую роль играли интеллигенция и передовое дворянство, но республиканские идеи проникают даже в сельские районы юга. В Неаполе создается политический клуб «Патриотическое общество», выдвигающий идеи свободы и «равенства между богатыми и бедными, знатными и простонародьем», свержения монархии и утверждения республики. Во многих районах передовых взглядов придерживалась даже часть прогрессивно настроенного духовенства (в Пьемонте около 15% духовенства оказались сторонниками республиканских взглядов). Эти достаточно разные социальные группы объединяли идеалы Французской революции с ее буржуазно-демократическими идеями и желанием уничтожения монархических режимов, вплоть до свержения правительства и короля, а возможно и казни королей и принцев. Наибольшее развитие это движение приобрело в Сардинском королевстве, в Савойе.

Начиная реализовывать свои намерения, прогрессивно настроенная часть населения создает революционные организации и не только в центре, но и в ряде провинциальных городов и небольших населенных пунктах. В Пьемонте республиканское движение пытается привлечь на свою сторону наиболее многочисленную часть населения – крестьянство, но это было скорее исключением, чем правилом. Даже в наиболее экономически отсталом Папском государстве происходили аресты революционно настроенного населения. В городах Южной Италии (Сицилия, Калабрия, Кампания) создаются клубы и кружки, провозглашающие прогрессивные взгляды на переустройство государственных структур. Суды над демократами проходили в Риме, Болонье, Ломбардии, Генуэзской и Венецианской республиках. Это были представители буржуазии, городской интеллигенции, включая студенчество и прогрессивно настроенной части дворянства.

Республиканское движение на полуострове имело расплывчатую программу действия, его цели не были четко сформулированы. Вопрос привлечения крестьянства и городских низов к активной деятельности вызывал недоверие и пугал ту часть прогрессивно настроенной буржуазии и дворянства, которые были собственниками земли. Основные цели они видели в отказе от сотрудничества с представителями монархической власти и ее свержении, установлении республиканского строя на основе демократических принципов. Это не могло быть осуществлено путем реформ, а следовательно, единственным выходом из сложившейся ситуации было революционное свержение существующего на тот момент строя.

Постепенно представители наиболее радикально настроенной части общества, под влиянием Французской революции, начинают объединяться, и такими центрами становятся Пьемонт, Неаполь, Генуя. Противники старого феодального строя совершали различные попытки реформаторского толка, стремясь к преобразованиям на полуострове. Но будучи экономически раздробленными и политически плохо организованными, без поддержки низов, эти усилия не приводили к ожидаемым результатам. Столь кардинальные изменения, путем реформ, решить было невозможно, а для революционных изменений не было еще тех сил, которые могли бы их провести и закончить.

Орлова С.А.,
*старший преподаватель
кафедры теории и истории государства и права
Ивановского филиала Российской академии
народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации*

**Институт сенаторских ревизий
как механизм противодействия коррупции
в дореволюционной России (начало XX в.)**

Преступления коррупционной направленности во все времена являлись угрозой для стабильного и эффективного развития государства. Проблема коррупции приобрела особую актуальность в период 1990–2000 гг. в России. Однако коррупция, как явление, в широких масштабах проявилась еще в дореволюционный период. Опыт противодействия коррупции, сложившийся в досоветское время, является интересным и в современную эпоху.

Одним из наиболее эффективных механизмов профилактики и, одновременно, борьбы с данным явлением стал институт сенаторских ревизий, учрежденный Петром I Указом от 4 апреля 1722 г.³²⁵ Антикоррупционный потенциал данного института права проявился уже в ходе первой ревизии, состоявшейся в 1726 г. Ее осуществлял бывший президент Юстиц-коллегии, сенатор, граф А. А. Матвеев, обследовавший государственные учреждения Московской губернии³²⁶. В ходе ревизии вскрылись масштабные правонарушения местных должностных лиц. Сенатор обнаружил взяточничество, массовые хищения государственных средств, незаконные поборы с населения и многое другое. Однако тогда практически никто уголовной ответственности не понес³²⁷.

Последующие сенаторские ревизии были более результативны. Так, во время ревизии Вятского наместничества 1795–1796 гг. сенатор С. И. Маврин отдал под суд 186 должностных лиц³²⁸.

При Павле I в 1799–1800 гг. были проведены ревизии всех губерний Российской Империи (тогда их насчитывалась 41). В соответствии с Высочайше утвержденным докладом Сената от 28 ноября 1799 г. страну поделили на 8 частей. Таким образом, сенаторов (по двое) посылали обследовать сразу несколько губерний³²⁹. Для них

была составлена специальная инструкция³³⁰. Она стала образцом для последующих инструкций, издававшихся ревизующим сенаторам в начале XIX в.³³¹ В данной инструкции сенаторам предписывалось проверять, соблюдаются ли законы местными органами власти, все ли учреждения созданы и налажено ли в них делопроизводство. Они обязаны были проинспектировать работу приказов общественного призрения, судебных органов, в том числе сиротских судов, тюрем и других учреждений. Сенаторы имели право принимать к рассмотрению жалобы частных лиц на неправомерные действия административных органов и восстанавливать законность. В частности, они могли сразу же исправлять ошибки, допущенные должностными лицами, имели право расследовать совершенные ими преступления. Распоряжения сенаторов подлежали немедленному и обязательному исполнению³³². Всего за период существования данного института права в дореволюционной России состоялось более 140 сенаторских ревизий. На каждую из них (или на группу ревизий, если назначалось сразу несколько сенаторов) выдавалась отдельная инструкция. Анализ положений этих инструкций показывает, что императоры наделяли ревизующих сенаторов таким объемом прав, каких не было ни у одного органа власти в те времена. Временное правительство довело развитие института сенаторских ревизий до логического завершения³³³.

Ревизующие сенаторы наделялись функциями органа контроля по отношению к инспектируемым ими учреждениям. Они имели право отменять решения должностных лиц, снимать чиновников с должности и временно назначать на них других лиц, в том числе из уважаемых дворян (ст. 17, 24 Инструкции 1857 г.), могли немедленно своей властью налагать на чиновников штрафы (ст. 4 Инструкции по недоимкам). Как орган надзора, сенатор немедленно возбуждал уголовное дело по вскрывшимся фактам казнокрадства, взяточничества, злоупотребления властью и других преступлений коррупционной направленности, производил предварительное расследование в отношении должностных лиц ниже IV класса и передавал дело в суд (ст. 4 Инструкции по недоимкам). Согласие начальства подозреваемого на возбуждение против него уголовного дела в таких случаях не требовалось (ст. 23, 28 Инструкции 1857 г.). Если преступления носили массовый характер, и в канцелярии ревизующего

сенатора было недостаточно лиц для проведения расследования, он имел право, в соответствии со ст. 22 инструкции 1857 г., поручить расследование любому уважаемому лицу из дворян. Инструкции 1880 г. и 1882 г. уточнили полномочия ревизирующих сенаторов в вопросах осуществления ими предварительного расследования по коррупционным делам.

В начале XX в. права ревизирующих сенаторов стали еще шире. Они могли теперь проверять деятельность должностных лиц не только военного (Инструкция от 26 января 1910 г.³³⁴) и морского (Инструкция от 8 февраля 1917 г.³³⁵) ведомств, но и получили право привлекать к уголовной ответственности «частных лиц» (в соответствии с пунктом «и инструкции, предоставленной сенатору А. А. Ширинскому-Шихматову).

Расширение полномочий ревизирующих сенаторов в начале XX в. было вызвано вскрывшимися фактами масштабных коррупционных преступлений в московском градоначальстве, в Туркестанском крае³³⁶, в военном ведомстве³³⁷ (особенно в интендантской службе³³⁸), в сфере строительства мостов³³⁹ и др. Сенаторы провели предварительное расследование в отношении сотен должностных лиц, вернули в бюджет государства миллионы рублей³⁴⁰. Как указывала Н.А. Савченко, при ревизии одного только Привислинского края и Варшавского военного округа, сенатор Д. Б. Нейдгардт отдал под суд 121 должностное лицо³⁴¹. Ревизирующие сенаторы в соответствии с инструкциями, получали права, какими, например, обладала прокуратура как орган общего надзора до реформы 2007 г. (после реформы прокуроры потеряли право вести предварительное расследование и возбуждать уголовные дела, за ними осталось только право возбуждать дела об административных правонарушениях). Ревизирующие сенаторы наделялись правами, присущими как органам контроля, так и общего надзора. Данный институт права был нацелен на выявление фактов коррупции со стороны должностных лиц, пресечение их противоправной деятельности, раскрытие и расследование коррупционных преступлений. Сенаторы имели право сразу ликвидировать последствия коррупционного правонарушения. По результатам ревизии они составляли отчет, где анализировали причины, по которым с их точки зрения, стали возможны факты коррупции, и предлагали реформы в той или иной сфере

управления. По окончании ревизии создавалась специальная государственная комиссия, в обязанность которой входило изучение отчета, предложений сенатора и выработка законопроектов, призванных улучшить работу органов власти и убрать почву для коррупции.

В современной России аналога института сенаторских ревизий нет, поскольку ни один орган контроля или надзора, не обладает таким объемом прав, какими обладали ревизующие сенаторы в до-революционной России.

*Приходько М.А.,
доцент кафедры истории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук*

Права и свободы подданных Российской империи в конституционном проекте А.Р. Воронцова 1801 г.

Как известно, начало царствования российского императора Александра I было отмечено разработкой реформ во внутренней политике Российской империи. Эти мероприятия, затронули и вопрос о разработке проекта российской конституции. В специфических условиях Российской империи начала XIX в. данный конституционный проект принял форму «Грамоты российскому народу» («Всемиловнейшей грамоты, российскому народу жалуемой») А. Р. Воронцова, которая должна была по мысли императора Александра I быть утверждена и обнародована в день его коронации.

В своей основе проект А. В. Воронцова представлял собой феодальную хартию, составленную главным образом в интересах дворянского сословия, но подтверждение и утверждение в нем ряда прав мещан и купцов, а также и крестьян, дает основание говорить о его частично универсальном характере³⁴². Ключевым положением проекта было подтверждение положений ранее изданных: Манифеста «О даровании вольности и свободы всему российскому дворянству» от 18 февраля 1762 г., «Грамоты на права, вольности и преимуществ благородного российского дворянства» и «Грамоты на права и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г.

А. Р. Воронцовым была предпринята попытка правового оформления и обоснования (в урезанном виде) прав крестьян – сословия для которого жалованная грамота в царствование императрицы Екатерины II не издавалась. Это нововведение входило в противоречие с крепостным правом и интересами дворянского сословия. Поэтому, в конечном итоге, данный проект так и не был утвержден императором Александром I.

Тем не менее, информация о проекте Грамоты о правах и свободах граждан А. Р. Воронцова, имеет определенное научное значение, так как данный проект, является одним из первых конституционных проектов в истории России.

*Прокопович Г.А.,
профессор кафедры
теории государства и права им. Г.В. Мальцева
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
доктор юридических наук, доцент*

Соотношение публичных и частных интересов в финансовых правоотношениях, связанных с развитием института страхования

Институт страхования в России за последнее время претерпел достаточно сильные изменения и в первую очередь это касается изменения принципов регулирования этого института, в том числе, в части соотношения публичного и частного регулирования в нем.

Вопрос о том, каким именно должен быть баланс частных и публичных интересов в страховании, является предметом обсуждения довольно давно. Небезосновательно этот институт изначально относили к отрасли гражданского права, ведь на момент его создания страхование являлось только добровольным, основывалось на гражданско-правовом договоре и поэтому защищало интересы лишь частных лиц. Однако впоследствии все больше исследователей начали говорить о присутствии и публично-правовых начал в страховании и необходимости отнесения его к отрасли финансового права³⁴³. С. Зинченко и С. Корх отмечали: «эйфория частнособственнической предпринимательской деятельности привела к тому, что цементирующее публичное начало было забыто... Субъекты предпринимательства, реализуя экономическую свободу, нередко забывают о том, что кроме них есть еще и общество, где только и возможно вести эту деятельность»³⁴⁴. Действительно, для государства очень важно должным образом осуществлять регулирование страхования, так как последнее является одним из инструментов обеспечения стабильности в обществе, оказывая непосредственное влияние на имущественное положение граждан и их экономическое взаимодействие друг с другом. Так, оно обеспечивает снижение негативных последствий различных катаклизмов (страховых событий), способствует накоплению ресурсов и сбережений в целевых фондах, которые впоследствии используются по своему непосред-

ственному назначению. В связи с этим у государства возникает необходимость регулировать не только сам процесс страхования, но и его сильную сторону – страховщика, в том числе контролировать его жизнеспособность и финансовую устойчивость.

Частный интерес намного более очевиден в страховании, чем публичный, т.к. выгодоприобретатели вступают в эти правоотношения именно для обеспечения своего страхового интереса. Действительно, независимо от вида страхования, выгодоприобретатель всегда заинтересован в получении страховой суммы, которая покрывает понесенные им убытки или будущие траты. При этом выгодоприобретатель может быть как частным, так и публичным субъектом.

Если говорить о страховании с отсутствием публичного интереса, то здесь возникает следующая ситуация. Частное лицо самостоятельно вступает в правоотношения по страхованию, условия которых определяются лишь договором, заключенным между ним и страховщиком. В случае нарушения положений данного договора застрахованное лицо самостоятельно осуществляет свою правовую защиту, в том числе путем обращения в суд. Для застрахованного лица существует опасность неполучения страхового возмещения даже при наступлении страхового случая, например, в случае банкротства страховщика или его недобросовестности. Кроме того, частное лицо, как менее защищенная сторона, может заключить договор страхования с далеко не выгодными для себя условиями. Таким образом, частные субъекты заинтересованы в регулировании страхования со стороны государства. В связи с этим, публичный интерес в страховании не может не присутствовать.

Государство может защищать публичный интерес в страховых правоотношениях следующими способами:

- регулированием страхования на законодательном уровне.
- установлением требований к страховщикам для исключения их недобросовестного поведения и злоупотребления своим положением сильной стороны в правоотношениях. К таким требованиям можно отнести:
 - лицензирование;
 - контроль за финансовой устойчивостью страховщиков;
 - требования к инвестиционной деятельности страховщиков;
 - закреплением отдельных видов страхования, как обязательных.

Ст. 2 Закона РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации» и ст. 927 ГК РФ устанавливают, что страхование может осуществляться в форме добровольного и обязательного страхования.

При добровольном страховании лицо само принимает для себя решение о вступлении в договорные отношения со страховщиком, а условия этих правоотношений определяются самими сторонами в договоре. Добровольное страхование имеет место в тех ситуациях, когда возможный ущерб может затронуть только частные интересы ограниченного круга лиц. Государство влияет на эти отношения только путем закрепления общих положений в Гражданском кодексе РФ в главе о страховании.

В обязательном страховании отсутствует свобода волеизъявления, так как вступление в договорные отношения является принудительным. При этом, чаще всего страхователи и выгодоприобретатели не совпадают между собой. Кроме того, правовое положение сторон устанавливается не договором страхования, а законодательными актами, регулирующими тот или иной вид обязательного страхования.

Выделяются следующие основные виды обязательного страхования:

1. Обязательное социальное страхование.

Данное страхование осуществляется путем внесения страховых взносов во внебюджетные фонды. В России таковыми являются следующие фонды:

- Пенсионный фонд Российской Федерации;
- Фонд социального страхования Российской Федерации⁴
- Федеральный фонд обязательного медицинского страхования Российской Федерации.

Все фонды социального страхования являются внебюджетными, не подлежат изъятию и являются собственностью государства. Таким образом, они являются инструментами удовлетворения публичного интереса. За исключением указанных выше подзаконных актов, устанавливающих порядок функционирования фондов, их деятельность также регулируется отдельными федеральными законами, например, Федеральным законом от 16 июля 1999 г. № 165-ФЗ «Об основах обязательного социального страхования».

2. Обязательное страхование в отношении государственных служащих (обязательное государственное страхование).

Государство заинтересовано в том, чтобы государственные служащие, как лица, выполняющие общественно-значимые функции, как можно быстрее восстанавливали свою работоспособность в случае возникновения несчастных случаев при исполнении ими своих служебных обязанностей³⁴⁵. Кроме того, государству выгодно стимулировать людей поступать на государственную службу, повышая конкуренцию на занятие вакантных должностей. Обязательное государственное страхование является предметом регулирования отдельных специальных федеральных законов, таких, как Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в котором ст. 43 устанавливает обязательное страхование жизни и здоровья сотрудников полиции и Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации», в котором ст. 45 устанавливает обязательное страхование жизни и здоровья прокуроров и пр.

3. Обязательное страхование вкладов физических лиц в банках.

Причиной введения данного подинститута было желание государства привлечь сбережения граждан в экономику, уменьшить их недоверие к банковской системе, что тоже иллюстрирует наличие в этом публичного интереса. Как и во многих других видах обязательного страхования, здесь присутствует специальный страховщик – Агентство по страхованию вкладов. Кроме того, физические лица не могут изменять условия страхования. Основным нормативно-правовым актом здесь выступает Федеральный закон от 23 декабря 2003 г. № 177-ФЗ «О страховании вкладов физических лиц в банках Российской Федерации». Им, в частности, установлено, что максимальная сумма страхового возмещения составляет 1 400 000 рублей.

4. Обязательное страхование ответственности.

То, каким целям служит обязательное страхование ответственности, исчерпывающе разъяснил Конституционный Суд РФ при проверке конституционности Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» (Постановление от 31 мая 2005 г. № 6-П). Он отметил, что «введение института обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспорт-

ных средств, суть которого состоит в распределении неблагоприятных последствий, связанных с риском наступления гражданской ответственности, на всех законных владельцев транспортных средств, с учетом такого принципа обязательного страхования, как гарантия возмещения вреда, причиненного жизни, здоровью или имуществу потерпевших, в пределах, установленных Федеральным законом «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», направлено на повышение уровня защиты права потерпевших на возмещение вреда.

В корне неправильно противопоставлять друг другу частный и публичный интересы, так как один вытекает из другого, что четко прослеживается на примере института страхования. Первоочередной задачей законодателя и правоприменителя, на наш взгляд, должно являться не выявление того, какая суперотрасль преобладает в страховании, а какая не должна иметь к ней никакого отношения. Главная цель – определить, каким образом можно осуществлять эффективное правовое регулирование в данной сфере и как наиболее оптимально применить для этого различные правовые методы и механизмы, независимо от того, какой суперотрасли они присущи. Наилучшее соотношение частного и публичного права в страховании – именно то, к чему необходимо стремиться.

*Румянцева В.Г.,
доцент кафедры истории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук, доцент*

**Частный и публичный эгоизм в праве:
баланс целей и интересов
(на примере теории Р. Иеринга)**

В Юриспруденции вопросу о цели в праве уделялось всегда значительное внимание. Так, во времена Р. Иеринга помимо его собственных изысканий существовала еще теория индивидуальной свободы, развитая И. Кантом. В ее рамках цель права заключалась в обеспечении заключенной в психике человека внутренней свободы и ограничении проявляющейся во взаимоотношениях с другими лицами внешней свободы ради спокойствия и блага общества. Р. Иерингу теория индивидуальной свободы представилась неудовлетворительной, так как не давала объяснения некоторым признанным в праве притязаниям. Если цель – обеспечение индивидуальной свободы, рассуждал мыслитель, то всякое признаваемое правом притязание должно содержать в себе обеспеченную возможность свободного внешнего волеизъявления. Воля индивида в указанных этим правом пределах может двигаться свободно, по своему усмотрению, что не бесспорно и опровергается многими фактами. Свобода во всех смыслах имеет значение постольку, поскольку дает возможность удовлетворения интересов индивида. Р. Иеринг верно заметил, что право существует не для отвлеченной идеи, а для служения конкретным интересам. Без связанной возможности пользоваться каким-либо благом право вообще не нужно.

Методологически чрезвычайно важно, что Р. Иеринг пришел к телеологическому мировоззрению диалектическим путем, выступая против чисто абстрактного понимания правовых явлений, развитого естественной школой, и стихийного механического понимания исторической школы. Право, по его воззрению, не организм, не механизм, а продукт цели. Оно не дар природы, но и не результат случая. Своим практическим значением право обязано ни силе правового убеждения, ни идее справедливости: оно – продукт активной человеческой деятельности, «приводимой в движение жизненной

необходимостью и давлением обстоятельств и руководимой мотивами целесообразности». Объяснение природы юридических институтов следует искать в целях и потребностях времени. Р. Иеринг развивал положение, что чувство права в каждом обществе, в каждом его классе тесно связано с жизненными условиями и целями существования³⁴⁶. Так постепенно утверждался тезис «цель есть творец права» и решался вопрос об определяющей существо права цели. По мнению немецкого ученого, факторами правообразования служат осознанные цели, которые преследуются людьми в процессе борьбы за правовое закрепление и защиту отношений: «Право же как целевое понятие, будучи поставлено среди хаотического движения человеческих желаний, стремлений, интересов, постоянно должно ощупью отыскивать надлежащий путь, а отыскав его, уничтожать преграждающие его препятствия»³⁴⁷.

Цель права возникает из практических соображений, а носителем права является общество³⁴⁸. Цель – не внутреннее начало развития права, а изменчивый продукт внешних обстоятельств. Вполне основателен упрек, что исследуется не цель в праве, а цель вне права: «Цель, как творец права, предшествует праву, и потому она в данном случае подобна причине»³⁴⁹.

Телеологическое понимание права нашло себе выдающихся защитников и среди поздних философов, более близких по временным рамкам Р. Паунду. Р. Штаммлер соединил социально-научное познание права с социально-философским, обозначил право формой, внешне регулирующей жизнь, созидательным началом. Со своей стороны Г. Радбрух утверждал: «Цель составляет основание создания, а не существования права; последнее становится, подобно гомункулу Вагнера, самостоятельным вместе с своим рождением, идет своим собственным путем и само делается целью, самоцелью»³⁵⁰. Согласно взглядам Р. Паунда, цель права – примирение и гармонизация сталкивающихся и перекрещивающихся интересов, претензий, требований³⁵¹. Для Р. Паунда – это сформулированная постановка проблемы правопорядка. Если бы всякий человек делал все, что он хочет, что в состоянии сделать, то неизбежны были бы непрестанные столкновения между людьми. Все бы друг другу мешали. Необходима регламентация поведения, которую и создает право. Задача одна – удовлетворение человеческих требований,

претензий, защита интересов при наименьшем конфликте и наименьшем ущербе. За счет этого способы обеспечения интересов могут возрастать, насколько это возможно: «Напрасно притворяться, что законотворчество, судебное разбирательство фактически полностью определяются за счет балансирования интересов и попытки их примирить наукой так, чтобы гарантировать осуществление их наибольшего количества с наименьшей жертвой. Давление претензий, требований, желаний... будет деформировать фактические компромиссы правопорядка в большей или меньшей степени». Р. Паунд заключает: «Мы не получим никакого мира, как это и было, пока мы не обеспечим столько требований, сколько мы можем; давление необеспеченного интереса или неудовлетворенного требования заставляют нас пытаться находить более содержательное решение. Мы не можем представить какую-нибудь картину правопорядка, где фактическое упорядочивание человеческих отношений даст точный эффект»³⁵². Мир юриста – мир практической жизни и человеческих действий, в котором интересы людей должны быть разграничены и приведены к гармонии: «Устранение конфликта и предотвращение ущерба, насколько это возможно, при удовлетворении бесконечных человеческих желаний из сравнительно ограниченного запаса существующих материальных благ – это может по праву считаться задачей или большим рядом задач социальной инженерии»³⁵³.

Р. Паунд гармонично соединил телеологические учения И. Канта и Р. Иеринга. Две теории, два определения цели права не исключают, а, как демонстрирует концепция американского ученого, логически дополняют друг друга: необходимость обеспечивать индивидуальную свободу как в рамках общежития, так и для осуществления признанных правом интересов способствовала раскрытию цели права как достижения компромисса между личностью и всем обществом. Р. Паунд полагал, что «люди желают быть равными во всех отношениях. Но они желают также быть свободными»³⁵⁴. Теория индивидуальной свободы совершенно упускала из вида момент интереса, свобода индивида являлась в ее изображении бессодержательной, выступая в качестве какой-то самоцели, не связанной с производством и распределением благ в обществе. Интерес есть стремление лица к получению известных выгод и осуществлению своих целей.

Обеспечение интереса неизбежно предполагает известную внешнюю свободу индивида. Р. Иеринг, признав во внешней свободе выбор формы пользования благом, доказал неразрывность обеспечения интересов индивида и обеспечения его свободой. Поэтому теория индивидуальной свободы была заменена им теорией интереса. Ученый восполнил недостаток теории индивидуальной свободы, открыв возможность понимания права в связи с внутренним строением общества, его жизнедеятельностью, но принципиальное отвержение ее вызвано односторонним увлечением новатора³⁵⁵.

Телеологическое правопонимание привело к разработке категории интереса через творческую силу индивидуальной воли. В качестве основного элемента права воля была выдвинута Ж. Руссо и Г. Гегелем, а интерес – К. Краузе, но именно Р. Иеринг показал, что человеческие действия вызываются и обуславливаются активной, а не пассивной волей: «Бесконечная цепь причин и следствий во внешнем мире прерывается при всяком столкновении с человеческою волею, над последней закон причинности не имеет никакой власти, по отношению к природе воля свободна, не подчинена никакому закону, она повинуетя лишь целевому закону»³⁵⁶. Имя этой цели – интерес. В основе права лежит любая польза (материальная, духовная). Р. Иеринг через понятия блага (приносящая пользу вещь) и цены (годность блага к обмену) определяет интерес как ценность блага в его применении к целям и отношении обладателя. Например, билет на концерт имеет цену, но не имеет интереса для некоторых лиц – глухого человека. Генезис интереса из эгоистических потребностей дал возможность отождествить его с правом – «эти охраняемые... интересы мы называем правом»³⁵⁷.

Право есть выражение того, какие интересы в данное время законодатель признает заслуживающими защиты и нуждающимися в ней. По мнению Г. Еллинека, в теории Р. Иеринга «волевая мощь, направленная на какой-нибудь интерес, есть всегда прямо или косвенно волевая мощь, направленная на других субъектов»³⁵⁸. Признанные правовым порядком индивидуальные интересы всегда имеют связь с обществом.

Теория интереса широко распространилась в юридической литературе и дала своеобразные видоизменения. Например, всякое понятие права, отмечает Е. Эрлих, обозначает интерес, который отра-

жается в соответствующей норме права, хотя они не всегда четкие и ясные, не могут охватить все многообразие противоречивых интересов. Для постоянного обеспечения интересов в каждом конкретном случае ученый обязывает судью координировать свое собственное взвешивание интересов с интересами, отраженными в правовом положении. Попытки вывести из правовых положений решения без всякой оценки интересов дают лишь жалкие словесные аргументы³⁵⁹. Р. Паунд не скрывал, что и его линия идет от «юриспруденции интересов» Р. Иеринга и «свободного нахождения права» Е. Эрлиха с трактовкой права как средства обеспечения компромисса сталкивающихся интересов: «Фактическую претензию или интерес – абстрактную фактическую претензию (которую мы должны были признать и защитить) – юридически признанную и юридически разграниченную претензию (возникающую после того, как право пришло к какому-то практическому регулированию) – совокупность правовых институтов, с помощью которых претензия становилась эффективной, – мы называли все одним именем „право“»³⁶⁰.

Благодаря установленным правом обязанностям выполняются интересы как индивида, так и всего общества. С точки зрения Р. Иеринга, такое положение признается бесспорным. Эгоизм получает в концепции немецкого ученого значение необходимого фактора в качестве основного двигателя практической деятельности человека, достаточного для осуществления собственных, но не социальных целей. Индивид побуждается к общественной деятельности в ожидании получения личных выгод от общежития, облегчающих его жизнь. При этом общество каждый раз наталкивается на препятствия со стороны неразумной и слабой воли индивидов (одни не постигают выгоду вследствие недостаточного разумения, другие не в состоянии обуздать свой эгоизм). Эгоизм свойственен человеку от природы, его нельзя устранить, остается только приспособить к направлению общей пользы – особенной задаче социальной механики, или, как бы сказал Р. Паунд, «социальной инженерии». Путем воздействия, сводимого к созданию достаточно сильных стимулов (вознаграждение и принуждение), эгоизм направляется в желательную сторону, к социальным целям. Вознаграждение осуществляется в экономическом обороте, принуждение – в праве. Эгоизму отдельного индивида противопоставляется эгоизм всего общества. Хотя

одного сознания выгоды в урегулировании общества, по собственному признанию ученого, недостаточно. Для исполнения юридических обязанностей требуется чувство долга. Р. Иеринг, прослеживая диалектику эгоизма, классифицирует его:

- мелочный близорукий (сознание только собственной выгоды);
- дальнзоркий (осознание собственного блага через общественное);
- дисциплинированный (мотивация к неэгоистическим действиям во благо обществу, руководствующаяся эгоистическим рассуждением).

Последний и создает право – религию эгоизма. Обращаясь со своими велениями к индивиду, оно вознаграждает его реализацией интересов, тем самым не отменяя, а видоизменяя эгоизм. Совпадение целей и интересов отдельных лиц дает возможность обществу найти доступ к природному эгоизму человека и обуздать его в своих видах³⁶¹. Таково право как «инструмент социального контроля».

Большое влияние на формирование и развитие данного направления оказала концепция Р. Иеринга, успешно сочетавшего позитивистские и зарождавшиеся социологические начала. Немецкий юрист верно заметил, в основе права лежит польза, право обеспечивает порядок удовлетворения общих и индивидуальных интересов. Оно не может рассматриваться как замкнутая в себе, оторванная от социальных отношений структура абстрактных правил. Это заставило ученого обратиться к функциональному аспекту права и выступить против культа понятий:

- с одной стороны, под правом он понимает юридически защищенный интерес;
- с другой – в социологической трактовке процесса формирования права как результата борьбы различных интересов в обществе, чувствуется юрико-позитивистский подход к праву как совокупности принудительных норм, установленных государством, которое и решает, какой из интересов взять под свою защиту путем закрепления в законодательстве.

Нужно признать, что Р. Иеринг самостоятельно прокладывал путь в новой области. Он справедливо жаловался на отсутствие удовлетворительной разработки проблемы цели в философской литературе. В конце концов изыскания не остались бесплодными, так как не

подлежит сомнению, что его труд дал сильный толчок не только для юридического изучения понятия цели, но и для философского. Предложенная Р. Иерингом концепция социологического исследования права получила довольно широкое признание и распространение на Западе и в России, дала важный импульс для формирования социологического направления.

Сергеев А.Л.,
доцент кафедры истории государства и права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА),
кандидат юридических наук

Личность, общество и государство в политико-правовой доктрине кубинского социализма

Кубинский социализм – доктрина интегральная, формирующаяся более полувека в конкретных условиях народно-революционной действительности острова Свободы. Многие постулаты кубинского социализма нашли свое отражение в работах и выступлениях Ф. Кастро, Э. Че Гевары, Р. Кастро, в решениях съездов кубинской коммунистической партии, иных общественно значимых документах и резолюциях субъектов кубинского гражданского общества. Тем не менее, следует выделить три краеугольные основы и базовых источника кубинского социалистического учения, которыми, вне всякого сомнения, являются мартианство, марксизм и Теология Освобождения – левокатолическое христианское течение, получившее серьезное распространение в Латинской Америке в последние десятилетия 20 века.

Доктрина кубинского социализма находится в состоянии формирования и системного оформления. Сегодня исключительно важно собрать соответствующее имеющееся знание, осуществить его должную систематизацию и формализацию.

Функционирование доктрины кубинского социализма имеет тройное значение:

- как идейного стержня современной Кубы;
- как идеологии, указывающей кубинскому обществу горизонты будущего;
- как данное человечеству важнейшая система идейно-смыслового знания.

Работа по формализации и систематизации кубинского идейно-смыслового знания еще требует серьезных усилий, однако уже на сегодняшний день можно говорить о ее следующих базовых принципах.

1. Государственный суверенитет – средство и способ глубокой и долговременной революционной трансформации общества. Ф. Ка-

стро в своих статьях и выступлениях неоднократно подчеркивал, что стратегические цели Революции не могут быть достигнуты вне государственного механизма, а потому суверенитет как неотъемлемое свойство государства должен быть всесторонне и всемерно оберегаем. С потерей суверенитета неизбежно будет потеряна революция, а с потерей революции погибнут все народные завоевания.

2. Революция – священный символ и одновременно процесс, развертываемый во времени и представляющий собой постоянное обновление всех сфер национальной жизни (правоохранительной деятельности, экономики, культуры и т. д.). Революция является точкой отсчета новой кубинской народной государственности, однако ее временные рамки не заканчиваются первичным взятием власти и даже первичными общественными преобразованиями. Революция осуществляется в течение долгих лет и представляет собой ход и движение общества к последовательной реализации его подлинных идеалов. Процесс Революции вечен и не знает завершения.

3. Христос – «первый революционер». Исключительность исторической миссии Христа. Ф. Кастро, заимствуя данный тезис из католической доктрины Теологии Освобождения, подчеркивает всемирную значимость христианского идеала, а также самую крупнейшую духовную трансформацию, которую человечество претерпело в результате христианского пришествия. Ф. Кастро давно осознавал необходимость фундаментального стратегического союза коммунистов и христиан как общностей с единой этической базой, прикладывая серьезные усилия к выстраиванию соответствующего глубинно-синтезивного диалога. Мировую известность получила публикация его многочисленных бесед с бразильским монахом Ф. Бетто, имевшая место еще в 80-е годы. Деятельность Ф. Кастро в этом направлении в конечном итоге привела к масштабной интеграции идей католической Теологии Освобождения в сегодняшнюю кубинскую социалистическую доктрину.

4. Этика и идеология политического лидерства. Ф. Кастро в своих многочисленных выступлениях на протяжении ряда лет подчеркивал священную обязанность политического лидера служить народу, быть кровью и плотью связанным с ним, чувствовать каждую вибрацию глубинного биения народной жизни. Девизами Ф. Кастро и его многочисленных последователей было «быть рабами, а не гос-

подами страны», и «превращать политику в священнодействие». Следование указанному принципу на практике во многом послужило фактором политического долголетия кубинского революционного лидера.

5. Особое отношение к смертной казни как к вынужденной и исключительной временной мере наказания. По мнению Ф. Кастро, общество само должно дойти до такой степени и ступени развития, когда смертная казнь должна быть отменена. На сегодняшний же день смертная казнь выступает на Кубе в качестве крайнего случая, необходимого в целях защиты кубинского национального суверенитета, ибо, если утратить суверенитет – Революция неизбежно погибнет.

6. Интернационализм и интернациональная солидарность с опорой на международное право. Ф. Кастро, приводя цитату Х. Марти «Куба – республика для всех», подчеркивает, что революционное руководство с первых дней прихода к власти последовательно вело борьбу со всеми формами социальной и, в особенности, национальной дискриминации. По мнению Ф. Кастро, подобная дискриминация бывает двух видов: субъективной (законодательно закрепленной) и объективной (непосредственно существующей в обществе). Побороть субъективную дискриминацию можно, изменив действующее право. Побороть же дискриминацию объективную намного труднее – для этого требуется изменение веками складывавшихся социальных установок. Ф. Кастро последовательно отвергает обвинения революционной Кубы в осуществлении «экспорта революций», подчеркивая, что речь в подобных случаях шла лишь об оказании скромной помощи странам и народам, сражающимся за свою свободу, которая осуществлялась четко в соответствии с международно-правовыми нормами и стандартами.

7. Решающая роль народных масс в поддержке и всестороннем развитии революционного процесса. Ф. Кастро подчеркивает, что народная поддержка в таких вещах – «важнее ядерного оружия». По его словам, революцию невозможно уничтожить извне, ее способны погубить только «мы сами».

8. Социальный опыт определяет судьбу революционера, а лидеров – «национальных личностей» – порождает исторические эпохи. Ф. Кастро подчеркивает, что его революционную судьбу определило

то, что он был «сыном, а не внуком землевладельца». Именно пограничная среда социальной среды, в которой он формировался как личность, привела его к общественной роли, которую он впоследствии сыграл в кубинской истории.

9. Проект революционных преобразований общества – плод деятельности немногочисленных накаленных социальных групп. По мнению Ф. Кастро, Революцию творит народ. В то же время проект Революции имеет матричный характер. Донести его до народа в широком значении этого слова способна небольшая группа людей, горящая идеей и способное на Великое Самопожертвование.

10. Необходимость системного решения множества проблем, порождаемых сегодняшней либеральной глобализацией. Взгляды Ф. Кастро в самом общем виде напоминают учение В. И. Вернадского о Ноосфере – новом строении Космоса, основанном на всестороннем возвышении и развитии Человека. Только постановка человеческого измерения во главу угла способна решить сегодняшний масштабный комплекс социально-политических и духовно-культурных проблем, порожденных мондиалистским глобализмом. Кубинский революционный проект – проект глобальный и всесторонний. Указанный аспект касается размышлений Ф. Кастро о необходимости коренного перестраивания Организации Объединенных Наций, о смене дискурса Западного Мира в отношении развивающихся стран, а также о целом комплексе иных общемировых идейно-смысловых и организационных проектов социально-экономического и духовно-культурного характера.

10. Главная цель Революции – всестороннее развитие Человека. Указанный постулат прямо и логически вытекает из предыдущего. Здесь следует подчеркнуть лишь то, что на практике кубинское революционное руководство с первых дней четко и последовательно придерживалось вышеуказанного принципа. Его результатом стало создание практически с нуля одной из самых качественных в мире систем образования, здравоохранения, спорта, огромный прорыв в иных областях общественной жизнедеятельности, затрагивающей широкие массы населения.

11. Адресация к идеологии «естественного права». Перефразируя труды классиков французского Просвещения, Ф. Кастро наделяет естественно-правовыми свойствами народный и государственный

суверенитет. В то же время он подчеркивает, что «естественного права» можно и нужно добиваться, и Куба смогла добиться его в результате двух войн XIX в. за свою независимость.

12. Этика и идейно-смысловые основы партизанской войны. Данному аспекту народного сопротивления Ф. Кастро уделяет особое внимание. Этика партизана – борца за будущее народное счастье, ежеминутно сражающегося с оружием в руках – заимствована им из трудов Х. Марти. По мнению Ф. Кастро, именно точное, четкое и беспрекословное следование ей позволило немногочисленной поначалу Повстанческой кубинской армии добиться большой стратегической победы над системой, управляемой диктатурой Ф. Батисты и находящейся в руках крупного американского капитала.

13. Последовательное и абсолютное отторжение в политико-идеологической практике методов терроризма вообще и индивидуального террора в частности. Революционная Куба в течение полувека оказывалась жертвой многих десятков террористических актов, и негативное отношение к террору вошло в плоть и кровь каждого кубинца. Неприемлемость подобного рода действий неоднократно подчеркивал в своих выступлениях и сам Ф. Кастро.

14. Антидогматизм как политико-идеологический принцип. По мнению Ф. Кастро, залог любого революционного успеха состоит в четком прислушивании политических лидеров к идеям и процессам, зарождающимся в народной жизни и адекватном реагировании на них, исходя из требований текущей современности. Каждый идеал способен найти в определенный промежуток времени верную для себя форму, а их последовательная смена на основе верных революционных ценностей способна привести человечество к подлинному Будущему.

Научное знание относительно доктрины кубинского социализма неполно, в дальнейшем необходимо осуществлять его сбор и систематизацию. Однако уже сейчас можно сказать, что перед нами имеется самобытное и оригинальное политико-правовое учение, способное в будущем указать пути решения не только внутрикубинских, но и общемировых проблем современности.

Чуб Н.В.,
доцент кафедры конституционного права
Юго-Западного государственного университета,
кандидат юридических наук, доцент

Организация кадровой деятельности в ведомствах приказной системы управления России

В различные периоды отечественной государственности организация кадровой деятельности в органах публичной власти зависела от форм территориального устройства, методов управления, социального устройства, внешних и внутренних факторов (военных угроз, идеологических установок, деловых качеств правителя и др.).

Регулирование кадровых процессов в Приказах осуществлялось на основе систематизации обычаев и преемственности в создании новых правовых норм. На наш взгляд, данная сфера правоотношений представляла собой систему нормативных, организационных, поощрительно-стимулирующих, предупредительно-устрашающих, нередко карательных мер в отношении личного состава.

«Начальником кадров» московского приказного строя был Государь, принимавший решения по перемещениям, отставкам, жалованиям, наиболее важным судебным делам приказных по их прошениям (челобитным). Так, высшая юридическая сила акта верховной власти подтверждается запретом Разрядному Приказу, «отпускать в воеводы» или «переназначать» приказных людей в городах без государственной резолюции³⁶². Только с разрешения Государя, и с ведома Иноземского приказа, могли быть «отпущены» на воеводства и в местные приказные учреждения военные начальные люди, ходатайствующие об этом³⁶³. В указе 1661 г. преимущественное право назначения на должность воеводы и в приказные люди имели раненые и бывшие военнопленные, то есть лица, уже прошедшие полковую службу: «а нераненных.. не отпускать»³⁶⁴. Смена специфики ведомств не приветствовалась, но требовала тщательной аргументации и высшего подтверждения.

Архивные материалы и акты о назначениях указывают на укоренившуюся кадровую традицию: заполнение появившихся вакансий как в центральных приказах, так и на местах (съезжих избах) родственниками (детьми, племянниками, братьями) отставленных по

болезни, старости или переведенных (командированных) в другое место чиновников³⁶⁵. Инициатива «поверстания на место отцов сыновей» отражалась в челобитных и, как правило, удовлетворялась верховной властью³⁶⁶. Нередко в указах напрямую отмечались недостатки административно-кадрового строя. Так, в абстрактном «обращении» к приказным людям, проверяющим соблюдение обязанностей таможенными управляющими предписывалось при отсутствии нарушений с их стороны, «недоборов на них не править, отпускать из Москвы без задержания, чтоб им волочась по приказам многое время, напрасных убытков и проестей не было, и от того в убожество не впадали, и приказные люди с верных голов и целовальников ничего не имали, и тем их не убыгчили, и напрасно не теснил». Здесь представлен определенный стандарт поведения, к которому призывала верховная власть всех приказных контролеров.

В именном указе 1649 года отмечают царское «недовольство» по конкретному поводу, а именно недопустимые лишние казенные расходы многим гонцам, отправляющимся из разных приказных ведомств, в одни и те же города («по одной дороге») с доставкой сведений одинакового содержания. В целях экономии средств предписывалось воеводам маловажные сообщения в Москву нарочно не привозить, лишь только гонцов с «великими и скорыми» новостями обеспечивать подводами (средствами передвижения – телеги, сани) и давать проводника³⁶⁷. Устанавливалось наказание за направление просьб, не связанных с государственной важностью, непосредственно Государю, минуя ведомства Приказов.

Своеобразной должностной инструкцией, моделью служебного поведения, для приказных чинов служила форма присяги. Текст и процедура присяги носили обязательный, морально-дисциплинарный, церемониальный характер (необходимость крестоцелования в соборной церкви в присутствии дьяка Разрядного Приказа)³⁶⁸, содержали основы функциональных обязанностей высших и рядовых приказных людей разного чина, предписывали хранить государственную тайну, оберегать средства Казны, сообщать о противоправных намерениях (заговорах) против Государя и его семьи; соблюдать беспристрастность. Приведение к присяге должно было состояться одновременно с пожалованием в чине, а лицам, ее не прошедшим, запре-

шалось отправлять должности, то есть приступать к работе в приказах.

Законодатель пытался не допустить «конфликта интересов» при отправлении должностных обязанностей. Так, в 1681 году появилось правило «о небытии судьям в то время, когда слушаются тяжбы их родственников», адресованное высшим чинам, заседающим в Золотой палате у расправных дел «в товарищах» вместе с князем Н. И. Одоевским³⁶⁹ – известным государственным деятелем, руководителем ряда ведомств Приказной системы XVII в. Вероятно, данная норма о необходимости «выходить» членам судебного присутствия по делам, где есть личная заинтересованность, появилась не без участия этого влиятельного управленца, при председательстве которого разрешались резонансные дела, в том числе был ликвидирован принцип местничества.

Для челобитчиков городов, имевших «подозрения» на своих воевод и приказных людей из-за «недружбы», и при близких связях с ними, был установлен специальный порядок во избежание злоупотреблений местного начальства. Так, суд и управление относительно таких лиц должны были ведать воеводы и приказные люди соседних городов, расположенных на расстоянии в 100 или 150 верст, или центральный орган – Судный приказ³⁷⁰. На должности, обязанности которых были связаны с оборотом денежных средств, предписывалось выбирать людей «добрых и пожиточных», то есть обеспеченных, не имеющих надобности в наживе³⁷¹.

Особая оговорка в законодательстве о значимости руководящих должностей стала обыкновением того времени. Для Приказов, где заседали думные дьяки, в 1677 г. было сделано исключение из общего порядка межведомственной переписки: Разрядный Приказ направлял туда Указы, а не Памяти, как было ранее. Доверие к этой должности подтверждает и норма 1690 г.: «Именные указы крепить думным дьякам, а приказным дьякам не крепить»³⁷². Почитание думных дьяков приказов мы видим в указе 1680 г. о требовании их писать с «вичем», то есть «с отчеством» во всякой официальной документации.

В конце XVII в. при упорядочении сведений о кадровом составе приказных людей в Разряде выяснилось, что дьяки в списках «писаны одним именем с прозвищами без отчества», а поскольку их род деятельности значим: «при державах государей бывали, в Москве на

приказах, и в полках, и в городах и посольствах, с Бояры и Воеводы и с великими послы в товарищах и у иных знатных дел»³⁷³, им также предоставили право значиться в списках с именем и отчеством. Следовательно, в процессе обновления персональных данных произошла переоценка заслуг должности, тем самым скорректирован социальный статус лиц, их замещающих. Привилегии вышестоящей должности отмечается в норме 1654 г., позволяющей подьячим старой статьи всех приказов (высшей категории) приезжать на работу верхом (до указанных мест Кремля), а другим приказным «входить пешком»³⁷⁴.

Распространенным явлением приказного порядка управления было «отстаивание» родовой и «профессиональной» чести ее представителями. Любопытным, на наш взгляд, является боярский приговор от 20 апреля 1659 г., о подтверждении, что «дьячья честь» «честнее» или выше чина гостя. В данном акте, носящим характер документального спора за кадровое лидерство, в состязательном духе изложения «проиллюстрирована» процедура сбора доказательств о преимуществах профессиональных достижений, отмечаются заслуги и чины отцов, указывается на предпринятые, но «неутешительные» для чина гостя, поиски сведений в разрядных и посольских книгах. В итоге постановили, что гостей посылали (командировали) лишь для купецкого торгового и таможенного сборам, а при государевых делах, они, как дьяки, с боярами не бывали, то есть «чин дьяка честью выше имени гостя»³⁷⁵.

В государственных указах регламентировалась и требования к форме документов о личном составе, допустимых грамматических ошибках при их составлении; наказании пишущим несправно Государев титул³⁷⁶. В XVII в., как указывают исследователи, начал развиваться «язык приказный», вытесняя собой из письменности язык книжный: памяти Посольского Приказа в Разряд отличаются правильностью и однообразием, там служили люди с хорошим образованием, в Разряде писали хуже: сносная орфография в важных документах, исправленных думным дьяком, в справках молодых подьячих нет признаков каких-нибудь правил.

Характерным стилем организации порядка в кадровой сфере была регламентация внешнего и морально-нравственного облика чиновников. Отметим указание высшим московским чинам «иноземских обычаев не перенимать, волосы на голове не подстригать, одежд по

иноземских образцам не носить». Нарушившим данное предписание – «быть в опале» с понижением в чине³⁷⁷. В торжественных случаях эти лица должны были находиться «в служивом нарядном платье и на лошадях лучших»; существовала специальная роспись церковных праздников, с указанием носить в эти дни специальную верхнюю парадной одежду³⁷⁸. Архивные документы Разряда свидетельствуют о запрещении детям боярским, служилым и уездным людям пить вино, курить табак, играть в карты³⁷⁹. Предписывалось не допускать кандидатов на выборные должности «из воров и бражников» (пьющих гуляк). Регламентировался график работы приказов. В середине XVII в. приказные служащие работали 12 часов в сутки (с четырехчасовым перерывом), а в конце века предписывалось заседать 10 часов. Законом устанавливалось расписание «слушаний и вершений»: определялись конкретные дни недели (с понедельника по пятницу), в которые то или иное ведомство вносило в Палату спорные дела³⁸⁰.

Стимулирующим механизмом кадровых процессов в структуре приказного строя были благодарности и поощрения от верховной власти. В большинстве случаев они имели материальную сторону и целевой характер, например, жалованные «вотчинные грамоты за многие службы» (1557 г.) или грамоты царя воеводам «с выражением похвалы их деятельности и доверия к будущим действиям» и другие «похвальные грамоты за многие службы и радение» (1609 г.). Позднее, в именных указах, отличившихся вознаграждали «придачами» к поместьям и денежными премиями. Такие выплаты были распространены в основном за ратную службу. Часто вознаграждали пожалованием в чин, причем мотивация прошений в челобитных была различна: например, «за службы родителя и по случаю рождения царевны»³⁸¹.

Из содержания ряда указов XVII в. можно выделить некоторые декларативные положения – модели, демонстрирующие состояние административно-кадровой сферы. Верховная власть в нормативных образцах и предостерегала личный состав от злоупотреблений, устанавливала субординацию в сфере межведомственного сообщения Приказов, упорядочивала систему документооборота, регулировала ротацию кадрового состава, формировала стили целесообразного поведения приказных чиновников.

ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Губин А.М.

*кандидат юридических наук,
заведующий кафедрой управления и экономики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Инвестиционные проекты Евразийского Экономического Союза: правовой режим и перспективы

Уважаемые коллеги!

В своем выступлении я остановлюсь на некоторых ключевых вопросах, определяющих содержание и направленность инвестиционных проектов Евразийского экономического союза как одного из самых масштабных международных объединений, особенностях их правового регулирования. ЕАЭС является продуктом интеграционных процессов, ориентированным на формирование единого рынка товаров, услуг, трудовых ресурсов ряда государств постсоветского пространства с очевидной перспективой присоединения других региональных и даже внерегиональных государств. Несомненно, в качестве неизвлекаемой части ресурса интеграции следует рассматривать его финансовую и инвестиционную составляющие.

Для правильной оценки данных компонентов важно рассматривать их в более широком контексте, с учетом значимых факторов большего масштаба. К числу таковых, видимо, следует отнести переконфигурацию мировых «центров силы» и постепенное формирование гигантского субрегиона «Большая Евразия», место России в котором довольно точно обозначено политологами как «Северная Евразия». Изменение экономических центров силы осуществляется в том числе посредством строительства новых экономических транспортных коридоров, среди которых особый масштаб и значимость имеют Новый Шелковый Путь (основные бенефициары – КНР, государства Европы, государства Центральной Азии, Белоруссия, Россия); Международный транспортный коридор № 9 "Север – Юг" (основные бенефициары – Германия, Россия, Азербайджан,

Иран, вероятно Индия); газовый трубопровод "Северный поток-2" (основные бенефициары – Германия, Россия); газовый трубопровод "Турецкий поток" (основные бенефициары – Россия, Турция). Совокупность названных транснациональных экономических коридоров создает принципиально иную экономическую архитектуру субрегионов, обеспечивает новую «перешивку» экономических полей. Все это происходит на фоне высокой конфликтности между ведущими экономиками мира, введением разного рода санкционных режимов, нарастанием протекционистских тенденций в мировой торговле, нестабильности финансово-экономических систем, оценка состояния которых в ряде случаев получает прямо-таки апокалиптические оценки. И, конечно же, следует согласиться с мнением специалистов о том, что сдерживающим фактором развития интеграционного объединения в формате ЕАЭС и реализации эффектов интеграции является разнотемпный характер реализации интеграционных процессов в разных странах³⁸². Эти объективные факторы представляют собой не просто вызов для экономик государств, входящих в ЕАЭС, они предопределяют содержательные приоритеты интеграционных процессов, формируют рамки стратегических и практических решений. Разумеется, в этом контексте актуализированы вопросы реализации инвестиционных проектов ЕАЭС, параметры их правового обеспечения.

Уже сейчас хорошо просматриваются ключевые направления интеграции. Так, в соответствии с Концепцией развития ЕАЭС до 2030 года предполагается, что к 2025 году будут сформированы единые рынки не только автомобилей, лекарственных препаратов, сельскохозяйственной продукции и других товаров, но и энергетических ресурсов, транспорта, IT-коммуникаций. Утвержденные Решением Евразийского межправительственного совета № 9 в сентябре 2015г. Основные направления промышленного сотрудничества в рамках Евразийского Экономического Союза получили определенную детализацию в Рекомендациях Коллегии Евразийской экономической комиссии № 37 от 27 декабря 2016 года. Документ носит название – «О распространении наилучших практик создания и обеспечения функционирования объектов индустриально-инновационной инфраструктуры государств-членов Евразийского экономического союза. Очевидно, что проектное инвестирование ориентировано не

только на традиционные сектора экономики, но и на те из них, которые создаются технологическими инновациями.

Для понимания содержания крупнейших инвестиционных проектов на платформе ЕАЭС мы обратились к специальному обзору Евразийского Банка развития, сформированному на основе анализа и отбора данных по инвестиционным проектам, заявленным и реализуемым в государствах-членах Союза, на период 2018–2022 гг.³⁸³ Обзор включает наиболее значимые 622 крупных инвестиционных проекта Союза с детальным описанием каждого из них. Обзор содержит почти 3 тыс. компаний-участников строительства индустриальных и инфраструктурных объектов с контактными данными. Анализ и отбор проектов проводился по 9,5 тыс. инвестиционных проектов, как в реальном секторе экономики, так и в других отраслях экономики с общим объемом инвестиций 3,144 трлн долл., что составляет почти два объема экономики Союза. После выхода из некоторого спада экономик в 2015–2016 гг., имеет место увеличение инвестиций в инфраструктуру и модернизацию промышленности, т.е. в традиционные сферы. Так, на конец 2018 года портфель Банка включал 85 проектов: 84 проекта в 6 государствах – участниках Банка и один проект участия в фонде прямых инвестиций. За 2018 год инвестиционный портфель увеличился на 29 проектов на общую сумму 1 млрд 393 млн 590 тыс. долларов США, из которых 17 проектов – в реальном секторе экономики государств-участников и 12 – в финансовом секторе. Увеличилась доля проектов в энергетике (с 18,5% до 22,4%) и транспорте (с 18,9% до 20,5%)³⁸⁴. Однако, при этом значительная часть инвестиционных проектов уже ориентирована на развитие секторов цифровой экономики, создавая тем самым предпосылки реализации принципиально новой модели уклада для государств-членов ЕАЭС. Решением Президентов государств-участников приняты Основные направления развития цифровой повестки ЕАЭС до 2025 года. Особо выделены такие направления инвестиций как технологии, связанные с облачными вычислениями, большими данными. Несомненно, смена экономической парадигмы – от ресурсной экономики к экономике технологий – позволит в полной мере активизировать финансово-инвестиционный потенциал Союза.

Общая позитивная оценка перспективных инвестиционных проектов, как уже действующих, так и планируемых к реализации на пространстве ЕАЭС, конечно же, сопровождается и целым рядом проблем.

К их числу, видимо, следует отнести проблематику формирования единого для государств-участников финансового рынка. Следует согласиться с теми специалистами, которые последовательно обосновывают такую необходимость и рассматривают единый финансовый рынок как условие преодоления различий в уровнях развития стран ЕАЭС и обеспечения инфраструктуры для свободного перелива капитала между ними³⁸⁵. Однако, механизмы формирования единого эмиссионного центра или хотя бы универсальное согласование расчетной валюты на базе национальных денежных единиц еще ждут своего часа и надлежащего правового сопровождения.

Конечно же, уже сегодня выстраиваются наднациональные технологии принятия решений, регулирования в целых сферах экономики, в том числе в сфере инвестиций. Однако нормативно-правовое регулирование режима инвестиций мы видим в контексте более глобальной и, соответственно, гораздо большей проблемы – формирование согласованной модели гражданско-правовых отношений для пространства ЕАЭС. Справедливости ради следует сказать, что попытки создания Модельного Гражданского кодекса, являющегося консенсусом волеизъявления государств-участников, уже предпринимались в формате нормотворческих процессов для Содружества Независимых Государств. Так, Межпарламентской Ассамблеей СНГ приняты в качестве модельных правовых актов некоторые разделы Гражданского кодекса. Напомню, что Модельные законы носят рекомендательный характер и представляют собой своего рода «матрицу» согласованных правовых решений. Следует признать, что в проекции к Модельному Гражданскому кодексу такие решения носили фрагментарный характер, хотя стремление парламентариев к комплексности прослеживается вполне отчетливо. Более того, части Модельного Гражданского кодекса датированы 2006, 2004 и даже 1996 годом. Реалии субконтинентальной интеграции с того времени существенно изменились. Это объективный процесс. Отдавая должное проделанной в Межпарламентской Ассамблее СНГ большой нормотворческой работе, считаем, тем не ме-

нее, необходимым с учетом накопленного опыта обосновать актуальную концепцию гармонизированной модели гражданско-правового регулирования интеграционных процессов, с учетом именно тех организационно-правовых моделей, которые сложились к настоящему времени и имеют серьезные перспективы для развития. Разумеется, речь идет о формате ЕАЭС.

В этом же контексте мы склонны рассматривать вопросы в сфере разделения и согласования национальных и наднациональных полномочий в сфере регулирования инвестиций. Однако, здесь мы сталкиваемся с многослойной проблемой. Ее можно сформулировать как «конкуренция юрисдикций». Не следует питать иллюзий о возможности быстрого создания универсальной, единой платформы нормативно-правового обеспечения гражданско-правовых отношений, возникающих по мере реализации экономически интеграционных процессов. Скорее, речь должна идти о формировании согласованных подходов государств-участников по ключевым направлениям инвестиционного сотрудничества с последующим возможным более глубоким уровнем правовой интеграции.

В этой же логике, видимо, должна решаться проблема, которая хорошо известна экономистам, – устранение барьеров на внутренних рынках ЕАЭС. В качестве таких барьеров, имеющих правовую природу, выступают и морально устаревшие нормативные акты национальных государств, и наличие правовых пробелов в сфере гражданско-правового регулирования, и нестыковка технических регламентов тех или иных товаров и услуг в национальных юрисдикциях. Полагаю, что здесь оптимальным будет соединение потенциалов ученых-цивилистов и практических юристов.

Актуализирована задача инвестиционного сотрудничества государств ЕАЭС с другими странами, другими интеграционными объединениями, бизнес-кругами иностранных государств, без которых нормальное функционирование и развитие ЕАЭС практически невозможно³⁸⁶. Данная задача помимо юридического обеспечения отягощена проблемой политического свойства. Как справедливо отмечает А.Шохин, российские инвесторы в страны ЕС зачастую сталкиваются с давлением регуляторов, вынуждающих либо отказаться от сделки, либо взять на себя избыточные и неоговоренные обязательства³⁸⁷. В этом плане представляется адекватным полити-

ко-экономическое решение о расширении членства в ЕАЭС за счет государств, не поддерживающих политику одностороннего доминирования и придерживающихся концепции реального экономического взаимодействия на прозрачных и понятных условиях. В этом направлении отечественная наука предпринимает необходимые шаги, подкрепляя их обоснованными предложениями. Например, представлены модели качественного анализа – диаграмма Исикавы и SWOT-анализ, на основе которых делается вывод о возможностях расширения ЕАЭС³⁸⁸.

Есть также решения, ориентированные на углубление уже сложившегося инвестиционного сотрудничества. Так, например, Федеральная банковская ассоциация Евроазиатского сотрудничества совместно с бизнес-структурами Ирана приступила к разработке практических вопросов, связанных с развитием взаимовыгодных финансовых и экономических связей предприятий малого и среднего бизнеса посредством сетевых финансовых инструментов Универсальной товарно-сырьевой биржи Евразийского сотрудничества. На выходе предполагается создание Международного инвестиционного фонда. В таком контексте участие Ирана в ЕАЭС хотя бы в качестве наблюдателя уже не представляется фантастическим проектом. И при этом также очевидна востребованность сравнительно-правовых научных исследований, которые позволят обеспечить пакет гражданско-правовых решений, сопровождающих данный проект.

В целом, мы солидаризируемся с авторами аналитического доклада российско-белорусского экспертного клуба³⁸⁹ в том, что точки роста ЕАЭС просматриваются вполне отчетливо, и связаны они как с интенсивным развитием уже сложившихся экономических и инвестиционных проектов, так и формированием новых проектов с участием, как правило, региональных субъектов. Гражданско-правовое обеспечение и сопровождение инвестиционных проектов имеет огромное значение и подчинено логике развития гигантского евразийского субрегиона. Интеграционное строительство, геополитические цели ЕАЭС реализуются через конкретные программы, с задействованием механизмов государственно-частного партнерства. Юристам также предстоит большая работа, строить которую необходимо на принципах системности и проектности.

Благодарю за внимание.

Березкина Т.Е.
кандидат экономических наук, доцент,
заместитель заведующего
кафедры управления и экономики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Преобразование бизнес концепции как условие развития моногородов

Одним из приоритетов экономической политики на долгосрочную перспективу является создание механизмов устойчивого экономического развития. Важнейшим условием устойчивого развития России в целом выступает возрастание роли территорий на основе последовательного повышения уровня и качества жизни населения, создания условий, меняющих подход в организации жизнедеятельности городов, меняя парадигму XIX-XX веков «рабочая сила для предприятия» на парадигму XXI века «город для людей».

Особого внимания заслуживают монопрофильные города, значение которых обусловлено не только большой долей проживающего в них населения, способного участвовать в активной экономической деятельности, но и повышенной уязвимостью к высокой динамике изменений, происходящих во всех сферах жизнедеятельности общества.

По данным Фонда развития моногородов (ФРМ), всего в России такой статус имеют 319 населенных пунктов, в которых проживает около 14 млн человек. Зависимость экономики таких муниципалитетов от работы одного предприятия или отрасли иногда приближается к 100%. С одной стороны, такие территории должны развивать другие сектора экономики, с другой – их "профиль" тоже часто востребован. Например, в экономике кузбасского моногорода Полысаево доля угольной промышленности – 96%, а треть трудоспособного населения – около 5 тыс. человек – работает в углепроме. По данным Фонда развития моногородов (ФРМ), всего в России такой статус имеют 319 населенных пунктов, в которых проживает около 14 млн человек. Зависимость экономики таких муниципалитетов от работы одного предприятия или отрасли иногда приближается к 100%. С одной стороны, такие территории должны развивать другие сектора экономики, с другой – их "профиль" тоже часто востребо-

ван. Например, в экономике кузбасского моногорода Полысаево доля угольной промышленности – 96%, а треть трудоспособного населения – около 5 тыс. человек – работает в углепроме³⁹⁰.

Сегодня статус моногорода открывает перед муниципалитетами большие возможности в части привлечения федеральной поддержки. Обратной стороной медали для руководства этих городов является боязнь потерять эту поддержку при достижении хороших показателей по диверсификации экономики. К тому же следует понимать, что внешняя поддержка не может быть «раз и навсегда», и надо предпринимать активные усилия по формированию стратегии развития монотерритории на основе внутреннего потенциала.

Таким образом, позитивное и устойчивое изменение ситуации в моногородах в современных условиях, к сожалению, невозможно без создания механизмов адаптивности к изменениям во внешней среде, основанной на систематической федеральной ресурсной поддержке. Можно предполагать, что в дальнейшем будет найден оптимальный механизм самостоятельного развития моногородов в зависимости от их природно-географического, производственного, социально-экономического, демографического и других факторов, соединяющихся в потенциале того или иного города.

Анализ публикаций и нормативных правовых актов по проблемам моногородов свидетельствует, во-первых, о высокой степени актуальности рассматриваемого в данной статье вопроса, во-вторых, о многообразии факторов развития монотерриторий и существенных особенностях их проявления в региональном аспекте.

В то же время, необходимо выделить важнейшие экономические интересы, которые, собственно, обеспечивают целостность потенциала моногорода. Эти интересы лежат в плоскости устойчивого развития производственной деятельности, способной обеспечивать создание конкурентоспособной продукции и занятость населения. Их условно можно разделить два направления: 1) состояние градообразующих предприятий и перспективы их реновации и 2) наличие потенциала для развития других производств и видов хозяйственной деятельности, включая поддержку малого и среднего предпринимательства.

Анализ материалов, полученных в результате социологического опроса, проведенного автором в ноябре 2019 года в рамках выпол-

нения экспертно-аналитического исследования по теме: «Перспективные направления законодательного регулирования мер государственной поддержки устойчивого развития и диверсификации экономики монопрофильных муниципальных образований (моногородов)»³⁹¹, позволил выяснить мнение респондентов (экспертов) по ряду актуальных проблем развития моногородов с учетом сложившейся на момент исследования ситуации.

Вопросы, которые были им предложены позволяют понять оценку руководителями муниципальных образований (А1) и градообразующих предприятий (А2) условий жизни населения, изменения рассматриваемых показателей условий жизни за период 2016–2019 годов, основных проблем, сдерживающих развитие моногородов и тех ресурсов, которые, по их мнению, способны содействовать успешному развитию моногородов. Оценка проводилась в 10 балльной размерности.

Следует заметить высокое качество заполнения анкет, что свидетельствует о заинтересованности экспертов высказать свое мнение по заданным вопросам и ответственность за его содержание. Выбор экспертов определялся необходимостью выявления компетентного мнения от специалистов, профессиональная деятельность которых направлена на преодоление существующих в моногородах проблем и решение задач устойчивого развития исследуемых объектов.

Разброс мнений, как руководителей муниципальных образований, так и руководителей градообразующих предприятий находится в интервале от 1 до 8 баллов. В среднем ситуация имеет 5-балльный результат. С этим согласны эксперты обеих групп и не имеют существенной разницы по избранным для проведения опроса категориям городов с позиции устойчивости их развития.

Руководители градообразующих предприятий более прагматично относятся: к возможности получения зарплаток; к возможности получения образования; в целом к жизненным перспективам населения в своем моногороде.

Оценивая проблемы, сдерживающие развитие моногорода, эксперты существенно разошлись во мнении по отдельным вопросам (см. диаграмму 1).

Диаграмма 1.

Очевидно, что следует прислушаться к мнению экспертов, с учетом основных функций, которые им свойственны в решении задач развития моногородов:

1) руководители производства лучше оценивают ситуацию с конкурентоспособностью производимой в моногороде продукции и, соответственно, ограниченностью направленности местных производств. При этом мнение руководителей градообразующих предприятий тесно связано с географическим местоположением территории и отраслевой принадлежностью предприятия. Например, до 9 баллов значения в г. Сланцы (Ленинградская обл.) и г. Оленегорск (Мурманская обл.) и всего 4–5 баллов в г. Белорецк (Республика Башкортостан – южный Урал) и г. Омутнинск (Кировская обл.);

2) руководители производства значительно ниже оценивают значение повышения инновационной активности производства, т.к. их заинтересованность в сохранении производства как такового, хотя бы и имеющихся условиях;

3) руководители производства значительно лучше оценивают сложившуюся ситуацию с качеством труда в конкретном регионе,

возможностью и направлениями трудовой мобильности населения. Последний показатель является интегральным и соединяет не только профессиональный и квалификационный потенциал работающего населения, но основанный на возрастной характеристике тех, кто уже не работает, но заинтересован работе, и тех, кто не приступил к профессиональной карьере, но не знает, как ее построить;

4) недостаточность развития производственной инфраструктуры больше волнует тех, кто непосредственно руководит производством. Хотя руководителям муниципальных образований, безусловно, важно понимать основные направления развития не только социальной инфраструктуры и значение развития обслуживания в сфере ЖКХ, но и производственной инфраструктуры.

Следует обратить внимание на сходство позиций руководителей муниципалитетов и градообразующих предприятий в оценке ресурсов, которые могут использоваться в развитии моногородов. В частности,

– высоко оценивают:

- 1) значимость государственной финансовой поддержки;
- 2) развитие производственной инфраструктуры;
- 3) льготные условия бизнеса, в том числе поддержку малого и среднего предпринимательства, которое лежит в плоскости инструментов региональной и муниципальной власти;
- 4) разработку требований и стандартов развития экосистемы промышленных зон города;

– средний балл выставляют при оценке:

- 1) значимости установления правового статуса моногорода;
- 2) реперофилитования (редевелопмента) неэффективно используемых территорий градообразующих предприятий;
- 3) организации экономического сотрудничества с иностранными инвесторами.

Таким образом, вывести российские моногорода из социально-экономической депрессии можно лишь одним способом – «реформатировать» имеющийся в этих городах потенциал, используемый в моноформате в новую «объемную» или 3D экономику. Мест-

ные власти не против, руководители градообразующих предприятий – «за», сообщество предпринимателей и специалистов, похоже, тоже не возражают. Задача заключается в том, чтобы создать в моногородах такие условия, при которых предприниматели смогут сформировать и проявить свой прогрессивный подход. И в решении этой проблемы большая роль в настоящее время принадлежит государству.

Вечернин Д.С.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Московского государственного университета
технологий и управления
им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)
E-mail: vecherninds@gmail.com

Механизм «Трансформация делового климата»: правовые основы и практика их реализации

Непременным условием нормального функционирования современного демократического правового государства является поиск модели гармоничного сочетания государственных, общественных и частных интересов³⁹². Нарушение равновесия этих интересов, равно как и отсутствие механизмов гармонизации индивидуального и коллективного, чреваты нарушением общественной гармонии.

Благодаря постоянному системному взаимодействию бизнеса и власти в Российской Федерации были созданы различные эффективные правовые механизмы продвижения частных и общественных интересов в государственных органах, которые позволяют не только учесть мнение частных и общественных структур на этапе подготовки проекта нормативного правового акта, но и в рамках складывающейся правоприменительной практики.

В целях реализации национальных целей развития Российской Федерации, установленных Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года», Правительство РФ предполагает реализовать комплекс мер, в том числе создать условия для экономического роста, что, в свою очередь, потребует разработки комплекса мер по улучшению инвестиционного климата³⁹³.

В 2018 году начал работу механизм оперативного реагирования федеральных органов государственной власти на запросы бизнес-сообщества в части устранения избыточных, устаревших и противоречащих друг другу регуляторных требований при ведении бизнеса под названием «Трансформация делового климата».

В академическом сообществе набирает популярность точка зрения, согласно которой создание механизма «Трансформация делового климата» является продолжением реформы контрольно-надзорной деятельности³⁹⁴. Вместе с тем, анализ нормативно-правовой базы показывает, что данный механизм является отдельным направлением деятельности органов государственной власти по развитию отечественной экономики, что подтверждается выделением механизма в специальный раздел «Создание условий для экономического роста» в рамках Основных направлений деятельности Правительства РФ на период до 2024 года и официальными комментариями высших должностных лиц³⁹⁵.

Данный механизм стал логичным продолжением системной работы Правительства РФ по реализации "дорожных карт" Национальной предпринимательской инициативы³⁹⁶.

В частности, Агентство стратегических инициатив (АСИ) проводило работу по уменьшению административного воздействия и излишнего регулирования путем выстраивания государственно-частного диалога и координации государственных и общественных интересов. В рамках программы улучшения инвестиционного климата «100 шагов» АСИ в тесном сотрудничестве с РСПП, Торгово-промышленной палатой РФ, Деловой Россией и другими бизнес-объединениями разработало проект Национальной предпринимательской инициативы, а также 12 «дорожных карт»³⁹⁷, направленных на устранение административных барьеров в различных сферах. «Дорожные карты» являлись основным инструментом реализации Национальной предпринимательской инициативы и представляли собой последовательные планы с конкретным набором мероприятий, сроками, целевыми показателями и ответственными исполнителями.

17 января 2019 года была утверждена первая редакция плана мероприятий «Трансформация делового климата», а также перечень из 12 экспертных рабочих групп, их руководителей и организаций, осуществляющих организационно-техническое обеспечение исполнения данного плана³⁹⁸.

10 августа 2019 года были утверждены Правила реализации плана мероприятий «Трансформация делового климата»³⁹⁹, которые предусматривают регулярный сбор предложений от бизнес-

сообщества (не реже двух раз в год), организацию экспертных групп с представителями органов государственной власти и заинтересованных организаций, мониторинг реализации мероприятий по предложениям бизнеса, а также оценку достигнутых эффектов.

Анализ правоприменительной практики реализации плана мероприятий механизма «Трансформация делового климата», а также личное участие в работе экспертных рабочих групп позволяет выявить следующие проблемы:

- систематическое нарушение федеральными органами исполнительной власти сроков исполнения мероприятий плана;

- несвоевременное предоставление федеральными органами исполнительной власти статистической и аналитической информации для проведения экспертными группами мониторинга правоприменения, предусмотренного правилами реализации плана мероприятий;

- некорректная работа модуля по управлению реализацией мероприятий плана в государственной автоматизированной информационной системе «Управление».

На наш взгляд, решению вышеуказанных проблем будет способствовать внесение изменений в Постановление Правительства РФ от 10 августа 2019 г. № 1042 «Об утверждении Правил реализации плана мероприятий «Трансформация делового климата» в части:

- наделения Минэкономразвития России (как органа, осуществляющего координацию деятельности исполнителей мероприятий плана, заинтересованных федеральных органов исполнительной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации и организаций, а также экспертных и рабочих групп) дополнительными контрольными полномочиями с целью соблюдения исполнителями сроков реализации мероприятий плана и предоставления необходимой для проведения мониторинга правоприменения информации;

- определения сроков предоставления федеральными органами исполнительной власти статистической и аналитической информации для проведения экспертными группами мониторинга правоприменения, предусмотренного правилами реализации плана мероприятий.

Отдельного внимания требует организационное обеспечение технической возможности направления новых предложений для включения в план мероприятий с помощью модуля государственной автоматизированной информационной системе «Управление» в сети «Интернет»: в настоящее время не все участники, вовлеченные в процесс управления и реализации механизма «Трансформация делового климата» подключены к данному модулю и не могут в режиме онлайн получать такие предложения.

Представляется, что в случае учета органами власти вышеуказанных проблем и предложений по их решению позволит в перспективе до 2024 года сделать механизм управления системными изменениями предпринимательской среды «Трансформация делового климата» таким же эффективным инструментом продвижения общественных и частных интересов как оценка регулирующего воздействия и обеспечит качественное улучшение предпринимательского климата и условий ведения бизнеса в Российской Федерации.

Кислякова Н.А.
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры управления и экономики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: dashson@yandex.ru

Инновационный путь российской экономики

Аннотация: В статье представлен анализ трудностей, с которыми Россия сталкивается в настоящее время на пути инновационного прорыва в экономике.

В России на протяжении длительного периода наблюдается существенный системный разрыв между проводимыми НИОКР и хозяйственной деятельностью предприятий. Существующие планы инновационного развития даже не замечают этих разрывов. Государство и коммерческие структуры должны, наконец, осуществить распределение между собой функций и полномочий с целью интеграции науки и производства, оптимизации предпринимаемых действий. Автор предлагает данное распределение функций между государством и бизнесом.

Сложность привлечения финансирования для внедрения инновационных продуктов, чрезмерная бюрократизированность и малопривлекательные условия жизни и работы – основные барьеры, мешающие инновационной активности в стране в целом, следовательно, необходимо вносить изменения в ряд законодательных актов для стимулирования инновационной деятельности.

Ключевые слова: инновационная стратегия развития, модернизация, конкурентная экономика, предпринимательство, научные разработки, капиталовложения в экономику, сбережения населения и предприятий, инвестиционный климат, передовые технологии, финансирование российской науки, техники и изобретательства; подготовка квалифицированных кадров; интеграция науки и производства; оптимизация действий государства и предприятий.

Россия нуждается в тщательно проработанной, системной модернизации, без нее весь комплекс мер, эффективных локальных действий не приведет к ожидаемому всеми результату – выходу на эволюционно новый путь инновационного развития.

Проблема всесторонней модернизации экономики, которая остается актуальной до нынешнего времени, имеет глубокие корни. Суть ее – в формировании новой, современной, свободной от монополизма и бюрократии конкурентной экономики, обеспечивающей функционирование действенного механизма взаимного спроса на инновации в целях постоянной модернизации и предложения новинок в технике и технологии.

На первый план выходят инновации. Задача: создание механизма спроса на инновации.

Нередко упускается из виду, что главным действующим лицом в рыночной экономике при любой роли государства является предприниматель. В России в частном секторе производится более 85% ВВП. Если предприниматель не станет активным проводником модернизации, инновационной экономики, она не состоится. Но они нередко негативно относятся ко всяческим инновациям и модернизации. Большая часть российского бизнеса не имеет четкой инновационной стратегии и не привыкла к инвестированию в собственные исследования и разработки. По данным исследования, проведенного Высшей школой экономики, удельный вес предприятий, занимающихся внедрением инноваций в Российской Федерации, составляет около 10–11%. Примечательно, что в странах Европейского Союза этот показатель значительно выше (от 20–25% в менее развитых и до 70% в ведущих странах ЕС).

Нередко можно слышать обвинения в адрес российских ученых и изобретателей в том, что их открытия и изобретения мало используются бизнесом. Отсюда делается вывод о том, что отечественных открытий и изобретений мало или они не имеют достаточного уровня, чтобы бизнес начал их практически использовать. Не вдаваясь в обсуждение вопроса о нынешнем уровне российской фундаментальной и прикладной науки и изобретательства, очевидно, что недостатков здесь немало – следует указать на логическую ошибку в этих рассуждениях. В данном случае игнорируется вопрос о том, имеется ли в принципе достаточный спрос на инновации и конкретные достижения науки. Если спрос отсутствует или он весьма слабый, инновации и научные достижения не будут востребованы независимо от их уровня. Если спрос есть, то в случае отсутствия отечественных научных и технических разработок

можно купить их за рубежом. Ничего ущербного в такой политике нет.

Ныне российское правительство постоянно занимается вопросами стимулирования капиталовложений в российскую экономику. Это ключевая проблема. Никакая модернизация, никакие инновации, более того, никакое экономическое развитие невозможны без капиталовложений. Эти процессы объясняют многие явления в российской экономике, в частности, катастрофическое устаревание основных производственных фондов, из-за чего идет быстрое нарастание технологических аварий. Это обычное явление для страны догоняющего развития, к числу которых относится Россия, тем более, что наша страна в процессе перехода от социализма к капитализму понесла большие производственные потери, чем большинство государств, переходивших от плановой к рыночной экономике.

Однако дело не в нехватке капитала. Главный источник инвестиций – сбережения населения и предприятий. К удивлению, Россия сохранила весьма высокую долю сбережений в валовом внутреннем продукте (ВВП) даже в провальные девяностые годы. Сбережения – главный источник финансирования капиталовложений.

Таким образом, нехватка внутренних сбережений не является главной причиной хронического недостатка инвестирования российской экономики. В этом особенности инвестиционного поведения российских собственников. Капитал есть, но он не туда вкладывается или просто уходит из страны. Правительство ставит диагноз – дело в плохом инвестиционном климате в России. В целом это справедливо, но, на наш взгляд, недостаточно для понимания специфики поведения отечественных инвесторов. Перед тем как обратиться непосредственно к инвестиционному поведению российских предпринимателей, хотелось бы обратить внимание на то, кому адресованы большая часть решений и призывов правительства по поводу совершенствования инвестиционного капитала. Они преимущественно обращены к иностранным инвесторам и учитывают в первую очередь их нужды. Но ведь подавляющая часть капиталовложений приходится на внутренних инвесторов! На внешних инвесторов падает от 10% до 15% валовых ка-

питаловложений. И такой порядок величин типичен для всех крупных стран. Россия не исключение, и здесь вряд ли произойдет коренное изменение ситуации даже в случае ориентации на массовое привлечение иностранного капитала, закупку оборудования и технологий за рубежом. Поэтому главное – обеспечить привлечение отечественных инвесторов. Только они могут быть основным источником финансирования капиталовложений. Необходимо учитывать реальную ситуацию. Иностранные фирмы вряд ли согласятся предоставить России действительно передовые технологии в ключевых областях. Никто не хочет создавать для себя конкурента. Конечно, подобные цели и средства гораздо легче прокламировать, чем добиваться их реализации, но при комплексном, активном и последовательном использовании соответствующих мер со стороны государства можно будет рассчитывать на требуемое изменение инвестиционного поведения российских предпринимателей. Тогда под политику модернизации, диверсификации и инновационного развития российской экономики будет подведена необходимая база. Ждать пока российский предприниматель в результате «воспитания рынком» сам дозреет до «правильного» инвестиционного поведения, нельзя. Это может потребовать десятилетий. Такого времени у России нет.

Разумеется, изложенная позиция не означает отказа от необходимости расширенного финансирования российской науки, техники и изобретательства, подготовку квалифицированных кадров, от ускоренного создания собственной материальной базы для инвестиционного развития в расчете на импорт необходимой техники и инноваций. Такой импорт может помочь, особенно на первом этапе, но, в конечном счете, заменить собственную базу развития он не в состоянии.

В России на протяжении длительного периода наблюдается существенный системный разрыв между проводимыми НИОКР и хозяйственной деятельностью предприятий. Существующие планы модернизации даже не замечают этих разрывов. Государство и коммерческие структуры должны, наконец, осуществить распределение между собой функций и полномочий с целью интеграции науки и производства, оптимизации предпринимаемых действий. Данное распределение функций представлено в таблице.

Государство	Бизнес
<p>Занимается разработкой основных положений стратегии развития образования и науки, различных отраслей промышленности. Важным моментом является расстановка приоритетов с учетом существующих мировых тенденций. Осуществляет координацию и контроль проводимых государственными и частными структурами работ.</p>	<p>Занимается разработкой стратегией развития НИОКР и промышленности. В процессе разработки отслеживает существующие тенденции и учитывает потребности рынка. Формирует комплекс предложений и рекомендаций по развитию науки и образования.</p>
<p>Создает объекты инновационной инфраструктуры национального и регионального масштаба с привлечением негосударственных инвестиций на основе частного-государственного партнерства.</p>	<p>Создает средние и малые предприятия и научно-производственные центры с целью внедрения инновационных проектов.</p>
<p>Сохраняет права на интеллектуальную собственность в оборонной сфере промышленности. Осуществляет продажу новых технологий частным структурам с целью коммерциализации полученных разработок.</p>	<p>Приобретает права на интеллектуальную собственность с целью последующего их внедрения в соответствующие производственные и непроизводственные сферы.</p>
<p>Финансирует НИИ и исследовательские университеты, оборонно-промышленный комплекс, часть опытно-конструкторских работ, софинансирует крупные инновационные проекты.</p>	<p>Проводит экспертизу и обеспечивает финансирование проектов прикладных НИОКР, части научной инфраструктуры, специальных образовательных проектов.</p>

Основными трудностями на пути инвестиционного прорыва в России являются:

– достаточно редкая постановка и решение системных задач в России;

– фактически отсутствие крупномасштабного производства инновационной продукции;

– трудности восприятия инноваций экономикой страны (используются в основном изобретения, ориентированные на модернизацию существующих видов техники и технологий);

– приобретение российскими предприятиями легкодоступных зарубежных инновационных разработок увеличивает разрыв между наукой и бизнесом;

– интеллектуальный и научный потенциал страны на решение системообразующих задач;

– фактическое отсутствие на территории страны рынков, готовых потреблять инновационную продукцию, существующие рынки носят специализированный характер и не систематизированы.

Сложность привлечения финансирования для внедрения инновационных продуктов, чрезмерная бюрократизированность и малопривлекательные условия жизни и работы – основные барьеры, мешающие инновационной активности в стране в целом, следовательно, необходимо вносить изменения в ряд законодательных актов для стимулирования инновационной деятельности.

Океанова З.К.,
доктор экономических наук, профессор
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: okeanovaz@yandex.ru

Государство и бизнес в условиях инновационного развития

Одна из важнейших проблем современности – инновационности экономического развития, означающая развитие на новой технико-технологической основе в течение достаточно длительного периода, позволяющего обновить не только продукт, его качественные характеристики, но и технологии развития. Оказывающая влияние прежде всего на потенциал развития страны, ее производственные возможности, а также позиции, приоритеты страны на мировой арене.

Немногим более века назад в Советском Союзе была проведена беспрецедентная по тому времени индустриализация. В условиях плановой экономики оказавшаяся достаточно эффективной. В результате создана мощнейшая индустриальная база, позволившая стране занять одно из ведущих мест в мире.

Западные страны в посткризисный (1929–1930 гг.) период на основе применения «кейнсианской модели» также достигли высокого уровня развития, в том числе индустриального. Начали активно переходить к развитию сферы услуг. Соответственно, получили хождение представления о переходе ряда западных стран (США, Германии, Франции, Японии и др.) к постиндустриальному развитию.

Россия 90-х гг. также перешла на рыночные механизмы, развитие сферы услуг. Однако с другой парадигмой развития, связанной с закрытием значительной части предприятий, развалом реального сектора экономики, индустриальной базы страны⁴⁰⁰. В результате по целому ряду параметров необходимая обществу продукция индустриального сектора перестала выпускаться. Проявился недостаток нужной обществу промышленной продукции. При всем том в условиях доминирующей ориентации на сферу услуг без достаточных на то оснований – «отнесение» страны к уровню постиндустриального развития. Как реакция – в ряде исследований, в том числе наших, высказаны соображения о необходимости доиндустриализации экономики, «догоняющем экономическом развитии» в рамках

постиндустриализма, как необходимой основе рассматриваемого этапа развития, формирования экономического потенциала страны. Понятно, что это концепция о необходимости индустриальной ориентации экономики. К параметрам сегодняшнего экономического развития – догоняющего или опережающего развития страны в современном мировом пространстве, не имеющая отношения, не приемлемая для него, не ориентированная на новую реальность.

В условиях размытости, неясности и неадекватности трактовок и понимания концепции современного развития важную роль сыграли высказывания Джеймса Гэлбрейта, сына Джона Кеннета Гэлбрейта, по сути, классика исследуемого направления, о необоснованности и отсутствия оснований для концепции постиндустриального развития, негативности ее влияния на развитие России. Современной ориентированности на индустриализацию, как адекватное сегодняшним реалиям направление развития⁴⁰¹. Сочетающее план и рынок, их эффективное взаимодействие, прогрессивное и конкурентное развитие.

Таким образом, после длительных мук и терний – довольно взвешенный подход к пониманию позиций, состояния экономики, приоритетов современного развития. С учетом новых вызовов – цифровизация экономики, также требующей обоснованности, продуманности методологии проведения, определения параметров исходного уровня, чтобы не оказаться потом в непонятном состоянии, получить нужный эффект.

Сегодня совершенно правомерно высказываются соображения о новом этапе и содержании индустриального развития, его ориентированности на научные достижения. Как отмечают О.Н. Смолин, С.Д. Бодрунов и др. – ставка на знания – «знаниюориентированное развитие».

По разнице в подходах не вызывает сомнения ориентированность на новый этап индустриального развития.

При переходе от более широких и общих к конкретным методологиям развития, как представляется, прежде всего, следует указать на материализованные знания – наукоемкие, высокотехнологичные системы, безлюдные, безотходные производства и пр., определяющие новый уровень и качество используемых технологий и произ-

водимого продукта. В зависимости от сферы применения – нано, биотехнологии и др.

При ставке на конкретику исследований и внедренческих проектов важное значение имеет уровень развития стран.

Наша страна оказалась лидером по сырьевой составляющей. США, целый ряд стран Европы и др. – индустриальными лидерами.

Понятно, позиции разных стран не одинаковы. При этом в некоторых исследованиях применительно к сырьевым экономикам высказываются соображения об их "природном проклятье", требующим осмысления.

Вместе с тем индустриальные лидеры показывают достижения индустриального характера. В ряде стран весьма впечатляющие: переход на высокоэффективные технологии производства и контроля выполняемой работы, робототехнику, безлюдные и др. умные технологии. Очень важные для характеристики уровня сегодняшнего развития, знаменующего и новый этап технологических достижений. Поэтому, по сути, речь идет о новом этапе НТР, связываемом с четвертой промышленной революцией. По выражению А.В.Орлова⁴⁰² «со сногшибательной скоростью меняющей индустриальный уклад».

При всем том, вернувшись к рассматриваемым проблемам, надо определить важнейшие направления развития, прежде всего актуальные для российской экономики. Как представляется, это: авиационная, автомобильная, дорожная, сельскохозяйственная техника, инфраструктурные проекты и др., преобразующие технико-технологическую базу страны. Выступающую основой для новых направлений развития.

Хотелось бы привести некоторые примеры технологической составляющей, облегчающей труд, делающей процесс эффективным.

Поразившие нас технологии – по укладке кабеля. 2–3 человека на машине с инструментарием – необходимыми для прокладки кабеля трубами, экскаватором и пр. приезжают на место работы, где, прежде всего, уточняют позиции, место копания ямы. Затем выкапывается яма размером примерно 1,5 × 1,5. Примерно такая же глубина ямы, заполняется спецраствором. Затем на определенной глубине происходит бурение отверстия (скважины), в которое одна за другой вставляются, стыкуются и протягиваются трубы большого

диаметра. Большое количество труб, определяемое параметрами участка, особенностями местности. Потом аналогичная операция проводится с трубами малого диаметра, вставляемыми в большие трубы и также протягиваемыми. В общей сложности работы выполняются около недели, независимо от времени года. Затем яма закапывается до времени укладки кабеля и контроля выполненной работы. На заключительном этапе – прокладка кабеля. В зависимости от ситуации, организационных факторов также осуществляемая в течение нескольких дней. На этом работа заканчивается, яма закапывается. Выполнена громадная по объему работа. Проложен кабель большой длины.

Как представляется, обеспечивающая большой эффект, экономию энергоресурсов, значительное облегчение и облагораживание труда, достижение общественного комфорта.

Вместе с тем, к сожалению, это не отечественная, а купленная в Китае техника. У нас большой объем такого рода работ, нужна своя техника.

При всем том надо отметить значительное внимание практически всех стран, в том числе нашей, к инфраструктурным проектам. Например, изучению влияния температурной сегрегации на асфальтобетонные смеси (рус. кит.), прогнозные свойства бетонного покрытия, содержащего скорлупу кокоса в качестве крупного заполнителя (англ.) и др.

Как понятно, одна из важнейших проблем современного развития – базовых технологий, должны быть предметом пристальнейшего внимания государств, являющихся прежде всего основой перевооружения страны на новые методологии развития. Не исключая возможности продажи в случае конкурентоспособности отечественной продукции за рубежом. Позволяющая стране ориентироваться на методологии инновационного развития. Иметь соответствующие приоритеты. Требуемая продуманности ситуации, взвешенности подходов, ответственности за имеющиеся достижения и пр.

Вместе с тем, как ни печально, непродуманность коллизии с продажей Китаю комплектов самолетов с технологиями СУ-27, по производству которых мы занимали лидирующие позиции. Не исключаящей недоговорков, особенностей ситуационного поведения и пр.

Представляется, Китай заранее продумал проблему, особенности ситуационного поведения. Вначале купить только продукт, потом для уточнения конструкции запросить технологии, после покупки которых внести заранее продуманные усовершенствования в технологии, самим начать производить и продавать самолеты, уже своей комплектации, приобретя статус индустриального лидера. Вместе с тем мы перешли из состояния базового лидера по направлению к чрезвычайно обидному для нас положению – конкурентных позиций с Китаем, то есть необходимости доказывания приоритетности по продукту в зависимости от качества сделанных усовершенствований. При этом, естественно, возникает вывод о необходимости тщательнейшего продумывания и обоснованности целесообразности подобного рода сделок, связанных с продажей технологий высокого уровня – индустриальных, тем более по минимально низкой для такого рода продукта цене. Не терять голову. Надо беречь свои приоритеты и достижения

Сегодня объектом внимания всего мира являются безлюдные технологии, робототехника. Лидирующие позиции у США, Германии. Большую активность проявляет Китай. Россия также активно включилась в исследования и разработки в развитии роботизации. В числе важнейших достижений промышленные роботы, облегчающие человеческий труд, внедряемые в места малодоступные для человека, воспринимающие команды с человеческого голоса и пр. Ставка – на высокоэффективные промышленные роботы, обеспечивающие высокое быстродействие, устойчивую работу при повышенной динамике, энергоэффективность.

Представляющиеся наиболее интересными нам исследования и разработки по направлениям с ориентацией на разработчиков:

Новые роботы для манипулирования тяжелыми изделиями (нем.)

Финишная обработка высокоточных деталей (нем.)

Робототехнические системы и метод для калибрования (США)

Подвешенный робот и методы его использования (США)

Российские промышленные роботы (рус.)

Отделочная обработка деталей в условиях многономенклатурного производства с помощью роботов (рус.)

Механизация погрузочно-разгрузочных работ на предприятиях мелкосерийного производства (рус.)

Система для стыковки с мобильной платформой (США)

Вездеходный транспортный робот (рус.)

Управляемые зрительной системой роботы и методы обучения (США)

Чувствительная оболочка промышленных роботов (нем.)

Робот, реагирующий на давление воздуха (нем.)

Разработка преобразования русской речи в транскрипционное представление с метаданными для автоматического распознавания речевых команд и робототехники в промышленности (рус.)

Разработка алгоритмов управления мобильными роботами (рус.)

Применение роботов и манипуляторов в энергетике, в строительстве (рус.)

И другие, в том числе ориентированные на управленческие системы роботы.

Таким образом, очевидны определенные достижения в использовании робототехники, изучении ее механизмов для использования в экономике, облегчении и облагораживания труда, удовлетворении человеческих потребностей.

Ну а теперь о бюджете. Конечно же, значительная часть разработок финансируется государством, которому это положено по статусу. Тем более в условиях инновационного развития – это важнейший государственный приоритет. Может поддерживаться (софинансироваться) крупными предприятиями, прежде всего реализующими у себя разрабатываемые проекты. И спонсорскими организациями. При этом работа должна организовываться (мобилизовываться, вдохновляться) на государственном уровне.

Что касается бизнеса – тут расчет прежде всего на себя. Ориентация на новационные методологии – в интересах развития бизнеса. Не всегда соответствующие покупательским предпочтениям. В частности, как нами отмечалось и ранее, не всегда, или довольно часто не устраивают изменения генетического порядка. Например, переход на производство твердосортовых овощей – капусты, свеклы, моркови или хрустящих овощей (помидоров) и т.д. При этом из наблюдений сомнительна их более длительная сохраняемость. Не изучено влияние на человеческий организм. Вместе с тем сам факт влияния несомненен. Следовательно, требует изучения.

Практически то же относится к выпечке хлеба, его длительных сроков хранения – ориентированность на целый ряд не изученных составляющих. Конечно же, это проблема должна быть под контролем государства.

Взаимосвязанность государства и бизнеса так же многообразна – по широкому кругу направлений развития, определяемых, прежде всего, правовым регулированием. Чаше других – природоохранному законодательству, использующему методологии положительных и отрицательных эффектов, требующих изучения и корректирования применительно к новым условиям, налоговому законодательству и пр.

При всем том в меру необходимости должны поддерживаться важные сельскохозяйственные проекты, ориентированные прежде всего на производство мясо-молочной продукции, высокочатратной, внедрять здесь совершенные технологии. Продумать вопрос о системе цен на эту продукцию, высоких.

Один известный профессор, рассуждая о проблемах будущего, совершенно спокойно заявлял об ориентированности на заменители мясных и молочных продуктов, как нормальную ожидающую нас перспективу. При этом хотелось бы порекомендовать ему, не откладывая, попробовать какое-то время попитаться этой продукцией, чтобы сложилось полное впечатление, не понаслышке, без исключения ГМОшных и пр. факторов. И более взвешенно подумать о сегодняшних проблемах.

Литература

1. Дж. Гэлбрейт. Новое индустриальное общество / пер. с англ. М.: Прогресс, 1969.
2. Гэлбрейт: возвращение / под ред. С.Д. Бодрунова. М., 2017.

Петров А.А.,
доктор экономических наук, профессор,
профессор кафедры управления и экономики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: palar-1@bk.ru

Искусственный интеллект во взаимодействии с государством и бизнесом

Аннотация: Наблюдается столкновение искусственного интеллекта и естественного интеллекта (человеческого разума). Уровень развитости и качества принимаемых решений искусственным интеллектом во многом зависит от эрудиции, знаний, морально-этических и психологических качеств программиста и его понимания области деятельности, для которой разрабатывается программа, также зависит от качества программы машинного обучения. Искусственный интеллект не делает ошибок (полностью исключен человеческий фактор), но его ошибки – это ошибки программиста и отсутствие постоянного потока больших объемов информации. ИИ-технологии пока не совершенны, но по мере выяснения слабых точек эти технологии совершенствуются. Чем больше и активнее используются ИИ-технологии, тем быстрее они совершенствуются. Для успешного и эффективного применения ИИ-технологий необходимо создать цифровую инфраструктуру. Первый этап использования ИИ-технологий – сфера услуг и затем промышленность. Для прибыльного промышленного использования ИИ-технологий необходимы скрупулезные маркетинговые расчеты, чтобы не закрывать заводы, как это вынуждена была сделать корпорация Адидас.

Ключевые слова: Естественный интеллект, искусственный интеллект (ИИ), ИКТ-технологии, корпорация Adidas, нефтеналивной терминал «Ворота Арктики», рентабельность, верификация, структурированные данные, синергетический эффект, инвестиции, безработица, ИИ-грамотность, кибербезопасность, оптимизм, рутинные операции, документооборот, человеческий фактор

Artificial Intelligence in Interaction with Government and Business

Annotation: There is a collision of artificial intelligence and natural intelligence (human mind). The level of development and quality of decisions made by artificial intelligences largely depends on the erudition, knowledge, moral and ethical and psycho-logical qualities of the programmer and his understanding of the field of activity for which the program is being developed, also depends on the quality of the machine learning program. Artificial intelligence does not make mistakes (the human factor is completely excluded), but its errors are programmer's errors and the lack of a constant flow of large amounts of information. AI-technologies are not perfect yet, but as the weak points are clarified, these technologies are being improved. The more and more actively AI-technologies are used, the faster they are improved. For the successful and effective application of AI-technology, it is necessary to create a digital infrastructure. The first step in using AI-technology is the service industry and then industry. For the profitable industrial use of AI-technologies, meticulous marketing calculations are necessary in order not to close the factories, as Adidas was forced to do.

Keyword: Natural Intelligence, Artificial Intelligence (AI), ICT-Technologies, Adidas Corporation, Arctic Gate oil terminal, profitability, verification, structured data, synergistic effect, investment, unemployment, AI-literacy, cybersecurity, optimism, routine operations, document circulation, human factor.

Система управления определяет скорость, эффективность и качество развития государства и общества, решения социально-экономических проблем и реализацию нацпроектов. Внедрение и использование технологий на основе искусственного интеллекта (ИИ) становится одним из важнейших направлений в успешном решении задач, сформулированных в нацпроектах майского указа президента 2018 г.

Искусственный интеллект (ИИ) настойчиво пробивается в систему управления, кардинально изменяя механизм и функции управленческой деятельности, систему коммуникаций и взаимоотношений, систему принятия решений. Через 15–25–30 лет система управления полностью перейдет ИИ-технологии. И тем не менее по многим вопросам управления окончательное слово останется за человеком.

Это будет синтез искусственного интеллекта и человеческого разума (естественного интеллекта). Человек поставит ИИ – инструмент четвертой промышленной революции (ЧПР), как и все инструменты предыдущих промышленно-технических революций, себе на службу.

С внедрением ИИ-технологий не следует опережать время и нельзя отставать/медлить. Правильно применяемая ИИ-технология для решения конкретной управленческой задачи может повысить эффективность процесса, и затем быть тиражированной в других структурах и масштабированной на территории всей страны. Процессу тиражирования и масштабирования способствует возможность использовать один и тот же алгоритм для решения большинства управленческих социально-экономических, общественных и бизнес-проблем, успешное использование в одной сфере позволяет использовать его и в других сферах.

Сегодня уже 33% российских компаний (данные на конец 2019 г.) используют ИИ, тогда как два года назад их было в пять раз меньше⁴⁰³. ИИ-технологии применяют в органах госуправления, в министерствах и организациях/компаниях торговли, промышленности, энергетики и военного ведомства. И естественно в организациях Министерства цифрового развития, связи и массовых коммуникаций.

Внедрение и использование искусственного интеллекта ведет к сокращению расходов, повышению производительности труда, минимизации сроков принятия решений. Внедрение и использование в практической деятельности ИИ-технологий повышает спрос на специалистов информационно-коммуникационных технологий (ИКТ-специалист).

Как показывает практика, ИИ успешнее внедряется и используется в сфере услуг, тогда как в промышленности и особенно в компаниях, производящих продукцию для потребительского рынка, применение ИИ носит ограниченный характер из-за пока убыточности использования ИИ-технологий. В частности, немецкая корпорация Adidas, известная российскому потребителю как крупнейший производитель спортивной одежды и обуви, закрывает два завода, работающие на безлюдной технологии – один в Германии, другой в США, из-за отсутствия должной прибыли. В то же время в России

корпорация Газпром запустила в эксплуатацию единственный в мире по технологической оснащенности и уникальности нефтеналивной терминал «Ворота Арктики», полностью работающий на ИИ-технологиях. Катализатором и стимулирующим фактором внедрения и использования ИИ-технологий в России стала принятая в октябре 2019 г. национальная стратегия развития искусственного интеллекта, которая открывает возможности и способствует применению современных ИКТ-технологий во всех сферах человеческой деятельности. В рамках стратегии развития ИИ были определены крупнейшие корпорации страны, ответственные за развитие инструментов ЧПР. Сбербанк отвечает за развитие ИИ-технологий, Ростелеком и Ростех – за развитие технологий мобильной связи пятого поколения, госкорпорация Ростехнологии взяла ответственность за развитие технологии распределенных реестров (блокчейн), квантовых сенсоров и нового поколения высокополосной связи для платформ интернет вещей. На Росатом возложена ответственность за развитие квантовых вычислений и новых материалов, РЖД ответственна за квантовые коммуникации.

Эффективность внедрения и применения ИИ-технологий и других цифровых технологий оценивается по рентабельности/норме прибыли, которая рассчитывается как соотношение всех доходов от применения ИИ-технологии к сумме всех затрат на внедрение и применение ИИ-технологии, включая производство и реализацию продукции, учитываются также срок реализации проекта, отзывы партнеров, покупателей и конечных потребителей о качестве продукции.

Уровень рентабельности/норма прибыли рассчитывается по формуле:

$$P = \frac{\text{Пр}}{P} \times 100\%, \text{ где}$$

$P =$, где

P – уровень рентабельности,

Пр – полученная прибыль

P – сумма всех расходов по внедрению и использованию ИИ-технологии

Уровень рентабельности/норма прибыли показывает эффективность ведения бизнеса, эффективность управления организацией/предприятием/компанией. Рентабельность/норма прибыли определяет уровень привлекательности проекта для привлечения инвестиций в производство, управление, обучение персонала и другие операции, составляющие сумму расходов организации/предприятия/компанияи.

Внедрение ИИ в практику организации/предприятия/компанияи, как видим, определяется соотношением «расходы – доходы». Если использование ИИ рентабельно, то он внедряется в повседневную деятельность. При внедрении ИИ следует учитывать 1) стоимость ИИ и расходы на заработную плату и соцпакет высвобождаемых работников; 2) уровень эффективности использования ИИ по сравнению с работой человека; 3) качество получаемых результатов; 4) желательно использовать сквозные ИИ-технологии, которые можно применять к разным процессам работы организации.

На первом этапе внедрения ИИ-эффективность может быть ниже, а ИИ-расходы могут превышать затраты на живые трудовые ресурсы, по мере накопления опыта ИИ-эффективность повышается, а ИИ-расходы сокращаются. Добиться снижения стоимости ИИ-технологий можно только при их масштабном внедрении и постоянном применении. В процессе использования управленческих ИИ-технологий выявляются их уязвимые позиции, которые устраняются в процессе доработки технологий ИИ-управления.

ИИ заменяет работников на тех должностях, на которых много времени уходит на однообразные постоянно повторяющиеся операции с документами, что приводит к утомляемости служащих и к ошибкам. Срабатывает человеческий фактор. ИИ может выполнять значительную часть офисной работы, тогда как знания и навыки высвобожденных работников могут использоваться для более важной и более сложной работы, требующей креативного подхода. ИИ освобождает сотрудников от рутинной работы, но остается сложная работа, для выполнения которой требуется человек.

По мнению предпринимательского сообщества, ИИ не может провести верификацию (лат. Verum – истинный и facere – делать) автоматически распознанных и классифицированных входящих документов. Помимо этого, требуется контроль человека при вводе дан-

ных и особенно в форс-мажорных ситуациях, чтобы обеспечить самообучение ИИ-решений.

Внедрение ИИ сокращает работников простых нетворческих типовых рутинных функций, но создает новые инновационные рабочие места для квалифицированных работников на других сложных участках работы.

ИИ-технологии можно также применять для обработки крупных массивов неструктурированных и полуструктурированных данных: финансовые данные, налоги, маркетинг, расчет заработной платы, подбор работников при найме и на должность, обслуживание клиентов, управление цепочкой поставок. Сформированный портфель многократно используемых структурных данных позволит создать единый источник достоверной информации для обеспечения быстрой окупаемости инвестиций и наращивания темпов масштабирования.

Примером эффективной организации внедрения и применения цифровых и ИИ-технологий служит использование технологических систем машинного обучения в компании Северсталь, где применение ИИ-технологий обеспечило повышение эффективности агрегатов, улучшение качества продукции и автоматизацию принятия решений. Инвестиции в управление и инновационные технологии окупались в течение года⁴⁰⁴.

На сегодня единого понятия искусственного интеллекта нет. Разные авторы по-разному определяют ИИ. В основном все сходится на понятие ИИ, данное в начале 1980-х годов, американскими учеными Барром и Файгенбаумом, которые определили ИИ как область информатики, которая занимается разработкой интеллектуальных компьютерных систем, обладающих возможностями человеческого разума, понимания языка, обучения, способностями рассуждать, решать проблемы. К элементам искусственного интеллекта можно отнести системы автоматического проектирования и естественно-языкового общения, системы обработки визуальной информации и речевого общения, экспертные системы и управленческие технологии, по выпуску которых мировыми лидерами признаны Китай, Индия, США и Россия.

Сам по себе искусственный интеллект не является автоматизацией процессов, но его развитие передает компьютерным программам решение все большего числа задач.

Можно предположить, что ИИ ведет к созданию саморегулирующихся, самоуправляющихся, самонастраиваемых и самостоятельно принимающих решения безлюдных производственно-управленческих систем, постепенно вытесняя человека из трудовой деятельности. Чем займется лишенный труда человек? История показывает, что именно труд, хозяйственная деятельность лежала и лежит в основе развития способностей человека, его мыслительного и умственного аппарата, его знаний, именно труд обогащает человека, расширяет его кругозор. Что станет с человеком, лишенного самой возможности работать? Что станет с обществом, в котором человек лишен возможности работать, созидать? Что станет с человечеством?

Не поразит ли дистрофия человека, не начнется ли его вырождение?

Крайне важно понять, что человек должен трудиться. Труд – это форма выживаемости человечества. В процессе труда происходит развитие человека, совершенствуется его мыслительный аппарат, творческо-креативное начало. Это проявляется в совершенствовании применяемых технологий, оборудования, станков, различных изделий, искусственного интеллекта, квантовых технологий.

Естественный интеллект – творец будет всегда впереди своего создания – искусственного интеллекта, на шаг, но впереди.

У части населения внедрение цифровых и ИИ-технологий вызывает страх из-за возможной потери работы и роста безработицы. Да, сокращение рабочих мест наблюдается в системе госуправления и в корпорациях. В частности, Банк России и ПАО Сбербанк провели сокращение рабочих мест, но это были типовые, рутинные операции. Работников на этих должностях заменили ИИ-технологии. В перспективе масштабное внедрение ИИ в деятельность человека не вызовет массовую безработицу и ситуацию абсолютной замены человеческого труда роботами. Хотя на первых этапах применения ИИ-технологий рост безработицы неизбежен. Как показывает исторический опыт предыдущие три промышленные революции освобождали много рабочих мест, и одновременно порождали дефицит

и растущий спрос на новые профессии. Так и сегодня ЧПР породила повышенный спрос на ИКТ-специалистов и одновременно требует от организаций/компаний обеспечить цифровую переподготовку и повышение квалификации работников, а также подготовку специалистов новых профессий.

Для эффективного использования сотрудниками ИИ-технологий следует организовать повышение их квалификации с целью обучения работы с искусственным интеллектом. Это важная часть кадровой стратегии организации по наращиванию ее ИИ-интеллекта и ИИ-компетенций.

Неумелое использование сотрудником ИИ-инструментов может привести к незапланированным результатам и сформировать негативное отношение к ИИ-технологиям.

Область ИИ-развития и ИИ-обучения персонала остается terra incognita. Мировая система обучения и развития уже поглотила более 200 млрд долл. США⁴⁰⁵. Однако половина этих средств потрачена впустую. Многие разработанные программы и методики забыты, оставшиеся применяются ненадлежащим образом, являясь пустой и ненужной тратой времени, поскольку не учитывается уровень подготовки и знаний цифровых технологий обучаемых. Обучение применению ИИ-технологий и повышение квалификации цифровой и ИИ-грамотности должно проводиться дифференцированно с учетом уровня подготовленности сотрудников, а также на наставничестве и сотрудничестве.

Кадровая стратегия должна предусматривать три уровня ИИ-квалификации и формировать необходимые условия для успешного и творческого сотрудничества специалистов всех трех уровней. Первая группа повышения ИИ-квалификации охватывает консервативных работников, которых надо «загонять» на занятия. Вторая группа включает продвинутых пользователей, которые сотрудничают с ИТ-специалистами в разработках новых ИИ-приложений. Третья группа охватывает довольно небольшую группу инженеров и ИКТ-специалистов, которые разрабатывают и организывают работу цифровых платформ для совместной работы, оказания поддержки и управления ресурсами. Эта платформа объединяет усилия ИКТ-специалистов и сотрудников для достижения совместных целей.

Повышение ИИ-квалификации желательно подкрепить соответствующей оплатой труда.

Использование ИИ-технологий в начальном периоде неизбежно приведет к ошибкам, но это временно. На ошибках учимся.

Большую роль играет культура на рабочем месте: хорошая организация, наличие ресурсов, четко прописанные роли, интересные исследования и индивидуальные полномочия и дружелюбная корпоративная культура.

Крайне важно организовать в области искусственного интеллекта совместную деятельность сотрудников и ИТ-специалистов для получения синергетического эффекта. Раздельная/сепаратная работа команд может затормозить и даже похоронить проект внедрения ИИ-технологии. Работа только ИТ-специалистов не всегда находит широкую поддержку сотрудников компании. Инициатива работников по применению ИИ-технологий ограничена в силу незнания всех возможностей этих технологий. Сепаратная работа может мешать работе каждой из команд, их действия могут противоречить друг другу. Для успешной реализации ИИ-технологий следует сформировать межфункциональную команду, задачей которой является разработка четкой и ясной стратегии использования ИИ 1) определение вариантов применения технологии и подходов к организации подотчетности и корпоративного управления; 2) разработка общекорпоративных регламентов по работе с данными; 3) организация контроля за их соблюдением; 4) определение технических стандартов, включая архитектуру, инструментарий, методы, управление взаимоотношениями с поставщиками, управление объектами интеллектуальной собственности, а также определение целевого уровня искусственного интеллекта.

На начальном этапе внедрения цифровых технологий требуется 1) провести перестройку существующих бизнес-процессов, 2) обучить персонал, сломать стереотип мышления как управленцев всех уровней, так исполнителей, 3) повысить в организациях уровень цифровизации, 4) повысить и расширить знания сотрудников, включая управленческий персонал, 5) решить проблемы кибербезопасности.

Согласно опросу российских предпринимателей 40% планируют внедрить машинное обучение с целью оптимизации производства,

35% – для аналитических и исследовательских работ, 29% – для маркетинговых исследований⁴⁰⁶.

Оптимизм российских предпринимателей основан на положительном опыте других российских компаний, которые уже используют ИИ-технологии. Так, в страховой группе СОГАЗ технологии машинного обучения и искусственного интеллекта применяют для расчета рисков, урегулирования убытков, анализа медицинских услуг и работы с персоналом. Применение этих цифровых технологий позволило в 2019 г. добиться совокупного экономического эффекта почти в 1 млрд руб.⁴⁰⁷ Руководство СОГАЗ считает важнейшей стратегической задачей использование ИИ-технологий, а также технологии больших данных (Big Data – это структурированные и неструктурированные разнообразные данные значительных объемов, включая методы их обработки, позволяющие распределенно анализировать всю поступающую разнообразную информацию) и машинного обучения.

Представители бизнес-сообщества выделяют ряд последствий использования в организации/компании/предприятии искусственного интеллект: 1) расширение возможностей ИИ сокращает рутинные операции, что автоматически ведет к увольнению сотрудников, занятых формализуемым, не творческим трудом; 2) решения, принимаемые на базе ИИ, окупаются независимо от сферы деятельности компании; 3) стоимость ИИ-решений высокая, а их реализация сложная; 4) знания сотрудников не соответствуют ИИ-требованиям; 5) проблемы сокращения сотрудников бухгалтерии и делопроизводства.

ИИ-технологии уже сегодня могут решать и решают ряд конкретных задач в организации/предприятии/компании. Это может быть анализ договоров с партнерами, заказов на закупку конкретной продукции, подбор кадров. ИИ-технология применяется в системе электронного документооборота (СЭД), который исключает ручную работу и соответственно человеческий фактор в ходе выполнения рутинных операций. ИИ-решения автоматизируют весь процесс обработки документов: 1) распознавание документов, 2) классификация документов, 3) извлечение данных документа с последующим занесением их в регистрационную карточку, 4) отправка документа на рассмотрение ответственным лицам, 5) ввод и сбор ин-

формации о новом контрагенте, 6) перенаправление данных (информации, документов, распоряжений, приказов) между системами организации/предприятия, 7) подготовка проектов резолюций и автоответов, 8) составление аннотаций к документам, 9) формирование и корректировка личных дел работников, 10) применение в системе коммуникаций.

Сдерживающим фактором внедрения и использования технологий, основанных на ИИ-алгоритмах, является отсутствие цифрового понимания, цифрового мышления и цифровых знаний у управленческого аппарата и многих работников, дефицит ИКТ-специалистов, инвестиций и размеры компании, определяющие объемы проводимых операций, а также нормативно-правовая база в области конфиденциальности данных, включая персональные данные. Работа на компьютере не означает владение ИИ-технологиями.

Организация должна иметь собственную цифровую стратегию, которая входит в ее общую стратегию. Важным элементом цифровой стратегии выступают использование ИИ-технологий, вопросы кибербезопасности (информационной безопасности), закупки или/и разработки собственного программного обеспечения. Кибербезопасность и киберзащита являются важной частью программного обеспечения. ИИ-технологии должны быть отечественного производства. В противном случае ими можно управлять из-за рубежа. Газпром понес значительный ущерб в результате отключения из-за рубежа через интернет мобильных генераторов австрийского производства. Кибератака заставила Газпром заказать мобильные генераторы отечественного производства.

Наличие ИИ-проекта не означает его внедрение и коммерческое применение. Проект может остаться проектом из-за неподготовленности как самой организации, так и ее руководства.

Внедрение ИИ-технологий в управление и бизнес-деятельность по прогнозу увеличит мировой валовый продукт к 2030 г. на 15,7 трлн долл.⁴⁰⁸, а это значит рост прибыли тех организаций/предприятий/компаний, которые внедряют и используют искусственный интеллект.

Розенталь Ю.Ю.
*Саратовский национальный исследовательский
государственный университет им. Н. Г. Чернышевского
E-mail: Juliana070587@rambler.ru*

Денежно-кредитное регулирование инвестиционного спроса в целях устойчивого экономического развития

В статье рассматриваются подходы монетарных властей к регулированию инвестиционного спроса, анализируются результаты применения инструментов денежно-кредитной политики, в том числе их влияние на риски, ликвидность, достаточность капитала банков.

В течение последних десятилетий проблема устойчивости монетарной системы приобретает международный характер, в связи с чем особое внимание уделяется новым принципам монетарной политики, а также трансформации денежной системы в условиях кризисной экономики.

Ранее денежная политика России демонстрировала несоответствие потребностям необходимого экономического роста, а также не отвечала целям повышения конкурентоспособности российской промышленности. Негативным результатом проводимой экономической политики стала невозможность оперативного достижения целей импортозамещения в силу снижения устойчивости экономики, повышения уровня зависимости от иностранных капиталов, технологий.

Важнейшим требованием, предъявляемым к монетарной политике государства, является соответствие принципу эффективности, что определяется, тем, насколько политика отвечает целям и задачам, стоящим перед государством и обществом в целом. Развитие экономики оценивается с учетом макроэкономических показателей, отражающих основные экономические проблемы и цели общества

Эффективность экономики характеризуется рациональностью выбранных методов, эффективностью использования ресурсов и полнотой реализации целей экономического развития.

Методы монетарного регулирования:

Виды регулирования	Перечень инструментов
Денежно-кредитное регулирование	<ul style="list-style-type: none">– ключевая ставка;– операции на открытом рынке;– синьораж;– кредитные льготы;– таргетирование;– управление государственным долгом;– целевое кредитование;– дисконтирование
Валютное регулирование	<ul style="list-style-type: none">– валютные интервенции;– ревальвация/девальвация

В связи с применением международных санкций Россия была вынуждена отвечать на негативное воздействие извне, что выразилось масштабной корректировкой политики государственного регулирования. Монетарная политика Банка России за последние годы претерпела значительные изменения.

Эмпирический анализ воздействия монетарных факторов на принятие инвестиционных решений (инвестиционное поведение субъектов экономики) и последующих результатов инвестиционной деятельности является важной задачей, так как эффект от проводимых изменений существенно различается на разных этапах инвестирования.

Понимание трансмиссионного механизма монетарной политики разнообразно. Проблемы рыночного равновесия рассматривались во многих экономических учениях. Дж. Кейнс, сделал серьезный вклад в исследование вопроса о взаимосвязи уровня инвестиций и предельной эффективности капитала, инвестиций и экономического роста, связав инвестиции и экономический рост с помощью «мультипликатора инвестиций»⁴⁰⁹, суть которого в том, что рост плановых инвестиций ведет к росту производства продукции, причем в большем объеме, чем объем инвестированных средств. Изменение денежного предложения вызывается изменением ставки

процента с последующими изменениями инвестиционных предпочтений фирм и объема инвестиций в экономике. За уменьшением рыночной процентной ставки следует увеличение объема инвестиций, ведущее к увеличению совокупных расходов и совокупных доходов экономики и наоборот.

Исходя из тезиса, что мультипликатор инвестиций прямо пропорционален предельной склонности к потреблению, Дж. Кейнс полагал, что в период кризиса следует увеличивать потребительские расходы, а в момент подъема – сдерживать их. Увеличение сбережений во время депрессии сокращает объемы осуществляемых инвестиций и усугубляет кризис.

Кейнсианская концепция спроса на инвестиции предполагает учет предпринимателем потенциально возможного процента на вложенные средства и степени риска при помощи ставки дисконтирования, а именно меры предпочтения экономическим субъектом нынешней ценности денег будущей.

У. Шарп считал, что инвестирование – это процесс передачи денежных, информационных и материальных ресурсов хозяйственным субъектам для создания средств производства путем распределения ресурсов⁴¹⁰.

Массовые инвестиции в основной капитал согласно динамической концепции Й. Шумпетера являются движущей силой процветания экономики.

Центральный Банк публикует заявления о монетарной политике, каждое из которых поясняет как регулятор планирует достичь своих целей и какую монетарную политику планируется проводить в течение следующих пяти лет.

Субъекты рынка рассматривают заявление, как ключ к анализу будущей денежно-кредитной политики. Банк России и коммерческие банки – составляющие Банковской системы, выступают институциональным базисом для проведения денежно – кредитной политики.

Система инструментов монетарной политики должна выстраиваться с учетом особенностей взаимодействия Банка России с региональными кредитными организациями, трансмиссионного механизма денежно-кредитной политики и актуального состояния российского финансового рынка.

Усиление нестабильности на мировом финансовом рынке вызвало изменения в политике Банка России, приведя его к более активному использованию такого инструмента денежно-кредитного регулирования, как ключевая ставка, ставшего «работающим инструментом» на российском денежном рынке.

Необходимо создавать условия для того, чтобы рост денежного предложения и повышение уровня монетизации экономики не становились «инфляционными», для чего необходимо, чтобы повышение уровня монетизации экономики работало на увеличение капитала в экономике, а деньги не выступали просто как платежное средство.

Увеличение инвестиций в основной капитал должно опираться на надежные перспективы роста рынков сбыта. При ограниченном росте потребления населения и наличии значительных резервов незагруженных мощностей в краткосрочной перспективе трудно ожидать повышения инвестиционной мотивации бизнеса. С другой стороны, форсированный рост инвестиций, предложения инвестиционных товаров, ведет к риску опережающего роста импорта и, как следствие, вынужденной корректировке валютного курса, что становится ограничением для общеэкономической динамики.

В начале рыночных реформ российское правительство планировало контролировать валютный курс, однако, вследствие интенсивного роста цен,

инфляционных ожиданий и долларизации экономики, стала очевидной неспособность монетарной политики и стабилизационного фонда противостоять инерционной экономической структуре⁴¹¹.

Отказ от вмешательства ЦБ РФ в процесс рыночного ценообразования на валютном рынке стал существенным качественным изменением в монетарной политики Банка России. Таким образом, на настоящий момент остаются высокими риски, связанные с высокой волатильностью, ликвидностью банковского сектора, зависимостью от международных рынков капитала и т.д.

На современном этапе развития банковской системы ликвидность коммерческих банков стала объектом пристального внимания различных субъектов денежно-кредитных отношений, ввиду ее большого значения для конкурентоспособности экономики страны.

В целях повышения действенности процентной политики Банком России принимаются решения, направленные на ограничение колебаний краткосрочных ставок межбанковского рынка и совершенствование операционной процедуры денежно-кредитной политики.

Воздействуя на ликвидность банковской системы Банк России, рефинансирует банки путем предоставления им краткосрочных кредитов по своей учетной ставке, определяя условия предоставления кредитов, приоритетные условия развития отраслей экономики, ориентируясь на среднесрочные оценки инфляционных рисков, динамику инфляционных ожиданий, оценки перспектив экономического роста, учитывая изменение других факторов.

Существенное влияние на динамику краткосрочных процентных ставок денежного рынка, риски и ликвидность капитала оказывает изменение состояния ликвидности банковского сектора, максимальный срок и объем кредита.

Развитие системы инструментов Банка России должно быть направлено на достижение целей денежно-кредитной политики с учетом перехода к режиму таргетирования инфляции, а также бесперебойного функционирования звеньев цепи платежной системы Банка России, инструментов российского финансового рынка, и в итоге, повышения конкурентоспособности российской промышленности.

Для эффективной экономики особенно важна дифференциация капиталовложений по видам деятельности, ранее наблюдалась повышательная динамика инвестиций как в добывающих, так и в обрабатывающих отраслях российской экономики, при этом темп их роста был одинаков.

Инструменты денежно-кредитной политики, риски, ликвидность, достаточность капитала коммерческих банков соединены причинно-следственными связями, которые определяют темпы экономического роста.

Результатом неэффективного управления динамикой объема денежной массы стал рост цен, сопровождающийся резким нарастанием объема взаимных неплатежей, вследствие чего снижается потребительский спрос.

Сокращение потребления уменьшает уровень мотивации к осуществлению инвестиционного процесса и развития производства,

между которыми существует прямо пропорциональная зависимость, является одной из причин неудач и характерной чертой, проводимой в нашей стране экономических реформ.

Международные санкции оказали мощное воздействие на поведение российского регулятора, действия которого были сконцентрированы на адаптации центрального монетарного института к последствиям санкций.

Экономическое развитие, показатели эффективности, факторы спроса и инвестиции соединены причинно-следственными связями, которые определяют темпы экономического развития. Таким образом, для обеспечения устойчивого развития инвестиционных отношений, как части экономического развития, для восстановления международного статуса страны как ведущей промышленно развитой державы мира, необходимо стимулирование инвестиционного спроса и создание эффективной системы инструментов монетарной политики минимизации рисков и транзакционных издержек банковской системы.

*Чхутиашвили Л.В.,
доктор экономических наук, доцент,
профессор кафедры управления и экономики
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: lvch2016@mail.ru*

Устойчивое социально-экономическое развитие моногородов как стратегия региональной экономики

Устойчивое социально-экономическое развитие моногородов имеет существенное значение для экономики Российской Федерации.

От состояния и степени социально-экономического развития территорий особого типа – моногородов в значимой степени зависит жизнеспособность Российской Федерации.

Понятие «моногород» раскрывается в Постановлении Правительства РФ от 29.07.2014 № 709 «О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения» установлены критерии отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам).

Перечень моногородов утвержден Постановлением Правительства РФ от 29.07.2014 № 1398-р «Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов)»,

В настоящее время четкого определения термина «моногород» не существует. В отечественной практике к этому понятию близок термин «город-завод», что предполагает существование теснейшей связи между функционированием городского поселения и предприятием, достаточно крупным, чтобы влиять на все основные аспекты жизни города – градообразующего предприятия⁴¹². В нормативной правовой базе закреплено только понятие градообразующего предприятия. Так, в соответствии со статьей 169 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» «к градообразующим организациям относятся юридические лица,

численность работников которых составляет не менее 25% численности работающего населения данного населенного пункта»⁴¹³.

Моногород – это муниципальное образование, в развитии которого определяющую роль играют градообразующие предприятия.

Роль градообразующих предприятий в российской промышленности особенно велика. Они обеспечивают большую часть сырьевых отраслей промышленности – прежде всего топливной промышленности и металлургии.

Особый статус монопрофильных населенных пунктов проявляется в особой подчиненности городских властей федеральному центру, его финансовой поддержке, а также в особых экономических условиях (предоставлении налоговых льгот, субсидий, реализации программ развития и др.) и режиме закрытости. Особый статус моногородов необходим для обеспечения обороноспособности страны, политики ядерного сдерживания и развития науки – в авиаракетостроении, биотехнологиях, химии, энергетике, ядерном комплексе, вооружении оказывают значительное влияние на развитие академической и прикладной науки в России и в становлении национальной инновационной системы.

В настоящее время каждый моногород характеризуется рядом проблем⁴¹⁴:

- прекращение работ по освоению новых месторождений природных ресурсов и обезлюживание территории в связи с оттоком трудоспособного населения. Нехватка квалифицированных специалистов является результатом оттока трудоспособного населения и «утечки умов». Отток населения из моногородов связан с кризисом производства градообразующего предприятия.

- кризис производства на российских градообразующих предприятиях, обусловленный низкой конкурентоспособностью продукции, износом оборудования, высокими издержками производства и др.

- узкая специализация делает развитие города зависимым от внешней среды и неустойчивым к неблагоприятным внешним воздействиям (падению цен и спроса на продукцию градообразующих предприятий, узость рынка труда в моногородах, принимающая затяжной характер безработица) вызывает затяжное тяжелейшее кризисное состояние экономики моногородов.

Как стимулировать устойчивое социально-экономическое, инновационное развитие и безопасный режим функционирования моногородов?

Во-первых, моногорода представляют собой менее инвестиционно привлекательную территорию для бизнеса. Поэтому диверсификация городской экономики, привлечение инвестиций, стимулирование занятости, обеспечение доступа к образованию, увеличение объемов государственной поддержки, совершенствование межбюджетных отношений и взаимодействие городских властей с руководством градообразующих предприятий и разработка правовой базы необходимы в первую очередь. Речь идет о финансовых ресурсах, юридическом обеспечении, правовых и финансовых гарантиях, стабильном законодательстве, достаточной инвестиционной привлекательности проектов, реализация которых позволит решить указанные проблемы.

Во-вторых, эффективность системы государственного регулирования социально-экономических процессов в моногородах обеспечит структурную перестройку экономики, развитие рыночной инфраструктуры, повышение инновационной активности во всех секторах экономики, развитие технологического потенциала, а также активизацию процессов привлечения инвестиций в приоритетные сектора экономики, оптимизацию распределения ограниченных федеральных ресурсов между приоритетными направлениями развития и формированию потенциала будущего развития.

В-третьих, эффективное планирование осуществления крупных инновационных мероприятий и принципиальной перестройки в большинстве сфер экономики, формирование партнерских отношений между государством и частным бизнесом, «вливание» финансовых средств, подкрепленных комплексом обеспечивающих мероприятий в научно-образовательной, социальной и инфраструктурной сфере, дадут ожидаемый результат и позволят направить финансовые ресурсы на финансовую поддержку проблемных предприятий и организаций.

Таким образом, в современных условиях роль государственного управления в обеспечении устойчивого социально-экономического развития моногородов существенно возрастает. Задачи управления усложняются, а сфера действия рычагов прямого управления суще-

ственно сужается. Перед органами управления всех уровней стоят задача эффективного использования открывающихся возможностей для прогрессивного развития моногородов и быстрой реакции на возникающие негативные явления.

В цифровой экономике имеет большое значение интеллектуальная составляющая, в частности, государственная поддержка науки и образования. Поэтому, по мнению автора, должна усиливаться целевая государственная поддержка исследований, связанных с национальными интересами и приоритетами (оборона, фундаментальная наука, образование, социальное развитие, конкурентные макротехнологии).

Целенаправленная государственная политика является движущей силой инновационных процессов на всех уровнях и во всех секторах национального хозяйства, экономическая активность государственных органов управления должна быть направлена на поддержку социально и стратегически значимых инновационно ориентированных национальных проектов и региональных программ, обеспечивающих решение национальных задач устойчивого социально-экономического развития.

Особенно важно обеспечить партнерские отношения между органами государственного управления и частным бизнесом, а также повысить социальную ответственность бизнеса и чиновничества, развивая институт государственно-частного партнерства в реализации перспективных проектов за счет развития рыночных механизмов. Объектами регулирования и управления со стороны органов управления становятся наиболее острые социально-экономические проекты диверсификации экономики моногородов за счет создания исключительных условий для развития малого и среднего предпринимательства, создания новых предприятий и новых рабочих мест.

Преобразование градообразующих предприятий с целью повышения эффективности производства и создания дополнительных рабочих мест за счет федеральных средств, а также собственных и привлеченных ресурсов регионов поможет модернизировать экономику всего региона, увеличить количество рабочих мест для молодых и квалифицированных специалистов.

Модернизация и диверсификация производства на градообразующих предприятиях моногородов не должна идти в отрыве от по-

вышения профессионального уровня персонала. Общеизвестным механизмом привлечения на предприятие высококвалифицированных кадров является заключение договоров о сотрудничестве с образовательными учреждениями региона. Такое взаимодействие позволяет предприятию преодолеть кадровый голод, а ВУЗ может предложить своим выпускникам гарантированное трудоустройство⁴¹⁵. Поскольку при проведении модернизации производства остро встает проблема занять тысячи людей, будет разумно инвестировать в различные образовательные программы по формированию предпринимательских навыков.

Кроме того, чтобы обеспечить технологическую модернизацию экономики и развитие социальной сферы, нужны высокие технологии управления. Требуется существенно повысить ответственность за принятие решений в социальной и экономической сфере, как законодательных, так и исполнительных органов, подготовить квалифицированных специалистов в области государственного и муниципального управления для решения приоритетных социальных и экономических проблем развития страны.

Магистерская программа «Магистр государственного образования и делового администрирования» кафедры управления и экономики ФГБОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА)» направлена на подготовку кадров для сферы управления, способных обеспечить организацию и эффективную деятельность органов государственной власти и местного самоуправления с учетом требований законодательства и использованием инновационных технологий принятия и реализации управленческих решений.

Программа рассчитана на государственных гражданских и муниципальных служащих, замещающих должности категории «руководители»; лиц, состоящих в кадровом резерве государственной гражданской либо муниципальной службы по ведущей, главной или высшей группам должностей; ключевых специалистов государственных органов, органов местного самоуправления и государственных корпораций.

Универсальность направления подготовки диктует особые требования к содержанию учебной программы, которая призвана обеспечить формирование компетенций в области:

- права государственного и муниципального управления;
- управления государственными и муниципальными финансами;
- управления проектами государственно-частного партнерства;
- формирования инновационной кадровой архитектуры в системе государственной и муниципальной службы;
- разработки стратегии пространственного развития территорий;
- эффективного управления мотивацией подчиненных и формирования деловых команд;
- личностного и профессионального развития.

Квалификация магистра государственного и муниципального управления – одна из наиболее востребованных как в сфере публичного управления, так и в сфере организации предпринимательства и деятельности политических партий и общественных объединений.

*Абакишина Н.А.,
советник юридического отдела Фонда поддержки ветеранов
боевых действий и участников вооруженных конфликтов,
аспирант кафедры экономической кибернетики
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»,
магистр уголовного права
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Уголовно-исполнительная система и человек: механизмы повышения эффективности трудовой адаптации осужденных в местах лишения свободы

Эффективность работы учреждений, исполняющих наказания, Донецкой Народной Республики зависит от степени трудовой занятости осужденных с учетом специфики задач производственного сектора. Трудовая адаптация осужденных представляет собой важный аспект в вопросах подготовки к освобождению осужденных, исполняющих наказание в виде лишения свободы.

В целом эффективность работы уголовно-исполнительной системы зависит от оптимального соотношения трудовых ресурсов осужденных и производственного потенциала Центров трудовой адаптации осужденных Государственной службы исполнения наказаний Донецкой Народной Республики (ЦТАО ГСИН МЮ ДНР).

Эффективность трудовой деятельности осужденных включает показатели производительности труда осужденных в виде увеличения показателя выработки и снижения показателя трудоемкости выпускаемой продукции в зависимости от квалификации и профессиональной подготовки осужденных, рационального использования производственных ресурсов и методов оптимизации затрат на оплату труда осужденных. Показатель выработки определяется как доля объема выпускаемой продукции, произведенной в единицу рабочего времени, необходимого для производства данной продукции либо как доля объема выпускаемой продукции, произведенной одним осужденным, задействованным в производственном процессе. Показатель трудоемкости определяется как доля затрат рабочего времени одного осужденного, задействованного в производственном процессе на производство единицы продукции либо как доля

затрат живого труда одного осужденного на производство единицы продукции⁴¹⁶.

Годовые показатели производительности труда ЦТАО ГСИН МЮ ДНР отражают соотношение годового объема производства продукции к годовой численности осужденных учреждений, исполняющих наказания. На основании показателей деятельности ЦТАО ГСИН МЮ ДНР за 2016, 2017 год рассчитаем в динамике плановые и фактические показатели производительности труда.

Рассчитаем плановую выработку осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок по формуле:

$$\text{ПлВр.} = \frac{\text{ПлVпр.}}{\text{ПлЧр.}} \quad (1)$$

где *ПлВр.* – плановая выработка осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок, тыс. руб.;

ПлVпр. – объем производства продукции по плану, тыс. руб.;

ПлЧр. – количество осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок, чел.

Рассчитаем плановую трудоемкость осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок по формуле:

$$\text{ПлТр.} = \frac{\text{ПлЧр.}}{\text{ПлVпр.}} \quad (2)$$

где *ПлТр.* – плановая трудоемкость осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок, чел./тыс. руб.

Рассчитаем фактическую выработку осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок по формуле:

$$\text{ФВр.} = \frac{\text{ФVпр.}}{\text{ФЧр.}} \quad (3)$$

где $\Phi Br.$ – фактическая выработка осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок, тыс. руб.;

$\Phi V_{пр.}$ – объем производства продукции по факту, тыс. руб.;

$\Phi Чр.$ – количество трудоустроенных осужденных в ЦТАО ГСИН МЮ ДНР, чел.

Рассчитаем фактическую трудоемкость осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок по формуле:

$$\Phi Tr. = \frac{\Phi Чр.}{\Phi V_{пр.}} \quad (4)$$

где $\Phi Tr.$ – фактическая трудоемкость осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок, чел./тыс. руб.

На основании показателей деятельности ЦТАО ГСИН МЮ ДНР за 2016, 2017 год рассчитаем и проанализируем темп роста, темп прироста плановых и фактических показателей производительности труда.

Рассчитаем темп роста плановой выработки осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок по формуле:

$$TR_{ПлВр.} = \frac{ПлВр_{.2017}}{ПлВр_{.2016}} \times 100 \quad (5)$$

где $TR_{ПлВр.}$ – темп роста плановой выработки осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок, %;

$ПлВр_{.2017}$ – плановая выработка осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок на 01.01.2017, тыс. руб.;

$ПлВр_{.2016}$ – плановая выработка осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок на 01.01.2018, тыс. руб.

Рассчитаем темп прироста плановой выработки осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок по формуле:

$$ТПРПлВр = \frac{(\text{ПлВр}_{.2017} - \text{ПлВр}_{.2016})}{\text{ПлВр}_{.2016}} \times 100 \quad (6)$$

где *ТПРПлВр* – темп прироста плановой выработки осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок, %.

Рассчитаем темп роста плановой трудоемкости осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок по формуле:

$$ТРПлТр = \frac{\text{ПлТр}_{.2017}}{\text{ПлТр}_{.2016}} \times 100 \quad (7)$$

где *ТРПлТр* – темп роста плановой трудоемкости осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок, %;

ПлТр_{.2016} – плановая трудоемкость осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок на 01.01.2017, чел./тыс. руб.;

ПлТр_{.2017} – плановая трудоемкость осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок на 01.01.2018, чел./тыс. руб.

Рассчитаем темп прироста плановой трудоемкости осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок по формуле:

$$ТПРПлТр = \frac{(\text{ПлТр}_{.2017} \cdot \text{ПлТр}_{.2016})}{\text{ПлТр}_{.2016}} \times 100 \quad (8)$$

где *ТПРПлТр* – темп прироста плановой трудоемкости осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок, %.

Рассчитаем темп роста фактической выработки осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок по формуле:

$$ТРФВр = \frac{\text{ФВр}_{.2017}}{\text{ФВр}_{.2016}} \times 100 \quad (9)$$

где $ТРФВр$ – темп роста фактической выработки осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок,%;

$ФВр_{.2016}$ – фактическая выработка осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок на 01.01.2017, тыс. руб.;

$ФВр_{.2017}$ – фактическая выработка осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок на 01.01.2018, тыс. руб.

Рассчитаем темп прироста фактической выработки осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок по формуле:

$$ТПРФВр = \frac{(ФВр_{.2017} - ФВр_{.2016})}{ФВр_{.2016}} \times 100 \quad (10)$$

где $ТПРФВр$ – темп прироста фактической выработки осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок,%.

Рассчитаем темп роста фактической трудоемкости осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок по формуле:

$$ТРФТр = \frac{ФТр_{.2017}}{ФТр_{.2016}} \times 100 \quad (11)$$

где $ТРФТр$ – темп роста фактической трудоемкости осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок,%;

$ФТр_{.2016}$ – фактическая трудоемкость осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок на 01.01.2017, чел./тыс. руб.;

$ФТр_{.2017}$ – фактическая трудоемкость осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок на 01.01.2018, чел./тыс. руб.

Рассчитаем темп прироста фактической трудоемкости осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок по формуле:

$$ТПРФТр = \frac{(ФТр_{.2017} - ФТр_{.2016})}{ФТр_{.2016}} \times 100 \quad (12)$$

где $ТПРФТр$ – темп прироста фактической трудоемкости осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок,%.

Рассчитаем среднеплановую выработку осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок за 2016, 2017 год по формуле:

$$\text{СрПлВр}_{.2016/2017} = \frac{(\text{ПлВр}_{.2016} + \text{ПлВр}_{.2017})}{2} \quad (13)$$

где $\text{СрПлВр}_{.2016/2017}$ – среднеплановая выработка осужденных, которых планировалось привлечь для производства согласно разнарядок за 2016, 2017 год, тыс. руб.;

$\text{ПлВр}_{.2016}$ – плановая выработка осужденных, которых планировалось привлечь для производства согласно разнарядок на 01.01.2017, тыс. руб.;

$\text{ПлВр}_{.2017}$ – плановая выработка осужденных, которых планировалось привлечь для производства согласно разнарядок на 01.01.2018, тыс. руб.

Рассчитаем среднеплановую трудоемкость осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок за 2016, 2017 год по формуле:

$$\text{СрПлТр}_{.2016/2017} = \frac{(\text{ПлТр}_{.2016} + \text{ПлТр}_{.2017})}{2} \quad (14)$$

где $\text{СрПлТр}_{.2016/2017}$ – среднеплановая трудоемкость осужденных, которых планировалось привлечь для производства согласно разнарядок за 2016, 2017 год, чел./тыс. руб.;

$\text{ПлТр}_{.2016}$ – плановая трудоемкость осужденных, которых планировалось привлечь для производства согласно разнарядок на 01.01.2017, чел./тыс. руб.;

$\text{ПлТр}_{.2017}$ – плановая трудоемкость осужденных, которых планировалось привлечь для производства согласно разнарядок на 01.01.2018, чел./тыс. руб.

Рассчитаем среднефактическую выработку осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок за 2016, 2017 год по формуле:

$$\text{СрФВр}_{.2016/2017} = \frac{(\text{ФВр}_{.2016} + \text{ФВр}_{.2017})}{2} \quad (15)$$

где $\text{СрФВр}_{.2016/2017}$ – среднефактическая выработка осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок за 2016, 2017 год, тыс. руб.;

$\Phi Вр_{.2016}$ – фактическая выработка осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок на 01.01.2017, тыс. руб.;

$\Phi Вр_{.2017}$ – фактическая выработка осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок на 01.01.2018, тыс. руб.

Далее рассчитаем среднефактическую трудоемкость осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок за 2016, 2017 год по формуле:

$$Ср\Phi Тр_{.2016/2017} = \frac{(\Phi Тр_{.2016} - \Phi Тр_{.2017})}{2} \quad (16)$$

где $Ср\Phi Тр_{.2016/2017}$ – среднефактическая трудоемкость осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок за 2016, 2017 год, чел./тыс. руб.;

$\Phi Тр_{.2016}$ – фактическая трудоемкость осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок на 01.01.2017, чел./тыс. руб.;

$\Phi Тр_{.2017}$ – фактическая трудоемкость осужденных, привлеченных для производства для производства согласно разнарядок на 01.01.2018, чел./тыс. руб.

С целью оптимизации организации труда осужденных, адаптации их к трудовой деятельности с учетом плановых производственных задач и производственно-технологического потенциала учреждений, исполняющих наказания, рассчитаем усредненные показатели производительности труда осужденных, планируемых привлечь для производства в будущем периоде в разрезе изучаемых объектов ЦТАО ГСИН МЮ ДНР, как критерий оптимизации показателей эффективности трудовой деятельности. Для этого рассчитаем усредненную выработку осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок за 2016, 2017 год по формуле:

$$УВр_{.} = \frac{(СрПлВр_{.2016/2017} + Ср\Phi Вр_{.2016/2017})}{2} \quad (17)$$

где $УВр_{.}$ – усредненная выработка осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок, тыс. руб.;

$СрПлВр_{.2016/2017}$ – среднеплановая выработка осужденных, которых планировалось привлечь для производства согласно разнарядок за 2016, 2017 год, тыс. руб.;

$СрФВр_{.2016/2017}$ – среднефактическая выработка осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок за 2016, 2017 год, тыс. руб.

Далее рассчитаем усредненную трудоемкость осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок за 2016, 2017 год по формуле:

$$У_{Тр.} = \frac{(СрПлТр_{.2016/2017} + СрФТр_{.2016/2017})}{2} \quad (18)$$

где $У_{Тр.}$ – усредненная трудоемкость осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок, чел./тыс. руб.;

$СрПлТр_{.2016/2017}$ – среднеплановая трудоемкость осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок за 2016, 2017 год, чел./тыс. руб.;

$СрФТр_{.2016/2017}$ – среднефактическая трудоемкость осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок за 2016, 2017 год, чел./тыс. руб.

На основе полученных усредненных показателей выработки и трудоемкости осужденных, планируемых привлечь для производства в будущем периоде, руководству ЦТАО ГСИН МЮ ДНР целесообразно планировать объем производства продукции в будущем периоде с учетом оптимизации расходования денежных средств, предназначенных на оплату труда осужденным. Для этого нами разработан оптимизационный инструментарий комплексной оценки результативности процесса трудовой адаптации осужденных. Рассчитаем корридор отклонений фактической производительности труда от плановой и найдем оптимальный коэффициент роста производительности труда в разрезе изучаемых объектов ЦТАО ГСИН МЮ ДНР.

Рассчитаем вначале коэффициент роста выработки за 2016 год по формуле:

$$КВр_{.2016} = \frac{ФВр_{.2016}}{ПлВр_{.2016}} \quad (19)$$

где $КВр_{.2016}$ - коэффициент роста выработки за 2016 год;

$\Phi Вр_{.2016}$ – фактическая выработка осужденных, привлеченных для производства согласно разрядок на 01.01.2017, тыс. руб.;

$ПлВр_{.2016}$ – плановая выработка осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разрядок на 01.01.2017, тыс. руб.

Рассчитаем коэффициент роста выработки за 2017 год по формуле:

$$КВр_{.2017} = \frac{\Phi Вр_{.2017}}{ПлВр_{.2017}} \quad (20)$$

где $КВр_{.2017}$ – коэффициент роста выработки за 2017 год;

$\Phi Вр_{.2017}$ – фактическая выработка осужденных, привлеченных для производства согласно разрядок на 01.01.2018, тыс. руб.;

$ПлВр_{.2017}$ – плановая выработка осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разрядок на 01.01.2018, тыс. руб.

Полученные коэффициенты роста выработки за 2016, 2017 год в совокупности представляют корридор отклонений фактической выработки от плановой.

Далее рассчитаем коэффициент снижения трудоемкости за 2016 год по формуле:

$$КТр_{.2016} = \frac{\Phi Тр_{.2016}}{ПлТр_{.2016}} \quad (21)$$

где $КТр_{.2016}$ – коэффициент снижения трудоемкости за 2016 год;

$\Phi Тр_{.2016}$ – фактическая трудоемкость осужденных, привлеченных для производства согласно разрядок на 01.01.2017, чел./тыс. руб.;

$ПлТр_{.2016}$ – плановая трудоемкость осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разрядок на 01.01.2017, чел./тыс. руб.

Рассчитаем коэффициент снижения трудоемкости за 2017 год по формуле:

$$КТр_{.2017} = \frac{\Phi Тр_{.2017}}{ПлТр_{.2017}} \quad (22)$$

где $КТр_{.2017}$ – коэффициент снижения трудоемкости за 2017 год;

ФТр.₂₀₁₇ – фактическая трудоемкость осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок на 01.01.2018, чел./тыс. руб.;

ПлТр.₂₀₁₇ – плановая трудоемкость осужденных, которых планировалось привлекать для производства согласно разнарядок на 01.01.2018, чел./тыс. руб.

Полученные коэффициенты снижения трудоемкости за 2016, 2017 год в совокупности представляют корридор отклонений фактической трудоемкости от плановой. Коэффициенты роста производительности труда за 2016, 2017 год в совокупности представляют корридор отклонений фактической производительности труда от плановой. Для разработки индивидуальных норм производительности труда рассчитаем оптимальный коэффициент роста производительности труда в разрезе изучаемых объектов. Для выбора оптимального коэффициента роста выработки в разрезе изучаемых объектов условно обозначим минимально-допустимый коэффициент роста выработки за 1. Далее сопоставим минимально-допустимый коэффициент роста выработки с коэффициентом роста выработки в разрезе изучаемых объектов за 2016, 2017 год и представим оптимальный коэффициент роста выработки, который будет в диапазоне не менее минимально-допустимого коэффициента роста выработки до наибольшего из значений коэффициента роста выработки из двух рассматриваемых периодов.

В тех ЦТАО ГСИН МЮ ДНР, где при сопоставлении минимально-допустимого коэффициента роста выработки с коэффициентом роста выработки в разрезе изучаемых объектов за 2016, 2017 год мы обнаружим значения больше 1, примем оптимальный коэффициент роста выработки за наибольший из значений коэффициента роста выработки из двух рассматриваемых периодов, норму выработки рассчитаем исходя из показателя усредненной выработки осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок по формуле:

$$\text{НорВр}_{(КВр. \geq 1)} = \text{ОКВр.} \times \text{УВр.} \quad (23)$$

где *НорВр*._(КВр. ≥ 1) - норма выработки, тыс. руб.;

ОКВр. – оптимальный коэффициента роста выработки;

УВр. – усредненная выработка осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок, тыс. руб.

В тех ЦТАО ГСИН МЮ ДНР, где при сопоставлении минимально-допустимого коэффициента роста выработки с коэффициентом роста выработки в разрезе изучаемых объектов за 2016, 2017 год мы обнаружим значения меньше 1, примем оптимальный коэффициент роста выработки за 1, норму выработки рассчитаем исходя из показателя усредненной выработки осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок, а также наибольшего из значений коэффициента роста выработки из двух рассматриваемых периодов по формуле:

$$\text{НорВр}_{(КВр. \leq 1)} = \frac{\text{ОКВр.} \times \text{УВр.}}{\text{КВр.}} \quad (24)$$

где *НорВр.*_(КВр. ≤1) - норма выработки, тыс. руб.;

ОКВр. – оптимальный коэффициент роста выработки;

УВр. – усредненная выработка осужденных, привлеченных для производства согласно разнарядок, тыс. руб.;

КВр. – наибольшее из значений коэффициента роста выработки из двух рассматриваемых периодов.

В случае если коэффициент роста выработки в разрезе изучаемых объектов за 2016, 2017 год меньше 1, то следовательно это означает, что фактическая производительность труда отстает от производительной силы труда на величину неиспользованных трудовых резервов. Рассчитаем нормативную трудоемкость исходя из показателя нормы выработки по формуле:

$$\text{НорТр.} = \frac{1}{\text{НорВр.}} \quad (25)$$

где *НорТр.* – нормативная трудоемкость чел./тыс. руб.

Индивидуальные нормы производительности труда в разрезе изучаемых объектов ЦТАО ГСИН МЮ ДНР представим в таблице 1.

*Таблица 1 –
Индивидуальные нормы производительности труда в разрезе изучаемых объектов ЦТАО ГСИН МЮ ДНР.*

Объект	Показатели ЦТАО ГСИН МЮ ДНР	Норма выработки НорВр	Нормативная трудоемкость НорТр.
C1	Волновахская ИК	37,25	0,0268
C2	Донецкая ИК	72,47	0,0138
C3	Енакиевская ИК	22,19	0,0114
C4	Ждановская ИК	70,05	0,0143
C5	Западная ИК	151,07	0,0058
C6	Калининская ИК	168,15	0,0018
C7	Кировская ИК	35,38	0,0283
C8	Киселевский ИЦ	4,72	0,1194
C9	Макеевская ИК	23,97	0,0417
C10	Мичуринская ИК	34,59	0,0289

C11	Никитовская ИК	14,27	0,0701
C12	Снежнянская ИК	51,34	0,0195
C13	Торезская ИК	61,87	0,0162

Разработанный нами механизм повышения эффективности трудовой адаптации осужденных в местах лишения свободы на основе алгоритма расчета нормирования труда послужит действенным механизмом построения эффективной системы организации труда осужденных и позволит увеличить объем выпускаемой продукции в ЦТАО ГСИН МЮ ДНР.

Чхутиашвили Н.В.

кандидат экономических наук, доцент,
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: leluna2014@gmail.com

Нормирование труда как фактор мотивации персонала

Аннотация: Основными задачами российских предприятий являются последовательное улучшение организации производства, снижение трудоемкости продукции (работ, услуг), усиление материальной заинтересованности работников в результате своего труда, повышение эффективности производства благодаря нормированию труда. Централизованная система организации нормирования труда целесообразна и в тех случаях, когда на предприятии недостаточно квалифицированных работников по организации и нормированию труда. Как фактор мотивации труда нормирование труда важно для изучения затрат рабочего времени наблюдением в ликвидации простоев оборудования и исполнителей, рационализации труда, в изучении и распространении передового опыта.

Ключевые слова: предприятие, работник, рационализация, мотивация, нормирование, труд, эффективность

В настоящее время необходимым условием социально-экономического развития общества является повышение эффективности экономики при одновременном усилении ее социальной направленности, наиболее полном учете интересов и потребностей человека во всех сферах его деятельности и в первую очередь – в сфере труда.

Экономическая ситуация, кризисные явления лишь усиливают потребность в нормировании. Минимизацию издержек включают абсолютно все предприятия, фирмы, организации, желающие не только остаться на плаву, но и подняться на новую ступень своего развития, используя все конкурентные преимущества, которые вдруг появляются у них в непростое время. Поэтому, расширение сферы прикладного нормирования труда демонстрирует не только отечественный, но и иностранный опыт, распространяющийся и на материальное производство, и на непромышленный сектор.

Многие специалисты считают целесообразным нормировать труд уже тогда, когда численность работающих небольшая, потому что

подвластная нормированию область почти безгранична, и пренебрегать им, особенно в ситуации нестабильности, просто нерационально.

В качестве одного из важнейших направлений реализации этих задач является нормативно-методическое и информационное обеспечение решения вопросов нормирования труда персонала предприятий (организаций) любой формы собственности и организационной структуры управления.

Нормы труда представляют большой интерес, так как позволяют планировать, учитывать, анализировать трудозатраты, являющиеся частью издержек производства.

Ранее учеными, специалистами и практиками были созданы:

- теория нормирования и организации труда, нормативная база по труду межотраслевого и отраслевого назначения;
- разработаны методические основы установления обоснованных норм трудовых затрат применительно ко всем категориям и группам работников;
- определены основные положения организации нормирования труда на различных уровнях управления;
- создана система контроля за состоянием нормирования труда (отчетность и пр.), планирования и финансирования разработки нормативных материалов и др.

Модель нормирования труда в целом направлена на выполнение и перевыполнение плановых заданий по производству продукции (оказанию услуг) заданного качества, а в конечном итоге на экономное использование рабочего времени. Организация работы по нормированию труда в большей степени имеет целью экономию трудовых затрат на производство продукции (оказание услуг), уменьшение затрат и издержек от неправильной организации работ (оказанию услуг). И поэтому, с переходом на новые условия хозяйствования работодатели и менеджеры стремятся увеличить доходы, используя резервы, связанные с совершенствованием организации и нормирования труда.

Практика свидетельствует о недооценке роли нормирования труда как элемента управления в интересах экономического, технического и социального развития любого предприятия, организации, эффективно влияющего, в частности, на снижение трудовых затрат

в структуре себестоимости продукции (услуги). Безусловно, есть причины и объективного характера, тормозящие решение проблемы. К их числу относятся: спад производства, рост инфляции, кризис неплатежей и задержки с выплатой заработной платы, рост открытой и скрытой безработицы, кризисы и пр. Все это, естественно, не способствует поиску резервов эффективности производства за счет таких важных факторов, как организация и нормирование труда.

Система нормирования труда – это совокупность стратегических мер по организации процесса нормирования труда на предприятии и управлению им. Чтобы нормирование труда было эффективным и позволило рационализировать использование ресурсов и сокращать издержки, в чем заинтересованы руководители так это в постоянном улучшении качественной оценки норм. Качественная норма – это норма обоснованная, прогрессивная, напряженная, учитывающая особенности рабочих мест и интенсивность трудовых процессов. Когда этим охвачено подавляющее большинство трудовых процессов и категорий персонала, а нормы разрабатываются и внедряются оперативно, пересматриваются своевременно только тогда и виден результат.

Как свидетельствует опыт ряда предприятий (организаций), без нормативного регулирования продолжительности рабочего времени, уровня напряженности норм труда, организации рационального использования рабочего времени, без снижения трудозатрат не могут решаться экономические и социальные задачи внутри предприятия.

Полная экономическая самостоятельность, характерная для современных условий развития экономики, предполагает в свою очередь самостоятельность в решении основных трудовых вопросов на уровне предприятия. Например, вопросы установления численности персонала, подбора и расстановки их в производственном процессе, выбора форм и систем оплаты труда и методов ее организации, расчета, внедрения и пересмотра норм трудовых затрат и других решений в области нормирования труда. Так как для работодателей, безусловно, важны точный учет и контроль издержек производства на трудовые ресурсы, а также повышение эффективности труда работников всех категорий, прежде всего, за счет максималь-

но рационального использования рабочего времени. Этого без нормирования труда не достигнуть.

В современных реалиях нормирование труда – это инструмент менеджмента, который способен и должен помочь стабильному развитию организации, все процессы в экономике взаимозависимы и взаимосвязаны. Значение экономического фактора только возрастает, так как собственники бизнеса желают получить максимум прибыли при минимуме затрат. Это заставляет их стремиться обходиться наименьшим штатом сотрудников, рационально использовать имеющиеся трудовые ресурсы, экономить рабочее время и любыми возможными способами устранять его потери, при этом ни в коем случае не должно ухудшиться качество выпускаемой продукции (оказываемых услуг).

Современные управленцы предпочитают грамотно регулировать численность: в штате останутся наиболее эффективные, ценные сотрудники, качественно выполняющие свои функции и ответственно подходящие к работе. Цена рабочей силы таких специалистов неизбежно будет расти на рынке, даже несмотря на сложную экономическую ситуацию.

Сами работники тоже нацелены использовать свое время наиболее эффективно, при этом им важно трудиться на безопасном производстве, в нормальных условиях и с приемлемой интенсивностью.

В итоге оказывается, что качественное, «правильное», обоснованное с научной позиции нормирование труда – это то, в чем в равной мере заинтересованы все стороны трудовых отношений.

В Главе «Нормирование труда» Трудового кодекса РФ регламентируются вопросы, отражающие участие работодателей и выборных профсоюзных органов в организации нормирования труда на предприятии (организации). Определение системы нормирования труда (ст. 159); разработка и применение локальных нормативных актов, предусматривающих введение, замену и пересмотр норм труда (ст. 162); обеспечение нормальных условий работы для выполнения норм выработки (ст. 163). Разработка и утверждение типовых норм труда согласно ст. 161 Главы 22 Трудового кодекса РФ определяется в порядке, установленном Правительством Российской Федерации.

На данный момент разрушена информационно-нормативная база по труду, система отчетности, учета и контроля по вопросам нормирования труда. Как правило, отсутствуют публикации по проблеме, в интернете также недостаточно сведений относительно вопросов нормирования и организации труда.

В настоящее время на государственном уровне в результате децентрализации управления в сфере труда потеряны функции по определению общих принципов и механизмов управления процессами труда, в том числе его организацией и нормированием. При этом до сих пор, не задействованы, какие-либо экономические, организационные и социальные рычаги, кроме установленного размера минимальной заработной платы, прожиточного минимума и коэффициентов соотношений при организации оплаты труда.

В стране отсутствует система организаций у научно-исследовательских и проектных институтов, других структурных подразделений, занимающихся разработкой проблем по организации и нормированию труда, оказанием консультативных услуг практическим работникам по труду. Приоритетными являются исследования проблем рынка труда, доходов и уровня жизни населения, социального страхования и охраны труда, социального партнерства.

НИИ труда Министерства труда РФ, имея достаточный опыт научной и методической работы в сфере труда, пытается возобновить фундаментальные и прикладные исследования по вопросам нормирования и организации труда в целях повышения его производительности, но в связи с недостатками финансирования выполнение работ по проблеме приостановлено.

Следует отметить отсутствие требований социальной защиты работников предприятия, в том числе при росте интенсивности труда, повышении уровня напряженности устанавливаемых норм трудовых затрат, что вызывает конфликты, текучесть кадров и т.п.

На основе анализа современного состояния проблемы нормирования труда и в целях обеспечения решения задач его совершенствования разработана Концепция государственной политики в сфере труда, в том числе организации нормирования. В качестве основных предложены следующие направления совершенствования организации нормирования труда: демократизация управления

нормированием труда, индивидуализация норм труда, социальное обоснование и регламентация вопросов нормирования труда при социальном партнерстве, совершенствование законодательной и нормативно правовой базы нормирования труда.

Таким образом, государство должно помочь в восстановлении сети научно-исследовательских структур по труду, нормативно-исследовательских, проектных и других организаций, способных заниматься решением рассматриваемой проблемы. Это важно в целях определения единых методических принципов измерения меры труда, проектирования норм и нормативов по труду, экономии рабочего времени, принципов организации нормирования труда.

Государство должно заняться кадровым обеспечением служб предприятий специалистами в области нормирования труда. В этой связи необходимо принять меры по подготовке кадров по труду и повышению квалификации специалистов, занятых организацией и нормированием труда.

Установление затрат труда на основе нормирования связывается с планированием, организацией и мотивацией труда, то есть именно с теми определяющими функциями, которые несет в себе управление предприятием. Адресность решения всех вопросов нормирования труда переносится на уровень предприятия, функция нормирования труда становится органической частью функций управления предприятием.

Рыночные условия хозяйствования предъявляют жесткие требования к наемному работнику, как с профессиональной точки зрения, так и в отношении его умения рационально использовать рабочее время. Это выражается в установлении таких норм, которые с точки зрения социальных факторов (обеспечения сохранения здоровья работников, повышения уровня содержательности и престижности труда, удовлетворенности им работника) приводят к чрезмерной интенсификации труда, повышению расходования жизненных сил наемного работника, что не может быть компенсировано никаким повышением заработной платы. Выполнение завышенных норм труда сопровождается огромным напряжением физических сил работника. Особенно такая тенденция характерна для частных предприятий.

Вот почему на предприятиях требуется создать условия для реализации нормами труда их основных функций, для решения методических вопросов нормирования труда, обеспечивающих их комплексное обоснование в зависимости от конкретных производственных условий, для создания комплексного программного обеспечения работ по разработке нормативов затрат труда и т.п.

Адресное установление норм конкретному работнику определяется в соответствии с возможным повышением уровня производительности его труда и по согласованию с работодателем в рамках трудового договора. Предложение об установлении индивидуальной нормы, предусматривающей увеличение задания, расширение фронта работ или совмещение функций, может исходить как от работника, так и от работодателя, что позволит реализовать экономическую заинтересованность обеих сторон соглашения: работника и работодателя.

Литература

1. Заказнов А. Регламентации в управлении персоналом // Менеджмент качества. 2009. № 2. С. 148–153.
2. Казаков М. Регламенты: их назначение // Управление развитием персонала. 2009. № 3. С. 47–58.
3. Чхутиашвили Н.В. Нормирование и регламентация труда на совместном предприятии // Аудит. 2016. № 12. С. 38–40.

ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРСТВО: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Рыбаков О.Ю.б

*доктор юридических наук, доктор философских наук,
профессор, заведующий кафедрой философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Социальное согласие и партнерство человека и государства

Социальное согласие и социальное партнерство весьма близкие, но не тождественные понятия. Социальное согласие в демократическом обществе раскрывается как система взаимной ответственности личности, общества и государства. В современных условиях актуализируется ценность социального согласия, партнерства и солидарности, отсутствие которых способно усиливать социальную напряженность, инициирование процессов дезинтеграции в обществе. По существу названные понятия, концептуализированные в учениях об общественном договоре, неотчуждаемых правах человека, социальной справедливости, получили свое звучание. Однако вновь приходится констатировать малозаметность их практического осуществления. Безусловно, положительным предстает отражение идей социального партнерства в трудовом праве и законодательстве. «Социальное партнерство в сфере труда (далее – социальное партнерство) – система взаимоотношений между работниками (представителями работников), работодателями (представителями работодателей), органами государственной власти, органами местного самоуправления, направленная на обеспечение согласования интересов работников и работодателей по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений» (Ст. 23 Трудового кодекса РФ).

В научных публикациях отмечается, что «объектом (предметом) социального партнерства являются социально-трудовые отношения между его субъектами и реализация согласованной социально-экономической политики, исходя из норм законодательства, оценок

уровня жизни и заработной платы в целом по Российской Федерации, в субъектах Российской Федерации, а также в районах, городах и организациях⁴¹⁷». Данное понимание социального партнерства весьма значимо, так как понятие «социальное партнерство» стало неотъемлемой смысловой частью отношений между работодателями и работниками.

Вместе с тем, в широком смысле социальное партнерство представляет собой систему взаимоотношений между человеком и государством, отражающей интеграцию потребностей и интересов различных субъектов общественных отношений. В качестве родовых субъектов выступает человек и государство: ориентация на идеи партнерства между ними обусловлено ходом исторического развития обществ и эволюции человека как социоприродного существа. Идеи социального партнерства и согласия не являются умозрительными. Они составляют одну из основ социальной целеполагающей деятельности человека и его жизненного мира. «Жизненный мир – это мир в его значимости для человека, он дает возможность согласовывать человеческий опыт, ибо соединяет исходные очевидности. Жизненный мир есть совокупность смыслов и значений, данных человеку непосредственно»⁴¹⁸. Социальное согласие и партнерство присутствует в бытии человека непосредственно, не только через систему представлений о справедливой организации социальной сферы, отражаясь не как отвлеченные и теоретизированные схемы-представления о том, каким образом должна быть устроена жизнь человека и его сообществ, а как реально действующий механизм, влияющий на социальное благополучие человека, его правовую защищенность.

Социальное партнерство как понятие и социальный феномен базируется на понятии социального согласия. Социальное согласие – это качество взаимодействия между социальными субъектами, выражающееся как единство на политическом уровне, согласованность на социальном уровне, ответственность на правовом уровне.

Реализация социального согласия зависит от экономических, нравственных, культурно-исторических особенностей развития конкретного социума и степени развития демократических начал в конкретном государстве. В любом случае речь идет о наличии или отсутствии у носителей власти ориентации на стабильность, урав-

новешенность, компромисс в вопросах осуществления управления государством и обществом. Идеи социальной солидарности и согласия известны человечеству. Они выражались на протяжении всей его истории как поиск оптимальной формы правления умеренности в решениях и действиях правителей и послушания подданных. Эволюция представлений о праве, государстве, обязанностях и правах народа и правителей, находили практическое воплощение в мирных и немирных способах их установления. Революции, гражданские войны, масштабные государственные реформы отражают поиск справедливо устроенных взаимоотношений человека и государства, попытки установления социального согласия.

Идеи социального согласия и партнерства основаны на определенных ценностях, свойственны конкретному социуму. Констатируя наличие ценностного базиса как условия общественных преобразований, отметим, что и в современных условиях, конца второго десятилетия XXI века меняется расстановка сил межгосударственного влияния, волны экономической глобализации сменились экономическим противостоянием, введением санкций и контрсанкций на уровне государственного взаимодействия. В некоторых случаях стираются традиционные социальные устои, террористическая угроза вносит новые акценты в политику отдельных государств. Но центром всех теоретических конструкций по-прежнему остается вопрос о гармоничном взаимодействии общества и человека, социальном согласии.

Социальное согласие отражает уровень и качество социальной жизни, которые имеют не только правовые характеристики. Развитие права может способствовать повышению и укреплению социального согласия. Однако только право вне экономических механизмов, политического влияния, психологической поддержки общества не решит эту задачу. Согласие в обществе базируется на обоснованном выборе тех, кому оно необходимо. Демократия предполагает сознательный рациональный и аксиологически обоснованный выбор индивидов, для которого недостаточно лишь привычки и традиции, а необходима реализация совокупности прав и свобод, гарантий их осуществления. Реализация прав и свобод предполагает определенное качество правовой и гражданской культуры, умение распоряжаться своим правами не в ущерб другим

участникам общественных отношений. Культура общественного и личного взаимодействия предстает одним из условий воплощения социального согласия и партнерства в действительности. Диалогичность, основанная на культуре, выступает не только формой, но и отражает содержание возможной конфликтности, в отдельных случаях и социальной напряженности, существо и в сфере коммуникаций. Как отмечается в научных публикациях, «общество, в котором свобода слова стала осознаваться как одна из высших ценностей, пришло к пониманию того, что владение родным языком, умение общаться, вести гармоничный диалог и добиваться успеха в процессе коммуникации – важные составляющие профессиональных умений в различных сферах деятельности»⁴¹⁹.

«Социальное согласие» как понятие позволяет различать его различные воплощения, формы выражения в жизни общества, его различных сфер. Исходя из нашего понимания социального согласия, дифференцируем его как *единство*, выраженное на политическом уровне, как *согласованность* на социальном уровне, как *ответственность* на правовом уровне.

Понимание социального согласия как единства апеллирует к устройству и целям осуществления публичной власти как фактора консолидации общества. Вопросы единства права и управления, общественной толерантности и сознания взаимосвязаны. Единство, обеспечиваемое с помощью устойчивых механизмов функционирования государства одновременно и как условие его сохранения, развития.

Социальное согласие, проявляется как согласованность на социальном уровне как определенное состояние социальной системы, отражающее ее целостность и как состояние общественного сознания. Состояние общества, характеризующееся низкой или минимизированной степенью конфликтности, достигается различными способами. Большое значение имеет опора на исторически сформированные способы преодоления социальной конфликтности, напряжения в обществе. Как отмечается в научной литературе, «традиционная национальная культура, национальный характер и менталитет обладают высокой устойчивостью, тогда как социальные институты в классическом их понимании, напротив, законодательно

утверждают нормы и правила, наиболее соответствующие реалиям данного, скажем бытийного, пространства нации»⁴²⁰.

Медиация стала одной из форм регулирования конфликтных ситуаций. Медиативные институты могут быть различны и более того, в современных условиях они должны и могут быть созданы превентивно, для того, чтобы конфликт как потенциально опасная форма достижения интересов и реализации потребностей не получил негативного последствия.

Социальное согласие реализуется как *ответственность* на правовом уровне через систему взаимного долженствования, совокупности прав и обязанностей, их обязательного корреспондирования. Именно такое соотношение может гарантировать социальное действие правовых механизмов обеспечения ответственности. Публичные правовые отношения консолидируют единство прав и обязанностей, создавая пространство отношений свободы и ответственности. Уровни социального согласия взаимосвязаны и составляют общую характеристику общественных отношений и связей, характеризующихся соблюдением исторически сложившихся ценностных оснований, устойчивостью, стабильностью, отсутствием явных негативных тенденций и стагнационных процессов и предполагающих как реализацию прав и свобод человека, так и его ответственность.

*Артемов В.М.,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)»*

Очеловечивание права как проблема

Являясь исторически сложившимся государственным институтом для поддержания внешнего порядка в отношениях между гражданами, а также – ими и государством (налоги, воинские и иные обязанности и т.п.) под угрозой наказания, право внутренне нуждается в нравственном, то есть, по существу, человеческом измерении. Ведь сама по себе указанная угроза хотя и выступает в качестве весьма эффективного средства в плане разрешения каких-то проблемных ситуаций уголовного или гражданского типа, но не может быть достаточно прочным связующим материалом искомого порядка.

Налицо лишь негативная ответственность, когда какое-либо противоправное действие или преступление влекут за собой соответствующие последствия с точки зрения действующего законодательства. Если ограничиться лишь ею, вырисовывается очень однобокая и весьма уродливая картина социального бытия, где виден и выпячивается, условно говоря, только негатив. Но человек и общество, создавшие право, не могут обходиться только последним. Всегда нужны некое позитивно-утверждающее содержание, нравственно оправданные и разумные цели, приближающие к высокому социальному идеалу, стержнем которого выступает человеческое в человеке. Отсюда и проблемная по существу задача своеобразного очеловечивания права.

В любом случае человек и общество нуждаются в том, чтобы ситуация дальнейшего расчеловечивания действующего права, особенно в связи с цифровизацией и наступающим корпоративным напором, была преодолена. Этому способствует знание истории и теории проблемы соотношения нравственности и права. Первая первична не только исторически, но и логически. Ведь сила права не столько в законодательстве и самих по себе инструментах принуждения, сколько в потенциале нравственных чувств, идей и представлений о справедливости. В свою очередь, сила нравственности

не столько в декларируемых запретах и назидательных советах, сколько в глубинном добром чувстве, понимании значимости взаимопомощи и нравственной ответственности, которые воспитываются на должных примерах.

Имеются глубинные общие корни нравственности и права как важнейших социокультурных феноменов и мощных институтов стабильности в обществе. Нравственность по природе своей спасительна везде и всюду, ее не может быть много. Этого не скажешь о праве, тем более, когда имеется перехлест сугубо формального, а не содержательного применительно к потребностям и запросам человека, урегулированию отношений между людьми, группами и институтами.

Важно иметь в виду реальный социокультурный фон и ценностные предпочтения, которые должны формироваться и позиционироваться, прежде всего, в образовании. Разумеется, на поле нравственности начинать нужно с себя (М.М. Бахтин, А.А. Гусейнов и др.), но здесь ничего не происходит автоматически. Исходя из свободы воли и выбора, важно воспитывать чувства добра, ответственности, справедливости и т.п., способствовать углубленному пониманию этих спасительных и одновременно способствующих развитию и совершенствованию феноменов. Думается, в этом как раз и заключается наша преподавательская миссия. Разумеется, желательна гармония личностного и социального, но, если последнее, условно говоря, не дотягивает до идеала в действительности, то важно инициировать какие-то шаги и действия в сторону должного, даже когда не все готовы соглашаться с ними. Здесь-то как раз и нужно начинать с себя, может быть, даже идя наперекор привычному и для кого-то удобному. В случае сопротивления важно что-то реально делать не столько в плане критики каких-то недостатков, сколько в позитивно-утверждающем ключе. Идеал требует усилий каждого, особенно на профессиональном уровне.

Вообще, профессионализм выступает своеобразной вершиной личностного бытия, органично связанного с потребностями и интересами общества. В этом смысле он выступает квинтэссенцией нравственности. Ведь последняя как раз предполагает сохранение, развитие и совершенствование целого. Полезное конструктивное дело, которое совершается так, как должно, способствует реализа-

ции такой парадигмы. Здесь не скроешься просто за кресло или должность, нужны не только максимум знаний, умений, сугубо профессиональных навыков, но и достаточно высокие нравственные качества (соответствующие мотивы, понимание различий между добром и злом, справедливостью и несправедливостью и т.п.) и, как следствие, – максимальная отдача профессиональному сообществу и обществу в целом. Только в таком случае можно говорить о том, что человек как специалист на своем месте, что он востребован и вправе требовать, но, разумеется, без крайностей самолюбования и требования почета от других.

Главное здесь – это мотивация совершения, условно говоря, некоего общего дела, нужного как раз для сохранения и совершенствования целого, то есть общества как системы, опирающейся, прежде всего, именно на человеческий потенциал. Именно в этом, кстати, причина Великой Победы, когда в целом совпали государственная идеология защиты страны в сложнейших условиях и строжайшей дисциплины с чисто человеческой мотивацией спасения жизни от насильников и извергов, восстановления справедливости и освобождения от нечисти для нормальной и созидательной деятельности на своей территории. Такая гармония, когда она воплощалась в профессионализме тружеников на фронте и в тылу, несла в себе мощный нравственный, ни с чем не сравнимый творческий и спасительный заряд добра, способный преодолеть любое зло. Если проводить какие-то исторические аналогии, то нынешнее сопротивление ДНР и ЛНР сродни тому, что делали наши отцы и деды перед лицом физического и духовно-идеологического порабощения. Профессия шахтера, кстати, условно говоря, заточена на разрушение черных пластов при помощи несложных орудий и механизмов. Решающую роль играют собственные (а также коллектива) сила и воля, преодоление сковывающего страха перед всегда присутствующими опасностями для здоровья и даже жизни. Когда это получается, – ничто не может остановить честных и гордых тружеников.

В общем, подобные ситуации требуют от людей абсолютной отдачи, четкой организованности и высокого профессионализма, которые сами по себе приобретают морально-нравственную силу живого примера. Парадокс заключается в том, что политико-правовые

структуры соседнего современного государства, повернутые в узко идеологическом (читай националистическом) ключе, не считаются с самими людьми, осмелившимся быть самими собой, отстаивать исторически сложившиеся, по существу, общечеловеческие ценности и идеалы.

Применительно же к специалистам-гуманитариям нужна подлинная, а не мнимая мудрость. В современных условиях востребована, не однобокая, условно говоря, «любительская» (по интересам), а настоящая, условно говоря, «хорошая» философия. Она нужна, прежде всего, самим философам, тем более, если они в какой-то мере причастны к управлению людьми, пусть даже и на студенческом уровне (обучение, воспитание, научное руководство). С профессиональной точки зрения нельзя допускать какие-то однобокие крайности, к примеру, – позиции крайнего идеализма-трансцендентализма или вульгарного материализма. Протаскивание их в учебный процесс может негативно сказаться на исполнении функций в будущей профессии. Так, судья, верящий в какие-то априорные принципы без их соотнесения с самой действительностью вряд ли сможет восстановить справедливость и т.п. Он просто будет гнуть свою линию, выдавая желаемое (или не желаемое для общества и культуры) за действительное. Подлинная философия и этика по своей сути заточены на преодоление разного рода крайностей. А вот если за преподавание этико-философских разделов и тем берутся те, кто к ним практически равнодушен или не знает их в должной мере, это губительно сказывается на результатах в смысле готовности к будущей профессии в теоретико-методологическом, мировоззренческом, аксиологическом отношениях. В любом случае философия как любовь к мудрости и глубокая теоретическая дисциплина о человеке, обществе и мышлении должна присутствовать на университетском поле. Особенно востребована сегодня ее вершинная часть – этика.

В силу разного рода причин, включая специфический узко корпоративный нигилизм, а то и эгоизм, происходит постепенное вытеснение из научно-образовательного пространства всего действительно серьезного и глубокого. Зачастую предпочтение отдается поверхностным и непроверенным, но якобы удобным методикам, заточенным на небезызвестный ЕГЭ или примитивное тестирова-

ние. Понятно, что все это не может работать сколько-нибудь основательно и долговременно, особенно когда цифра становится самоцелью. Получается, что спасение для культуры, а значит для человека и общества в целом, – за ответственными людьми, подлинными профессионалами, которые никогда не могут быть заменены роботами, машинами или какими-нибудь иными технологиями. Последние являются человеческими изобретениями и призваны служить людям в качестве удобных инструментов.

Одним из препятствий на достаточно сложном пути своеобразного очеловечивания права является минимизация или даже исчезновение в юридическом университете дисциплины «профессиональная этика» на уровне подготовки бакалавров. Чуть раньше исчез курс "Нравственность и право", который достаточно долго и успешно читался в магистратуре. Таким образом, своеобразная интрига заключается в том, что в целом успешная научная и организационная работа в направлении усиления нравственно-философского измерения права (так, в течение 18 лет на базе кафедры философии и социологии активно функционирует философско-правовой клуб «Нравственное измерение права»: регулярные заседания; множество конференций различного уровня, включая международный; шесть весомых и содержательных сборников научных работ, широкие внешние контакты с научно-образовательными центрами, такими как, например, Институт философии РАН, МГУ имени М.В. Ломоносова и т.п.) в планировании учебного процесса не только не сопровождается соответствующим этико-философским усилением, но очевиден явный откат назад в смысле сокращения самой возможности вести этическую дисциплину. В большинстве Институтів университетская дисциплина "Профессиональная этика" по какому-то совершенно не понятным для нас причинам вдруг была присоединена к "Введению в специальность». И это в условиях, когда налицо явный дефицит нравственности в обществе в целом и праве, в частности. Ведь очевиден социокультурный запрос на разумное, доброе, а значит и вечное в самом широком контексте социального бытия.

Да и разделение наук не только никто не отменял, но оно лишь усиливается. Каждый должен заниматься своим делом, включая философов-этиков, которые по определению призваны курировать

профессиональную этику как раздел общей философской этики. Именно кафедра философии и социологии должна отвечать за это направление, обеспечивать теоретико-методологическую базу, мировоззренческую и ценностную ориентацию обучающихся. Последних, кстати, наша дисциплина очень интересуется, когда они ее осваивают под руководством профессионала. Речь идет о последовательном рассмотрении истории этических учений, раскрытии содержания основных этических категорий и ценностей, системном анализе проблем прикладной и профессиональной этики.

Именно в профессионально-прикладном русле нами, в частности, был инициирован и 12 ноября 2019 года в зале Ученого совета Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) проведен круглый стол "Профессиональная этика и нравственная философия: сближение в парадигме очеловечивания права". Традиционно на призыв Клуба под моим руководством на базе кафедры философии и социологии, откликнулись не только ведущие университетские юридические кафедры (ТПП, Конституционного и муниципального права, предпринимательского права, финансового права и др.), но и ряд указанных выше и не только научно-образовательных центров Москвы и России (всего, к примеру, в программе оказалось 45 человек, из них 1 академик, три проректора, 23 доктора, 18 кандидатов наук и магистров). Причем еще до этого 28 октября 2019 г. состоялась своего рода проба сил на студенческом уровне: 32 заявки на выступления (успели выступить 12) из трех институтов (Ин-т прокуратуры, ИППУ, ИСЭ) от студентов первого, второго и четвертого курсов. А 02 декабря 2019 г. проводится третья, заключительная часть столь мощного научного мероприятия, практически объединенного одной темой: прозвучат новые выступления (12), в том числе и со стороны преподавателей, пройдет «разбор полетов», обсуждение хода и перспектив реализации стратегии усиления нравственности в праве и этизации юридического образования.

Итак, заявленная еще в преддверии круглого стола тема (авторский доклад был заблаговременно отправлен для ознакомления потенциальным участникам научного мероприятия с элементами симпозиума) вызвала живой и широкий интерес как в научно-образовательной, так и молодежной среде. Оказывается, этика, включая ее профессиональную часть, очень нужна. Ею активно ин-

тересуются и изучают, понимая, что она представляет коренные духовно-нравственные потребности и запросы общества в целом. Важно убедить в этом тех, от кого во многом зависит решение проблемы.

Оптимистично смотря в будущее, максимально конкретизируя предмет разговора, в том числе имея в виду учебно-методические подробности (например, разделение дисциплины на модули, когда философы-этики могли бы вести хотя бы историю этических учений, содержание категорий и ценностей, актуальные прикладные проблемы этики) хочется инициировать новый проект. Это может быть межпредметный методологический семинар «Нравственная философия как основа профессиональная этики в праве». В этом деле не может быть равнодушных, ибо под угрозой само наше будущее.

*Пржиленский В.И.,
доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е.Кутафина (МГЮА)*

Философия фацзя в контексте современности

Н.Я. Мандельштам писала в своих мемуарах о том, что российское государство имеет своим истоком своеобразие русского народа. «Для меня всегда было загадкой, почему этот волевой, энергичный, во многом жестокий народ, вольнолюбивый, музыкальный, своеобразный и дружный, не создал своей государственности, в то время как добрый, рассеянный на огромных пространствах, по-своему антисоциальный русский народ выработал невероятные и действенные формы государственности, всегда по сути своей одинаковые – от московской Руси до нынешнего дня»⁴²¹. Повесть Ивана Пересветова «Сказание о Магмете Салтане». Том самом, которое упоминал Островский в своей «Грозе», как о книге, повлиявшей на народное сознание и в гротескной форме, представленной в речи Феклуши. Можно с полным основанием считать эту книгу учебником по философии права, господствовавшим в интеллектуальном пространстве «непрогрессивной» России еще в XIX веке. В этом тексте, чье авторство некоторые исследователи готовы приписать самому Ивану Грозному, дан идеал справедливого государства, что позволяет отнести этот памятник к утопическому жанру. Можно сказать, что в тексте «Сказания» нарисован образ идеального русского царя и, одновременно, идеального русского государства.

Мифический, а не исторический турецкий султан творит в пространстве литературного произведения справедливость, внушая страх своим подчиненным и заставляя их быть праведными судьями. «Послал он, – пишет Пересветов о турецком владыке, – потом городам своих правдивых судей, пригрозив им своим царским гневом, и выдал им книги судебные, чтобы по ним могли они оправдывать и обвинять. И учредил он суд в каждом городе в особой палате и без пошлин, и послал в каждый город свой и во все царство свое пашей, и кадиев, и шубушей, и аминов, то есть судей царских для каждого города. А воинов своих повелел судить с большой строгостью и карать смертной казнью, а пошлин не взимать для того,

чтобы не искушать судей несправедливо судить. А судить воинов должны были паши, у кого сколько в полку воинства, тот его и судит, поскольку он свое войско знает. А судят они правдиво под страхом великой грозы царской, без пошлин и без взяток, и приговор их приводят в исполнение не откладывая»⁴²². Типичная утопия, где подробному описанию деталей отводится важная роль. Еще бы – любая утопия должна быть максимально достоверной, убедительной и привлекательной одновременно.

И. Пересветов сегодня более известен тем, что спустя тысячелетие после написания Бл. Августином «О граде Божьем» и полтысячелетия после «Слова о Законе и Благодати» он возвращается к историософии. В его произведениях легко обнаруживается центральная мысль, из которой выводится теория справедливости, но столь же правомерно назвать ее теорией наказания или, как называет ее А.В. Каравашкин, теорией казней Божиих. «Важнейшей частью пересветовского учения являлась теория казней Божиих. Более того, нетрудно заметить, что каждый раз, когда Пересветов говорит о «правде», он неизменно напоминает своим читателям, что за незаконные дела люди наказываются Богом уже при жизни. Вся пересветовская публицистика напоминает человеку о его высоких обязанностях, чтобы по мере сил предотвратить «отмщение», следствием которого может стать гибель всего Московского государства»⁴²³.

Действительно, все творчество И. Пересветова является проведением в жизнь мысли о том, что хорошее общество – это общество, умеющее хорошо наказывать. Из-за неумения наказывать и погибла, по его мнению, Византия. Не раз и не два он упоминает о неправедных судах и лукавых судьях, видя в отсутствии системы действительных наказаний главную причину падения Константинополя. То есть, наказание пришло самому обществу, не умеющему наказывать и пришло оно уже извне – от самого Бога. Если Августин полагает главной причиной падения Первого Рима отказ от христианских заповедей, то есть отказ от доброты, то И. Пересветов считает, что неумение наказывать становится грехом в глазах Господа.

Конечно же написано «Слово» как будто в поддержку политики, которую проводили московские цари, позднее российские императоры и коммунистические вожди. О реакции общества на это сочи-

нение можно сказать только то, что была книга сия достаточно популярна. И ложилось на социальный опыт пребывания в рамках Золотой Орды – государства, возникшего на землях восточной части Европы и крайнего запада Азии. Почему же золотоордынский опыт государственного строительства сегодня расценивается как исключительно негативный, примитивный и не заслуживающий внимания? Почему никто не рассматривает возможность влияния на этот опыт философских систем Китая, в частности философии легистов (Фа-Цзя). Разве Темуджин еще до того, как он был удостоен титула Великого Хана, не был офицером китайской императорской армии? Разве потом, уже находясь в статусе хана всех ханов, не собирал он вокруг себя монахов-философов и чиновников-мандаринов со всей Поднебесной для того, чтобы устроить свое государство еще лучше, чем были устроены завоеванные им царства? Разве нельзя все или почти все его управленческие инновации квалифицировать как распространение на кочевников опыта построения китайской армии? И, наконец, разве не вошел построенный спустя столетия русскими коммунизм «как нож в масло» в китайское общество и не стал его органической частью?

На все эти вопросы может быть только один ответ – социальный архетип русских и китайцев если и не идентичен, то, по крайней мере, удивительно близок. В его основе лежит все та же теория наказаний, сформулированная еще до нашей эры китайскими философами, отнесенными к школе фацзя. «Хань Фэй-цзы предлагал меньше поощрять и строже наказывать. Единство государства и прочность власти правителя могут обеспечить законодательство, продуманная система наград и наказаний, система круговой поруки и всеобщей слежки. Эта идеология сыграла значительную роль в создании единого, централизованного государства Цинь. Особое значение легисты уделяли хозяйственной функции государства, его регулирующей роли в экономике, в поддержании цен на рынке и т.д. Для укрепления власти правителя они предлагали ввести государственную монополию на разработку естественных богатств и передачу доходов в государственную казну»⁴²⁴.

Действительно, всю историю Восточной Европы после Батыя можно описать как столкновение двух альтернативных типов государственности или как конкуренцию двух социальных технологий.

Условно их можно назвать западной и восточной социальными технологиями – первая родилась и сформировалась в Китае, тогда как вторая выросла и окрепла в Западной и Европе. Первая исследована и описана европейской наукой, представляет собой пример образцового социального самоописания. Вторая же рассматривалась и квалифицировалась в категориях девиации. Восточная Европа оказалась ареной столкновений, которые продолжаются и по сей день⁴²⁵.

Если согласиться с гипотезой о транзите китайской государственности, то можно взглянуть на многие явления истории России по-иному. Посмотрите на США, где возникновение государственности происходило вопреки надеждам метрополии, что не исключило несомненного наследования британского политического архетипа, который сегодня чаще называют англо-саксонским. Канада и Австралия, Великобритания и США находятся в разных частях света, но как они сходны в устройстве своей государственности. Пройдет еще немало времени, пока мы отследим все влияния британской государственности на политические практики Индии, некоторым среди которых еще предстоит проявиться или даже окончательно сформироваться.

Вот почему у современной России и современной Европы (+США, Австралия, Канада) разные способы нарушения правил, разные способы их имитации, разные представления о том, как согласовывать с принципами «беспринципные» действия. Легализация и публичная презентация политической конкуренции – еще не демократия, но сегодня европейские идеологи используют этот аргумент, особо подчеркивая вовлеченность широких народных масс в процесс назначения администраторов. В России возникла целая отрасль знания – политическая конспирология – одна из главных задач которой заключается в том, чтобы опровергнуть данный аргумент, показывая, что за законной властью администратора скрывается обезличенная власть богатейших семейств, финансистов, тайного правительства и т.п. Но этот аргумент сегодня представляется очень сильным.

Долгое время российские, а позднее советские историки утверждали, что влияние новых правителей на русское общество было разрушительным и абсолютно негативным, приведшим к его архаи-

зации и ставшее причиной отставания от Европы. Российские историки по-разному оценивали влияние монголов на складывающееся позднее государственное устройство, но отрицать сам факт этого влияния было очень трудно. Как отмечал Г.В. Вернадский, «когда русские познакомились с монгольским уголовным правом и монгольскими судами, они оказались готовыми принять некоторые модели монгольской юриспруденции. Даже Владимирский-Буданов, который в целом стремится минимизировать монгольское влияние на Русь, признает, что и смертная казнь (неизвестная «Русской Правде» – русскому своду законов киевского периода), и телесные наказания (в киевский период применявшиеся только к рабам) вошли в право Московии под монгольским влиянием»⁴²⁶.

Курс на вестернизацию российского общества от Петра до Екатерины и возобладавшие затем славянофильские идеи, характерные для советского периода, сформировали идеологию, сквозь призму которой трудно было заметить сколь-нибудь значительные следы влияния кочевых племен на культуру Руси или русскую ментальность. Лишь в позднесоветский период появились работы, показывающие влияние тюркоязычных народов на современную русскую культуру. Прежде всего это работы филолога О. Сулейменова⁴²⁷ и «неакадемического» историка Л.Н. Гумилева⁴²⁸, при жизни числившегося по ведомству географии, а после смерти определенного причисленного к вновь возникшей в России отрасли знания – культурологии. Но и они были далеки от того, чтобы искать следы быстро «исчезнувших» монголов, настаивая на близости Древней Руси и Великой Степи, представленных тюркоязычными этносами.

Между тем никем не оспаривается тот факт, что монголы фактически захватили китайское государство, мало изменив методы государственного управления, приставив к китайским чиновникам монгольских надсмотрщиков, оставив им сбор налогов, суды и иные вопросы, относящиеся к компетенции мандаринов. Да и опыт этот был совсем не уникален – за столетие до монголов китайское государство, вернее северная его часть была также покорена другим кочевым народом, называемом джурдженями. Позднее их именовали манчжурами и последние вернулись к правлению в Китае сразу же после ухода монголов, основав последнюю императорскую династию. Но те же монголы фактически захватили управление в систе-

ме китайского государства, усвоив ценности государственности. Как отмечает А.Ш. Кадырбаев, Хубилай «действительно завоевал империю, «сидя на коне», т.е. военным путем, но когда понадобилось управлять ею, оказался способным к эволюции и восприятию ценностей другой, столь отличной от монгольской, цивилизации, хотя и до известных пределов, исходя не из пиетета перед китайской культурой, а из прагматических соображений по наиболее эффективной эксплуатации Китая в интересах завоевателей»⁴²⁹.

Истоки и смысл российской государственности раскрываются в контексте того цивилизационного противопоставления, которое в равной мере объясняет различия в экономике и религии, науке и искусстве, государственном строительстве и организации частной жизни между Россией и Европой. Все попытки свести уникальность российских социальных практик и политико-правовых институтов к дихотомиям, вроде «демократия – деспотия», «власть права – власть силы», «правовое равенство – сословная иерархия» столь же неубедительны, сколь невозможны и сравнительные характеристики Востока и Запада как культурно-исторических типов, где рационализм противопоставляется мистицизму, а деятельное отношение к внешнему миру стремлению преобразовать себя, «подстроиться» под мир⁴³⁰.

Теория социального самоописания, возникшая на стыке социологии, социальной философии и теории систем трактует общество как систему, способную отличать создавать себя путем различения с окружающей средой посредством коммуникаций. Самоописание (аутопоэзис) может использовать как свой собственный, так и заимствованный язык, переименовывая при этом предметы и явления. Затем должен произойти процесс укоренения вынужденных заимствований в культуре и жизненном мире. В противном случае речь идет о наличии двух самоописаний, одно из которых превращается в сугубо техническое⁴³¹. Если институты возникают путем легитимации уже существующих социальных практик, то в их социальном описании будут присутствовать разнообразные контексты, связывающие «слова» и «вещи», то в случае переноса норм или правил наблюдается процесс их деконтекстуализации.

Таким образом, система управления проявила способность сохраняться и даже экспортироваться вместе с соответствующей филосо-

фией права, восходящей к фацзя. Потому то и не осталось следов монгольских, что принесенная ими технология власти и менеджмента, как и соответствующая идеология, позволяющая воспроизводить «микрофизику власти», была не монгольской, а всего лишь одним из полученных в результате завоевания трофеев. Этот то трофей и оказался предметом ввоза в другие покоренные страны, он же оказался жизнеспособным за счет удачных мутаций. А монголы оказались всего лишь «переносчиком» этой социально-управленческой технологии, сыгравшей столь важную роль в образовании российского государства и в его последующей эволюции. Об этом не следует забывать при прогнозировании развития отношений России и Европы, а также России и Китая.

Семенов В.Е.,
доктор философских наук,
профессор кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Антиэтатизм как ценностно-правовая основа взаимодействия общества и государства

Позволю себе начать статью с цитаты. Такой подход, быть может, нельзя считать вполне удовлетворительным, но зато в данном случае он дает возможность сразу же войти в курс дела и показать теоретическую и практическую опасность этатизма. Ибо в нижеприведенном высказывании коротко, ясно и зловеще раскрывается вся человеконенавистническая сущность этатизма. Я воспользуюсь цитатой из работы Г.Ф. Шершеневича «Общая теория права» (1912).

Вот что пишет о возможностях и правах государства известный этатист (легистский этатист): «неограниченность государственной власти означает возможность с ее стороны воздействия на волю подчиненных, насколько то физически допустимо», и что «государственной власти не могут быть установлены никакие границы ее деятельности»; более того, гипотетически всякая государственная власть может (имеет право!) «установить законом социалистический строй или восстановить крепостное право; издать акт о национализации всей земли; взять половину всех имеющихся у граждан средств; обратить всех живущих в стране иудеев в христианство; закрыть все церкви; отказаться от своих долговых обязательств; ввести всеобщее обязательное обучение или запретить всякое обучение, уничтожить брак и т.п.»⁴³².

Иначе говоря, согласно Шершеневичу, государство может абсолютно все, что ему заблагорассудится, ибо в своем принуждающем и насильственном праве оно ничем не ограничено, всесильно и неподконтрольно. Исторический опыт человечества, особенно в XX веке, и мысленный эксперимент позволят нам отчетливо понять, государство какого именно типа имел в виду Шершеневич.

Я же полагаю, что для торжества юстиции (= юридической справедливости) необходимо окончательно и бесповоротно встать на точку зрения теорий *естественного права* в их современной трактовке, отбросив тем самым бездушный и антигуманный этатист-

ский позитивизм. Как следствие такого шага, необходимо также строго разграничивать понятия «право» и «закон». Поскольку именно полное отождествление права и закона позволяет этатистам видеть в государстве некую самодовлеющую силу (едва ли не «Божественного происхождения»), которая способна (имеет право!) на все те безумные, бессмысленные и бесчеловечные действия, которые так хладнокровно описал Шершеневич. В чем именно заключается сущность позиции, которую мы называем этатизмом, или же легистским этатизмом?

С точки зрения философии права этатизм опирается на идеи всеобщности (тотальности), органического единства, неразделенности и, следовательно, несвободы и несправедливости, которые в практической сфере оборачиваются господством тоталитаризма в любой его форме. Как следствие, по мнению этатистов, государство имеет право (!) активно, беспрепятственно и бесцеремонно вмешиваться во все без исключения сферы жизни общества и контролировать все ее аспекты.

Этатизм как идеология тотального государственного вмешательства в социальную и даже индивидуальную (!) жизнь и такого же тотального контроля над всем и вся давным-давно переступил границы того смыслового определения, которое когда-то (еще во второй половине XIX в.) придал этому термину Ньюма Дроз, швейцарский политик и социальный мыслитель, считающийся автором термина «этатизм». И хотя Дроз говорил и писал прежде всего о балансе полномочий между центральной властью и кантонами, само понятие этатизма недвусмысленно указывало на более общую, даже глобальную проблему, а именно – на проблему взаимоотношений государства и общества, личности и государства. Но такая проблема возникла вовсе не в XIX в., а в момент возникновения самого государства. В том же времени коренятся и зачатки идеологии этатизма. В настоящее же время весь совокупный человеческий социальный опыт позволяет сделать однозначный и безвариантный вывод: идеология и практика этатизма всегда и везде приводит в итоге к тоталитаризму, будь то фашизм, национал-социализм или сталинизм.

Без всякого преувеличения можно сказать: поскольку этатизм утверждает не только генетическое первенство и легистский при-

ритет государства над обществом, то, в соответствии с этим, государство в своей деятельности ориентировано, прежде всего, на своеобразно понимаемый закон (= нелегитимный закон), который отождествляется с правом и служит только орудием господства самого государства над обществом. В результате этого возникают (в голове этактистов) некие мифические и чуть ли не сакральные «государственные интересы», недоступные для понимания никому, кроме самого государства. Хотя совершенно очевидно, что у правового государства как социального института нет и не может быть никаких интересов, которые хотя бы в чем-то отличались от интересов общества в целом и больших социальных групп как совокупностей мыслящих личностей.

Напротив, антиэтатизм, как ценностная философская установка, стремится к воплощению (в реальной жизни) свободы, гражданского общества, господства права и жесткого различения права и закона. Ибо главная функция *права* (помимо всех прочих) – контроль за законом, законодательством, законодательным процессом, государственной деятельностью в целом. Только право способно придать закону и государственной практике легитимность (одобряемость). В свою очередь, *закон* направляет (регулирует) и контролирует деятельность граждан, социальных групп и разнообразных общественных корпораций.

Антиэтатизм исходит из того фундаментального принципа, что сущностное различие между правом и законом с философско-правовой точки зрения заключается в следующем: *право* представляет собою морально-правовую ценностную систему, обладающую регулятивными функциями. Тогда как *закон* – конкретная и исторически преходящая форма социальной регламентации – есть не что иное, как разветвленная и строго организованная структура формализованных и официально принятых норм и полномочий. Закон, в отличие от права, выполняет конститутивные социальные функции.

Только при дуализме права и закона антиэтатистская правовая система будет в состоянии выполнять свое предназначение, и закон, как и государственная деятельность, не повиснут в воздухе. В противном случае – в ситуации неразличения права и закона – все законодательство будет полностью и безраздельно отдано на откуп

государству как бюрократической структуре, для которой характерны многие антиобщественные тенденции. А это крайне опасно!

Антиэтатизм как философско-правовое и ценностное мировоззрение базируется прежде всего на фундаментальных морально-правовых принципах *свободы* и *справедливости*. Тематизация этих принципов в истории философской и правовой мысли имеет богатейшую историю. Обратимся к наиболее ярким и обоснованным положениям, раскрывающим сущность того и другого принципа.

В своей работе «Два трактата о правлении», в знаменитом § 87, Джон Локк говорит о том, что каждый человек рождается, имея право на полную свободу и неограниченное пользование всеми правами и привилегиями естественного закона в такой же мере, как всякий другой человек. Каждый индивид по природе обладает властью не только охранять свою собственность, а именно: жизнь, свободу и имущество, но также судить и наказывать за нарушение этого закона других⁴³³.

Однако политическое общество может быть создано только тогда, когда каждый человек откажется от этой естественной власти и передаст ее в руки самого общества. В таком случае и все приговоры гражданского общества будут вместе с тем и приговорами отказавшегося от естественной власти индивида. Тогда определяется и цель гражданского общества – избегать и возмещать те неудобства естественного состояния, которые возникают от того, что каждый человек является судьей в собственном деле. Ибо сила без права, обращенная против личности человека, создает состояние войны⁴³⁴. Вот тогда проявляет себя другая сила, а именно – сила, образующая общество: свободные и разумные существа передают часть своих прав и свобод общему судье – гражданскому обществу.

И здесь, – говорит Локк, – «мы имеем первоначально законодательной и исполнительной власти гражданского общества. <...> И это переносит людей из естественного состояния в государство»⁴³⁵. Таким образом, самостоятельное, осуществленное по своей собственной воле ограничение индивидом естественной свободы лежит в основе создания гражданского состояния и государства. Отдав часть свободы гражданскому обществу, индивид должен переосмыслить и свое понимание естественной свободы, отныне совместимой с определенным и неизбежным государственным принуждением.

Свобода человека в обществе (в отличие от естественной свободы) состоит в том, что он «не подчиняется никакой другой законодательной власти, кроме той, которая установлена по согласию в государстве, и не находится в подчинении чьей-либо воли и не ограничен каким-либо законом, за исключением тех, которые будут установлены этим законодательным органом в соответствии с оказанным ему доверием. <...> Свобода людей в условиях существования системы правления заключается в том, чтобы жить в соответствии с постоянным законом, общим для каждого в этом обществе и установленным законодательной властью, созданной в нем; это – свобода следовать моему собственному желанию во всех случаях, когда этого не запрещает закон, и не быть зависимым от непостоянной, неопределенной, неизвестной самовластной воли другого человека, в то время как естественная свобода заключается в том, чтобы не быть ничем связанным, кроме закона природы»⁴³⁶. Понимаемая таким образом свобода несовместима с так называемой «отцовской властью» государства (= тоталитарной властью) и сопутствующими ей патернализмом и иждивенчеством.

Такого же рода проблемы исследовал великий кенигсбергский мыслитель. Величайшая проблема для человеческого рода, – утверждает Иммануил Кант, – достижение всеобщего правового гражданского общества. Именно в таком обществе, и только в нем, всем гражданам предоставляется величайшая свобода, которая, однако, совместима со свободой других. Тем самым достигается высшая цель природы в отношении человека: развитие всех его природных задатков.

Вместе с тем, в таком обществе присутствует и «полный антагонизм»: максимальная свобода под внешними (юридическими) законами сочетается с «непреодолимым принуждением». Этот уровень развития общества, где величайшая свобода мирно соседствует с непреодолимым принуждением, Кант называет «справедливым гражданским устройством». Достижение подобного рода устройства есть «высшая задача природы для человеческого рода».

Очевидно, что вступать в состояние принуждения граждан, расположенных к полной свободе, заставляет беда, а именно – «величайшая из бед», которую себе причиняют сами же люди: при «необузданной свободе» они не способны ужиться друг с другом. Причина

этого – в том, что человек «обязательно злоупотребляет своей свободой в отношении своих ближних; и хотя он, как разумное существо, желает иметь закон, который определил бы границы свободы для всех, но его корыстолюбивая животная склонность побуждает его, где это ему нужно, делать для самого себя исключение»⁴³⁷.

Стало быть, чем выше достигнутый уровень свободы, тем больше вероятность ее неправильного использования. Хотя неизбежности злоупотребления свободой тоже, в общем-то, не существует. Несмотря на опасности, связанные с возможностью превратного использования, Кант обоснованно полагает свободу наиболее дорогим и священным даром – первоначальной (врожденной) сущностью человека. Поэтому охранять свободу и заботиться о ней надлежит двум важнейшим социальным детерминантам: внутреннему регулятору – морали, а также внешнему – праву (закону).

К ограничению «необузданной свободы», т.е. той, которой можно злоупотреблять, следует приступать с уровня политических «верхов». Прежде всего, необходимо отыскать такого «главу публичной справедливости» (в лице одного или сообщества избранных лиц), который сам был бы справедлив⁴³⁸.

Однако Кант высказывает опасения: «Ведь каждый облеченный властью всегда будет злоупотреблять своей свободой, когда над ним нет никого, кто распорядился бы им в соответствии с законами. Верховный глава сам должен быть справедливым и в то же время должен быть человеком. Вот почему эта задача самая трудная из всех; более того, полностью решить ее невозможно; из столь кривой лесины (Holze), как та, из которой сделан человек, нельзя сделать ничего прямого»⁴³⁹.

Принцип гражданского (правового) состояния обладает не только регулятивной силой, но также имеет и практическое, конституирующее значение. В отношении последнего Кант утверждает: «Государственный строй, основанный на наибольшей человеческой свободе согласно законам, благодаря которым свобода каждого совместима со свободой всех остальных <...>, есть во всяком случае необходимая идея, которую следует брать за основу при составлении не только конституции государства, но и всякого отдельного закона»⁴⁴⁰.

Гражданское (= правовое) состояние базируется на трех априорных принципах. Первым и основополагающим принципом является свобода каждого члена общества как человека. Такая свобода выражается в формуле: никто не может принудить меня быть счастливым так, как он хочет; каждый вправе искать своего счастья на том пути, который ему представляется хорошим, если только он не наносит этим ущерба свободе других.

Отсюда следует, что правление, основанное на принципе благоволения народу как благоволения отца своим детям, т.е. правление отеческое, при котором подданные рассматриваются как несовершеннолетние, неспособные различить, что для них действительно полезно или вредно, – такое правление есть *величайший деспотизм*, какой только можно себе представить. Здесь Кант говорит о таких социально деструктивных явлениях, как *этатизм* и *патернализм*. Стало быть, еще в конце XVIII века четко осознавалась величайшая опасность этатизма и патернализма для свободы и гражданского общества. Опять же, приходится с прискорбием констатировать, что эта реальная проблема, эксплицированная еще Кантом, до сих пор не разрешена.

Любого рода деспотическое правление нарушает априорные принципы внешней (правовой) свободы (право не повиноваться никаким законам, кроме тех, на которые я могу дать свое согласие) и внешнего (правового) равенства (отношение граждан государства, при котором каждый может обязать другого по закону, если только он сам готов подчиниться этому закону)⁴⁴¹. В том случае, «если права народа попораны, то низложение (тирана) будет правомерным, в этом нет сомнения»⁴⁴². Однако такой способ Кант считает неправовым и (с некоторыми оговорками) пригодным лишь в случае крайней («безвыходной») необходимости.

Реализация и сохранение свободы не может обойтись без фундаментального для морали и права принципа *справедливости*. Моральная справедливость есть апелляция к чувству долга, благоволению и доброте. Существует принцип морали, – говорит Кант, – не нуждающийся ни в каком доказательстве: «*не следует совершать ничего, что может оказаться несправедливым <...>*. Следовательно, сознание справедливости действия, *которое я хочу предпринять* – это безусловный долг»⁴⁴³. И в этой интенции должностования мо-

раль и право совпадают, ибо уважение к закону, которое субъективно характеризуется как моральное чувство, есть то же, что сознание своего долга⁴⁴⁴.

Юридическая справедливость, в свою очередь, опирается на право. Тому, кто требует справедливости, – этого априорного принципа внутри нас, – недостает полномочий судьи, позволяющих решить, насколько или каким образом можно удовлетворить притязания. Поэтому справедливость представляется априорным принципом, приписываемым сверхчувственному субъекту. На основании этого принципа сверхчувственный субъект (т.е. человечество в целом, а не отдельный индивид) может определить права того, кто взывает к справедливости⁴⁴⁵. Однако здесь существуют влиятельные ограничения: хотя справедливость и относится к правовому требованию, тем не менее, ее апелляции направлены, прежде всего, к *суду совести*, в то время как любой правовой вопрос должен решаться на основании *гражданского права*⁴⁴⁶.

Справедливость в сфере права можно рассматривать и, соответственно, легализовать ее присутствие через призму правового состояния. Ибо само по себе *правовое состояние* есть не что иное, как взаимоотношения между людьми, между обществом и государством, между гражданами и государством, содержащие те условия, единственно при которых всякий может *пользоваться* своим *правом*. При этом формальным принципом возможности такого состояния является *общественная справедливость*.

Итак, фундаментальным принципом различения этатизма и антиэтатизма видится отношение к праву и закону. Этатизм полагает, что право и закон суть одно и то же. Антиэтатизм, как указывалось выше, уверен в различной природе того и другого. И эту различную природу можно с очевидностью продемонстрировать.

С точки зрения философии права (а не юриспруденции) можно выделить следующие функции права в отношении закона. При этом сугубо юридические и социальные функции здесь не разделяются.

Итак, право по отношению к закону является:

1) социальным императивом (т.е. социальным требованием в отношении содержания законодательства);

2) морально-правовым критерием оценки законов: право должно определять (оценивать), в какой степени данный закон является правовым;

3) средством и критерием социальной легитимации (одобрения) закона;

4) морально-правовым идеалом, к которому должен стремиться закон;

5) средством гуманизации законодательства;

6) телеологическим социальным ориентиром, указывающим на то, каковы ценности, характер и цели законодательства и общества в целом;

7) фундаментом и инструментом формирования нового общественного договора, соответствующего реалиям Четвертой промышленной революции; этот «общественный договор креативной эпохи должен способствовать раскрытию инновационного и продуктивного потенциала людей (самого ценного экономического ресурса) о одновременно решить усугубляющуюся проблему неравенства, обусловленного нашей неспособностью адаптироваться к новым структурам и реалиям» ^{Флорида 2016, 355.}

8) средством защиты общества от авторитарных и тоталитарных тенденций в деятельности государства, поскольку известно, что «ограничения со стороны, налагаемые на действия, выражают основополагающий кантовский принцип, согласно которому индивиды являются целью, а не просто средством; они не могут быть принесены в жертву или использованы для достижения иных целей без их согласия. Индивиды неприкосновенны» ^{Nozick 1999, 30 – 31.}

9) системой, устанавливающей норму в социальных действиях, взаимодействиях и отношениях и тем самым формирующей понятие социально нормального;

10) критерием, дающим четкое понимание ненормального и неприемлемого в социальной жизни;

11) инструментом формирования правового мировоззрения, правовой и политической культуры;

12) регулятивным принципом, закладывающим в законодательство целую совокупность разнообразных потенциальных возможностей для личностей и социальных групп.

При этом (как это ни покажется странным!) именно жесткое различие права и закона создает наиболее благоприятную социальную атмосферу: как государство, так и закон (законодательство) в ситуации контроля со стороны права значительно лучше адаптируются к общественной жизни, становятся в большей степени легитимными, справедливыми, ответственными и гуманными.

Только антиэтатизм, который рассматривает общество и государство в качестве равноправных субъектов социальной жизни, обладающими равными правами на контроль друг за другом, может служить фундаментальным и долгосрочным основанием эффективного и продуктивного взаимодействия и сотрудничества между государством и гражданским обществом.

*Малюкова О.В.,
доктор философских наук,
профессор кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Цели и ценности либерального государства

В современном философском дискурсе размышления, связанные с философией права, являются крайне актуальными. Философско-правовая тематика, в свою очередь, распадается на темы, осмысляющие человека, государство и их взаимодействие. Вопрос о возможности социального партнерства в современной либеральной демократии и о ценностных основах взаимодействия государства и личности приобрел особую остроту в связи со становлением новой социальной реальности, основанной на идеях глобализма, мультикультурализма, информационных технологий и цифровой среды жизнедеятельности.

Согласно традиционной (марксистской) точке зрения, государство – это орган насилия, созданный для поддержания господства одного класса над другим. Более корректная позиция предполагает гармонизирующую роль государства в жизни общества, составляющих его структур и личности. При этом и одна и другая позиции придерживаются идеи приоритета государственных или общественных интересов над интересами личности. Противоположная точка зрения представлена либерализмом. Либерализм представляет собой философское и общественно-политическое течение, провозглашающее незыблемость прав и личных свобод человека.

Либерализм провозглашает права и свободу каждого человека высшей ценностью и считает их правовой основой общественного и экономического порядка. Либерализм есть стремление к свободе человеческого духа от стеснений, налагаемых религией, традицией, государством, и к общественным реформам, имеющим целью свободу личности и общества. Возможности государства и церкви влиять на жизнь общества ограничиваются конституцией. Важнейшими свободами в современном либерализме признаются свобода публично высказываться, свобода выбора религии, свобода выбирать себе представителей на честных и свободных выборах. В экономическом отношении принципами либерализма являются

неприкосновенность частной собственности, свобода торговли и предпринимательства. В юридическом отношении принципами либерализма являются верховенство закона над волей правителей и равенство всех граждан перед законом вне зависимости от их богатства, положения и влияния.

Либерализм зародился в XVII веке во многом как реакция на злоупотребления властью в условиях абсолютной монархии. Либерализм отверг многие положения предшествующих теорий государства, такие как божественное право монархов на власть и роль единственной религии как источника веры. Вместо этого либерализм предложил следующие принципы:

- обеспечение данных от природы естественных прав (включая право на жизнь, на личную свободу, на собственность);
- гарантию гражданских прав;
- установление равенства всех граждан перед законом;
- установление свободной рыночной экономики;
- обеспечение ответственности правительства и прозрачности государственной власти.

Функции государственной власти в системе либерализма сводится к минимуму, необходимому для обеспечения этих принципов. Современный либерализм также отдает предпочтение открытому обществу, основанном на плюрализме и демократическом управлении государством, при условии неукоснительного соблюдения прав меньшинств и отдельных граждан. Сторонники идей либерализма получили название либертарианцы.

Изначально либерализм исходил из того, что все права должны быть в руках у физических и юридических лиц, а власти в государстве должны только защищать эти права (классический либерализм). Современный либерализм значительно расширил рамки классической трактовки и включает в себя множество течений, между которыми имеются глубокие идейные противоречия и порой возникают конфликты. Политический либерализм означает движение за либеральную демократию и против абсолютизма или авторитаризма. Экономический либерализм выступает за частную собственность и против государственного регулирования. Культурный либерализм за личную свободу и против ограничений на нее из соображений патриотизма или религии. Социальный либерализм ра-

тует за равенство возможностей и против экономической эксплуатации. Современный либерализм в большинстве развитых стран представляет собой смесь всех этих форм.

Первоначальный либерализм был необычайно популярен. Начались попытки его практической реализации. Однако многие начальные попытки реализации либеральных идей успех не имели и даже приводили к противоположным результатам (в частности к диктатурам). Лозунги свободы, равенства и братства подхватывали авантюристы. Между сторонниками различных толкований либеральных принципов возникали острые конфликты. Войны, государственные перевороты, экономические кризисы и правительственные скандалы провоцировали массовое разочарование в идеалах либерализма. С течением времени сложилось адекватное понимание основ либеральной идеологии, которая стала фундаментом для одной из самых распространенных политических систем в мире – либеральной демократии.

К относительно удачным попыткам реализации либеральной идеологии на раннем этапе ее существования можно отнести американскую войну за независимость, которая привела к возникновению первой нации, разработавшей конституцию на основе идеи либерального государства. В ходе Великой французской революции были сделаны попытки реализовать либеральную идеологию на основе идей французских просветителей. Однако эти искания либерализма растянулись на целое столетие. Авторы Испанской конституции 1812 г., бывшие в оппозиции испанскому абсолютизму, вероятно, первыми ввели в употребление слово «либерал» для обозначения сторонников политического движения. В любом случае, возникнув в конце XVII века, уже в конце века XVIII, либерализм стал одной из ведущих идеологий практически во всех ведущих странах Европы.

Идеология либерализма восходит к идеям гуманизма эпохи Возрождения, когда был брошен вызов абсолютной власти монархов и католической церкви. Следствием этого стали процессы Реформации и первые революции: нидерландская буржуазная революция 1566 года и английская буржуазная революция (1649–1688гг.), в ходе которой англичане перепробовали все виды правления и, в конце концов, утвердили свое право выбирать короля. В любом случае ко-

роля лишили права назначать себе преемника. В результате возникает идея, что верховная власть должна принадлежать народу. Полноценные либеральные движения возникают уже в эпоху Просвещения во Франции, Англии и колониальной Америке. Их противниками были абсолютная монархия, ортодоксальные религии и клерикализм. Эти либеральные движения также первыми сформулировали концепцию прав личности на основе конституционализма и самоуправления посредством свободно выбранных представителей.

Идея того, что свободные личности могут стать основой стабильного общества, принадлежит Джону Локку. В сочинении «Два трактата о правлении» (1690 г.) Локком сформулированы фундаментальные либеральные принципы – экономической свободы, как право на личное владение и пользование собственностью, и принцип интеллектуальной свободы, включающей свободу совести. Основой его концепции стало представление о естественных правах: на жизнь, на личную свободу и на частную собственность, которое явилось предтечей современных прав человека. Вступая в общество, граждане, по мнению Локка, заключают общественный договор, согласно которому они отказываются от своих властных полномочий в пользу правительства, чтобы оно защищало их естественные права. В своих взглядах Локк отстаивал интересы английской буржуазии, в частности, он не распространял свободу совести на католиков, а права человека на крестьян и слуг. Локк (и не он один) не одобрял демократию. Ряд положений его учения легли в основу идеологии американской и французской революций. Неоднозначная либеральная концепция Джона Локка и станет предметом нашего рассмотрения.

В качестве лирического отступления хочется высказать одно соображение. Люди, интересующиеся какой-либо проблемой, обычно делятся на группы. Первая группа – это реальные специалисты, которые глубоко разбираются в проблематике, пресловутые «узкие специалисты». Вторую группу можно назвать шпионами, ибо они, по аналогии с лицами упомянутой профессии, обязаны хорошо разбираться в любой поступившей к ним информации. И этому их учат. Третья группа – это «журналисты», породившие соответствующее явление – верхоглядство, но верхоглядство уверенное. Это они учат в Интернете как делать бомбы, как прыгать с высоты, как управлять

самолетом и т.д. Далее – это актеры, изображающие все, что угодно, не понимая сути изображения. Аналогом этой группы можно считать прежних машинисток, которые печатали тексты, не вдумываясь в их смысл. И еще одна группа – современные пользователи Интернета, искренне верящие в находящуюся там истину в последней инстанции. Эти люди редко читают книги, а если читают, то не до конца, в Интернете изложено краткое содержание. Точно также они поступают с художественными фильмами, политическими и прочими событиями. При этом они уверены, что являются полноправными участниками происходящих событий, что их знаний достаточно для оценки этих событий. Для наших целей очень важно понимать, что когда лица этой группы утверждают, что они были где-то, читали нечто и участвовали в чем-то, то это означает, что они видели фотографии (видео), читали чье-то мнение, выложенное в сети, и зарегистрировались в качестве участника группы. Такова современная практика работы со сложными явлениями. Что же касается концепции Джона Локка и любого другого теоретика, то необходимо помнить – краткое изложение какой-либо концепции упрощает ее, устраняет ее тонкости и нерешенные проблемы, делает ее приемлемой для современного читателя. Приведенное выше изложение концепции Джона Локка являет собой пример именно такого подхода к делу, предназначенного для нашего современного пользователя. На самом деле ситуация с либеральной концепцией Джона Локка выглядит несколько иным образом.

Джон Локк (1632–1704) – английский философ, представитель эмпиризма и сенсуализма в сфере эпистемологии. Как основоположник теории либерализма оказал заметное влияние на идеи социальной философии. Он широко признан как один из самых влиятельных мыслителей эпохи Просвещения и теоретиков либерализма. Российскому читателю Джон Локк известен, в первую очередь, как основоположник педагогики. Однако все эти характеристики не дают полного впечатления о деятельности Джона Локка. По мнению российского специалиста в области истории философии и автора одной из лучших монографий, посвященных Локку, Перцева А.В.⁴⁴⁷, Локк в различные периоды своей жизни посвящал свое творчество решению какой-либо конкретной задачи, а закончив ее рассмотрение, переходил к другой проблематике, зачастую никак не связан-

ной с предыдущей темой исследования. И все-таки одна проблематика занимала его постоянно: это было то, чему он стал свидетелем, современная ему история Англии, совершавшая цивилизационный выбор между абсолютной и конституционной монархией. В 1689 году Джон Локк пишет и анонимно публикует труд под названием «Два трактата о правлении», где рассуждает о появлении и роли государства в обществе, о цивилизованной форме правления в противовес деспотичной монархии, о гражданском обществе. За этот труд Локк и считается основателем политического либерализма. Первая часть трактата посвящена критике традиционных воззрений на общество и государство, изложенного в труде современника Локка сэра Роберта Филмера. Вторая часть описывает более справедливое общественное устройство, основанное на идеях естественного права, гражданских свобод, общественного договора, разделении властей и т.д. В целом произведение содержит около 300 страниц, аргументация основана на Священной истории, стиль изложения многословный, хотя читается легко, по крайней мере, вторая часть трактата. Именно вторая часть содержит информацию, интересующую современного читателя, а в силу многословности добраться до нее оказывается не очень просто. В XIX главе трактата «О распаде системы правления» и не только в ней Локк обосновывает возможность выступления народа против господствующей власти:

«222. Причина, по которой люди вступают в общество, – это сохранение их собственности; и цель, ради которой они избирают и уполномочивают законодательный орган, заключается в том, чтобы издавались законы и устанавливались правила в качестве гарантии и охраны собственности всех членов общества, дабы ограничивалась власть и умерялось господство каждой части и каждого члена общества. Ведь никак нельзя предположить, будто воля общества заключалась в том, чтобы законодательный орган обладал властью уничтожить то, что каждый собирается обеспечить, вступая в общество, и ради чего люди стали подчиняться поставленным ими самими законодателям; когда же законодатели пытаются отнять и уничтожить собственность народа или повергнуть его в рабство деспотической власти, то они ставят себя в состояние войны с народом, который вследствие этого освобождается от обязанности какого-либо дальнейшего повиновения и свободен обратиться к общему

прибежищу, которое бог предусмотрел для всех людей против силы и насилия. Следовательно, в том случае, когда *законодательный орган* преступит этот основной принцип общества и в силу честолюбия, страха, безумия или подкупа *попытается захватить сам или передать в руки кого-либо другого абсолютную власть* над жизнью, свободой и имуществом народа, то из-за этого нарушения доверия он лишается той власти, которую передал в его руки народ для совершенно противоположных целей, и эта власть возвращается народу, который имеет право восстановить свою первоначальную свободу и посредством учреждения нового законодательного органа (такого, какой он сочтет подходящим) обеспечить собственную безопасность и защиту, что является той целью, ради которой люди находятся в обществе. То, что я здесь сказал в отношении законодательной власти вообще, справедливо также и в отношении *главы исполнительной власти*, который, получив двойное доверие – как участник законодательного органа и как верховный исполнитель закона, действует в нарушение того и другого, когда пытается навязать свою деспотическую волю в качестве закона общества. Он тоже *действует в нарушение* оказанного ему *доверия* и тогда, когда либо пытается использовать силу, казну и должности общества для подкупа *представителей* и для поддержки ими его замыслов, либо открыто заранее привлекает на свою сторону *выборщиков* и предписывает им избрать тех, кого *он* посредством уговоров, угроз, обещаний или иным каким-либо способом обратил в своих сторонников, и использует выборщиков для выбора тех, кто заранее пообещал голосовать и издавать законы, как им скажут. Но разве подобрать кандидатов и *выборщиков* и изменить способ *выборов* не означает подрезать образ правления под самый корень и отравить сам источник общественной безопасности? Ведь народ, сохранив за собой право выбирать своих *представителей* как ограду своей собственности, не мог сделать это для какой-либо иной цели, кроме как для того, чтобы эти представители могли всегда свободно избираться и, будучи так избраны, свободно действовать и советовать, как того требуют, по их суждению, необходимость для государства и общественное благо, после рассмотрения и зрелого обсуждения. Те же, кто отдают свой голос еще до того, как услышат обсуждение и взвешают доводы всех сторон, не в состоянии так поступать. Подготовка

подобного законодательного собрания и попытка представить явных проводников собственной воли главы исполнительной власти в качестве подлинных *представителей* народа и законодателей общества, несомненно, является столь грубым *нарушением доверия* и столь полным заявлением о своем умысле свергнуть правительство, с каким только можно встретиться. Если же к этому еще прибавить награды и наказания, явно применяемые для этой же цели, и всевозможные превратные толкования закона, для того чтобы убрать и уничтожить всех, кто стоит на пути к осуществлению этого замысла и не хочет стать соучастником предательства свободы своей родины, то не будет никаких сомнений в том, что происходит. Какую власть должны иметь в обществе те, кто подобным образом применяет ее в нарушение оказанного им доверия, связанного с их должностью с самого ее учреждения, легко определить; и невозможно не видеть, что тот, кто однажды попытался совершить подобную вещь, уже не может больше заслуживать доверия.

223. На это, возможно, будет сказано, что так как народ невежествен и всегда недоволен, то ставить основу правления в зависимости от неустойчивого мнения и непостоянного настроения народа – это значит обрекать государство на несомненную гибель; и *ни одно правительство не будет в состоянии долго существовать*, если народ сможет создавать новый законодательный орган всякий раз, как будет недоволен прежним. На это я отвечу: дело обстоит как раз наоборот. Люди не так легко отказываются от старых форм, как это могут некоторые предположить. Их с трудом удастся убедить исправить явные недочеты в той структуре, к которой они привыкли. И если там имелись какие-либо изначальные недостатки или что-либо неподобающее было введено как дань времени или подкупу, то нелегко добиться изменений даже тогда, когда все на свете видят, что для этого имеется возможность. Эта медлительность народа и его нежелание отказываться от старых порядков привели к тому, что после многих революций, происходивших в этом королевстве в наш век и в прошлые века, у нас все еще сохранилась или после некоторого периода бесплодных попыток вновь к нам вернулась наша старая законодательная система – король, палата лордов и палата общин; и какие бы вызывающие действия со стороны короны ни приводили к необходимости снимать ее с головы некоторых

из наших государей, они никогда не заводили народ настолько далеко, чтобы передать ее другой династии.

224. Но скажут, что эта гипотеза послужит возбудителем частых восстаний⁴⁴⁸. И восстания не заставили себя ждать. Либеральная идеология в первоначальном варианте Локка оказалась неоднозначной и противоречивой.

В качестве аргумента неоднозначности либеральной идеологии имеет смысл сослаться на отечественную историю XIX века. Российская политическая история этого времени как будто бы качается на весах, как будто бы пробует различные политические возможности. Относительно либеральное правление Александра I приводит к восстанию декабристов, а затем и к деспотическому правлению Николая I. Его царствование можно описывать в различных, и даже либеральных, выражениях, однако поражение в Крымской войне делает эти разногласия несущественными. Либеральные реформы Александра II породили либеральную идеологию в ее террористическом и прочих вариантах, сделали либерализм, оппозицию правящему режиму обычным мировоззрением образованной части населения. Семь покушений на Александра II, закончившиеся его гибелью, многочисленные покушения на Александра III, повлекшие за собой его преждевременную смерть, привели к свертыванию реформ и усилению карательной машины русского государства. Дальнейшая история российской империи наглядно показала опасность либерализма в его революционной форме. Именно на эту опасность указывал Ф.М. Достоевский в своей беседе с известным издателем А.С. Сувориным (1834–1912). Алексей Сергеевич Суворин в молодости сам слыл либералом, был мастером русского политического памфлета, редактором и издателем газеты «Новое время» с весьма противоречивой репутацией. То там печатались статьи, посвященные выходу на русском языке первого тома «Капитала» К. Маркса (1872), то антисемитские выступления в связи с делом Дрейфуса. В любом случае большевики закрыли газеты на следующий день после Октябрьской революции. Алексей Сергеевич оставил воспоминания, вот что он пишет по поводу либерализма вообще и отношения к нему Ф.М. Достоевского, в частности: «В день покушения Млодецкого на Лорис-Меликова я сидел у Ф.М. Достоевского.

Он занимал бедную квартирку. Я застал его за круглым столиком его гостиной, набивающим папиросы. Лицо его походило на лицо человека, только что вышедшего из бани, с полка, где он парился. Оно, как будто, носило на себе печать пота. Я, вероятно, не смог скрыть своего удивления, потому что он, взглянув на меня и поздоровавшись, сказал:

– «А у меня только что прошел припадок. Я рад, очень рад».

И он продолжал набивать папиросы.

О покушении ни он, ни я еще не знали. Но разговор скоро перешел на политические преступления, и на взрыв в Зимнем дворце в особенности. Обсуждая это событие, Достоевский остановился на странном отношении общества к преступлениям этим. Общество, как будто, сочувствовало им или, ближе к истине, не знало хорошенько, как к ним относиться.

– «Представьте себе», говорил он, «что мы с вами стоим у окон магазина Дациаро и смотрим картины. Около нас стоит человек, который притворяется, что смотрит. Он чего то ждет и все оглядывается. Вдруг поспешно подходит к нему другой человек и говорит: «Сейчас Зимний дворец будет взорван. Я завел машину». Мы это слышим. Представьте себе, что мы это слышим, что люди эти так возбуждены, что не соразмеряют обстоятельство своего голоса. Как бы мы с вами поступили? Пошли бы мы в Зимний дворец предупредить о взрыве, или обратились ли к полиции, к городскому, чтоб он арестовал этих людей? Вы пошли бы?»

– «Нет, не пошел бы ...»

– «И я бы не пошел. Почему? Ведь, это ужас. Это – преступление. Мы, может быть, могли бы предупредить. Я вот об этом думал до вашего прихода, набивая папиросы. Я перебрал все причины, которые заставляли бы меня это сделать. Причины основательные, солидные и затем обдумал причины, которые мне не позволяли бы это сделать. Эти причины – прямо ничтожные. Просто-боязнь прослыть доносчиком. Я представлял себе, как я приду, как на меня посмотрят, как меня станут расспрашивать, делать очные ставки, пожалуй, предложат награду, а то заподозрят в сообщничестве. Напечатает: Достоевский указал на преступников. Разве это мое дело? Это дело полиции. Она на это назначена, она за это деньги получает. **Мне бы либералы не простили** (выделение мое – *О.М.*). Они

измучили бы меня, довели до отчаяния. Разве это нормально? У нас все ненормально, оттого все это происходит, и никто не знает, как ему поступать не только в самых трудных обстоятельствах, но и в самых простых. Я бы написал об этом. Я бы мог сказать много хорошего и скверного и для общества и для правительства, а этого нельзя. У нас о самом важном нельзя говорить».

Он долго говорил на эту тему и говорил одушевленно. Тут же он сказал, что напишет роман, где героем будет Алеша Карамазов. Он хотел его провести через монастырь и сделать революционером. Он совершил бы политическое преступление. Его бы казнили. Он искал бы правду и в этих поисках, естественно, стал бы революционером ...»⁴⁴⁹. О каких событиях шла речь в приведенном отрывке воспоминаний А.С. Суворина. Во-первых, о покушении на Александра II, подготовленного и осуществленного Степаном Халтуриным 5 февраля 1880 года в Зимнем дворце, в результате которого погибло 11 солдат, покалечено 55 солдат, а сам царь чудом остался жив. Что же касается Млодецкого Ипполита Осиповича, то он 20 февраля 1880 г. попытался убить графа М. Лорис-Меликова. Был приговорен к смертной казни и повешен 22 февраля того же года. И Ф.М. Достоевский ходил наблюдать за этой процедурой.

И еще один исторический пример, который подтверждает то ли популярность российского либерализма в революционной форме, то ли значимость фигуры писателя в России, то ли это роковое совпадение. Соседом Федора Михайловича на его последней квартире оказался известный народоволец, участник многих покушений А.И. Баранников. 25 января 1881 г. он был арестован в своем доме на глазах у Достоевского, был осужден по «процессу 20-ти» и скончался в Петропавловской крепости в 1883 году. Федор Михайлович скончался 28 января, после этого или вследствие этого – сказать сложно.

Идеям либерализма, либерального государства, либеральной демократии, впервые описанным в «Двух трактатах» уже исполнилось 330 лет. На протяжении этого периода наблюдались самые различные выступления против государства и самая различная аргументация за права человека. Наше время породило новое либеральное явление – участие детей в этом процессе – так называемый «феномен Греты Тунберг» – либеральное движение экологического активизма.

Огородников А.Ю.,
доктор философских наук, профессор
кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Проблема выбора и ответственности актора в обществе постмодерна

Контроль процесса воспитания правосознания и целостного мышления в обществе постмодерна требует преодоление ценностного релятивизма, имитации свободы и становление критического мышления у актора. Все это становится возможным только в условиях ясно осознаваемых целей и средств общественного развития, миссии, задач каждого гражданина в этом процессе. Тогда индивид, осознавая себя реальным действующим лицом (актором), способным влиять на социальные изменения, увидит общезначимый смысл в своих действиях, сформирует чувство ответственности за них. В результате он станет участником правотворческой и исполнительской деятельности.

Возможность сделать выбор в социальных отношениях в обществе постмодерна должен опираться на развитое чувство естественного права и объективной необходимости закрепленных в праве отношений, т.е. переживание естественного права во внешнем отношении человека к человеку как единую и объективную правоту. Актуализация правового выбора в социальной реконструкции формирует у актора четкость в понимании предмета права, ясное представление модели социальных отношений, закрепленных в правовых нормах: независимость духовной жизни, сознания, право бытия и право свободы, право самостоятельно обращаться к истине, искать, находить, «исповедовать и осуществлять узренное и предпочтенное совершенство»⁴⁵⁰. Восприятие права как механизм содействия развитию в душах людей доброй воли формирует у них стремление к должной общественной жизни, к ограничению своей воли, своих притязаний ради прав других.

Однако такого правосознания в обществе постмодерна недостаточно для принятия и исполнения ответственных решений, имеющих социальную значимость. Должно быть интегрирующее начало, преодолевающее ценностный релятивизм, но способное включить в

процесс создания социальных институтов множество разнородных групп. Для этого у акторов важно наличие абсолютных объективных ценностей, устойчивых смыслов и идеалов. Они создают устойчивую ориентацию на поиск безусловного по своей ценности жизненного содержания и опора не него, на укрепление внутреннего достоинства, на зрелость и постоянство идейно-ценностных представлений. Абсолютная ценность духовных содержаний вносит в понимание права его истинное значение, его безусловную основу, его достоинство, позволяет понять, в чем заключается автономия права. Опора на абсолютные ценности развивает волю владения собой, утверждать свое достоинство и свои силы и в то же время устанавливать и соблюдать свои пределы, отстаивать свои полномочия и исполнять свои обязанности. Такие ценности обуславливают отношение субъекта к тому, что выше его субъектного бытия, поэтому способствуют переживанию значимости индивидом общих смыслов, чего-либо важного для группы, общества в целом, мира. Интериоризируя абсолютные ценности, актер включается в объективный процесс развития социальных явлений, органически объединяясь в этом процессе. В результате в его действиях появляется объективный общезначимый смысл, осознаваемый им самим и окружающими.

Наиболее объективной и абстрактной является ценность абсолютной полноты бытия – реализация во всех объектах, процессах бытия всех заложенных в них потенциалов, свойств, тем самым наполнение их смыслом своего существования. Усвоение этой ценности формирует уверенность в объективности и постоянстве индивидуальной иерархии смыслов, повышает уверенность в себе, чувство собственного достоинства и ответственности, защищая личность от профессиональной деформации. «Ценности существуют не иначе как в соотношении с абсолютной полнотой бытия ... она есть абсолютная самоценность, содержащая в себе совпадение бытия и ценности... Абсолютная полнота бытия есть нечто единственное и не заменимое никакою другою ценностью, т.е. индивидуальное»⁴⁵¹.

Критерием высокой степени развития у актора чувства ответственности и способности делать общезначимый выбор в обществе постмодерна является понимание им объективного содержания права, безотносительность права, непоколебимая уверенность в

том, что право и закон имеют свое определенное содержание и что каждый индивид, обращаясь к праву и встречаясь с его связующими указаниями, имеет прежде всего задачу выяснить и это объективное содержание права. Тогда появляется стремление к развитию правоотношений установленными методами: желание бороться за новые, лучшие законы и за новый порядок жизни, пребывая в лояльности по отношению к действующим законам. Нельзя отменить закон, не заменив его новым: ибо беззаконие есть начало произвола, несправедливости, «захватного права» и взаимных обид. Данный принцип становится особенно важным в обществе постмодерна, когда в сознании граждан преобладает скептицизм и социальная пассивность.

Массовизации и социальной индифферентности развитый субъект противопоставляет свою духовную волю и духовную интуицию. «Воля к духу, т. е. воля к автономной жизни, посвященной абсолютно-ценному, есть именно тот мотив, который лежит в основе нормального правосознания и который ... неизбежно выковывает в душе волю к цели права»⁴⁵². Под духовной интуицией понимается способность отличать субъективно-приятное или удобное от объективно-совершенного в сфере социальных отношений, нравственности, эстетики и др. Духовная воля направлена на чувство ценности личности другого человека, признание ее достоинства, стремление к ее уважению и защите. Но для развития такой воли важно прочувствование и осмысление собственного достоинства, самообязывания к защите своей личности, чувства взаимности и солидарности.

Геращенко И.Г.,
доктор философских наук, профессор
Волгоградский кооперативный институт (филиал)
Российского университета кооперации
Геращенко А.И.,
стажер-исследователь Национальный исследовательский
университет «Высшая школа экономики»

**Проблема становления прав и обязанностей граждан
и публичной власти в «Истории философии права»
Г.В. Шершеневича**

В конце XIX – начале XX века в России сформировалась самобытная философско-правовая школа, которая ставила своей целью изучение проблемы становления правовых свобод граждан в развитых европейских странах с целью использования данного опыта в российских условиях. Специальные труды по философии права были опубликованы Б.Н. Чичериным⁴⁵³, Н.М. Коркуновым⁴⁵⁴, П.И. Новгородцевым⁴⁵⁵.

Выдающийся отечественный теоретик права Г.Ф. Шершеневич (1863–1912) большое внимание уделял проблеме становления прав и обязанностей граждан и публичной власти в истории философии права. В этой связи он выделил следующие задачи истории философии права: 1) последовательное изложение образования представлений о правовом порядке в его идеале и сущности; 2) изучение истории философии права возможно только на фоне истории культуры; 3) история философии права является частью истории философии вообще; 4) история философии права находится в тесной зависимости от истории литературы⁴⁵⁶.

Решая вопрос о периодизации истории философии права, Г.Ф. Шершеневич выделяет три основных периода: древняя философия права, средневековая философия права и новая философия права. Спецификой новой философии права является решение следующих узловых проблем: борьба за религиозную свободу, борьба за политическую свободу и борьба за экономическую свободу. Таким образом, русский мыслитель ставил проблему свободы на первое место в философии права нового и новейшего времени. В своей истории философии права Г.Ф. Шершеневич прослеживает как данная про-

блема решалась в различные исторические эпохи, и как выдающиеся умы юриспруденции и философии подходили к решению данной проблемы.

Древняя философия права сводит юридические понятия к этическим нормам и, в конечном счете, к знаниям. Достаточно познать истину, чтобы стать моральным и законопослушным гражданином. Средневековая философия права является противоположностью античной. Не разум, а божественная воля выходит на передний план и признается основой права и нравственности. При этом, как в древней философии права, так и в средневековой, отсутствует идея развития применительно к юридическим нормам. Принципиально новый подход возникает в эпоху Возрождения, когда личность человека выходит на передний план. Начинает формироваться философско-индивидуалистическое толкование правовых норм. Новейший период истории философии права характеризуется идеей эволюции и развития. Устанавливается гармония между природой и обществом, поскольку в мире действуют единые законы, то ли в духе Г. Гегеля или Г. Спенсера. Творчество становится важнейшей характеристикой не только человека и общества, но и природы. Это находит свою непосредственную реализацию в правотворчестве.

Рассматривая периодизацию истории философии права, Г.Ф. Шершеневич ведет начало данной науки от первых философских школ Древней Греции. Выпадает целый исторический пласт древнеиндийской и древнекитайской философии, где также разрабатывались оригинальные философско-правовые подходы. Достаточно назвать известный спор конфуцианцев и даосов о позиции мудреца по отношению к государству или же школу закона, где философско-правовая проблематика вообще стояла на первом месте⁴⁵⁷. В древнеиндийской философии также противостояние брахманизма и буддизма определялось не только религиозными и нравственными, но и юридическими проблемами. По-видимому, в российской философии права XVIII–XIX веков сложилась традиция, характерная и для западноевропейской философии того времени. Данная традиция идет от истории философии Г. Гегеля, который фактически отрицал наличие философского знания в Древней Индии и Древнем Китае, поскольку там, якобы, отсутствует идея философского рационализма.

Анализируя философию права Древней Греции в контексте становления свободы личности, Г.Ф. Шершеневич очень кратко останавливается на правовых взглядах первых античных философов, объясняя это малочисленностью и фрагментарностью дошедших до нас источников. Краткий обзор охватывает имена Фалеса, Анаксимена, Анаксагора, Гераклита, Солона, Зенона, Парменида, Демокрита и др. Фактически невозможно составить впечатление об их философско-правовых взглядах. Исключение составляет только Пифагор, о котором дается некоторая информация в связи с созданным им пифагорейским союзом. Обстоятельное исследование начинается только с философско-правовых взглядов древнегреческих софистов.

Софистическая философия права действительно представляет большой интерес, в том числе, и для современного читателя, особенно в контексте ее критики Сократом. Г.Ф. Шершеневич дает анализ исторической ситуации в культуре того времени, приведшей к возникновению школы софистов. Для его исследования характерен, в целом, традиционный подход в оценке философии права Протагора, Горгия и других софистов. В настоящее время софистическая философия права обретает второе рождение в связи с современной тенденцией релятивизации моральных и правовых норм. Вот почему особенно актуальным выглядит спор Сократа и софистов, которому отечественные историки философии права справедливо уделяют повышенное внимание.

Г.Ф. Шершеневич дает детальный и объемный анализ философии права Сократа. Прежде всего, он справедливо указывает на софистические истоки философии самого Сократа, что нашло свое отражение не только в его гносеологии, этике, но и в учении о государстве. Тем не менее, Сократ высоко ценил закон, несмотря на его историческую изменчивость. Естественное право, с его точки зрения более важно, чем положительное, поскольку носит божественный характер. Соблюдать необходимо законы и положительного, и естественного права, но последнее является приоритетным, так как непосредственно связано с нравственным законом. Г.Ф. Шершеневич дает оригинальную трактовку личности и философско-правовых воззрений Сократа, не считая его принципиальным противником софистов. Такая оценка личности Сократа противоречит традиционной интерпретации, но соответствует современному духу

времени, когда сократовский скептицизм в области философии права становится логическим продолжением и дополнением софистического релятивизма.

Большое внимание уделяется философии права Платона. Проведен детальный анализ государственного устройства по Платону с целью выяснения его философско-правовых взглядов. Г.Ф. Шершеневич дает оригинальную, хотя и спорную в ряде моментов, критику «идеального государства» Платона, которая сводится к следующим положениям: 1) идеальное государство не рассчитано на благосостояние всех граждан; 2) у воинов отнимается частная собственность и семейная жизнь, но ничего не дается в замен; 3) идеальное государство отличается полной неподвижностью; 4) основой государственного управления и воспитания является ложь; 5) Платон не уловил тенденции своего времени, связанной с образованием государственных союзов; 6) Платон не захотел идти по пути демократизации государственных учреждений и образования; 7) Платон был сторонником сохранения рабства, за отмену которого уже выступали софисты⁴⁵⁸.

Детально анализирует Г.Ф. Шершеневич философско-правовые воззрения Аристотеля. Прежде, чем перейти к такому анализу, Шершеневич дает характеристику культурной ситуации в Древней Греции того времени. В философско-правовой концепции Аристотеля им выделяются следующие основные положения: важнейшая государственная и личная добродетель – это справедливость; трудно уловимым является отличие права от нравственности; выделение писанных и не писанных законов; естественное право четко отделяется от государственного; лучшее законодательство то, которое четко нормирует отношения между людьми, оставляя меньше возможностей для произвола судей; впервые указывается на различие гражданского и публичного права; государство рассматривается как высшая форма человеческого общежития; семья представляет собой не просто ячейку общества, но и государство в миниатюре; основой уголовного наказания является его целесообразность; лучшая форма государственного устройства не является абсолютной, а зависит от конкретных исторических условий⁴⁵⁹.

Следующий исторический этап – философия права Древнего Рима. Здесь выделяются три параграфа: римский стоицизм, Цицерон,

римские юристы. Наибольший интерес представляет философия права стоицизма. У Г.Ф. Шершеневича преобладает критическая оценка деятельности Цицерона. Он отмечает низкий профессионализм Цицерона, как в области философии, так и в сфере права. Его заслуга заключается в том, что он пробудил интерес у древнеримских юристов к древнегреческой философии.

В средневековой философии права Г.Ф. Шершеневич выделяет фигуры Августина, Фомы Аквинского, средневековых юристов, исследует философско-правовые взгляды средневековых схоластов, а также Марсилия Падуанского. Русский правовед большое внимание уделяет исторической и культурной ситуации в средневековой Европе, которая стала причиной коренных преобразований в философии и праве по сравнению с античностью. Отдельный параграф посвящен недовольству существующим порядком в литературе XIII–XIV веков. Данный подход позволил Г.Ф. Шершеневичу представить объемную картину преобразований в средневековой Европе и показать специфику философско-правовых воззрений мыслителей данного периода.

В философии права эпохи Возрождения рассматриваются фигуры Макиавелли, Томаса Мора, Жана Бодэна, Гуго Гроция. Философско-правовые взгляды этих мыслителей Г.Ф. Шершеневич анализирует в контексте борьбы за религиозную свободу. Данный подход вполне оправдан, поскольку возникновение протестантизма оказало существенное влияние не только на воззрения выше названных мыслителей, но и на многих последующих представителей европейской философии права. Вместе с тем, прогрессивные религиозные и правовые идеи сочетались в данную эпоху с упадком философской мысли и кризисом морального сознания в обществе.

В Новое время Г.Ф. Шершеневич анализирует взгляды следующих представителей западноевропейской философии права: Томас Гоббс, Спиноза, Пуфендорф, Христиан Томазий, Готфрид Лейбниц. В отдельную группу Шершеневич выделяет философов права, которые, по его мнению, внесли наибольший вклад в борьбу за политическую свободу. Сюда относятся следующие мыслители: Джон Локк, Монтескье, Жан-Жак Руссо, Иммануил Кант, Готлиб Фихте, Георг Гегель. Философией права Гегеля Г.Ф. Шершеневич заканчивает свое учебное пособие, считая данную систему, наряду с философско-

правовой доктриной Канта, высшими достижениями философской и правовой мысли того времени⁴⁶⁰.

Подводя итог рассмотрению проблемы становления правовых свобод в «Истории философии права» Г.Ф. Шершеневича, можно сделать следующие выводы. Во-первых, развитие прав и обязанностей граждан и публичной власти анализировалось российским юристом преимущественно с позиций философии права Г.Гегеля. Во-вторых, Г.Ф. Шершеневич широко использует культурологический подход при анализе исторических философско-правовых проблем, когда права и свободы граждан рассматриваются в широком культурном контексте. В-третьих, исторические философско-правовые исследования становления гражданских прав Г.Ф. Шершеневича соответствуют тенденциям, характерным для европейской философии права того времени и не уступают в этом смысле зарубежным аналогам.

*Абрамова Н.А.,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Коммуникативные технологии социального партнерства

Социальное партнерство в любой из сфер жизни основано на добровольном и взаимовыгодном сотрудничестве, направленном на достижение его участниками каких-то общих социальных целей. Оно зиждется на принципах взаимоуважения, равенства прав партнеров, их заинтересованности в результатах, свободе обсуждения интересующих вопросов, добровольности принятия на себя обязательств и ответственности за их исполнение. При этом участники социального партнерства вступают в социальный диалог, между ними возникает сотрудничество, взаимодействие либо конкуренция, конфронтация, борьба. И как результат этого социального диалога – толерантность, компромисс, консенсус, нейтралитет, противостояние.

Осуществление любого партнерства невозможно без внутренней и внешней коммуникации, публичного взаимодействия, эти процессы неразделимы.

Перефразируя высказывание Н. Лумана в его работе «Введение в системную теорию», можно сделать вывод о том, что социальное партнерство – это узкая область коммуникации, находящаяся под влиянием сознания, это область, в которой общество может помочь самому себе⁴⁶¹.

По мнению Ю. Хабермаса, коммуникативное действие всегда ориентировано на достижение консенсуса. Однако социальный мир содержит в себе такой объем разногласий, что если не удастся достигнуть взаимопонимания, то на помощь приходят нормативные скрепы.

Структура коммуникативного действия, с точки зрения Юргена Хабермаса, такова: 1) «ориентация на взаимопонимание как механизм координации действий»; 2) «ситуация действия и ситуация речи»; 3) «фон жизненного мира», задающий условия и ресурсы взаимопонимания; 4) «сферы референций» или «притязания высказываний на значимость»: взаимопонимание подразумевает дости-

жение согласия на уровне знания, нормы, оценок и чувств⁴⁶². И по его же утверждению, с которым трудно не согласиться, состояние и характер публичного взаимодействия во многом позволяют «считывать» структуры интеграции общества.

К коммуникативным условиям формирования социального партнерства человека и государства относятся информационная прозрачность, наличие апробированных технологий социального партнерства, социальная ответственность участников, уровень доверия между ними, наличие неформального общения участников, осознание участниками своей взаимозависимости и необходимости совместных действий.

Говоря о партнерстве человека и государства, можно выделить два типа: социально ответственное партнерство и манипулятивное. При этом в качестве социальных коммуникаций используются, в основном, три модели:

- авторитарная модель, основанная на максимальном ограничении свободы информации и жестком административно-управленческом контроле за деятельностью СМИ;
- двусторонняя асимметричная модель, включающая обратную связь, но сохраняющая при этом власть коммуникатора над коммуникацией, что и создает асимметрию;
- двусторонняя симметричная модель, в которой достигается сбалансированность отношений между получателем и отправителем сообщений.

Наиболее полно отвечает критериям эффективного функционирования социального партнерства модель двусторонней симметричной коммуникации, рассчитанная на достижение обоюдного взаимопонимания между субъектами социального партнерства через информирование, разъяснение, учет интересов и выстраивание их общности. Она предполагает установление взаимовыгодных отношений между акторами и максимальный учет интересов и мотиваций. Эта модель также подразумевает доминирование этического аспекта, осознание общей цели и добровольный отказ от манипуляции.

Модель включает технологии PR, которые призваны структурировать исходящую общественно значимую информацию, а также соотнести ее с социальной обстановкой в обществе. Далее, после

структурирования, общественно значимая информация направляется параллельно как по формальным каналам коммуникации, так и по неформальным (социальные сети). Важным аспектом является наличие обратной связи. В современных условиях важным фактором становится виртуализация взаимодействия акторов, которая делает обмен информацией предельно оперативным, а принятие управленческих решений более прозрачным⁴⁶³.

Кроме того, эта модель направлена на управление конфликтами и на улучшение взаимоотношений между людьми, приводящих субъектов к согласию.

Одним из древнейших способов установления или восстановления партнерских отношений являются переговоры. Существует большое количество определений этого понятия, но чаще всего переговоры определяются как процесс поиска соглашения между субъектами через согласование их интересов. Существуют различные классификации переговоров: по сфере деятельности (дипломатические, политические, экономические, военные, производственно-технические, торговые, административные), по цели (о заключении соглашения, договора; о продлении действующих договоренностей; о координации совместных действий; об изменениях в договоре, перераспределении взаимных обязательств; о выполнении соглашений; о нормализации отношений, снятии конфликтных моментов; для успокоения оппонентов при затягивании решения проблемы; для привлечения внимания общественности к обсуждаемым вопросам), по характеру взаимоотношений между сторонами (партнерские, конкурентные, конфронтационные).

Несмотря на многообразие представленных видов, все переговоры имеют много общего, характеризуются рядом признаков, которые необходимо учитывать в практической деятельности⁴⁶⁴.

Важнейшая особенность переговоров заключается в том, что мнения участников частично совпадают, а частично расходятся. При полном совпадении взглядов оппонентов переговоры не нужны, необходимы совместные действия для решения поставленных задач. Если же позиции сторон диаметрально противоположны и участников общения на данный момент ничто не объединяет, за стол переговоров садиться нельзя. Нужно определенное время для

сближения позиций противников и появления точек соприкосновения взаимных интересов.

Субъекты переговорного процесса могут преследовать разные цели, в зависимости от этого выделяют функции переговоров:

- если стороны заинтересованы в прояснении позиций, обмене взглядами, то функция переговоров – информационная;
- если стороны заинтересованы в налаживании связей, отношений – коммуникативная;
- если стороны заинтересованы в выработке конкретных форм взаимодействия – регуляции и координации действий;
- если стороны заинтересованы в определении порядка проверки выполнения соглашений – контроля;
- если одна из сторон заинтересована во времени для перегруппировки и наращивания сил – отвлечения внимания;
- если одна из сторон заинтересована в саморекламе в глазах общественности – пропаганды.

Крайне важным в социальном партнерстве является осознание сторонами необходимости решения проблемы именно мирным путем, то есть при помощи переговоров, что запускает механизм установления взаимного доверия, очень важного для слаженного функционирования государства – человека – общества. Конечно, стороны рискуют, будучи вынужденными доверять недавнему противнику. Однако согласование интересов, шаги навстречу друг другу, ослабление негативных эмоций, исправление искаженного восприятия могут стать ключевым моментом переговоров.

Не меньшую популярность в обществе сейчас набирает медиация. Трудно переоценить роль медиации в обеспечении справедливости и безопасности при разрешении конфликтов в обществе. Данный метод дает цивилизованные и гуманные средства восстановления нарушенной способности граждан к мирному сосуществованию. Вмешательство третьего независимого лица – медиатора – при конфликтах, которые уже не могут быть урегулированы собственными силами людей – это шанс сохранения и семейного, и гражданского мира, сохранения и укрепления отношений, любви, дружбы или гражданского общества.

Медиация – это междисциплинарная деятельность. Ее применяют юристы – в гражданском и уголовном процессах; психологи, психо-

терапевты, социальные работники – при разводах, в разрешении семейных споров; педагоги – в практике урегулирования подростковых конфликтов; она используется в практике разрешения споров между предпринимателями, а также между гражданами и представителями разных ветвей власти: все мы – люди, все мы спорим.

Медиация – это участие в конфликте нейтральной незаинтересованной стороны, которая авторитетна для всех конфликтующих участников. Медиаторы ведут процесс выяснения всех обстоятельств. При этом медиатор делает все возможное – из этого состоит технология медиации – чтобы позиция и за ней стоящие чувства, пожелания, интересы, потребности сторон сначала были «выложены на стол медиации», затем были услышаны и поняты всеми, аргументы отработаны, и, наконец, выработано общее решение – выход из конфликтной ситуации, который устроит все стороны.

В США медиация как метод конструктивного урегулирования конфликтов используется с 60-х годов. На сегодняшний день медиация адаптирована и распространена в таких странах, как Новая Зеландия, Канада, Австралия, Великобритания, Франция, Испания, Италия, Бельгия, Швейцария, Австрия.

Попытки привлечь в спор третье лицо, чтобы достичь приемлемого решения спора, не новы. Как модель решения конфликта медиация имеет богатую историческую традицию. Подобную практику имели древние иудеи, известна она была и в Африке, Японии и Китае. В Китае и Японии стратегия медиации используется на протяжении долгого времени для урегулирования социальных отношений. В античной Греции конфликты между городами-государствами регулировались при посредничестве третьих лиц. Во многих африканских племенах и в наши дни сохранился институт народных собраний, где конфликты разрешаются с помощью персоны, которой все доверяют и которую все уважают.

В практике мирного урегулирования медиацию давно используют, среди прочего, при урегулировании межкультурных конфликтов в области международной дипломатии. Медиация с большим успехом использовалась в дипломатии, при улаживании конфликтов между соседями, профессиональными группами, землевладельцами, политическими партиями и государствами на протяжении многих веков. Например, конец Тридцатилетней войне в 1648 году положен

именно благодаря медиации. В экономике, в семье, на рабочих местах, в организациях, профессиональных группах, общинах и т.д. используются различные стратегии урегулирования конфликтов, которые по сути своей медиативны, хотя так и не называются, а обозначаются как «техники переговоров».

Безусловно, медиация – один из инструментов организации эффективного миро- и правопорядка. В результате успешных медиационных процедур стороны (субъекты) достигают понимания общности своих интересов. Благодаря этому, им удается понять, как нормативная структура соответствует их отношениям, создать «конституцию» для своих будущих отношений или прекратить непродуктивное взаимодействие.

Серьезным игроком, посредником в социальном партнерстве человека и государства выступают средства массовой информации. По мнению французского исследователя Р. Дебре, который ввел в научный оборот термин «медиаократия», СМИ сегодня выполняет функции, принадлежавшие в средневековой Европе церкви, где она принимала участие во всем.

Теоретически средства массовой информации – пресса, радио, телевидение, кино, звуко- и видеозапись, а в последние десятилетия многочисленные системы спутниковой связи, кабельного телевидения, региональные и глобальные компьютерные сети относятся к техническому инструментарию коммуникации. В их задачу входит сбор информации по своим каналам, ее кодирование в соответствии со стилями, свойственными именно этим каналам и, наконец, ее передача пользователям (зрителям, слушателям, читателям). Однако мы наблюдаем, что информационные институты обеспечивают не только социальную связь, но и модифицируют, формируют сознание своей аудитории, управляют ее поведением, то есть являются одним из творцов политики. По мнению немецкого социолога Н. Больц, наши знания о реальности опосредованы СМИ, и стало бессмысленным отличать отображение от отображаемого явления. Что есть тот или иной политик или событие – это вообще можно понять лишь в их медиальной инсценировке. То, что реально происходит, становится общественным событием только через свое медиальное отображение.

В этой связи мнения о существовании информационной власти, которую связывают с управлением коммуникациями, их содержанием и направленностью посредством манипулирования информацией, вполне оправданны. Эта власть способна воздействовать на поведение людей, прежде всего, двумя способами:

- Побуждая людей к определенным действиям, через навязывание их цели;
- Предотвращая или блокируя возникновение нежелательных (антисистемных) общественных движений, протестов, действий.

Исследователи вычленили следующие важнейшие политические функции, выполняемые СМИ сегодня:

- Информационная – получение, обработка и распространение информации о деятельности всех важнейших элементов политической системы. Для человека постоянная информационная связь с окружающим миром, социальной средой, является важнейшим условием нормальной жизнедеятельности. Общей тенденцией современного общественного развития является преобладание и резкое увеличение доли информации, получаемой посредством СМИ, а не из непосредственного опыта индивида и межличностного общения;

- Образовательная – сообщение сведений, дополняющих знания о политике и политическом процессе, которые граждане получают в образовательных учреждениях различного уровня;

- Политической социализации – усвоение политических норм, ценностей и образцов поведения, совместимых с нормальным функционированием политической системы;

- Критики и контроля – формирование мнений и взглядов на происходящее в сфере политики. Критика и контроль способствуют также артикуляции различных общественных интересов, мобилизации на политическое участие⁴⁶⁵.

Возможным итогом социальных перемен, порожденных развитием и конвергенцией информационных и коммуникационных технологий, может стать создание общества нового типа – «глобального» и «информационного», в котором обмен информацией не будет иметь ни временных, ни пространственных, ни политических границ. А коммуникативные технологии помогут достичь социально ответственного партнерства человека, государства и общества пу-

тем социальной эволюции, так как социальное партнерство – проявление социального мира и средство его достижения. И хочется верить Ю. Хабермасу, что рациональное возникает и развивается именно в сфере коммуникаций, и процессы, происходящие в этой сфере, являются определяющими факторами общественного развития⁴⁶⁶. Именно коммуникативный дискурс создает то пространство свободы, в котором индивиды на основе согласия способны влиять на ход исторического процесса, быть его реальными субъектами.

Степаненко Р.Ф.,
доктор юридических наук, профессор,
заведующая кафедрой теории и истории государства и права
УВО «Университет управления «ТИСБИ»;
профессор кафедры теории и истории
государства и права Казанского
(Приволжского) федерального университета

Социальное государство и личность в философско-правовом измерении

Идеи социального предназначения государства, зарождение и становление которых темпорально совпадали с «соединением многих людей, связанным между собой в вопросах права и общностью интересов» в государство как «достояние народа» (Цицерон), носили глубоко гуманистический и нравственный характер. Возвышенное философско-правовое воззрение на сущность и высшую ценность полиса обосновывались мыслителями античного периода и легли в основу, прежде всего, европейского государствоведения и юриспруденции.

Вспоминая античные времена и рассуждая о демократии и ее основе – принципе «политической добродетели», Ш.Л. Монтескье в работе «О духе законов», доминирующее значение в организации отношений государства и личности предавал «моральным факторам» (соблюдению обычаев, сохранению добрых нравов в обществе, справедливости экономических отношений и т.д.). Ведущая роль в установлении справедливого социального порядка должна принадлежать, по мнению автора, закону. «Законодатель должен сообразовываться с народным духом», жить в обществе и государстве – это естественный закон. Рассуждая, в частности, об аристократическом правлении, Ш. Монтескье осуждает неравенство и привилегии власти, отмечая: «привилегии пусть даются сенату, а сенаторам – ничего, кроме уважения», что в целом, придает серьезное социальное значение его концепции «справедливости», подчеркивая ценность интересов государства и индивида, между которыми складываются договорные отношения.

Русский мыслитель и правовед И.А. Ильин основными задачами и целями государства называл построение союза, «дружного сожи-

тельства людей», призванного существовать при «справедливом праве», которое по своей сущности есть «моральное верное право». «Хозяйственное и духовное» устройство государства не ограничивается только установлением порядка. Государство: «...должно делать все возможное для того, чтобы народ не страдал не только от раздоров, войн и несправедливости, но и от голода, болезней,... особенную важность получают заботы государства об умственном развитии людей... ведь государство... корпорация, существующая именно в них и через них».

Одновременно социальность человека, как система приобретенных свойств и качеств, которые обеспечивают его возможность и способность существования в обществе, есть его необходимый элемент, который реализуется через выполнение социальных ролей, соблюдение правовых требований и др.. Долгое время в субъект – в субъективном подходе, объяснялась необходимая и существенная связь человека и государства, где то и другое неизменно влияют друг на друга и «формируют» друг друга. Иные взгляды обосновываются в рамках постмодернистской науки, обосновывающей сегодня «крах социального», пределах доминирования социальных начал в развитии общественного (Ж. Бодрийяр), что обнаруживает проблему совместимости или несовместности индивидуального, общественного и государственного. Жизнедеятельность человека в государстве в ситуации совместного, означает разделение собственного с другими «во имя некоей целостности, именуемой обществом, социумом, гражданством, государством.

Одним из основополагающих факторов социального взаимодействия, критерием его целесообразности, является категорий «ожидания». М. Вебер, исследуя общественно ориентированное действие (в нашем случае это взаимодействие государства и личности – Р.С.), выделяет в его структуре концепцию «ожидания» определенного поведения других и, соответственно, оценка успешности данного взаимодействия конструируется из вероятности шансов воплощения этих ожиданий.

«Общественно ориентированными действиями» автор называет: а) ожидание, основанное на «определенных установлениях»; б) при условии, если последние сформулированы чисто «целерационально»; в) если самоориентация участников взаимодействия «целера-

циональна», что предполагает совершение действий определенного типа. Однако «ориентация» поведения на предполагаемый и ожидаемый порядок может заключаться в одном из случаев в том, что один из участников взаимодействия «сознательно противодействует» смыслу устанавливаемого порядка. В этом случае, если одни участники взаимодействия «подобно шулерам» ожидают, что другие индивиды будут вести себя подобно первым, т.е. «как будто действуя в установленном порядке», то в «среднем», такое положение может сохраняться достаточно долго. Но: «... как только «все игроки в карты «узнают», что принятых правил игры вообще больше никто не придерживается..., то в таких случаях этот установленный порядок эмпирически больше не существует, а следовательно, не существует и соответствующего объединения в обществе». Вопрос заключается в том, что рассматриваем ли мы «объединение общества по случаю» (государство – Р.С.) или же нас интересуют общественные объединения для длительного исторического взаимодействия. Этот вопрос серьезного концептуального исследования, завершает автор.

Появление во второй половине XX века на правовой карте мира конституционно декларируемых социальных государств (ФРГ, Испания, Италия, Португалия и др.), закрепление в Европейской социальной хартии (1991, Турин), ответственности государств за обеспечение социальных прав своих граждан, повлекли за собой легитимизацию положений о социальном государстве и на территории бывших республик СССР. Социальным признается государство Армении, Беларусь, Грузия, Казахстан, Таджикистан, Украина, Азербайджан и Российская Федерация.

Статья 7 Основного закона России устанавливает положение о Российской Федерации как социальном государстве, в котором: политика направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей, устанавливается гарантированный минимальный размер оплаты труда, обеспечивается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства, инвалидов и пожилых граждан, развивается система социальных служб, устанавливаются государственные пенсии, пособия и иные гарантии социальной защиты.

Построение стратегий развития социального государства и их реализация являются необходимым и желательным вариантом цивилизационной эволюции нашей страны. Правовая социальная политика государства должна выстраиваться на основе взаимной ответственности личности и государства, социально-правового партнерства, сбалансированности прав и обязанностей и государства и личности, что позволит прогнозировать возможности государства, общества, личности. Именно социальное благополучие является индикатором взаимодействия государства и личности, а право в мировоззренческих смыслах выступает измерителем этого благополучия. Закон формально определяет определенную совокупность благ, а право в экзистенциальных контекстах выявляет необходимость установления нормирования способов их приобретения. Право вне посылы социального благополучия становится «бессмысленным, деаксиологизированным» понятием, что важно отразить в положениях Основного закона. Например, Конституция Италии в статье 2 признает и гарантирует ненарушаемость прав человека и требует исполнения обязанностей государства в сфере политической, экономической и социальной солидарности.

Рассуждая о социальной солидарности и присущим русскому народу чувству коллективизма, В.Д. Зорькин подчеркивает важность подобного «солидаристского поворота», который в условиях современной виртуальной экономики, «паразитирующей» на достижениях реальной экономики (производительной) противостоит «вопиющей несправедливости» в распределении жизненных благ. «Ушедшими в прошлое» называет автор воспетую М. Вебером этику капиталистического труда, бережливость, заботу о будущих поколениях, отказ от выгоды в ущерб обществу, на замену которым пришли «идеология воинствующего индивидуализма», «эгоизм рыночных монополистов», «растущая нищета», «отрицание гуманизма», чреватые «разрушением человечества как единой социальной общности», появлением «лишних людей», «резким уменьшением численности среднего класса», на котором «держится» современное государство. Настораживает В.Д.Зорькина тенденция формирования «прекариата», т.е. нового нестабильного и неустойчивого социального класса у которого нет социального договора с государством.

К такому классу специалисты уже относят не менее 2/3 трудоспособного населения.

«Социальное государство в таком виде, в каком оно сформировалось в эпоху модерна в результате общественного договора между основными социальными классами, уже не адекватно складывающейся принципиально новой ситуации», в особенности в условиях «нарастающей маргинализации и депривации широких масс».

Если остановить свое внимание непосредственно на общей теории маргинальности, то обнаруживается значительное совпадение предметно-объектных областей исследования этого феномена, в частности, в двух сложившихся в маргиналистике подходах: философском и правовом (теория права и криминология), в каждом из которых маргинальный образ жизни, маргинальное поведение и сознание, маргинальная личность, положение маргинальных групп в социокультурном пространстве и т. д. исследуются с единой целью. При этом философский подход не вступает в разногласия с правовым направлением, поскольку изучает проблемы, выходящие за рамки юридических дисциплин, относящиеся к познанию общих и частных форм бытия. Как и общая теория права, философия права (правовая философия) исследует локальные цивилизации, а также конкретные культуры и функционирующие в них системы права, нормы и ценности, составляющие содержание права, сознание и поведение человека, соблюдающего или нарушающего правовые нормы, и многое другое.

Под маргинальностью, в широком смысле, нами понимается историческое относительно устойчивое социальное явление, обусловленное как внутренними (личностными), так и внешними (социально-экономическими, политическими, демографическими, духовно-нравственными и т. д.) причинами и закономерностями, которые в своей взаимосвязи продуцируют формирование специфических, не адаптированных (или находящихся в процессе адаптации) к нормативной системе лиц, групп (страт), требующих социальной опеки и защиты со стороны государства.

Философско-правовое осмысление отчужденности маргиналов от системы социально-нормативных ценностей в любом из государств обнаруживает в себе необходимость объяснения многочисленных факторов, собственно обуславливающих природу этого отчуждения.

В связи с этим изучение феномена маргинальности связано с проблемой выявления объективных и субъективных предпосылок возникновения ситуаций (состояний, положений) ведущих, с одной стороны, к личностному отчуждению, а с другой – к «удалению» маргинальных индивидов (групп) за пределы государственно-гарантированного социально-правового, в том числе законодательного, пространства. На самом деле, преобладающим большинством в маргиналистике научно обосновано и подтверждается, что ситуация и состояние маргинальности формируются двусторонним образом: как в условиях и по причине личностных субъективных факторов, так и в силу отчуждения у маргиналов принадлежащих им от рождения социальных прав и свобод, а также собственно «отторжения» самой личности маргинала государственными структурами от границ социальной сферы. В этом смысле соотношение маргинальности и права (закона) представляет собой, скорее всего, значительную асимметричность нахождения данных элементов в соционормативном пространстве. Наблюдается «забвение» правом острых социальных проблем, ведущих к маргинализации.

Отличная от общефилософской, философско-правовая точка зрения на феномен отчуждения состоит в том, что последний имеет корни не только в самой природе человека, но возникает и тогда, когда человек «выходит в общество» с его общеобязательными и не всегда ясными установлениями, нормами и т. д. По мнению многих исследователей в этой области, происходит умаление масштабов личности, обуславливающее отчуждение человеческой природы от человеческого же сообщества. Такая позиция влияния фактора отчуждения, в том числе и на формирование маргинальной личности, исследуется в многочисленных работах выдающихся зарубежных философов (З. Фрейда, Э. Гуссерля, Г. Маркузе, Ж.-П. Сартра, Э. Фромма, М. Фуко, М. Хайдеггера, К. Ясперса и многих других).

Так, по мнению Э. Фромма, формирование отчужденного (маргинального. – Р.С.) человека кроется в специфике экономической системы капиталистического общества, которое создает большую личность и, следовательно, большое общество. Отношения человека, общества и государства складываются таким образом, что они являются друг для друга лишь орудием или инструментом достижения собственных целей. Вне взаимной полезности, устанавливаемой

между «нанимателем» и «наемником», они являют собой две стороны, не заинтересованные друг в друге. Между тем уже не только экономические, но и личные отношения между людьми в этой ситуации принимают характер отчуждения. Вместо человеческих отношений они напоминают отношения вещей. Но разрушительнее всего, отмечает Фромм, дух отчуждения проявляется в отношении индивида к самому себе.

Современная западная социальная философия значительным образом расширяет проблематику отчужденности и связывает ее с влиянием цивилизации, технологической рациональности, индустриализации, влияющих на формирование современного «одномерного человека» в «одномерном обществе», где последний представляет собой объект «духовного манипулирования» (Г. Маркузе) с пониженным критическим отношением к социуму, тип которого преимущественно возникает в период стратификации нового индустриально и технологически развитого общества.

Пограничная ситуация, то есть «конечные границы бытия», данные индивиду через интенциональную связь «Я» и предметного мира, в маргинальном положении предоставляет человеку возможности, которые он может либо использовать, либо упустить. Всякое определение позиций личностью так или иначе связано с решающим выбором, а поскольку любой выбор неизбежно исключает часть возможностей, то человек самостоятельно принимает безусловные и окончательные решения в наличном социально правовом должествовании.

Здесь, на наш взгляд, в познании маргинальности как свойства, влияющего на сознание, в том числе на правосознание, индивида обнаруживает свою значимость феноменологический метод Э. Гуссерля, который позволяет перейти от метафизического объяснения этого феномена к субъективистскому взгляду на его функционирование в социуме. Этот метод дает возможность изучить социокультурные возможности и потребности маргинальных страт через структуры сознания, содержащие предпосылки для восприятия ими естественно-правовых концептов. Для этой философско-правовой сферы, в том числе в маргиналистике, изучаемой посредством применения гуссерлианского метода, наибольший интерес представляют не чистые нормативные структуры, подчиняющие себе чело-

веческое сознание и социальную деятельность, а структуры внутренней мотивации исторического субъекта, которые выражаются в совокупности образов непосредственно чувственной данности.

Э. Гуссерль вводит в свою теорию концепт «жизненного мира», который означает, что каждый человек обладает совокупностью первоначальных, донаучных мнений, очевидностей, верований, не нуждающихся в доказательствах и нормативных императивах. Они значат для становления правосознания, по мнению Гуссерля, гораздо больше, чем рассудочные доказательства и дискурсивные обоснования. Феноменология перемещает доминанту нормативности из внешнего правоустанавливающего пространства во внутренний мир человека, который должен отвечать критериям нравственности и социального порядка. Именно внутренние истины и их содержание являются предельно достоверными, именно они являются регуляторами деятельности человека, разъясняет феноменология.

Таким образом, философско-правовое измерение отношений социального государства и личности экстраполируется в сферу положений и обоснований философских учений о ценностях и фундаментальных принципах человеческого бытия и духовной жизни в обществе и государстве, в том числе их отчужденных и «пограничных» (маргинальных) формах, в статике и динамике социальных изменений с учетом реальных потребностей и поиска мировоззренческих ориентиров, регулирующих деятельность человека. С позиций права необходимо нахождение и установление той справедливой и разумной меры свободы и равенства всех участников общественных отношений, при помощи которой возможно установление социального благополучия и социального порядка, где может достойно существовать и развиваться личность.

В свою очередь, имеющаяся на сегодня действующая модель отношений социального государства со значительным числом не стремящихся к социализации (несоциализирующихся) личностей, во многом, если это возможно, требует колоссальной модификации, и здесь веберовский концепт «ожидания» может стать решающим на пути цивилизационного развития государственности в современных условиях.

Никулина И.А.,
кандидат филологических наук,
доцент кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Социальное партнерство в образовании: традиции и новации академической лекции

Образование как социальный институт играет важную роль в процессе социализации человека. Оно отвечает за адекватную подготовку субъекта к полноценной жизнедеятельности в обществе. Изначально понятие «социальное партнерство» использовалось только в социальных и экономических науках и означало процесс согласования действий участников. В более широком смысле «социальное партнерство» рассматривается как взаимодействие, в результате которого субъекты удовлетворяют свои потребности. Для демократического общества характерны договорные отношения между равноправными субъектами. Отношения подчиненности здесь заменяются отношениями партнерства. Социальные изменения привели к смене образовательной парадигмы, переходу от регламентирующих, алгоритмизированных форм и методов организации дидактического процесса к развивающим, проблемным, исследовательским, поисковым, обеспечивающим рождение познавательных мотивов и интересов, условий для творчества в обучении.

В Концепции модернизации российского образования обозначено, что новое качество образования – это «ориентация образования не только на усвоение обучающимся определенной суммы знаний, но и на развитие его личности, его познавательных и созидательных способностей», получение опыта самостоятельной деятельности и личной ответственности, формирование современных ключевых компетенций в различных сферах жизнедеятельности. Исходя из этого, под социальным партнерством в образовании понимается *особый тип взаимодействия равноправных субъектов, формирующегося на основе заинтересованности обеих сторон в обучении и развитии их социокультурного окружения, ориентирующий участников на поиск согласия, достижения консенсуса, оптимизацию отношений.*

Академическая лекция как одна из основных форм передачи знаний (информации) основываясь на таких принципах как добро-

вольность, осознанность, диалогическое общение является по сути одной из форм партнерства.

Именно партнерский стиль педагога в большей степени, чем авторитарный помогает решению проблемы мотивации активности обучаемых. Это достигается не только дидактическими методами и приемами, но и использованием эффективных форм педагогического общения, созданием комфортной, стимулирующей атмосферы, уважением к личности обучающегося.

Говоря об академическом красноречии и его разновидностях, мы прежде всего имеем в виду выступления ученых и преподавателей, посвященные вопросам науки и культуры, к которым можно отнести и учебные, и научно-популярные лекции. Академическое красноречие опирается на многовековые традиции, складывавшиеся по мере развития университетского образования в Европе и России. Учебную лекцию характеризуют стилевые черты: наличие общенаучной лексики, широкое употребление глаголов в форме настоящего времени, которые выступают в отвлеченном вневременном значении, насыщенность текста лекции абстрактными существительными, частое использование вводных слов и конструкций, преобладание сложных предложений над простыми. Не менее значимо использование внеязыковых средств, таких как интонация, жесты и мимика.

Ораторство – явление историческое. Каждая эпоха предъявляет свои требования к ораторам и ораторским нравам, имеет свой риторический идеал. «Оратор есть тот, кто любой вопрос изложит со знанием дела, стройно и изящно, с достоинством при исполнении» (Цицерон). Оратор не тот, кто много говорит, а тот, кого приятно и интересно слушать; и слушатели «боятся, как бы он не перестал говорить» (Сенека). Исследованию ораторского мастерства и характерных риторических приемов в лекторской практике знаменитых соотечественников посвящена монография Л.Н. Колесниковой⁴⁶⁷.

Один из принципов активного обучения заключается в постоянном взаимодействии обучаемых и преподавателей посредством прямых и обратных связей. Один из риторических законов – закон гармонизирующего диалога требует от оратора умения установить контакт с аудиторией таким образом, чтобы совместная интеллектуальная деятельность и эмоциональное сопереживание сопровож-

дали взаимодействие на всем протяжении речи оратора. Полагаем, что реакция адресата речи, то есть аудитории обучающихся есть определяющий критерий мастерства лектора.

В качестве доказательства данной мысли, проанализируем, русскую традицию академического красноречия на примере особенностей ораторского таланта известных русских ученых-лекторов. Два выдающихся лектора прошлого – В.О.Ключевский и Т.Н.Грановский, безусловно, являются яркими представителями русской традиции академического красноречия.

Вспоминая в своих мемуарных записях лекции любимых профессоров, слушатели XIX века отмечали те качества, которые облегчали и упрощали понимание материала: беседа с аудиторией, простота и естественность речи, артистизм, активная жестикуляция и развитая мимика, юмор и шутки в лекционной речи. Каждый из представителей блестящей плеяды русских ученых-лекторов задумывался об условиях эффективности своих лекций – то есть об их риторических особенностях. «Вы являлись пред нами не только ученым и художником, но и артистом, талантливо передающим в чтении самые тонкие оттенки мысли, вливающим живое чувство в каждый образ. В Ваших лекциях нас поражала музыка Вашей блестящей речи. Завидев Вас на кафедре, мы целиком отдавались в Вашу власть. И Вы по временам владеете своей аудиторией, заставляя ее то издавать шепот восторга, то смеяться», – вспоминали о лекциях В.О. Ключевского его бывшие ученики⁴⁶⁸.

Известно, что природный артистизм и обаяние личности оратора вместе с гармонией формы и содержания речевого (вербального и невербального) общения производит большое впечатление на аудиторию.

А.Ф. Кони вспоминает: «На кафедру взошел Ключевский... В его манере говорить я почувствовал особое умение насторожить и обострить внимание слушателей. Простое, без всяких вычур слово его было так полновесно и с таким искусством соединяло в себе отвлеченные определения, широкие обобщения и жизненные образы, что слушающий очень скоро чувствовал себя во власти лектора. В сжатое и точное его изложение по временам и совершенно неожиданно вправлялись афоризмы, в которых одновременно блистали яркая мысль и тонкое остроумие».

Разумеется, успех лекции определяется прежде всего ее содержанием. Ключевский неустанно работал над текстом лекций, над их содержанием, образностью, стройностью. Структура лекции была ясна студенту. Лекция состояла из сравнительно немногих отделов, логически тесно связанных между собой, вытекающих один из другого. Обработка содержания лекций, их свежесть, новизна, отчетливость построения – первое и самое значительное требование лекторского искусства. «Главной привлекательностью Ключевского, – по выражению одного из учеников, – было его умение «необычайно просто изложить самые трудные сюжеты, вроде, например, вопроса о возникновении земских соборов, вопроса о происхождении крепостного права». А.Ф. Кони говорит о «неподражаемой ясности и краткости» Ключевского, о «чудесном русском языке» Ключевского, «тайной которого он владел в совершенстве».

Лектор использовал различные средства художественной выразительности, русские пословицы и поговорки, характерные народные обороты и крылатые выражения. Известен афоризм Ключевского о необходимости простоты: «Мудрено пишут только о том, чего не понимают». Сам же Ключевский всегда находил простые, понятные, свежие слова.

Риторический прием удержания внимания аудитории. Слушатели отмечали особые риторические приемы Ключевского. Он умело оживлял и обострял внимание аудитории контрастностью переходов от одной интонации к другой. Так, лирический тон рассказа о каком-либо событии неожиданно сменялся у него едким сарказмом, выход из напряжения создавался нотой внезапного комизма, и «шелест смеха» пробегал по аудитории. Серьезное обобщение вдруг сменялось ярким конкретным штрихом, неожиданной метафорой, шуткой. Риторический прием, называемый «шутка, юмор» имеет целью слегка рассмешить, и одновременно запомнить. Например, царь Алексей Михайлович был обрисован лектором как человек сложного «переходного» времени. «Он уже почувствовал возникновение некоторых новых задач, вставших позже во весь рост в царствование Петра I, но в то же время еще сильно скован русской стариной, старым строем и прежними обычаями. Он как бы занес одну ногу, чтобы сделать новый шаг, да так и застыл в этом неудобном положении». И не было слушателя, который не запомнил бы этого

образа и соответственно основной его идеи. Десятки раз расходившиеся с лекций студенты наглядно изображали в коридоре «промежуточное» положение царя Алексея и, валясь с ног, под смех товарищей, обсуждали «переходные» особенности XVII века»

В случае, когда оратор заинтересован предметом речи, то его эмоциональная вдохновенная речь воспринимается слушателями как откровение, а внешняя техника речевого поведения оратора делает звучащее слово слышимым, понимаемым, воздействующим.

Василий Осипович Ключевский также заботился о том, чтобы его лекции были понятны и доступны, и студенты успевали бы их записать. Поэтому он «отчеканивал окончания произносимых им слов так, что для внимательного слушателя не мог пропасть ни один звук, ни одна интонация негромкого, но необыкновенно ясно звучащего голоса. Неторопливость лекции была такова, что при небольшом навыке можно было... записывать, не пользуясь стенографией, буквально слово в слово, как она произносилась».

Отметим основные средства коммуникативного воздействия лектора В.О.Ключевского – это неторопливая манера говорить, умение усилить внимание слушателей, использование в речи ярких образов и остроумных афоризмов, пословиц и поговорок, сжатое и точное изложение материала лекции.

Обращение к текстам и конспектам лекций Тимофея Николаевича Грановского, хранящимся в музее Т.Н. Грановского в г. Орле, позволяет сделать обобщение о риторических приемах его лекций⁴⁶⁹. Лекции ученого-историка, как правило, начинаются словами: «*Мы с вами...*», т.е. ученый использует важный риторический прием обращения к аудитории «мы-совокупности». Этим обращением Грановский подчеркивает свое *духовное единение оратора со слушателями*. Чаще всего в начале лекций Грановский использует «мы авторское» в значении «мы-совокупности», например: «*Мы будем заниматься историей последних 3-х столетий, так называемой новой историей*» Каждую новую лекцию Т.Н. Грановский связывает с предыдущей темой: «*Мы сказали о рубежах средней и новой истории*». «*Мы остановились на характеристике представителей нового направления литературы в Германии в конце XV начале XVI столетий*». «*Мы представили краткий очерк событий новой истории до половины XVII столетия*». Это важный воспитательный и методический прием. Во-

первых, актуализируются полученные ранее знания, устанавливается логическая связь исторических событий. Во-вторых, с помощью метода ретроспекции поддерживается связь тем лекций, что, в целом, способствует достижению системности в подаче материала.

На его публичные лекции «*съезжалась вся Москва*», «...люди слушали его очень внимательно, аудитория была заполнена до отказа, студенты сидели даже на подоконниках, толпились у кафедры. Когда Грановский заканчивал лекции, все вскакивали в каком-то опьянении, дамы махали платками, другие жали ему руки, горячо благодарили. Я сам видел молодых людей с раскрасневшимися щеками, кричавших сквозь слезы «Браво! Бра-во!» (А.И. Герцен). Художественное изложение материала лекций позволяло слушателям представлять себе исторические события, быть участниками их. Смелость и ясность, образность и вдохновенность речи Грановского побуждали студентов *мыслить и чувствовать вместе с лектором и приходиться к нужным выводам, растили новое поколение русских эрудитов и интеллигентов.*

Таким образом, Т.Н. Грановский воспитывал молодое поколение патриотов своим продуманным и прочувствованным *словом* посредством своего предмета (истории) и через предмет (историю), своим духовным единением с аудиторией, любовью к людям и сильным желанием послужить России.

Слушатели XIX века отмечали те качества лекторов, которые облегчали и упрощали понимание материала: беседа с аудиторией, простота и естественность речи, артистизм, активная жестикуляция и развитая мимика, юмор и шутки в лекционной речи. Каждый из представителей блестящей плеяды русских ученых-лекторов задумывался об условиях эффективности своих лекций – то есть об их риторических особенностях.

Естественно, возникают логичные вопросы: «Актуальны ли приемы и традиции русского академического красноречия в современном образовательном процессе?» Прежде всего нужно хорошо знать современную студенческую аудиторию, учитывать фактор адресата академической лекции.

Полагаем, что и современной студенческой аудитории нужна живая речь оратора, живой ум, живая фантазия ученого, помогающая усваивать предмет речи. Цифровая эпоха диктует свои требования,

интерактивное обучение постепенно завоевывает все больше сторонников, поскольку делает процесс обучения более мотивированным, продуктивным, эмоционально насыщенным, личностно развивающим, а значит, более качественным.

Известно, что творческая активность предполагает устремление обучающегося к теоретическому осмыслению знаний, самостоятельный поиск решения проблем, интенсивное проявление познавательных интересов.

Современные слушатели, характеризуя выступление докладчика как академичное, традиционное, часто хотят подчеркнуть не столько полноту излагаемого научного знания, сколько сухость, наукообразность и отсутствие эмоциональности в изложении материала, что, конечно, в целом несправедливо по отношению к русской лекторской традиции, но косвенно отражает потребности современной аудитории.

При этом необходимо отметить, что современная академическая аудитория имеет ряд характерных особенностей. Под особенностями понимаются не только социальный статус, возраст, уровень подготовленности по теме, но и весь комплекс лингвокультурных характеристик адресата речи. Цифровое пространство массмедийной коммуникации меняет формат общения не только частной, политической, но и академической среды. В результате становление информационного, массмедийного общества отражается и на отношении к языковой практике⁴⁷⁰. Мы взаимодействуем с представителями поколения, выросшего на мультимедийной культуре. Сейчас лингвистами всего мире осмысливаются трансформации процесса общения, происходящие вследствие глобализации информации во всех сферах жизни человека. Лингвокультурная ситуация изменилась, в частности, в споре «текст против видео» сейчас все чаще выигрывает видео. Высока популярность видеоконтента – преобладание визуальной подачи информации, в том числе и в обучающих программах. Новостная лента социальной сети Фейсбук представляет собой чередование сообщений разных авторов, представляет собой бесконечный дискурс, не имеющий ни пространственных, ни временных ограничений. Общение в социальной сети – это бесконечный коммуникативный поток, состоящий из высказываний разных авторов. Текст становится игрой, и в ней меняются правила:

полноправными правами владеет смайлик, исчезают знаки препинания и строчные буквы. Авторы предпочитают короткие посты сообщений, и связано это с тем, что информационное пространство перенасыщено, длинные тексты не используются, потому что отнимают много времени. В одно изображение можно вложить не только эмоцию, но и культурную информацию. Картинки легко сочетать между собой, они универсальны в этом их популярность. По сути это явление демонстрирует желание, потребность молодого поколения по-новому относиться к получению, записи или хранению информации. Поколение массмедиа, субъекты массовой коммуникации, основой которой является оперативное донесение актуальной информации с одной стороны, становятся заложниками этой способности, а с другой стороны – это их сильная сторона. Речевые привычки строить дискурс в коммуникативном пространстве социальных сетей становятся нормой письменной речи не только в Интернете, но и в повседневной практике.

Лингвисты, описывающие коммуникативные процессы в социальных сетях, составили лингвистический портрет среднестатистического пользователя сетей. Полагаем, что современному лектору академического вуза будут интересны данные исследований⁴⁷¹.

1. Гипертекстовая организация информации вызывает появление нового типа языка, по форме являющегося устно-письменным. Полидискурсивность, многоголосие интернет-общения дает его участникам изменять, удалять, добавлять первоначальный текст; сам дискурс отличается принципиальной открытостью. Тем самым обеспечивается бесконечное генерирование знаков и текстов, комбинирование различных каналов восприятия – визуальных, аудиальных, интерактивных; происходит соединение различных дискурсов – политических, экономических, профессиональных.

2. Глобальность, расширение коммуникативного пространства, определенное «размытие» социальных, территориальных, половых, возрастных ограничений; своевременный доступ к необходимой информации, где особенностью виртуального времени становится «здесь и сейчас». Процесс коллективного обсуждения темы при полном отсутствии знаний о собеседнике и поверхностном знании самого предмета обсуждения является одной из характеристик интернет-общения.

3. В связи с этим, отличительной чертой современного пользователя сетей ученые называют креативность. Каждый пользователь выделяет свой фрагмент текста и формирует свой собственный стиль обсуждения.

4. Лингвистический анализ языка интернет-общения также позволяет сделать обобщенный вывод о том, что имеется тенденция к упрощению синтаксической структуры предложения и текста; к несоблюдению или минимализации использования знаков препинания; широкому использованию иностранной лексики; замена слов графическими изображениями («картинка со смыслом», «смайлик» и «эмодзи» как выражение положительных эмоций в сети); большое число сокращения и аббревиатур; использование нелитературной лексики; приближение графической формы слова к звуковой; нарушение орфографических, грамматических и синтаксических норм; использование заглавных букв для написания слов. Возможно, в дальнейшем данный процесс в какой-то мере утратит популярность и пойдет на спад, но в настоящее время мы находимся на пике технического и интернет-прогресса, а это причина изменений в языковой среде.

Современный лектор не может рассчитывать только на подготовленную аудиторию, его лекция должна представлять собой изложение научных фактов для широкой аудитории, которая может оказаться не подготовлена к их восприятию. Кроме того, для современного поколения обучающихся представляет определенную сложность усвоение больших объемов устной речи, компрессия услышанного (собственно анализ информации, выделение главного и запись опорных моментов). Во многом с этим связана необходимость в визуальной поддержке получаемой информации.

Интересно отметить, что несмотря на все имеющиеся различия в культурном, политическом и даже историческом плане, западные и русские лекторы сталкиваются с схожими задачами при подаче материала научного характера.

Согласимся с исследователями⁴⁷², которые считают, что «лекция как вид профессиональной педагогической деятельности перестает существовать в традиционном понимании для англоязычных лекторов и остается большей частью традиционно академической в российской вузовской среде».

Самым распространенным риторическим приемом западных лекторов является диалогизация речи: с самого начала ораторы активно стремятся создать диалог либо с помощью риторических вопросов, либо путем призывов аудитории к действиям, что позволяет им в большей степени сблизить аудиторию с темой, дать им переживать и осмысливать сказанное. Далее – в западных лекциях характерно повествование коротких историй, позволяющих слушателям более живо и образно представить и впоследствии легче постичь передаваемый смысл. Лекции продумываются авторами не только содержательно, но и не в меньшей мере с точки зрения формы. Отмечая, что мозг человека не запоминает скучную информацию, исследователи подготовки публичного выступления в формате презентаций приводят пример шокирующего, впечатляющего, вызывающего изумление вступления лекции. Это задевает за живое и врезается в память, так как такой прием полностью захватывает внимание слушателей и вспоминается еще долго после окончания презентации. В этом современные лекторы являются достойными продолжателями традиций древних греков, считавших, что эффект возможен только тогда, когда зрителями и слушателями будет испытан аффект.

В целом и российские, и зарубежные лекторы современности пользуются традиционным набором риторических приемов, который, по результатам наблюдения, можно выявить в любой хорошей публичной лекции и прошлого, и настоящего:

- четкая артикуляция и дикция, широкий интонационный диапазон;
- контроль над скоростью и громкостью речи, умеренная жестикация;
- употребление в лекции лексики разговорного стиля, умение пошутить в ходе лекции.

В качестве современной тенденции необходимо отметить усиливающуюся драматизацию, заранее продуманный постановочный характер публичной лекции при сокращающемся времени ее звучания, что неизбежно делает ее содержание более насыщенным и сжатым.

Подводя итог, можно с уверенностью говорить, что в связи с развитием информационных технологий, устный жанр учебной речи –

академическая лекция претерпевает кардинальные перемены. Формат вузовской лекции содержит фрагменты нового научного знания, приемы массмедийной культуры, учитывает особенности восприятия аудитории, чтобы подготовить обучающихся к собственному научному творчеству.

Обращение современного лектора к приемам и методам риторики помогает решить сложные современные проблемы, связанные с построением научного текста и речи. Речь идет об определенных законах, начиная с подготовки и составления плана академической лекции, психологии и артикуляции оратора и заканчивая конкретными примерами речевых практик и наставлений. Некоторые рекомендации известного ученого-ритора А.А. Волкова несомненно актуальны для современного ритора:

– «Произносите речь не словами, а фразами. Длина фразы определяется состоянием и размером аудитории и объемом помещения, в котором вы говорите. Чем больше аудитория и объем помещения, тем меньше должна быть фраза»;

– «Завершение всякой речи должно быть энергичным и оптимистичным. Покажите объемом голоса и завершающей интонацией, что вы сказали все, что нашли нужным, и не забудьте поблагодарить аудиторию за внимание»

– «Будьте человеколюбивы – говорите по возможности кратко. Звучащее слово насильно воздействует на организм слушателя, и предел этому насилью должен быть положен своевременно».

Осознание социальной значимости словесного опыта людей, зафиксированного в лучших образцах академической риторики – один из значимых факторов в эффективной подготовке современного лектора.

Беляев М.А.,
кандидат философских наук,
доцент кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)

Государственно-частное партнерство и саморегулирование как механизмы связи фактического и нормативного⁴⁷³

Проблема связи фактического и нормативного имеет множество формулировок, одна из которых связана с принципиальной возможностью управляемого развития – идеалом любого социума эпохи позднего модерна. В этой парадигме новое не обязательно является позитивно окрашенным элементом бытия, однако, своевременная и адекватная реакция системы на некий вызов считается несомненным признаком «здорового состояния» данной системы, а возможность предвидеть будущие вызовы указывает на рациональный способ принятия решений через идеализацию, моделирование, экономию ресурсов и бережное обращение с ними, какой бы природы они ни были.

Известно, что задачи, решение которых лежит в основе всякого прогрессивного общественного развития, усложняются прямо пропорционально росту сложности тех систем, в пределах которых для таких задач может быть найдено соответствующее решение. В свою очередь, каждая новая масштабная задача в определенной степени раздвигает границы той системы, функционирование которой зависит от ожидаемого решения. В результате увеличивается количество пересечений данной системы с объектами, принадлежащими окружающей среде (происходит экспансия системы), а также расширяется область рутинных практик. Это легко объяснимо, ведь всякая оригинальная задача со временем претерпевает метаморфозу: ее решение из уникального превращается в массовое и в качестве такового утрачивает предметно-содержательную специфику, переставая быть интересным для мыслящего субъекта. Благодаря автоматизации (которая бывает не только чисто технической, но и технико-социальной, когда коллективы людей «срастаются» с устройствами, генерирующими, передающими и потребляющими информацию) рутинные практики сохраняют устойчивость, управляемость и определенность. Мышление не занимается ими, а бюрокра-

тическое администрирование только опирается на них в ходе самолегитимации, доказывая свою полезность в деле упорядочения социальных взаимодействий. В этом случае с течением времени практики в значительной степени выпадают из сферы чьих-либо интенций, погружаясь в стихию коллективного бессознательного (здесь это выражение используется не в его юнгианском значении, а метафорически).

Одним из следствий такого погружения оказывается размывание границы между нормативной системой и окружающими ее средами, постоянно пополняемыми за счет естественной динамики сообществ (обмена энергией, информацией и т.д.). Если же не определена граница, отсутствует и возможность точной квалификации социальных действий на предмет соответствия той или иной общепринятой нормативной модели. В частности, система будет лишена способности отделять неслучайное новое от вариативно-случайного, но привычного. Управленческое переосмысление данных отношений и, соответственно, устранение данной познавательной неопределенности может происходить в двух формах: либо модифицируется соответствующая практика (из неформальной она превращается в формальную), либо в некоторую уже апробированную модель вносятся необходимые поправки, так что искомая квалификация становится возможной как таковая или в значительной степени уточняется, приобретает гибкость. Другими словами, реакция системы на закономерную новизну отличается от реакции на казусы отклонения, лишённые новизны.

Применительно к праву изменения первого рода предполагают легализацию фактически присутствующей в социальной системе деятельности путем включения новых правовых институтов в структуру права (их признания⁴⁷⁴). Поскольку государственно-центрированные нормативные системы развиваются неравномерно, чаще всего признание оформляется заимствованием удачных решений из внешнего окружения (и тем исчерпывается) с последующей адаптацией регулирования через механизмы обратной связи (в роли которых выступает судебная практика и пр.). Что же касается «доработки» уже внедренных моделей, здесь можно обойтись и без заимствований, ограничиваясь, к примеру, дифференциацией единого правового режима, причем многократной. В неотрефлексив-

рованной управленческой ситуации эти два вида изменений почти всегда сливаются в один. Закономерно – с точки зрения теории принятия решений – что более сложная форма поглощается без остатка более простой, так что во всех случаях проще обнаружить дифференциацию права, чем его использование в целях признания каких-либо новых нормативных притязаний.

Объяснить это упрощение-замалчивание можно, если поставить вопрос о субъектах подобных изменений, прежде всего – об их заказчике (*stakeholder*). В условиях отечественных реалий таковым без сомнения и по умолчанию считается публичная власть, точнее – государство. Это представляется до некоторой степени логичным, поскольку оно вносит изменения в собственную сферу деятельности (правовое регулирование), т. е. здесь не возникает сомнений в компетентности – по крайней мере, на первый взгляд. С другой стороны, такой порядок выглядит как монологическое социальное действие субъекта, старательно избегающего альтернатив. Низкая активность институтов гражданского общества может коррелировать с данной бессознательной установкой, вследствие чего публичная власть все более убеждается в правоте любой своей позиции, в т.ч. в сфере регуляторной политики. Пространство возможностей для диалога при этом резко сужается, даже концептуально взаимодействие остается крайне необеспеченным, не говоря уже об иных инфраструктурных элементах.

Существует некая особенность системной адаптации: инструментальный характер деятельности предполагает, что любой преобразователь не может не меняться сам в ходе осуществления преобразующих воздействий на какие-либо отношения. Система подвижна, когда она адаптивна, и система эффективна в адаптации, когда она внешнее преобразует во внутреннее⁴⁷⁵. Иными словами, нужно понимать и помнить, что самостоятельность системы в постановке целей своего существования определенным образом коррелирует с устройством этой системы⁴⁷⁶. Тогда возникает неслучайный вопрос: какими могут быть структурные изменения принципов принятия политически значимых решений, дабы вероятные негативные эффекты монологического принципа были устранены, а правовая система эффективно реагировала на вызовы извне в виде нетипичных задач? Вполне очевидно, что речь должна идти о неких гибридных

формах взаимодействия, чья активизация именно целесообразна «по краям» системы, ибо, возникая в пограничной среде, эти формы имеют шанс проникнуть и в самый центр рутинных практик, тогда как обратное движение обречено на неудачу изначально (доказательство этого утверждения не приводится в силу экономии места).

Рассматривая многообразие возможных вариантов взаимодействия различных акторов в публичном пространстве, я намерен остановиться на двух моделях – государственно-частном партнерстве (ГЧП) и саморегулировании. Между ними есть определенное сходство: обе модели существенно ограничивают вертикальную иерархию в принятии решений, опираясь на интенсификацию горизонтальных связей. Есть и различия: ГЧП предполагает вхождение публично-правового образования в устойчивую договорную связь с неправительственным экономическим агентом, тогда как саморегулирование переносит центр тяжести на сообщество таких агентов, придавая ему гораздо большую независимость от политической власти и бюрократического механизма в целом. Имеет смысл сопоставить эти модели с точки зрения их эффективности, понимая таковую расширенно, не ограничиваясь экономической стороной дела.

Логика ГЧП подразумевает сотрудничество между государственным и частным секторами с целью осуществления проекта или оказания услуги, обычно предоставляемой государственным сектором⁴⁷⁷. Чисто рыночные отношения находятся здесь в тесной связи с организационно-управленческими, так что неверно было бы ограничивать ГЧП объединением ресурсов договаривающихся сторон или распределением рисков между ними⁴⁷⁸. В данном случае важнее те паритетные начала, на основе которых формируется общее понимание целей и перспектив той или иной деятельности. Инициатива, исходящая от субъекта предпринимательской деятельности, способствует верному определению и дальнейшему переосмыслению публичной властью собственных возможностей и приоритетов (на это направлен, к примеру, институт обязательного рассмотрения т.н. «незапрошенных предложений» в ходе осуществления ГЧП⁴⁷⁹). Естественно, эффект инициативности далеко превосходит чисто хозяйственную сторону дела, здесь мы видим довольно тесное взаимодействие правовых и моральных (в широком смысле)

начал. Можно урегулировать и обмен ресурсами, и порядок распределения доходов (рисков, ответственности) участников ГЧП, но право не порождает сам интерес к такому взаимодействию, не обеспечивает его возникновение и сохранение в течение длительного времени. Двигателем интереса выступает доверие – предпосылка социальной солидарности и основание самоограничения политической власти. Именно поэтому один лишь учет экономических показателей ничего не может сказать об эффективности данной формы взаимодействия.

О таковой можно судить лишь из дальней перспективы, образумой повсеместным ростом доверия (в том числе, политического), способного привести и к новому виду взаимоотношений государства и общества, а именно – саморегулированию. Последнее предполагает известную меру самоорганизации хозяйствующих субъектов, самостоятельность в решении множества вопросов, затрагивающих их текущее и перспективное положения. Вследствие самоорганизации формируется комплекс требований и правил, вытекающих из рыночных и иных условий профессиональной активности в определенной сфере общественного производства. Наилучшая самоорганизация предполагает, что такое нормирование будет осуществляться полностью силами сложившегося сообщества профессионалов, что автоматически влечет отмирание собственно правовых регуляторов (таких как сертификация, лицензирование). В качестве санкций в такой системе будут фигурировать меры корпоративного порицания и выражения недоверия, а не законодательно установленные штрафы и другие меры принуждения. Более гибким окажется и порядок пересмотра правил, если к этому созреют предпосылки.

Между саморегулированием и ГЧП есть несомненное сходство в том, что в обоих случаях публичная власть не обладает достаточной полнотой информации, чтобы выступать инициатором переговоров и концессионных соглашений. В большей части случаев это ей и не нужно, ведь признание, как уже было сказано выше, легко подменить дифференциацией правового регулирования. Но последнее неэффективно, если речь идет именно об ответе нормативной системы на вызовы нового типа. Дифференциация не перераспределяет ответственность, не улучшает имидж бюрократии в глазах

населения, не образует новых коммуникативных связей. Что же касается доверия, оно должно расширять свое присутствие как по вертикали (в противном случае не будет партнерства), так и по горизонтали (иначе не будет поддержки со стороны некоммерческих неправительственных организаций, а ведь именно они, по сути, структурируют общественное мнение – помимо, разумеется, СМИ). Вероятно, можно утверждать, что возрастание доверия – это процесс отчасти управляемый, но не прямо, а косвенно. В частности, всяческая поддержка проектов ГЧП может служить фактором, благоприятно влияющим на перенос нормотворческой функции от суверена к сообществу практиков-профессионалов (что впрочем не страшает от злоупотреблений с их стороны, равно как и со стороны государства, внезапно обретающего контрольные полномочия «второго порядка»). Но этого может и не случиться даже при развитом взаимодействии бизнеса и власти, ибо последняя не желает расставаться с такой важной прерогативой как установление правил и санкций. Вообще, как представляется, пока политический суверенитет будет оставаться неделимой и неприкосновенной величиной, для социального доверия единственной меркой будет оставаться взаимоотношение политической элиты и управляемого большинства. Но ключевая роль таких институтов как ГЧП и саморегулирование состоит не в том, чтобы подорвать авторитет власти (скорее, здесь обратная задача – увеличить его), а в том, чтобы внедрить в дискурс идеологему социальной солидарности (чье отсутствие, как справедливо замечает О.Ю. Рыбаков, инициирует процессы дезинтеграции⁴⁸⁰), необходимость которой органически вытекает из расширенного (неэкономического) понимания эффективности макроэкономических взаимодействий в обществе, ибо если не ростом доверия, то чем же еще можно измерить их качество?

Таким образом, переход фактического в нормативное, т.е. образование новых формальных и полуформальных институтов не может не сопровождаться структурными изменениями в публичной сфере. Минимальной степенью такого рода изменений следует считать инфраструктуру, обеспечивающую доведение частной инициативы до сведения публично-правовых субъектов, максимальной – делегирование политическим сувереном ряда ключевых полномочий и функций определенным дискурсивным (коммуникативным) сооб-

ществам, потенциал воздействия которых на окружающую среду довольно значителен, а само воздействие – эффективно в широком смысле этого слова. На долю философии в этом процессе выпадает, очевидно, идеологическое сопровождение данных преобразований, что следует считать весьма почетной миссией.

Миц Д.С.,
кандидат юридических наук,
эксперт экспертно-консультативного совета
Совета Парламентской Ассамблеи Организации
Договора о коллективной безопасности (ОДКБ)

Антитеррористическая функция государства и единство юридической практики

Эволюция [прогрессивное (устойчивое) развитие] правового регулирования национальной безопасности реальна, когда угрозы безопасности личности, общества и государства, а также стратегические меры по их устранению законодательно учтены. Данная эволюция органично связана с возникновением и развитием государства. При этом динамику развития законодательства в сфере обеспечения полноценной безопасности следует рассматривать как адекватную реакцию государства на возникающие угрозы, в том числе его суверенному существованию⁴⁸¹.

Современные доктринальные и общетеоретические подходы по проблематике национальной безопасности отличает недооценка или игнорирование концепции, стратегии, единой программы полноценной безопасности, что исключает единый алгоритм разработки, формулирования, принятия и реализации направлений обеспечения национальной безопасности⁴⁸².

Ориентиром эволюции правового регулирования является национальные интересы как неотъемлемого первого условия для осуществления полноценной безопасности. При этом механизм правового регулирования национальной безопасности учитывает научные воззрения, в том числе по вопросам антитеррористической функции государства, сформировавшихся как в общей теории права, так и в отраслевых науках конституционного, административно-уголовного, международного и других отраслей права⁴⁸³.

Правовое регулирование национальной безопасности актуально в связи с зависимостью права от национальной безопасности. Правовое обеспечение национальной безопасности выделяет ряд специфических особенностей. При этом вопросы правовых вызовов и угроз; национальных правовых интересов и правового противодействия (преодоления) современности – угрозам безопасности лично-

сти, общества и государства заслуживают должного внимания на национальном и наднациональном поле (уровне).

Следует отметить, что в системе обеспечения безопасности личности, общества и государства (национальной безопасности) антитеррористические задачи по-прежнему выделяются в качестве приоритетных в связи с трагическими событиями во многих уголках нашей планеты. Обновление антитеррористической функции государства способствует совершенствованию правового регулирования национальной безопасности. При этом имеющиеся достижения и сложности системы обеспечения национальной безопасности воздействует на оптимизацию антитеррористической функции государства.

Таким образом, антитеррористическая функция государства правовая концепция национальной безопасности, которая учитывает доктринальный и общетеоретический подходы и элементы (источники) оптимизации смежных функций государства.

Доктринальный подход в контексте рассматриваемой функции имеет узконаправленный (точечный) профиль, а общетеоретический – противоположное многопрофильное содержание. Для представителей практики антитеррористическая функция государства – это своевременный комплекс противодействия терроризму. Для представителей научного обеспечения антитеррористической деятельности рассматриваемая функция – это система государственного реагирования со своими плюсами и минусами. При этом «минусы» связаны с оперативностью внедрения, а «плюсы» распространения передового алгоритма и опыта.

Поэтому доктринальный и общетеоретический подходы для науки и практики антитеррористической функции государства важные сферы с особенностями реализации.

Ориентир эволюции права связан с особенностями современной действительности. При главенствующей идеи «выгодоприобретения» ориентир эволюции права будет от этого зависеть. Безопасность личности, общества и государства не может находиться исключительно в «руках» частных структур ищущих выгодоприобретение. Новые вызовы и угрозы указанной безопасности выстраивают государственный приоритет наравне со свободой выгодоприоб-

ретения. В системе рассматриваемой безопасности вопросы противодействия терроризму выделены как наиболее насущные.

«Мутация» терроризма выдвигает на первый план ориентир эволюции права. Нацеливаясь на комплекс факторов и его отражению его негативных проявлений экономическая безопасность и социальная безопасность взаимодействуют с антитеррористической функцией государства.

Следует отметить, что оптимизация области бизнеса и других антитеррористических субъектов будет способствовать укреплению антитеррористической функции государства на различных уровнях.

Самохвалова В.К.,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социальных наук
Всероссийской академии внешней торговли
Министерства экономического развития РФ

Об общественном контроле над государством

Прежде чем непосредственно перейти к проблеме общественного контроля над государством, следует обратиться к более обширной теме, а именно – к рассмотрению того основания, которое является фундаментом самих взаимоотношений общества и власти и тем самым определяет их структуру, характер и «моральный облик» – к анализу *ценностей*.

В основе социальной жизни лежат *ценности*⁴⁸⁴. Исходя из них строятся социальные действия, взаимодействия и отношения. Именно ценности формируют и направляют гражданские экспектации, делая возможными социальный порядок и общественную жизнь как таковую. Следовательно, ценности являются *условиями возможности* как общества в целом, так и его многообразнейших институциональных образований, включая государство⁴⁸⁵. Однако, что представляют собою ценности?

Ценность как таковая – это *отношение* индивида или социальной группы или общества к некоторому материальному или же нематериальному объекту или живому существу в качестве чего-то значимого, важного, полезного, желаемого. Следует подчеркнуть: сами эти объекты или живые существа онтологическим качеством ценности не обладают. Именно субъект в процессе оценивания приписывает, придает ценность чему-либо или кому-либо. Иначе говоря, только субъект наделяет оцениваемый им объект *качеством ценности*. Соответственно, объекты, которые оценивает субъект, не содержат качество ценности, но являются (после процесса оценивания) *носителями ценности*. Ценности содержатся не в природе и окружающем мире, а локализируются во внутреннем мире самого человека: *ценности – исключительно «в голове»*.

В природе человека, его мышления, заложен ценностный импульс. Это выражается в том, что все содержание мышления (т.е. все существующее и сущее, которое может быть каким-то образом вос-

принято и помыслено) оценивается с точки зрения тех ценностей, которые присущи мыслящей личности, определенной группе или обществу в целом, поскольку только личность способна давать оценку (и самооценку тоже) и тем самым приписывать объектам ценность. Это означает, что все человеческое мышление является оценивающим и ценностный характер мышления носит всеобщий характер.

Из сказанного следует, что ценности представляют собою идеальные (нематериальные) сущности, которые могут быть приписаны материальным или нематериальным объектам. Важно подчеркнуть: ценность – это отношение, которое по своей природе не может быть материальным⁴⁸⁶. Как уже отмечалось, ценность не является имманентным качеством самих объектов, процессов или явлений, но исключительно только привносимым свойством, которое субъект придает тому, что обладает для него значимостью, важностью и какого-то рода пользой. Соответственно, ценность является значимой, важной и полезной исключительно только для субъекта оценивания. Поэтому, когда говорят о «материальных ценностях», то это выражение следует понимать либо как метафору, либо как некорректное словоупотребление, так как материальными могут быть только носители ценности, т.е. объекты, которые субъект наделил ценностью, но не само отношение оценивания. Таким образом, ценности по своей природе исключительно идеальны, т.е. являются идеальной матрицей значимости. В этом смысле ценности как универсальные онтологические установки допустимо представлять в качестве регулятивных принципов как мышления, так и социального действия.

Какую роль играют так понятые ценности в отношениях общества и власти? Какова их функция в отношении права и закона?

В качестве примера рассмотрим основополагающие ценности юридической сферы – *свободу* и *справедливость*. Свобода есть априорная идея практического разума (И. Кант), или, по-другому, регулятивный принцип разума. В качестве таковой свобода является важнейшим определяющим фактором всей нашей жизни, включая познание и социальную деятельность. Свобода есть способность начинать собственное действие спонтанно, самопроизвольно. Другими словами, любое индивидуальное или коллективное социаль-

ное действие, в основе которого лежит свободная (автономная, т.е. – буквально – «самозаконная») воля, не должно иметь никакой другой причины, кроме причинности свободной воли, т.е. свободы определять мотив своего поступка и спонтанно начинать действие⁴⁸⁷.

В таком случае, как указывал И. Кант, свобода (независимость от принуждающего произволения), поскольку она совместима со свободой каждого другого, сообразной со всеобщим законом, есть единственное первоначальное право, присущее каждому человеку в силу его принадлежности к человеческому роду. Из такого понимания свободы с логической необходимостью следует философское понятие права. *Право* – это совокупность условий, при которых произволение одного лица совместимо с произволением другого с точки зрения всеобщего закона свободы. Сформулировав данное понятие права, Кант вслед за этим определяет и «всеобщий правовой закон», который требует поступать *внешне* так, чтобы твое свободное произволение было совместимо с такой же свободой другого⁴⁸⁸.

Нужно сказать, что идея свободы определяет не только сущность, но задает и содержание права. Свобода в лице разумной личности всегда и в полной мере осознает свою оригинальную самость и осуществляется не под жестким давлением (осознанной или неосознанной) необходимости, а также ответственности, обязательности и долга, но с их непременным скрупулезным учетом и всегда по доброй (т.е. свободной) воле. Свободу необходимо рассматривать не только как свободу воли, индивидуальную автономию, самоволие, доброволие, самообладание, моральное и правовое самопринуждение, но также и как свободу потенциальных возможностей и как свободу выбора.

В свою очередь, *справедливость* – это априорный аксиологический принцип, служащий для интерпретации любого положения дел, любой эмпирической ситуации, любого события, встречающегося в жизни людей, в соответствии с *представлениями о должном*, о том, как *должно быть*. По результатам интерпретации событий или положений дел мы получаем возможность квалифицировать и оценить сущее либо как соответствующее должному (справедливому), либо нет. Модусами справедливости, в частности, традиционно вы-

ступают честность, «добродетель общественных институтов» и социальная обязанность. Современное понимание справедливости также невозможно без учета таких критериев, как потенциальные возможности и потенциальные сценарии.

Юридическая справедливость (правосудность) опирается на право. Соответственно, правовое состояние есть взаимоотношение между людьми, содержащее те условия, единственно при которых всякий может пользоваться своим правом; при этом формальным принципом возможности такого состояния является общественная справедливость. Право, таким образом, представляет собою аксиологическую и нормативную систему, на основе принципов которой строится разветвленная и строго организованная структура формализованных и официально принятых норм и полномочий, т.е. закон, законодательство. Следовательно, в основе взаимодействия общества и государства всегда лежат базовые морально-правовые ценности. Как согласие, так и конфликты между социумом и властью также всегда возникают (в самом глубоком своем основании) по поводу фундаментальных ценностей.

Однако творцом и носителем всех социальных ценностей, включая сюда априорные и «Богоданные», является отнюдь не государство, а народ – как человечество в целом, так и крупные общности (нации, народности), разнообразные социальные группы и, кроме того, самая маленькая группа, но самый важный человеческий институт – семья.

Отсюда можно сделать, как минимум, два основополагающих вывода. Во-первых, если мы хотим говорить о правовом прогрессе, крайне необходимо для общества стремиться *гуманизировать и аксиологизировать право*, а вслед за ним – законодательство. Во-вторых, гражданскому обществу также необходимо *осуществлять жесткий контроль за деятельностью государственных органов в законотворческой и правоприменительной сфере*. Не секрет, что у государства существует множество способов контролировать как общество в целом, так и отдельные элементы общества, вплоть до индивидов. Но для того, чтобы отношения власти и граждан были приемлемыми и строились на взаимном консенсусе, *необходим строгий паритет в правах и обязанностях*. И это – очень жесткое условие, самый категорический императив, говоря словами Канта.

Именно этот императив и должен неукоснительно воплощаться в социальной жизни. В современной отечественной юриспруденции исторические, теоретические и ценностные аспекты процесса гуманизации и аксиологизации пристально изучали широко известные и уважаемые юристы – в частности, С.С. Алексеев, Р.З. Лившиц, Е.А. Лукашева, В.С. Нерсесянц, А.П. Семитко, Л.И. Спиридонов, Ю.В. Тихонравов, В.А. Четвернин и многие другие. Однако сам реальный процесс гуманизации и аксиологизации права и правового сознания в человеческой истории проходил неравномерно и не без отступлений.

Еще в середине XIX в. возник так называемый «юридический позитивизм» (точнее – легистский позитивизм), который подменил юриспруденцию «легистикой». Легистские позитивисты заявили, что единственным научным содержанием юриспруденции может быть только изучение законов. Поскольку закон они определяли как приказ верховной власти, постольку единственным научным предметом юриспруденции было объявлено изучение как раз этих приказов. Правовое сознание, таким образом, претерпело существенную деформацию: на передний план выходила легистика и заявляла, что право и закон тождественны и представляют собою приказы государственной власти. О морально-правовых принципах, составляющих фундамент и сущность права, о морально-ценностной ориентации законодательства речь уже не шла. Подобная деформация грозила очень многими и крайне негативными последствиями.

Собственно говоря, легистский позитивизм представлял собою разновидность философского позитивизма («первого позитивизма»), главным основоположником которого был Огюст Конт. Стремясь превратить философию в так называемую «строгую науку», Конт призывал отказаться от «метафизики», т.е. ценностных и мировоззренческих идей, перевести философское мышление на рельсы сугубо естественнонаучных методов и уделять основное внимание описанию явлений, переориентировать философское исследование с вопроса «почему?» на вопрос «как?» и, соответственно, изучать прежде всего методы естественных наук, систематизировать их, пытаясь создать универсальную методологию. Иначе говоря, Конт мыслил свести все многообразие философских тем и проблем лишь к тем немногим, что могут найти разрешение в одном из ее

разделов, а именно – в философии науки. Здесь следует отметить, что если в области собственно философии (метафизики) попытки Конта принесли гораздо больше вреда, нежели пользы, то в сфере изучения общества его интенции, напротив, позволили в итоге создать эмпирическую социологию – подлинную социальную науку, основанную на достаточно строгих методах.

В юриспруденции также был воспринят и подхвачен призыв Конта отказаться от «метафизики», что привело, в конечном итоге, к разрушению и удалению на какое-то время с европейской авансцены аксиологического правового сознания и морально-ценностного правопонимания. В самом деле, легистский (в данном случае – этатистский) позитивизм, – начиная с Джона Остина и его основоположения о том, что право – это повеление суверена, – в своем намерении «очистить» сферу юриспруденции от ценностных и «метафизических» идей, следовал программе Конта. Отвергая «вечные» ценностные принципы, сосредоточившись на «позитивном знании» о праве и эмпирической методологии исследования, этатистские позитивисты – от Дж. Остина, К. Бергбома и Г.Ф. Шершеневича вплоть до Г. Кельзена и К. Шмитта – отрицали необходимую дифференциацию права и закона, утверждая тем самым антиправовую идею об их тождественности. В результате этого отрицания любой конкретный закон оказывался правовым. Поскольку же законы принимаются государством («сувереном»), которое обеспечивает их обязательность силовым принуждением, то отсюда с неизбежностью следует закономерный вывод: у кого сила – тот и прав. Лучше будет сказать: даже не вывод, а, скорее, осознаваемая, но тщательно скрываемая предпосылка всего этатистского правопонимания. Однако всякий юрист (да и не только юрист) знает, что всегда и повсеместно существовали и существуют неправовые законы, прямо нарушающие основополагающие для юридической сферы ценности справедливости, правосудия и свободы, открыто посягающие на права и свободы человека.

Именно к такому «аргументу силы» с неизбежностью приводят рассуждения легистских этатистов, обосновывающих право и закон при помощи наиболее распространенных аргументов вроде «обязательности» позитивистски интерпретируемого права, или суверенитета государства, или так называемой «основной нормы» Ганса

Кельзена... Однако «обязательность» права как раз и нуждается в доказательстве. Отсылка к «суверенитету государства» есть не что иное, как упомянутый выше логически неправомерный аргумент «к силе», а пресловутая «основная норма» Кельзена, как он ее описывает, представляет собою некое висящее в воздухе «допущение», под которым невозможно отыскать ничего общеобязательного, необходимого и фундаментального.

Такой «методологический» подход этатистского позитивизма к обоснованию правомерности, общезначимости и обязательности права и закона приводит, в конце концов, к полной деформации правового сознания и, как следствие, к теоретической легитимации наиболее привлекательной для любого, пожалуй, государства идеологии, согласно которой оно (государство) всегда оказывается юридически правым, и для него не существует ничего юридически невозможного, а правом называется то, что приказывает власть.

Сущность такой деформации правового сознания и права ведет к тяжелым социальным последствиям и заключается в следующем: *отождествление права и закона приводит к уничтожению права как ценностно-нормативной системы, основанной на морально-правовых принципах*. В таком случае закон (он же теперь – и право) полностью лишается социально-нравственного ориентира, который ему насущно необходим (ибо в отсутствие, к примеру, принципа справедливости, как утверждал Аврелий Августин, государство не отличается от шайки разбойников). Кроме того, законодатель-государство утрачивает какой бы то ни было социальный контроль за своей деятельностью (недаром все тоталитарные режимы XX в. поддерживали этатистский позитивизм и, прежде всего, «позитивизм понятий») и тем самым лишается той самой фундаментальной легитимности, которая обеспечивается лишь социальной поддержкой, коль скоро источником власти является народ.

Наконец, закон (законодательство) остается без своего главного критерия, который определяет, является ли данный закон правовым. Ибо право является для закона именно мерилем установления правового характера последнего. Ведь исключительно только для этатистского позитивизма и непременно в тоталитарном государстве все законы являются автоматически правовыми. В ситуации неразличения права и закона, в условиях неспособности и нежела-

ния четко их разграничивать все законодательство будет полностью и безраздельно отдано на откуп государству как сугубо бюрократической структуре, для которой характерны многие антиобщественные тенденции и действия.

В самом деле, в установлении и принятии закона первенствующая роль принадлежит государству-законодателю. Однако его же роль в формировании *права* как морально-ценностной системы принципов, норм и полномочий может быть в лучшем случае второстепенной – как по времени, так и по моральной значимости и вкладу. Точно также, как автором и носителем всех социальных ценностей является социум (а вовсе не государство), подобным же образом складывается положение дел с правом.

Приоритет в отборе и постепенной трансформации принципов, лежащих в основе права, естественно, принадлежит обществу в целом как социокультурной системе (в том числе и гражданскому обществу – когда оно возникает), разнообразным социальным общностям, группам, корпорациям... Стало быть, процесс обоснования и формирования права не может проходить лишь в сугубо юридической сфере и в пределах только государства, но с необходимостью должен выходить в более широкую и универсальную область морали и этики (как науки), но прежде всего – социальной жизни в целом. При этом необходимо отметить, что право, как ценностно-нормативная система, фундирующая юридический закон, не может быть синтезировано из эмпирических условий существования законодательства, практики законодательства (законодательного процесса, например), правоприменения, словом, из эмпирической юридической жизни. Иначе говоря, право (в отличие от закона) не может быть обосновано сугубо индуктивным путем, через обобщение эмпирических фактов с их последующей генерализацией, типологизацией и классификацией. *Право может быть только системой ценностей, не имеющих эмпирического происхождения.* Притязания права на всеобщность, общезначимость и общеобязательность могут быть реализованы только путем его общественной (гражданской) легитимации, и непременно – в условиях свободы слова и мысли, в ситуации широкого и открытого «делиберативного дискурса» и стабильной «делиберативной демократии», говоря словами Ю. Хабермаса.

Однако современная общественная практика свидетельствует: аксиологизация и гуманизация правового сознания и права как такового с необходимостью требует широких *институциональных* мер и обязательного использования социальных технологий. Социальный опыт убедительно показывает, что любые другие (неинституциональные) меры не дают необходимого результата. Иначе говоря: необходимо должна присутствовать в нашей жизни целая сеть гражданских (некоммерческих) организаций, которая будет осуществлять *общественную экспертизу* законодательной и любой другой нормативной деятельности государства и органов местного самоуправления. Такая экспертно-правовая сеть должна охватывать своей деятельностью все уровни и ветви государственной власти и органов местного самоуправления. Это требование означает, что *общество (гражданское общество!) обязано и вынуждено (в целях самосохранения) защищать и оберегать право как ценностно-нормативную систему*, представляющую собою фундамент как всей социальной жизни, так и законодательства государства.

Это может быть только общественная (а не государственная) структура, *институт гражданского общества*. Для участия в ней должны быть привлечены высокопрофессиональные юристы, специалисты-этики, общественные деятели, обладающие безупречной нравственной репутацией. Такая структура (в нее может входить и общественный фонд, обеспечивающий уставную деятельность) должна будет организовать широкую и повсеместную общественную экспертизу не только всей законодательной сферы (на всех уровнях!), но также и всех других нормативных актов власти. Кроме того, она неизбежно будет оценивать моральные и правовые качества властей всех уровней. Формирование сети экспертных организаций – цель долгосрочная, и ее реализация потребует немало времени. Однако без такого института гражданского общества невозможно решить задачу сближения общества и власти, а также аксиологизации и гуманизации законодательства.

При этом, широко освещенная, деятельность подобного рода организации будет выполнять не только экспертные функции, но и формировать общественное мнение, культивировать правовое мышление и правовую культуру, а тем самым – социальный и правовой прогресс.

*Рыбакова О.С.,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник ФБУ «Научный центр
правовой информации при Минюсте России»*

Защита семьи государством: баланс частных и публичных интересов

Признавая особую роль семьи в развитии личности, удовлетворении ее духовных потребностей, сегодня семья рассматривается государством и обществом как конституционная ценность, что предопределяет необходимость уважения и защиты ее со стороны государства и общества. Конституция Российской Федерации гарантирует государственную поддержку семьи, материнства, отцовства и детства (ч. 2 ст. 7), а также, защиту материнства и детства (ч. 1 ст. 38). Таким образом, на конституционном уровне в числе национальных приоритетов гарантированы защита и поддержка семьи, детства, ответственного родительства.

Защита института семьи, ее членов и других участников семейных правоотношений осуществляется также нормами отраслевого законодательства различных отраслей права (семейного, административного, уголовного, гражданского и др.), предполагает различные формы, в том числе, судебную защиту, что, по мнению ученых, говорит о важности данной сферы общественных отношений⁴⁸⁹. Семья одинаково важна как для общества, так и для государства, она является одним из главных факторов их совершенствования, полноценного воспитания новых поколений граждан. Справедливо мнение, что «современное российское общество и государство стоят перед реализацией задач по выработке национальных приоритетов правовой политики в области преумножения человеческого капитала, поддержания благоприятных условий развития личности»⁴⁹⁰, повышения качества жизни российских семей, поддержки материнства (отцовства), детства, сохранения национальных культурных ценностей Российского государства.

В последние годы актуализируется необходимость повышенной защиты интересов семьи и семейных ценностей, предлагаются новые формы и способы укрепления правовой связи между родителями и детьми, поддержки института ответственного родительства,

обеспечения семейных прав ребенка, устройства детей сирот и детей, лишенных родительского попечения, обсуждаются санкции и профилактические меры противоправного поведения в отношении членов семьи (особенно детей)⁴⁹¹.

Приоритеты защиты семьи находят отражение в законодательстве и правоприменительной практике, и направлены на создание необходимых условий для улучшения качества жизни российских семей, сохранения и укрепления репродуктивного здоровья населения, повышение уровня рождаемости, улучшение жизнеобеспечения семей, имеющих детей и особенно находящихся в трудной жизненной ситуации, а также на сохранение духовно-нравственных семейных ценностей⁴⁹². Следует согласиться, что, принятые в последние два десятилетия меры поддержки семьи, по повышению качества жизни российских семей⁴⁹³, являются частью планомерной последовательной правовой семейной и демографической политики государства.

Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025, утв. Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р⁴⁹⁴, определила семью как фундаментальную основу российского общества, защита которой обеспечивается целостной системой принципов, задач и приоритетных мер, направленных на ее поддержку и укрепление, на сохранение традиционных семейных ценностей, повышение роли семьи в жизни общества, повышение роли ответственного родительства в семье и обществе, а также на профилактику и преодоление семейного неблагополучия, улучшение условий и повышение качества жизни семей.

Важным направлением защиты института семьи является закрепленный на законодательном уровне приоритет семейных форм воспитания детей, который согласуется с принципами и нормами международного права в сфере защиты прав человека. Справедливо утверждение Ю.Ф. Беспалова, что «семья наделяет человека самым ценным – жизнью, дает основы становления личности, добра, добросовестности, разумности, достоверности, честности, ответственности друг за друга, перед обществом и государством»⁴⁹⁵. Именно семья, в отличие от других воспитательных институтов способна воздействовать и, как правило, воздействует на все стороны личности человека на протяжении всей его жизни⁴⁹⁶. Подобную позицию

выразил Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 31 января 2014 года № 1-П/2014, указав на «необходимость уважения и защиты со стороны государства семейных отношений, одним из принципов регулирования которых является приоритет семейного воспитания детей и реализация которых, соответственно, предполагает не только заключение брака, но и закрепление правовой связи между родителем (лицом, его заменяющим) и ребенком. <...> Одним из средств обеспечения этой связи применительно к детям, оставшимся без попечения родителей, служит возможность их передачи в семью на воспитание (усыновление (удочерение), под опеку или попечительство, в приемную семью либо в случаях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, в патронатную семью)» (п. 2, абз. 6,7)⁴⁹⁷.

К сожалению, в силу различных причин ребенок не всегда имеет возможность жить и воспитываться родными родителями (смерть родителей, лишение (ограничение) родительских прав, любые формы уклонения родителей от воспитания детей, социальное сиротство и др.), забота о ребенке возлагается на государство в лице органов опеки и попечительства, в обязанности которых входит объективная оценка ситуации в отношении каждого ребенка, с целью его дальнейшего обеспечения, преимущественно семейного жизнеустройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей.

Решение приоритетных задач государственной семейной политики в сфере устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, по обеспечению права каждого ребенка на семейное воспитание и создания ребенку наиболее благоприятных условий для жизни и развития, предполагает постоянное сопровождение семей, взявших на воспитание ребенка, посредством оказания им юридической, психологической, педагогической, юридической, социальной и иной помощи. Обязательными элементами семейного устройства детей-сирот ученые выделяют подготовку кандидатов в замещающие родители и сопровождение замещающих семей, что является механизмом профилактики возвратов детей из семей⁴⁹⁸. Тем самым, специальная подготовка будущих родителей способствует минимизации (исключению) фактов семейного неблагополучия и возврата детей (вторичное сиротство), а также созданию бла-

гоприятной устойчивой связи между родителями и ребенком, что положительно влияет на психологический внутрисемейный климат.

Профилактика семейного и детского неблагополучия предполагает развитие системы мер по предупреждению противоправного поведения членов семьи в отношении друг друга, особенно тех, которые в силу возраста (несовершеннолетние, лица пожилого возраста) или особенностей здоровья (инвалиды) не в состоянии самостоятельно противостоять этому. Нормы, направленные на защиту жертв семейно-бытового насилия, содержатся в различных нормативных правовых актах (Семейном кодексе Российской Федерации, Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях, Уголовном кодексе Российской Федерации, федеральных и региональных законах и др.). Так, в целях защиты несовершеннолетних от социально-бытового насилия Федеральным законом от 24.06.1999 № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» предусмотрена обязанность органов и учреждений профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в пределах своей компетенции обеспечивать соблюдение прав и законных интересов несовершеннолетних, осуществлять их защиту от всех форм дискриминации, физического или психического насилия, оскорбления, грубого обращения, сексуальной и иной эксплуатации, выявлять несовершеннолетних и семьи, находящиеся в социально опасном положении⁴⁹⁹. Вместе с тем, имеющиеся меры законодательного регулирования в сфере предотвращения фактов семейно-бытового насилия в отношении членов семьи, особенно детей, являются недостаточными и требуют совершенствования. Ученые обращают внимание на необходимость разработки и принятия целостной системы государственно-правовых мер, направленных на решение проблем семейного неблагополучия, неисполнения родительских обязанностей по воспитанию детей, насилия (физического, психологического, экономического и др.) в отношении членов семьи, жестокого обращения с детьми и т.д.⁵⁰⁰, проблем, которые неблагоприятно сказываются не только на внутрисемейных частноправовых отношениях, но и продуцируются на публично-правовую сферу всего общества и государства.

По данным официальной статистики МВД России, приведенной Э.И. Атагимовой, за последние несколько лет увеличилось число преступлений насильственного характера, совершенных в семейно-правовой сфере: почти в полтора раза увеличилось число детей, пострадавших от насильственных действий родителей (законных представителей) – с 4,1 тыс. в 2011 г. до 5,9 тыс. в 2017 г., в отношении других членов семьи данный показатель увеличился с 5,4 тыс. в 2011 г. до 7,2 в 2017 г.⁵⁰¹ Следует согласиться, что «семейное насилие – один из самых латентных видов преступлений, в силу латентности явления, о реальных масштабах насильственных преступлений в семье мы можем только догадываться, особенно если учесть и то, что одной из главных особенностей семейного насилия – это ее неоднократность и систематичность»⁵⁰². Таким образом, множество фактов о совершении насильственных действий в отношении членов семьи (особенно детей, лиц пожилого возраста, инвалидов) остаются незафиксированными ввиду различных причин (недостаточный уровень правовой грамотности населения, страх еще большего наказания от «домашнего тирана», недоверие к правоохранительной системе и др.).

Должны ли внутрисемейные конфликты между членами семьи регулироваться мерами государственного воздействия? С одной стороны, государство не должно допускать вмешательства в частную жизнь семьи. С другой, обойтись без такого вмешательства в целях защиты конституционных прав каждого члена семьи (прежде всего, на жизнь и охрану здоровья), в том числе путем недопущения любых форм насилия в отношении членов семьи, не представляется возможным. Во втором случае, государство выступает гарантом прав и свобод человека и гражданина – члена семьи, обеспечивает защиту прав потерпевшей стороны, привлекает к ответственности виновного, применяя соответствующие меры принуждения.

Сегодня большой общественный резонанс получило обсуждение необходимости принятия специального закона о профилактике домашнего насилия (насилия в сфере семейных правоотношений, насилия на бытовой почве и т.д.). Мнения разделились на два противоположных лагеря. Сторонники первого полагают, что одних членов семьи необходимо защитить мерами государственного воздействия от любых форм насилия в отношении них со стороны дру-

гих членов семьи. Оппозиция придерживаются мнения, что внутри-семейные отношения касаются непосредственно членов семьи и, могут допускать императивные меры воздействия (особенно в отношении детей), в то время как государство не вправе регулировать семейные конфликты, что предполагает принцип невмешательства в дела семьи.

Вместе с тем, как справедливо отмечала А.М. Нечаева, «ядро семейных отношений, составляют их духовность и нравственные начала человеческого поведения»⁵⁰³, с чем сложно не согласиться. Семейные отношения, согласно основополагающим принципам семейного права, обозначенным в Семейном кодексе РФ, основываются на чувствах взаимной любви и уважения (ст. 1), взаимопомощи и ответственности перед семьей всех ее членов, супруги стоят свои отношения на основе взаимного уважения (статья 31). Мы склонны разделить позицию сторонников необходимости защиты семьи путем вмешательства государства в лице государственных органов (опеки и попечительства, правоохранительных органов и др.) в тех случаях, когда нарушаются права членов семьи со стороны «домашних тиранов», с которыми они совместно проживают и, в большей части, имеют экономическую или другие виды зависимости от них. Любые формы насилия, дискриминации, нарушения прав человека недопустимы в любом цивилизованном обществе, особенно в семье. В данном случае, государственная гарантия защиты членов семьи от «домашних тиранов» направлена, прежде всего, на защиту семьи, ее укрепление и восстановление традиционных семейных ценностей, основанных на любви, взаимном уважении и признании и недопущении нарушений прав других членов семьи.

Полагаем, что профилактика противоправного поведения членов семьи в отношении друг друга должна исходить из принципа законности и обоснованности профилактических мер, основываться на необходимости обеспечения прав, свобод и законных интересов человека и гражданина, поддержки и укрепления семьи, с сохранением приоритета превентивных мер профилактики семейно-бытового насилия над репрессивными. Таким образом, при условии сохранения частно-правовых интересов, защита семьи как основы современного российского общества представляет собой совокупность мер государственного регулирования, направленных на под-

держание и развитие института семьи, путем ее укрепления, формирования ответственного отношения к исполнению родительских обязанностей, поддержания традиционных семейных ценностей, основанных на взаимном уважении, преодоления семейного неблагополучия и профилактики нарушений прав человека внутри семьи.

*Ланг П.П.,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского и
арбитражного процесса ФГ БОУ ВО «Самарский
государственный экономический университет»*

Ценностные основы социального партнерства человека и государства

Вопросы социального партнерства всегда были в центре внимания исследователей. Социальное партнерство как форма взаимодействия человека и государства есть наиболее приемлемое соотношение выражения интересов человека, отраженных в деятельности государства. Социальное партнерство показывает насколько организация деятельности государственных органов соответствует целям, задачам законодательства, принципам организации правовой и политической жизни в данном обществе.

Социальное партнерство как понятие используется в трудовом праве и законодательстве. Положения статьи 23 Трудового кодекса РФ определяют понятие социального партнерства в сфере труда как «систему взаимоотношений (работники, представители работников и работодателями, представителями работодателей), направленную на обеспечение согласования их интересов по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений». Согласование интересов с нормативно выраженной точки зрения в данном случае является основным смыслообразующим началом социального партнерства. Однако в научной доктрине социальное партнерство представлено более многопланово как широкий социальный феномен, отражающий взаимодействие человека и государства.

В фокусе социального партнерства как предметной сферы теоретического изучения и практического компонента социальной сферы оказываются масштабные проблемы современности. Более пятнадцати лет назад эта проблема уже была актуализирована усилиями ученых, которые обращали внимание на принципы и концептуальные подходы к ее решению, когда еще речь и не шла, например, о государственно-частном партнерстве⁵⁰⁴. В современных исследованиях социальное партнерство конкретизируется на фоне существующих

ющей социально-экономической проблематики. Так, например, уделяется внимание цифровизации социальной сферы России⁵⁰⁵, что представляет несомненный интерес и значение для человека как ежедневного участника социальных отношений, так и цифрового взаимодействия⁵⁰⁶. Социальная сфера многопланова. Однако в ее структуре существуют институты и отношения, которые не могут быть реализованы вне системы мер социального партнерства. Совершенно правильно отмечается в научных публикациях, что «сегодня в условиях перехода к социально ориентированной рыночной экономике, усиления внешнеэкономических вызовов и угроз основная задача социальной политики Российского государства видится в повышении уровня и качества жизни населения, стабилизации общественных отношений путем согласования интересов наименее защищенных категорий населения, к которым относятся семьи с детьми»⁵⁰⁷. По существу выражением социального партнерства являются конкретные шаги государства по обеспечению демографической политики⁵⁰⁸. Действительно, отражая значительную совокупность социальных проблем, институт социального партнерства выступает необходимой формой объективно предполагающей реализацию интересов человека со стороны государства.

Становится очевидным, что в основании социального партнерства находится деятельность, осуществляемая на основе определенной совокупности ценностей. Способ отношения к миру посредством предметной деятельности выражает конкретно-продуктивный аспект взаимодействия человека и государства. Освоением природы, ее преобразованием, видимо, не ограничиваются деятельные возможности человека. Наряду с природой, человек созидает культуру, частью которой наряду с другими компонентами, предстает социально-преобразующее поведение человека. Деятельность сущностно и по форме связана с преобразованием, изменением тех или иных предметов, объектов, отношений, свойств и т.д. «Деятельность» как категория присутствует в философском, социологическом, правовом знании длительный период. Свою роль наряду с древнегреческой философией, сыграла немецкая классическая философия (И. Кант, И. Фихте, Г.В.Ф. Гегель). Деятельностный подход воплощен в работах М. Вебера.

Социальность, конструирование социального мира невозможно представить и осуществить вне деятельности. Деятельность отдельного индивида, сообществ, сформированных человеком, государства в лице его органов предстает основным, универсальным, объединяющим условием преобразовательных социальных процессов, формирования различных проявлений социального партнерства. Характеристика деятельности как основного условия и первоначала социальных трансформаций состоит в объективной онтологической расположенности человека в мире: для того чтобы поддерживать биологически собственную жизнь и жизнь других людей, человек помещен в пространство, где деятельное субстанциональное начало является необходимым.

Основное условие жизни человека в виде деятельности подтверждается исторически и логически. Цивилизации и формации имеют начало, развитие и завершение в сопряжении с деятельностью. Содержание деятельности и целеполагание ее организации различны, что прямо или опосредованно оказывает влияние на стабильность или неустойчивость социальных систем, политических режимов, темпоральную длительность функционирования государств. На единичном уровне – конкретный индивид расположен в пространстве необходимого деятельного участия в вопросах поддержания биологической основы собственной жизни, создания коммуникативного пространства, формирования и воспроизводства культуры, выстраиванию индивидуальных и социально-групповых взаимоотношений с государством.

Универсальность как характеристика деятельности предполагает всеобщность, всеохватываемость ею различных носителей социокультурного развития. Если деятельность не универсальна, то имеется иная форма или способ всеобщей связи отношений и явлений, но тогда каковы они? Ответ на вопрос об универсальности, всеохватывающем характере предметно-продуктивной, направленной и реализуемой во времени и пространстве, деятельности состоит в наличии самой деятельности, которая изначально, онтологически и аксиологически незаменима для человека. Человек обречен на деятельность как универсальный способ своего бытия, что предполагает жить и развиваться, совершенствуя себя и себе подобных.

Деятельность как объединяющее начало выражена также в коллективно-соучастном характере деятельности. По существу речь идет о кооперации при известной специализации деятельностных процессов. Объединение в деятельности выражается в необходимом для всех людей статусе субъекта деятельности. Поэтому социальное партнерство выражает объективную необходимость объединения людей по различным критериям. Неодинаковость людей, индивидуальная специфичность их психологического типажа, различная степень владения навыками, умениями не исключает, а предполагает признания этих людей в качестве деятельностных субъектов и участников объединенной деятельности по достижению социально значимых и индивидуально выраженных результатов. У людей действительно, неодинаковы правовые статусы, цели, средства достижения целей, но универсальность их всеобщего статусного положения состоит в том, что любой человек характеризуется как субъект деятельности, и прежде всего, коллективной применительно к социальному партнерству.

Средства деятельности или орудия осуществления социально-преобразовательных процессов неодинаковы и, в силу эволюционного поступательного развития человечества, изменчивы. Однако это не исключает человека из самой деятельности и не изменяет его статуса как субъекта деятельности. Человек как родовое существо в таком смысле предстает носителем деятельности. Деятельность индивида и его организаций носит преобразовательный, новаторский, изменяющийся характер в силу объективных обстоятельств, ее опосредующих на основе целесообразности и ее волевой организации. Деятельность осуществляется на основе ценностей.

Ценность может пониматься как определенное отношение к чему-либо. В этом смысле ценность субъективно выраженное отношение к объекту, обладающему ценностными свойствами. Ценность всегда индивидуализированна. Осуществление государственно-правового регулирования поведения людей, организация системы общественных отношений в целом обеспечивается и показывает социальную ценность правовой деятельности. Если в качестве главной цели правовой деятельности постулировать достижение высокой степени и качества упорядоченности общественных отношений, тогда это и будет основополагающая ценность-идеал.

Неизбежно возникает вопрос о государственно-правовых ценностях: возможно ли их синтетическое единство и не является ли оно эклектичным? В научных публикациях под государственно-правовыми ценностями понимаются социальные блага, признаваемые властной политической элитой и социальным большинством в конкретно-исторический период в качестве значимых и важных, которые объективируются в принципах, целях, нормах права⁵⁰⁹. Понятие «государственно-правовая ценность» выступает таковой через сопряжение и соотношение элементов ценности права и элементов ценности государства. К числу таких элементов можно отнести необходимость организации, упорядочивания и регулирования общественных отношений, что предполагает в обязательном порядке обозначение целей осуществления этих процессов, но в каких целях.

Цели-ценности могут оказаться различными в зависимости от государственно-политического режима, степени развития демократических или тоталитарных начал в государственном обустройстве общества. Природа государственно-правовых ценностей вытекает из природы ценности права и природы ценности государства. Государственная деятельность ограничивается или должна ограничиваться в условиях демократически ориентированного государства, правовыми установлениями. Это опять подчеркивает необходимую связь ценности государства и права. Недемократическая организация власти не связана правом в его естественно-правовом смысле, но использует имидж права, имитируя наличие правовых установлений.

Итак, приведем классификацию ценностных основ социального партнерства человека и государства. Первая группа ценностей: общечеловеческие традиционные, связанные с обеспечением жизнедеятельности человека как существа социоприродного. Эти ценности выражаются в современных условиях как ценности естественно-го права и отражаются в Конституции РФ (Глава 2 «Права и свободы человека и гражданина»). Вторая группа ценностей отражает условия организации социального партнерства и объединяет социальные, материальные, нравственные и духовные ценности человека, наиболее актуально выраженные на конкретном этапе развития общества и государства. Это ценности сохранения собственной

личностной идентичности в условиях цифровой эпохи. Третья группа ценностей, отражает цели и идеалы, на которые ориентирован человек в ближайшей и стратегической перспективе. Это ценности сохранения здоровья и благополучия, качества и длительности жизни человека и формирование комфортной среды самореализации человека как существа развивающегося, творческого, интеллектуального и высококультурного.

*Гаврилова Ю.А.,
доцент кафедры теории и истории права и государства
ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»,
кандидат юридических наук, доцент*

Этические императивные права в цифровую эпоху

Цифровая эпоха, в которую мы живем, отличается разнообразными тенденциями. Во-первых, глобализация информационных и технологических процессов. Во-вторых, создание новых видов техники. В-третьих, развитие систем искусственного интеллекта и сложный процесс взаимодействия с ним человека. Как должен жить и чем руководствоваться человек в эпоху цифровизации, информатизации, виртуализации и «киборгизации»?

Основной идеей, на которой должно основываться развитие цифрового общества – на данном этапе социального развития, – является идея гуманизма, ибо сохранение человека и совокупности человеческих качеств, характеризующих Homo Sapiens, представляется ключевой в вопросе выживания и сохранения человеческого рода.

Гуманизм этимологически выражает свойство принадлежности к человеку, человеческому роду. Смысловое наполнение понятия гуманизм в каждую эпоху ведет к его изменениям. В эпоху Возрождения гуманизм выражает идею секуляризации мышления и деятельности человека, его антифеодалного социального освобождения, гуманно – то, что идет во благо человека, способствует развитию его личности, прав и свобод, достоинства, определенный тип мировоззрения, проникнутый заботой о человеке и т.п. Но гуманизм той эпохи оказался абстрактным гуманизмом, так как привел к новой буржуазной эксплуатации человека, оказавшегося средством для достижения идеи общественного прогресса, во имя человечества в целом. Это используется новыми цифровыми «лидерами» мира в обоснование необходимости внедрения новых технологий: достижение «реального» гуманизма.

Новая историческая эпоха по праву именуется «цифровой» эпохой, основаниями которой стали крупные научно-технологические трансформации: Интернет, компьютеризация производственного и бытового процессов, проникновение в тайны биологии и нейрофи-

зиологии человека, в молекулярные связи и структуры человеческого организма, моделирование искусственного интеллекта и т.п. Характерной чертой нового периода развития является калейдоскопичность и мозаичность реальных процессов современности. Человек не только покоряет природу, но и сам становится объектом опытных исследований. Человек не только использует технику в своих целях, но и техника подчиняет себе человека, вызывая у него соблазн применять накопленные научные знания для выстраивания его тела, сознания и мозга в «свободном полете».

Что происходит с гуманизмом в нашу эпоху? Очевидно, традиционные ценности человеческой личности скорее разрушаются, и их содержание девальвируется, а новые ценности, адекватные вызовам эпохи, не успевают сложиться, так как быстро сменяются очередными положениями «очередного» гуманизма, требующими осмысления: трансгуманизм, постгуманизм, постантропоцентрический антигуманизм и пр.

В данную эпоху актуализируются вопросы нравственно-философского и философско-правового осмысления гуманизма. Думается, справедливо мнение, что правовые проблемы гуманизма в информационном обществе должны решаться путем введения в цивилизованное правовое русло трансгуманистических технологий, которые, бесспорно, приносят определенную пользу для человека. Предлагается расширить доктрину естественного права, включив в нее новые соматические права, в том числе право на «морфологическую свободу»⁵¹⁰.

Отечественный гуманизм, несмотря на негативный опыт советского общества, синтезировал в себе идеи и западного, и восточного гуманизма. Он учитывает цель защиты интересов абстрактного западного индивида, приоритетность прав которого возведена на конституционный уровень. Но от восточной культуры производна идея нравственного совершенствования личности в рамках общества, их неразрывная связь. Отношения реально живущих и действующих индивидов должны быть нравственно обоснованы. «Нравственность может быть определена как практически ориентированная система моральных чувств, представлений, ценностей и действий, добровольно направленных людьми как личностями на сохранение, воспроизводство и развитие социального целого в рус-

ле добра... В этом особенность отечественной культуры, русского мира в целом»⁵¹¹.

Гуманизм в эпоху информационного общества неизбежно должен сочетать нравственные и правовые аспекты, которые должны дополнять друг друга. Особенность правового регулирования в период современного технологического уклада состоит в упорядочении отношений между людьми по поводу NBICS-технологий, кардинально затрагивающих природу человека на макро- и микроуровнях социального бытия. Однако во всех внешних трансформациях главной целью должно оставаться поддержание культуры человечности, в составе которой традиционные нравственные ценности добра, милосердия, честности, солидарности выступают непосредственным регулятором ближайших отношений людей друг к другу. В этом и средство спасения от деструктивного воздействия техники и новых технологий, и способ сохранения подлинного гуманизма в информационном обществе.

Взаимодействие нравственных и правовых аспектов гуманизма в современном информационном обществе имеет ряд отдельных особенностей, в свете которых гуманизм как традиционное понятие философии и социальных наук приобретает новые качественные характеристики.

Можно выделить две концепции современной онтологии и футурологии человека: 1) человек – органическая часть природы, единая с природой разумная среда, ноосфера В. И. Вернадского. Основное социоприродное противоречие состоит в конфликте между растущими потребностями человека и возможностями биосферы их удовлетворять (сопротивляться и ставить пределы гиперактивности человека – покорителя природы). Отсюда концепт устойчивого развития, коэволюции или сосуществования человека, общества и природы – выход из этого противоречия. Это своеобразный экогуманизм⁵¹².

2) Человек перестает быть частью природы в результате информатизации общества и интенсивного технического развития, человек становится частью мира техники. Здесь гуманизм приобретает черты т.н. трансгуманизма – особого междисциплинарного научного направления, ставящего целью улучшение биологической природы человека, совершенствование тела, развитие мозга, технологий

«измененного сознания» и т.п. Природная и техническая стороны жизни человека в информационном обществе взаимосвязаны.

Во-первых, выше уже отмечалось, признается понятие NBICS-технологий – синтез нано-био-инфо-когно и социальных знаний. Их комплексное использование в информационном обществе помогает реализации трансгуманистических планов и программ, но, очевидно, само по себе не способствует сохранению традиционных нравственных принципов.

Во-вторых, материальный носитель информационных сетевых процессов в земной природе – это кремний, вспомним материнские платы и чипы современных компьютеров. Но мозг человека, даже если его рассматривать как большую мегамашину, как суперкомпьютер, представляет собой иной, биологический процессор, особый субстрат жизни, построенный на совокупности взаимосвязанных между собой нейронов. И главное затруднение состоит в возможностях и пределах влияния естественных природных материалов на биологический механизм человеческой жизнедеятельности. Допускает ли биологический мозг человека полную технизацию или он сохраняет свои исходные биологические программы (скорее – последнее), но тогда это проблематизирует саму постановку вопроса о трансгуманизме.

В-третьих, еще одной спецификой гуманизма в информационном обществе является протекание природных и технических процессов в жизни человека в режиме неопределенности или в условиях риска. Неопределенность, нелинейность, многовекторность развития общества – это доминирующая тенденция современного информационного общества, определенность – это лишь момент всеобщей неопределенности в актуальной ситуации познания.

В современной научной и научно-популярной литературе высказывается мнение об опасении за судьбу человечества, так как развитие самосовершенствующихся технологий искусственного интеллекта ставит под угрозу существование человеческого рода. Думается, что эти опасения не лишены оснований, но на сегодняшний день за судьбу человека волноваться не стоит.

Человека является конструктором программных алгоритмов работы искусственного интеллекта. Следовательно, каким бы «интеллектуальным» ни казался последний, человек имеет возможность

«заложить» в программу функционирования искусственного интеллекта, пытающегося выйти из-под контроля человека или стремящегося причинить вред человеку, механизм самоуничтожения, аналогичный тому, который существует в военно-промышленной сфере, когда нужно исключить нанесение огня в сторону собственных сил после приобретения оружия другим государством.

Человек может оставлять в программе искусственного интеллекта «пропуски» и «пробелы», которые в случае столкновения с ними машины требуют обращения к человеку и принятия только им решения по спорному вопросу.

Если система искусственного интеллекта способна «переваривать» огромные массивы данных на гигантских вычислительных скоростях, то выигрыш в количественной составляющей оборачивается «проигрышем» в качественных характеристиках. Все попытки научить машину мыслить, испытывать эмоции, страх перед угрозой, интуитивно разрешать сложные нетипичные задания в целом не увенчаются успехом, поскольку последние являются достижением исключительно человеческой эволюции, которая шла тысячелетиями и миллионами лет. Следовательно, искусственный интеллект, вышедший на пик развития от силы тридцать-сорок лет назад, вряд ли способен достичь высот мозга и психики человека. Речь может идти либо об имитации эмоциональных процессов, либо скорее о коммерческих рекламных ходах, направленных на вложение инвестиций в эти проекты. К тому же нельзя забывать природный закон самосохранения, который гласит, что копия или подобие оригинала не может быть лучше оригинала.

Как уже отмечено, если искусственный интеллект господствует в мире количества, то человек функционирует в единстве количества и качества, а накопление количественных изменений влечет трансформацию качественных параметров его жизни. Это интуиция, житейский опыт, культуры и, наконец, мораль, являющаяся завоеванием человеческой эволюции. Качественная оценка на уровне ценностей и смыслов роботу не под силу и вряд ли возможна, если только не «скрещивать» человека и робота. Но это, как говорится, уже другая история.

Этические императивы права в цифровую эпоху – это такие требования, которые связывают всех людей на планете тесными узами.

Это поддержание и культивирование нравственных норм взаимного уважения, терпения, честности, дружбы, взаимопомощи и т.д., что характерно для отношений реальных индивидов, действующих в конкретных ситуациях нравственного выбора. Нравственный выбор – это, как правило, индивидуальный ситуативный выбор человека в отношениях с другими людьми. В этих условиях этическая экспертиза правовых решений в качестве общего подхода сама становится императивом технической и цифровой современности.

Таким образом, гуманизм и этические требования (императивы) – это наиболее действенный способ и защитный механизм действия права в современном цифровом обществе во избежание «расчеловечивания» человека и тотальной технизации его бытия. На основе этических императивов может выстраиваться информационно-правовая политика, связанная с управлением информационными процессами с помощью права⁵¹³. Хочется верить, что этические принципы и идеи – это, пожалуй, то, чего сейчас не хватает правовому регулированию, и что является необходимой базой его дальнейшего совершенствования.

Пономарев М.В.,
кандидат исторических наук, доцент,
профессор кафедры новой и новейшей
истории стран Европы и Америки Московского
педагогического государственного университета

Ценностные императивы и «правовая архитектура» субсидиарной модели социального партнерства

Поиск оптимальной модели взаимодействия в системе отношений «человек – общество – государство» остается острой проблемой на протяжении уже не одного столетия. В начале XXI века сложились вполне благоприятные условия для качественного рывка в этом направлении. Представление о приоритетной значимости защиты прав человека и необходимости удовлетворения потребностей в личностном развитии закрепилось и в общественном сознании, и в официальном политическом дискурсе. Решение такой задачи рассматривается в тесной взаимосвязи с реализацией принципов социальной солидарности и справедливости, всемерным укреплением конституционного правопорядка, в том числе совершенствованием институтов демократического, правового, социального государства, упрочением системы правосудия, повышением качества действий правоохранительных органов, а также консолидацией общества в борьбе с угрозами и рисками глобального мира. Важную роль в закреплении этого вектора развития играет система международного права. Соответствующие задачи составляют актуальную «повестку дня» практически для любого государства. На их решение направлена и деятельность разнообразных институтов гражданского общества, правозащитных организаций, экспертно-аналитического, научного, педагогического сообществ. И все же даже в такой ситуации проблема взаимоотношений человека и государства не утрачивает свою остроту. Она является рефреном дискуссий о «нечестных выборах», миграционных кризисах, межконфессиональных отношениях, правах меньшинств, «правильном понимании истории», языковой политике, реформах образования, цифровой экологии, национальной безопасности. Вся эта полемика, по сути, имеет общий знаменатель – в современном обществе существуют два ярко

выраженных полюса в понимании самой основы социального взаимодействия.

Один из этих полюсов связан с представлением об априорной значимости естественного права человека «быть самим собой» и социальной эмансипации как процесса формирования самостоятельной личности, обладающей рациональным, критическим мышлением, открытой коммуникативной культурой, развитыми когнитивными способностями, склонностью к деятельному и состязательному образу жизни. Такая позиция очень часто ассоциируется с политическими установками либерализма, но в современных условиях она в гораздо большей степени сопряжена со спецификой постиндустриальной модели развития – мультикультурной открытостью и инновационной изменчивостью жизненного пространства современного человека, процессами цифровизации, вышедшими далеко за рамки технологических новаций и формирующих принципиально новую когнитивную и коммуникативную культуру, развитием сетевых форм социального взаимодействия, основанных на репрезентации, широким распространением «постматериалистической мотивации» и игровых социальных практик. Наглядным отражением этой «постсовременной» реальности является развитие «новой экономики», связанной с феноменом «человеческого капитала», разнообразные проявления «сетевой демократии», разительно меняющей электоральные процессы и формы гражданского активизма, распространение парадигмы «открытого образования» с присущими ей принципами компетентностного обучения, резкий рост социальной мобильности в самых разнообразных ее формах⁵¹⁴. Ассоциация же с либеральным политическим дискурсом возникает здесь в силу признания того факта, что динамичная изменчивость «постсовременного» общества неизбежно порождает мультикультурную множественность и ценностный релятивизм, а, следовательно, предполагает абсолютный приоритет договорных основ социального взаимодействия.

Альтернативный взгляд на «постсовременную» реальность во многом является результатом ее отторжения. Он сопряжен с социал-консервативным политическим дискурсом и умонастроениями «консервативного большинства», остро переживающего «футуршок» – издержки инновационной изменчивости различных социальных

практик и структур повседневности, деформацию ценностного пространства, конфликт коммуникативных и поведенческих моделей, сформированных в русле разных культурных традиций, многочисленные проявления реальных и вымышленных рисков и угроз глобального мира. В этих условиях востребованной становится органическая модель социального взаимодействия, которая способна заменить фобии «постсовременной» эпохи на позитивный ценностный императив национальной идентичности и социальной солидарности: «Духовное единство народа и объединяющие моральные ценности – это такой же важный фактор развития, как политическая и экономическая стабильность. Общество лишь тогда способно ставить и решать масштабные национальные задачи, когда у него есть общая система нравственных ориентиров, когда в стране хранят уважение к родному языку, самобытной культуре, памяти своих предков, каждой странице отечественной истории»⁵¹⁵. Значимость такой позиции убедительно подтверждается электоральной динамикой последних полутора десятилетий и утверждением социал-консервативного политического дискурса на огромном пространстве от США до КНР⁵¹⁶. Однако логика органического мышления явно диссонирует с парадигмой мультикультурного общества с характерными для нее ценностным релятивизмом и высокой степенью социальной самодостаточности человека. Это особенно явно проявляется в плоскости решения конкретных общественных проблем, требующего законодательного оформления. Острота дискуссий о регулировании практики абортов, легализации однополых браков, запретах публичной демонстрации конфессиональной принадлежности, регламентации распространения информации в интернете и возможностей доступа к ней, квотировании миграционных потоков наглядно показывает, что синтез договорной и органической моделей социального взаимодействия чрезвычайно затруднен. Его основой могла бы стать «смешанная» конституционная модель, где институты демократии обеспечивают баланс между верховенством права и законодательной активностью социального государства – этот вектор развития конституционного права является доминирующим еще с середины XX в. Однако, в отличие от эпохи «холодной войны», идея демократии в современном мире уже не имеет ярко выраженного ценностного звучания. Формирование же новой ак-

сиологической доктрины, наполняющей институциональный баланс конституционной государственности ценностным содержанием, оказывается весьма сложной проблемой. Ярким свидетельством служит дискуссия вокруг сравнительно недавней конституционной реформе в Венгрии⁵¹⁷. Не менее наглядный пример – дискуссия о конституционной идентичности, инициированная Председателем Конституционного Суда Российской Федерации В.Д. Зорькиным⁵¹⁸.

На фоне этих процессов особого внимания заслуживает субсидиарная модель социального взаимодействия, которая изначально осмысливалась в категориях «третьего пути» и разрабатывалась не только в контексте институциональных решений, но и на основе оригинальной ценностной системы. По своему происхождению принцип субсидиарности (от лат. *subsidium* – помощь, поддержка) связан с обновлением социального учения Католической церкви, пытавшейся предложить особую стратегию общественного развития, защищающую человека от разрушительного влияния буржуазного представления о свободе как вседозволенности, иллюзорных «духовных ценностей» тоталитарных идеологий, классового эгоизма, потребительской инфантильности. В основе принципа субсидиарности лежит презумпция свободного выбора в сочетании с социальной ответственностью за этот выбор. Папа Пий XI в энциклике «*Quadragesimo anno*» (1931) характеризовал такой подход очень lapидарно: «Нельзя отнимать у частных лиц те полномочия, с которыми они способны справляться по своей инициативе и за счет собственных средств, и передавать их какому либо сообществу»⁵¹⁹. Но за этой нарочито упрощенной формулировкой стоит особая мировоззренческая и ценностная система, доказывающая не индивидуалистический, а органический характер подлинной человеческой свободы. Подразумевается, что «созданный по подобию Божьему» (подобию Творца) человек уже по своей природе обладает безусловным правом совершать разумный и свободный выбор, творчески преобразовывая себя и свой мир. Но реализуя это естественное право на свободу, человек не может противопоставлять свои интересы обществу, поскольку речь идет не просто об удовлетворении тех или иных потребностей, а о свободном действии как продолжении Творения этого мира. С другой стороны, творческая социальная активность не должна выхолащиваться любыми формами коллективизма

– суть свободного действия заключается, прежде всего, в достижении и раскрытии личности человека, а не в гонке за идеологическими химерами или повышением уровня материального благосостояния. Таким образом, *обучение свободе через ответственное социальное действие* является ключевым средством обретения «человеческого», и подлинная свобода не может быть реализована в рамках индивидуальной жизненной траектории и обеспечена лишь формальностью договорных отношений. Именно такая свобода помогает раскрыть личность человека и обрести личностное *достоинство* – неразрывную и осознанную взаимосвязь свободы, права и ответственности⁵²⁰. Со же стороны общества требуется не только безусловное уважение достоинства человека, но и интенсивное взаимодействие, наполняющее свободные поступки социально значимым смыслом, снимающее видимое противоречие между правами и обязанностями и превращающее их во взаимосвязанные элементы социально ответственного свободного действия.

Таким образом, реализация принципа субсидиарности требует от человека и общества развития особой коммуникативной культуры, сочетающей толерантность и солидарность – необходима готовность *соразмерять* свободные действия, а не *ограничивать* их или *разрешать*. Не менее важно создать и институциональные условия для субсидиарной модели социального партнерства. В «Компендиуме социального учения [Католической] Церкви перечисляются характерные примеры такой практики: «Соблюдение и эффективное утверждение примата личности и семьи; более высокая оценка компетентности промежуточных ассоциаций и организаций в совершении собственного фундаментального выбора; поощрение частной инициативы, осуществляемое таким образом, чтобы каждый социальный организм, с присущими ему особенностями, служил общему благу; плюрализм в обществе и система представительства, охватывающая все его жизненные силы; защита прав человека и прав меньшинств; децентрализация бюрократического и административного аппарата; равновесие между общественной и частной сферами, с вытекающим отсюда признанием социальной функции за частной сферой»⁵²¹. На практике принцип субсидиарности реализуется, прежде всего, как модель гибкого распределения компетенции между субъектами, находящимися на разных уровнях властной

иерархии (примером является ст. 5 «Договора о Европейском Союзе»: «Если и поскольку цели предполагаемого действия в силу масштабов и предполагаемых результатов не могут быть достигнуты в достаточной мере государствами–членами, то они могут быть более успешно достигнуты Сообществом»⁵²²). Но, по сути, модель субсидиарных отношений применима в любых сферах общественных отношений. Так, статья 6 Основного закона ФРГ распространяет ее на уход за детьми и их воспитание, что объявлено «естественным правом родителей», но деятельность родителей должна осуществляться под наблюдением государства и может быть ограничена вплоть до лишения родительских прав при недостаточном выполнении соответствующих обязательств⁵²³. Таким образом, «правовая архитектура» субсидиарной модели опирается на признание презумпции свободного выбора любого «нижестоящего» субъекта при условии его ответственности за результаты этого выбора и соблюдении общих норм и принципов человеческого сообщества. Ценностный же императив позволяет формировать эти рамочные условия на основе «процессуальной солидарности», а не формальных норм законодательства.

Гильмуллин А.Р.,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры теории
и истории государства и права юридического
факультета ФГАОУ ВО «Казанский
(Приволжский) федеральный университет»

Принцип правового закона: теория и практика

Термин «правовой закон» в истории Российской правовой доктрины впервые как системный, предметный анализ различия и соотношения права и закона был предложен величайшим теоретиком права современности, академиком РАН В.С. Нерсесянцем в рамках научной статьи для журнала «Советское государство и право» в 1977 году⁵²⁴. В дальнейшем, академик В.С. Нерсесянц будет последовательно и обоснованно отстаивать теоретическую конструкцию различия права и закона, что найдет свое воплощение в фундаментальном либертарно-юридическом понимании права и государства.

Не без внимания теорию о правовом законе оставил и член-корреспондент РАН С.С. Алексеев, который в одном из своих глубоких трудов отмечал, что «суммой философско-правовых идей о праве ..., должна стать философия гуманистического права – философия правозаконности»⁵²⁵. Термин правовой закон неоднократно звучит и в настоящее время из уст элиты современной юридической мысли. В частности, Председатель Конституционного Суда РФ В.Д. Зорькин говоря «о подходах понимания соотношения правовой идеи и правовой материи ...»⁵²⁶, отмечает, что «государство признает себя жестко связанным правом, ... и подчиняет этой связанности ... свое нормотворчество, результатом которого предполагается юридически справедливый, правовой закон»⁵²⁷.

Профессор В.В. Лазарев и доцент А.В. Корпев к числу признаков правового государства, в том числе, относят следующие, по их мнению, важные признаки, такие как: верховенство и правовое действие конституционного закона, ...; соответствие законов праву, правовая организация системы государственной власти и др.⁵²⁸ Кроме этого, определяя концепции господства права и господства закона как противоположные проявления правового государства они указывают на то, что в итоговом своем значении эти две концепции должны выли-

ваться в целостное понятие – правовой закон. Об актуальности проблемы соотношения права и закона также указывает профессор М.Н. Марченко, который отмечает, что проблема соотношения права и закона «не только сохраняется, но периодически, особенно в переходные периоды, значительно обостряется»⁵²⁹. Проблема соотношения права и закона он понимает, как процесс «сведения к тому, что не все законы исходят от государства и являются правовыми законами»⁵³⁰, и, подытоживая, приходит к выводу о том, что «проблема остается не только не решенной, но и еще более усугубленной»⁵³¹. Профессор А.В. Малько при обосновании принципа законности указывает на то, что «не должны издаваться законы, ущемляющие права человека и гражданина»⁵³², и соответственно допускает неправовой характер закона. При этом, по его мнению, «если под законностью понимать соблюдение не любых, а только «правовых» законов, то сразу встает вопрос: а кто и как должен определять – правовой закон или неправовой, хороший или плохой»⁵³³. Заклучая, А.В. Малько приходит к выводу, что пока нет определенности в этом вопросе, допустимо следовать устоявшемуся в науке определению законности. Весьма оригинальной, на наш взгляд, является позиция В.В. Ершова, который говоря о понятии «правовой закон» с позиций интегративного правопонимания считает, что «закон не может быть правовым или неправовым. Закон только соответствует иным формам или видам права, имеющим более высокую юридическую силу»⁵³⁴.

Принимая во внимание вышеприведенные и весьма значимые доктринально-правовые позиции авторов, можно справедливо заметить, что концепция правового закона на сегодняшний день имеет существенное значение для социально-правовой практики, а также, представляя собой явление, в понимание содержания которого присутствует полемичность и дуализм, является объектом для более основательного теоретико-правового исследования со стороны правовой науки.

Сама же актуальность тематики о правовом законе, является отнюдь не новаторской (передовой), а равно наоборот, консервативной и достаточно известной, избитой в философско- и историко-правовой науке. В данном случае прежде всего речь идет о временах античности, а именно, о политико-правовых воззрениях мыслителей тех времен, когда деятельность власти с присущими ей деспотиче-

скими и монархическими традициями вынуждала на метафизическом уровне искать объективные начала с целью сдерживания безграничной власти монарха (деспота) в форме противопоставления писаного (искусственного) закона, исходящего от власти праву (справедливости) по природе (естественному праву). Надо сказать, что указанная проблема была актуальна в западноевропейских странах и в эпоху средневековья и, особенно в Новое время, когда государственно-властные аппараты с феодально-крепостническими и абсолютистскими традициями и их подавляющей и эксплуатирующей общество политикой, не дающей право на защиту и развитие человеческой природы, заставляли на философско-правовом уровне пересматривать всю общественно-правовую политику государств, что, в конечном счете и было достигнуто – человек, общество стали представлять аксиологическое и рациональное значение в вопросах, связанных с государственным устройством общества.

В основе возникновения идей о правовой законности содержатся представления о том, что закон (позитивное право), в соответствии с позитивистской традицией (где право и есть закон), может быть выражением различного рода содержаний и, исходя из исторических аспектов и тенденций, он (закон) может отождествляться с различными сугубо произвольно-субъективными ориентирами и целями, не имеющими ничего общего с объективными, аксиологическими, правовыми основаниями (то есть, не имеющими ничего общего с сущностью и требованиями права) и быть выразителем исключительно силы и произвольной воли субъекта (-ов), быть инструментом для достижения необоснованных экономических, социальных, политических преимуществ для кого-либо и т.д., что в конечном итоге может привести к негативным последствиям для всего общества и государства.

Необходимо отметить, что на сегодняшний день, российская теория права имеет различные точки зрения к термину «правовой закон». Кто-то действительно видит в правовом законе основополагающее начало для достижения справедливости, равенства, свободы и сущности правосудия, кто-то видит в правовом законе механизм и гарантии защиты от произвола и беззакония власти, кто-то видит фундаментальный конституционный принцип правового государства⁵³⁵, а кто-то, к примеру, В.Е. Чиркин, указывая на субъективность

в вопросах деления законов на хорошие и плохие, ссылается на якобы противоречие его с другим принципом: «*Dura lex, sed lex*» (суров закон, но это закон)⁵³⁶ и настаивает на недопустимости такого явления. При этом, хочется все же обратить внимание, что в указанной аксиоматической поговорке речь идет все-таки о «суровом», а не о «неправовом» законе. Закон может быть суровым и гуманным, строгим и мягким, хорошим и плохим и т.д. – это ничто иное, как обыденное восприятие и дающее лишь морально-этическую его характеристику, основанную на произвольной субъективной оценке, не имеющей ничего общего с действительной научной, метафизической его сущностью, обоснованностью и назначением. Тогда как, наличие самого термина «неправовой закон» в правовой доктрине является, во-первых, фактом наличия научных мнений и убеждений ученых-специалистов в юридической науке о наличии в государстве законов, которые могут не соответствовать требованиям права, во-вторых, фактором свидетельствующем об актуальности и практической значимости термина «неправовой закон» для российской правовой системы.

Это подтверждает мысль о том, что закон противоречащий требованиям права, не может зависеть от обыденности и повседневности быть признан таковым исходя только от субъективной и произвольной оценки и желания. Закон, принятый в установленном государственном порядке, обладает всеми признаками, в том числе формально-определенными, нормативными, властно-управленческими, государственно-принудительными (в случае его нарушения), народоправственными, обязателен к соблюдению в равной мере всеми членами общества, проживающих на конкретной (определенной) территории и действуют до тех пор, пока в установленном законом порядке не будет отменен или не признан противоречащим праву, либо какому-либо иному нормативному установлению являющемуся выразителем права в государстве. До тех пор, пока закон не отменен или не признан противоречащим праву, действует принцип презумпции правового закона, в соответствии с которым принимаемые законы предполагают их соответствие праву. В российской доктрине права, исходя из действующего законодательства РФ этот принцип также именуется как принцип «презумпции добросовестности законодателя или презумпции конституционности закона»⁵³⁷.

Кроме того, несмотря на то, что на сегодняшний день правовая доктрина обладает не столь «внушительным» материалом по вопросу правовой (неправовой) законности, граждане России с их законодательством во главе с Конституцией РФ 1993 года определились в этом вопросе и задекларировали принцип правового закона (а, следовательно, и «неправового закона») на государственном (императивном) уровне установив контроль и реализацию этого принципа за судебной ветвью власти, что методологически достигается в результате проверки Конституционным Судом РФ на соответствие Конституции РФ федеральных законов и иных нормативных актов, принимаемых некоторыми высшими органами власти России, субъектов РФ, и не вступивших в силу международных договоров РФ, а также, за Верховным Судом РФ, судами общей юрисдикции и мировыми судьями за законностью и обоснованностью осуществления государственных или иных публичных полномочий. Сама же российская конституционная модель правопонимания по своему содержанию зиждется на естественно-правовом подходе к праву, где аксиологические основы человека с его правами и свободами являются неотчуждаемыми, принадлежащими ему от рождения, непосредственно действующими, определяющими смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием⁵³⁸. Именно это содержание, основанное на человекоцентристской ориентации и принципе формального равенства, согласно конституционному правопониманию России, является проявлением права, его ценностно-содержательной основой и императивом для всей правовой системы государства.

Отсюда можно сделать краткий вывод о том, что принцип правового закона, в современной истории является актуальным объектом для более содержательного теоретического исследования; содержится в доктринально-правовых воззрениях ученых-юристов, чьи научные поиски направлены на построение правовой и социальной государственности; а также, благодаря его наличию в перечне конституционных принципов России, непрерывно обеспечивается защита и восстановление нарушенных прав человека, повышается уровень эффективности управления государством и социального благополучия всего общества.

Трунин А.А.,
LL.M (Universität Hamburg),
преподаватель кафедры гражданского
права юридического факультета
Санкт-Петербургского государственного университета

Архетипическая теория права

Традиционно правовые явления рассматривают с позиций рационального, а право относят к области разума и сознания. И логика такого подхода вроде очевидна. Но этот подход не всегда отвечает на вопросы об источнике права и его природе, важные и для определения ценности права.

Интересны при этом две тенденции, связанные с современными технологиями. Первая тенденция характеризует предметное поле психологии, использующей современные технологии для изучения явлений, которые скорее можно отнести к области физиологии, нежели науки о душе. Вторая тенденция затрагивает правовые явления и также касается внедрения современных технологий в область права под разными наименованиями: цифровизация, искусственный интеллект, блокчейн и др. Обе тенденции являются популярными, обе тенденции культивируются государственными и социальными институтами в качестве социально полезных, то есть заключающих в себе определенную ценность (экономическую, научно-исследовательскую и пр.).

Но в лучах прожекторов и софитов, сопровождающих эти тенденции, уходят в тень основополагающие вопросы: есть ли в современном обществе место душе и какое место занимает в нем право? Существует опасность того, что свет сознания не пробьется через стену этого технологически равнодушного света, поэтому так важно в поиске ответов опираться на корневую структуру человека и общества. А в качестве подхода к ценностным основам взаимодействия человека и государства уделять должное внимание душе человека и ценности права.

С.С. Алексеев, рассматривая социальную ценность права, отмечал среди прочего, что право может быть охарактеризовано в виде своеобразного явления морали, культуры: «Оно представляет собой средство, выражающее духовную жизнь общества, т.е. его духовные, культурные, моральные ценности»⁵³⁹.

Предлагаемая *архетипическая теория права* основывается как на психической (душевной), так и на духовной жизни человека, а в качестве общей основы правовых, психических и иных, так или иначе связанных с правом, явлений рассматривает архетип. Приведу тезисы предлагаемого архетипического подхода к исследованию правовых явлений, которые, что видно из дальнейшего изложения, взаимосвязаны.

1. Признание *архетипического начала и природы права*, его связь с архетипами, влечет за собой признание того, что праву в известной мере свойственны и характеристики архетипа. Иными словами, *в праве отражена природа архетипа*, в том числе амбивалентность, связь с инстинктивной природой человека, образами и символами, проявленность коллективного бессознательного⁵⁴⁰.

2. В поисках источника и идеи права есть следование образу, мечте⁵⁴¹, чувству и вдохновению, интуиции. Находясь на сугубо рациональных позициях и связывая право исключительно с разумом и рассудком, мы забываем про *коренную и глубинную связь права с инстинктами, чувствами и эмоциями*. Напомню мнение двух классиков, созвучное этому тезису.

Иоганн Якоб Бахофен подчеркивал связь права с инстинктом следующим образом: «Я все больше прихожу к мысли о существовании *единственного права*, которое упорядочивает все, и что первобытный человек обустроивал свою жизнь, согласно этому праву, инстинктивно»⁵⁴².

Рудольф фон Иеринг считал психологическим первоисточником всякого права правовое чувство. Здоровое состояние правового чувства связывалось им с чувством боли, которое ощущает человек при нарушении своего права. Эта боль содержит *инстинктивное* самосознание того, что составляет для человека право. Степень ощущаемой боли указывает на ценность блага, в то время как сила фактической реакции правового чувства на перенесенное им оскорбление является пробным камнем его здоровья. Не разум, а только чувство может ответить на вопрос, что такое право⁵⁴³. Иеринг пишет: «...язык правильно назвал психологический первоисточник всякого права **правовым чувством**. **Правосознание**, правовое **убеждение** – это абстракции науки, которой народ не знает; сила права покоится на чувстве совершенно так же, как и сила любви; ум и рассудительность не могут возместить недостаток чувства»⁵⁴⁴.

3. Праву принципиально свойственна *амбивалентность и поливалентность*.

Широко известно высказывание «два юриста – три мнения». Иоганн Якоб Бахофен выразил эту мысль через указание на плодотворный характер исследования основных причин, «почему в равной степени выдающиеся юристы могли приходиться к совершенно различным заключениям»⁵⁴⁵. Он пишет: «Сколь бы странным это не показалось, совершенная истина в том, что в вопросах юриспруденции два противоположных взгляда могут часто быть равно справедливыми»⁵⁴⁶. Эта равная справедливость противоположных взглядов в вопросах юриспруденции говорит о свойственных праву амбивалентности и поливалентности.

В отечественном юридическом быту амбивалентность права отразилась в воззрении народа, его житейской мудрости и основе обычного права – поговорах и пословицах: «закон – что дышло, куда поворачиваешь, туда и вышло»; «строгий закон виноватых творит и разумный тогда поневоле дурит»⁵⁴⁷.

Амбивалентность (и поливалентность) заключена не только в материальном праве (можно вспомнить известный в римском праве спор между «в равной степени выдающимися» сабинианцами и прокулианцами о спецификации⁵⁴⁸), но и в праве процессуальном, предусматривающем начало состязательности сторон. Она может усиливаться неоднозначностью ситуации и лицами, преследующими в ней разные цели. В определенном смысле она служит залогом гибкости права, его применимости к разным жизненным обстоятельствам, возможностью для его развития⁵⁴⁹. Одновременно с этим возникает и возможность злоупотребления правом, поскольку одна из сторон (полюсов) амбивалентного может находиться в тени, т.е. содержать теневые аспекты правовой возможности, различимой лишь для искушенного в праве.

4. Амбивалентность права вызвана тем, что *право не только рационально, но и иррационально, связано не только с разумом, но и с инстинктами, чувствами, эмоциями. Источник права не только в сознании, но и в бессознательном, как личном, так и коллективном.*

В случае с личным бессознательным право может рассматриваться, например, в качестве особой формы психологических защит эго (юридически закрепленные и допустимые варианты рационализации, ин-

теллектуализации, проекции, идентификации и т.д.)⁵⁵⁰, будучи тем самым связанным и с комплексами⁵⁵¹. В случае с коллективным бессознательным право может выступать в качестве формы выражения и инструмента реализации архетипического содержания (архетипической структуры, ядра), в том числе через культурный правовой комплекс. Сегодня на основе теорий комплекса К. Юнга и культурных установок Дж. Хендерсона⁵⁵² предлагается концепция культурного комплекса⁵⁵³. Полагаю, что одним из видов культурного комплекса является *культурный правовой комплекс* (или просто правовой комплекс).

Приведу пример одного из них. Долгое время развитие гражданского законодательства происходило на основе тезиса (ставшего культурной установкой) В.И. Ленина о том, что «мы ничего «частного» не признаем, для нас *все* в области хозяйства есть *публично-правовое*, а не частное. Мы допускаем капитализм *только* государственный, а государство, это – мы...»⁵⁵⁴. Постепенно на основе этой культурной установки сформировался культурный правовой комплекс, что можно проследить в работах советского периода. Не уверен, что наше общество до конца преодолело этот культурный правовой комплекс, учитывая рост государственных корпораций и компаний, а также появление публично-правовых компаний, сопровождаемые пересмотром (или размыванием, неосознанностью) границ частного и публичного, коммерческого и некоммерческого, и постоянным возвращением к этим вопросам. Такая ситуация напоминает один из древнейших архетипов – символ уробороса.

5. Образно-символическое содержание и выражение права, как части культуры.

Право – часть культуры, истоки которой лежат и в бессознательном, выражаемом зачастую посредством символа. Амбивалентная природа права выражена и на символическом уровне.

Так сложилось, что образ юридической профессии является женским – Фемиды, которая олицетворяет право, правосудие, справедливость. Для древних греков титанида Фемиды, дочь Урана и Геи, олицетворяла любой порядок и право в природе, как среди богов, так и среди людей; была пифией (к вопросу о роли интуиции в праве)⁵⁵⁵. Обращают на себя внимание детали самого образа Фемиды. Сегодня она чаще всего изображается с весами, мечом и повязкой на глазах, что скорее соот-

ветствует образу римской богини Юстиции, в то время как у древних греков Фемида представляла в образе женщины без повязки на глазах, но с весами и рогом изобилия⁵⁵⁶.

Нетрудно заметить, что эти образы являются амбивалентными воплощениями Великой Матери: кормящей и любящей (рог изобилия и отсутствие повязки), карающей и отстраненной (меч и повязка). Общий амбивалентный для них образ – весы, который символизирует справедливость, беспристрастную оценку и правосудие (характерный признак не только у древних греков и римлян, но и у шумеров, древних египтян, в христианстве), а каждая их чаша может соответствовать одному из аспектов воплощения⁵⁵⁷.

Архетипический образ – это не только образы субъекта (например, «среднего» человека, «разумного» человека, «образа-маски» юридического лица), но и образы объектов, ситуаций, действий, инструментов (например, правовые базы данных (справочные правовые системы) выступают сегодня своеобразным *виртуальным цифровым сосудом* для права, позволяют *контейнировать* (термин из контекста теории У. Биона) правовой материал и работать с ним) и т.д.

Образно-символическая природа права связывает древнего человека с человеком современным. Например, сегодня можно отметить очевидную проекцию всемогущества на искусственный интеллект, его идеализацию. Выдвигаемые порой предложения о наделении робота или искусственного интеллекта правосубъектностью (пусть и ограниченной), качествами цифровой личности, представляют собой *правовой анимизм*. Это показатель того, что современный человек столкнулся с чем-то невероятным и в его представлении могущественным, и что в этом отношении современный человек мало чем отличается от человека первобытного, наделявшего душу дерева.

Само развитие права, его индивидуация, есть движение от инстинктивного к символическому через образ, например от передачи горсти земли к внесению записи в реестр, от кровной мести к идее возмездия и воздаяния, реализуемой в иной форме. Задача политики права – создавать условия развития, которые сохраняют живую связь символического с инстинктивным, а не подавляют и не вытесняют ее.

Социальная коммуникация в обществах модерна и постмодерна

В традиционном обществе любые новые модели поведения проходят долгую процедуру адаптации к уже устоявшимся формам социальной жизни. Следование традиции обеспечивает устойчивость социальной системы, но и ограничивает ее гибкость и изменчивость. Адаптация к сложившимся условиям максимальна, но адаптивность к изменениям минимальна. В условиях, когда вода и дерево есть главные ресурсы для функционирования хозяйственно-экономического комплекса, устойчивость социальной системы – несомненная ценность и добродетель, а в условиях индустриализации, когда на смену воде и дереву приходят сталь и уголь, добродетель превращается в недостаток.

Социальная система индустриального общества должна быть гораздо более гибкой и адаптивной, потому что технологии требуют значительно большей социальной, политической и культурной динамики. Гибкость сопряжена с конфликтностью, что выродилось у К. Маркса и его последователей в настоящую теорию революции. «Быть современным, – писал М. Берман, – значит жить жизнью, наполненной парадоксами и противоречиями. Это значит – быть подавленным огромными бюрократическими организациями, которые имеют власть контролировать и часто разрушать общества, ценности, жизни; и все же быть сдержанным в нашей решимости противостоять этим силам, бороться, чтобы изменить мир и сделать его своим»⁵⁵⁸.

Очень важным аспектом изменения социальных структур и институтов под воздействием техники является модернизация сферы научного образования. Как известно, первые инженеры в современном смысле этого слова появляются лишь в эпоху Ренессанса. Они сочетают в себе качества и черты ученых, с одной стороны и ремесленников, – с другой. Сегодня нередко говорят об универсализме выдающихся представителей эпохи Возрождения: они и мастера-самоучки, и философы, и ученые, и инженеры, и художники. Но та-

кая «широта интересов» скорее от того, что эти специальности еще не отделились друг от друга и все перечисленные профессии – продукт более поздней специализации. Но что действительно верно в этих оценках – это невиданное прежде соединение приемов, характерных для умозрительных занятий философов-теоретиков с ремесленными практиками, разработанными отдельно друг от друга и применявшихся исключительно в своих областях деятельности.

В сфере духовной жизни Европы при переходе от одного технологического уклада к другому также происходят заметные перемены. Реформация в северных странах и контрреформация в южных кажется движением в разных направлениях: с одной стороны, это отказ религиозных общин от административной, политической и конфессиональной опеки со стороны Рима и, с другой, – ее несомненное укрепление. Между тем, и первое, и второе позволяют европейским церквям адаптироваться к новому социальному порядку, соответствующему другому технологическому укладу.

В эпоху индустриализма впервые встает вопрос о влиянии техники и на природу, и на общество, и на человека. Но социальные последствия кажутся наиболее существенными, лишь в эпоху постиндустриализма антропологическое воздействие техники выходит на первый план. Впервые эти проблемы приобрели этическое измерение, что потребовало пересмотра всей системы ценностей и ценностных ориентаций. Но система ценностей меняется тогда, когда меняется картина мира, мировоззрение. Понимание того, что на смену понятию вечного, неизменного и совершенного Космоса и, тем более, на смену образа мира как творения сверхъестественного существа приходит новое понятие – понятие окружающей среды, хрупкой и подверженной разрушительным воздействиям со стороны человека. И это осознание оказалось частью новой природы человека, потому что природа человека не есть нечто застывшее, она находится в постоянном формировании. Именно это и было доказано всем ходом развития экзистенциалистской философии от М. Хайдеггера и Н. Бердяева до Ж.П. Сартра и А. Камю⁵⁵⁹.

Можно согласиться с Ж. Эллюлем, который обратил внимание на то, что если прежде природа воспринималась человеком как мир животных и растений, гор и рек, то сегодня нас окружает «Вселенная Машины». Природа как будто отошла на второй план, будучи

вытесненной тем, что создал человек и что он сам же назвал второй природой. «Природа – писал Ж. Элюль – оказалась демонтирована, дезинтегрирована науками и техникой: техника составила целостную среду обитания, изнутри которой человек живет, чувствует, мыслит, приобретает опыт. Все глубокие впечатления, получаемые им, приходят к нему от техники. Решающим фактором является заполнение нашей мысли, как и нашей чувственности, механическими процессами»⁵⁶⁰.

Любопытно, что выход из сложившейся ситуации французский философ видел во всеобщей информатизации, которую сегодня называют цифровизацией, и которая позволила бы взять под контроль присутствие техники в жизни человека и общества. Не только машинная техника, но и техника как совокупность методов несет в себе опасность превращения средства в цель. Техника как совокупность методов стоит за рационализацией отношения человека к миру, а значит и за рационализацией самого мира, деление которого на природу и общество осуществляется под девизом все той же тотальной рационализации. Знаменитый пример М. Хайдеггера с водяной мельницей и гидроэлектростанцией как нельзя лучше иллюстрирует смену отношения «природа-техника» на отношение «техника-природа». Говоря другими словами, если раньше человек стремился пристроить технику к природе, то есть водяную мельницу к реке, то в эпоху индустриализма он пристраивает реку к гидроэлектростанции. Такова общая логика «калькулирующего» и, тем самым, рационализирующего мышления. Но там где есть калькуляция, всегда возникает, согласно предостережению философов XX века, опасность манипуляции. А для успешного предотвращения манипуляции надо разобраться с сущностью техники и с ее влиянием на человеческую природу⁵⁶¹.

Технический прогресс изменяет природу других форм общественного сознания, таких как наука, искусство, религия и досуг. Наука становится реактивной и ситуативной: она все более ориентируется на техническое внедрение. И если прежде внедрением занимались представители естественных наук, то сегодня сфера применения социальных технологий совпадает со сферой всей социальной жизни. Социальные работники и управленцы, представители политических партий и общественных объединений – все они

также составляют отряд тех, кто распространяет технику на те сферы, которые прежде регулировались обычаями и традициями. Техника преобразует быт и досуг таким образом, что индивиду предписывается способ действия в этой нетрудовой и неофициальной сфере.

Искусство превращается в деятельность, дополняющую индустрию, производящую не только вещи, но и смыслы, символы и даже сами потребности. Таким образом, задача художника в том, чтобы отображать эту новую реальность – реальность технического бытия. И за всем этим стоит тотальная рационализация, которая представляет собой трансформацию всех подсистем или сфер общественной жизни. Эта трансформация происходит под девизом внедрения стандартов калькулирующего мышления или рационального решения. Причиной этого процесса является индустриализация трудовой активности отдельных индивидов и целых коллективов, многократно усиленная процессами урбанизации, появления новых средств транспортной, информационной и межличностной коммуникации. Как отмечает Ю. Хабермас, происходит эволюция целерационального действия, приводящая к появлению новых его типов, таких как рациональная организация средств, рациональный выбор альтернатив и т.п. Немецкий мыслитель даже предлагает квалифицировать планирование как второй уровень целерационального действия, аргументируя это его направленностью на управление системами, отвечающими за организацию и осуществление обычных целерациональных действий⁵⁶².

Социальная рационализация – это не одномоментный акт, но непрерывно прогрессирующее развитие общества, захватывающее и преобразующее все новые и новые его области. Ее итогом становится проникновение техники в институты и институциональные пространства общественной жизни, что ставит под сомнение все господствовавшие там ранее легитимности. Рациональность приводит к той самой секуляризации, о которой писалось выше: «расколдованный» мир не предполагает и не допускает у госслужащих какого бы то ни было сакрального образа. Секуляризация чиновника есть результат де-сакрализации природы и общества. Детальный анализ сути рационализации приводит к мысли о том, что на самом деле капиталистическое планирование, технизация и технологиза-

ция изменяют отношение между администраторами и наемными рабочими изменяет систему власти-подчинения путем введения методов научного мышления. И первые, и вторые превращаются в участников формально равноправных отношений, а их взаимодействие основывается на сделке равных участников, один из которых продает труд, а второй покупает его. При этом вместе с прежним типом легитимации из отношений между работником и администратором исчезает общество, взаимосвязь общественных интересов остается исключенной из формирующейся системы действия⁵⁶³.

Новые формы господства оказываются сегментированы сферой труда, высокая технологичность и вызванная ею обособленность этой сферы не допускает ее оценку в категориях общественного интереса. Возникает система, не предполагающая рациональную реконструкцию и сколь-нибудь рациональную ее реконструкцию. Поэтому поставив целью господство над природой, человек, обладающий властью, начинает ее применять к обществу в целом, лишившись при этом безраздельной власти над каждым конкретным индивидом.

Как показал Г. Маркузе, в конечном итоге технизация имеет своей целью изменение формы господства. В цепи эксплуатируемых объектов появляется третий объект – к индивиду и природе добавляется общество. Социальность как таковая может оказаться ресурсом, а ее структуры и институты превращаются в объекты эксплуатации. И все это основывается на достаточно неожиданном истолковании понятия целерационального действия. «Целерациональное действие, – отмечает Ю. Хабермас, – по своей структуре есть осуществление контроля. Поэтому «рационализация» жизненных взаимосвязей в соответствии со стандартом этой рациональности означает то же самое, что и институционализация господства, становящегося политически непознаваемым: технический разум общественной системы целерационального действия не выдает тайну ее политического содержания»⁵⁶⁴.

Как уже отмечалось выше, само понятие целерационального действия было переосмыслено вначале Г. Маркузе, а затем Ю. Хабермасом. Последний отождествил целерациональное действие с тем, что прежде мыслилось в понятии труда. Но у Ю. Хабермаса вводится некая операционализация понятия целерационального действия.

Целерациональное действие распадается на две компоненты, первая из которых есть инструментальное действие, то есть действие, осуществляемое для достижения цели.

Вторая часть целерационального действия – это принятие решения в условиях рационального выбора, когда выбор также предполагает соизмерение целей или, используя хайдеггеровскую терминологию, предполагает обычную калькуляцию. Это в корне отличается от выбора в условиях ценностно-рационального действия, когда выбор между ценностями не предполагает никакого расчета, никакой калькуляции, ибо она уже осуществлена в системе ценностей, которая для индивида уже предзадана, и он ею лишь пользуется, удостоверившись в том, что данная ценность несомненно приоритетна, в сравнении с другой. Ю. Хабермас полагает, что и само инструментальное действие, и рациональный выбор, и их сочетание создают множество целерациональных действий. Характеризуя инструментальное действие, он вводит две главных его отличительных черты: технические правила и эмпирически определенная цель, выбираемая посредством прогноза. При этом совершенно неважно, является прогноз реализацией некоего сценария в сфере природы или общества, а также независимо от того, подтвердится он или нет, будет оценен как сбывшийся или нет.

Но у целерационального действия, понимаемого Ю. Хабермасом не в смысле М. Вебера, а в контексте своей собственной теории, может быть не только инструментальным, но и коммуникативным. В понятии коммуникативного действия важную роль играет его интерактивная составляющая: действие осуществляется индивидом, окруженным другими индивидами, которые могут до этого действия, во время его совершения и после этого находится в процессе коммуницирования. Всеобщие максимы и индивидуально принятые ценности, оценки первого и второго, прогнозы и объяснения происходят на фоне коммуникации, реальной или мнимой. Индивид находится в диалоге с другими индивидами, но одновременно с этим он находится в диалоге с самим собой.

Реально или «мнимо» осуществляемая коммуникация – важный фактор социального действия, вернее того типа социального действия, которое Ю. Хабермас называет рациональным и коммуникативным. Данное различие апеллирует к одной из формулировок ка-

тегорического императива И. Канта. Как известно, основоположник критической традиции в новоевропейской философии запрещал относиться к другому человеку только как к средству. И. Кант формулировал свой запрет, руководствуясь моральными соображениями и выстраивая для этого целую систему, в то время как Ю. Хабермас определил коммуникацию как процесс, который сам по себе способен не допустить такого рационального, но бесчеловечного действия.

Правовое положение личности в государстве с точки зрения теории восходящей и нисходящей легитимации судебных решений⁵⁶⁵

Взаимоотношение личности и государства традиционно является актуальной темой для научного исследования, в том числе и рамках настоящей конференции. Баланс защиты их интересов правовой системой, в особенности ее судебной и правоохранительной составляющей с точки зрения понимания философских оснований представляется заслуживающим самого пристального внимания. В последнее время социологи фиксируют постоянно нарастающее отчуждение населения от органов государственной власти, падение доверия к судебной системе и как следствие – кризис легитимности ее решений.

Выделяют базовые различия между судом-посредником (арбитром) и судом-карателем. Отказ от последнего концепта считается важным достижением цивилизации. В правовом демократическом государстве в его классическом понимании основное предназначение судебной системы заключается в защите прав и свобод граждан и разрешению в правовом поле конфликтов между ними, юридическими лицами и государством. На первом плане здесь частный интерес, который дал название частному праву – основной функционально-структурной подсистеме права. В России же суды в большинстве дел защищают не частные, а публичные интересы и выполняют функцию юридического обслуживания механизма изъятия средств граждан в пользу крупных собственников.

Об этом свидетельствуют данные судебной статистики. В своем докладе на совещании судей 12 февраля 2019 г. Председатель Верховного суда В.М. Лебедев подвел итоги работы судебной системы за 2018 год и сообщил, что в минувшем году суды РФ рассмотрели более 31 млн дел. Суды общей юрисдикции рассмотрели 17 млн 300 тыс. дел, что на 19% больше, чем в 2017 г.⁵⁶⁶ Из 17,3 млн (точнее 17 270 149 дел⁵⁶⁷) рассмотренных дел, 7,1 млн (41%) – жилищные споры, из них 6,7 млн о взыскании платы за жилую площадь, комму-

нальных платежей, взносов за капремонт. Истцом выступают организации, обслуживающие жилье граждан, которые требуют взыскания денег с населения. По сравнению с 2014 годом число таких дел увеличилось почти втрое (В 2014 г. – 2,136 млн дел). Далее, 5,6 млн дел – споры по кредитам. Иски были поданы на 830 млрд рублей (в среднем 164 000 руб. на один иск), из которых суды взыскали более 96%. В 2013 году суды рассмотрели всего 1,359 млн подобных дел. Истцами выступают банки, коллекторские агентства и т.д. Остальные дела в основном рассматривались в порядке административного судопроизводства: 7 млн дела об административных правонарушениях, 4,4 млн – административные дела в судах общей юрисдикции (В 2017 году более 4 млн дел рассмотренных согласно КАС (92% от их общего числа), связано с взысканием обязательных платежей и санкций с физлиц (то есть в основном налогов и пеней)) .

Таким образом, мы можем видеть, что при самом грубом подсчете из 31 млн дел, 24 млн рассматриваются не по искам и обращениям граждан, а как раз наоборот, в отношении них и связаны как правило с принудительным изъятием их денежных средств. Фактически суды РФ выступают как механизм юридической легитимации отъема денежных средств граждан по искам заинтересованных организаций государственного или банковского сектора.

Концептуальное осознание данной парадигмы функционирования судебной системы РФ представляется достаточно важным. Экономико-политическая ситуация в стране постепенно выстраивается по пути все более возрастающего давления на граждан во всех сферах жизнедеятельности, где судебной системе, как одной из ветвей государственной власти отведена роль не основного защитника прав и свобод граждан, а скорее легитиматора, призванного обеспечить законность их ущемления, в первую очередь решений об отъеме средств.

Большинство дел рассматривается вне ординарного порядка судебного разбирательства, когда происходит вызов сторон, заслушиваются их аргументы. Число таких дел ежегодно растет. В 2018 году их было 16,5 млн, в 2017 году было 13,5 млн. Из них 6,2 млн (37,4%) – о взыскании платы за жилую площадь и коммунальные платежи, тепло и электроэнергию; 4,9 млн (29,5%) – о взыскании сумм по до-

говору займа, кредитному договору, 4 млн (24,3%) – о взыскании налогов и сборов и др. обязательных платежей (глава 11.1 КАС РФ).

Количество подобных дел нарастает каждый год, что вызывает озабоченность представителей судебной власти. Парадокс в том, что вводимые по инициативе Верховного суда и предлагаемые специалистами меры по снижению нагрузки в большинстве своем связаны с ослаблением процессуальных гарантий. В первую очередь увеличивается количества дел рассматриваемых в упрощенных, приказных производствах (Например, в 2016 году разрешено взыскивать долги по коммунальным платежам в приказном порядке⁵⁶⁸). Другая инициатива, это элиминация мотивировочной части судебных решений, когда судья не прописывает в решении основания и мотивировку его принятия.

Представляется, что предпринимаемые меры вряд ли дадут значительный положительный эффект⁵⁶⁹, так как концептуальная направленность политико-экономического функционирования государства не меняется. Как правильно было отмечено пределы расширения упрощенных процессуальных порядков и приказного производства фактически достигнуты⁵⁷⁰ и вызывают все большее отторжение научного сообщества и практиков. То же можно сказать и по поводу исключения мотивировки решений⁵⁷¹, которая, согласно позиции ВС РФ, отнимает у суда слишком много времени. Динамика увеличения количества дел растет темпами более значительными, чем положительный эффект, достигаемый предпринимаемыми мерами по снижению нагрузки.

Вопрос состоит в том, как мы концептуально понимаем судебную власть и право. В демократических обществах суд является главным властным институтом, обеспечивающим поддержание горизонтальной системы отношений. В недемократических обществах суд является рядовым институциональным участником обеспечения вертикальных отношений⁵⁷². Понятное дело, что такую схему не следует рассматривать как абсолютную и не имеющую исключений. Речь идет о вероятностном утверждении описывающим ведущие социальные тенденции. Лон Фулер в этой связи подчеркивал разницу двух форм социального упорядочивания, которые часто путают. Одна из них – управленческое воздействие, другая – право. Обе формы связаны с направлением и регулированием человеческой

деятельности и подразумевают подчинение власти. Они совместно используют большое количество терминов: «власть», «приказы», «контроль», «юрисдикция», «повиновение», «согласие», «законность» – вот лишь несколько терминов, двойное «гражданство» которых стало источником путаницы⁵⁷³. По нашему мнению, в рамках функционирования российской судебной власти они смешиваются. Исследование Фонда ИНДЕМ показало, что необходимо различать два типа судебной независимости – независимость судебной власти как одной из ветвей власти (институциональную независимость) и процессуальную независимость судей (независимость судебных решений)⁵⁷⁴. При анализе правового дискурса не выявляется существенного различия этих двух типов. Если брать результаты опросов граждан независимость именно судебных решений оказалась в центре структуры правосознания. Это вполне оправданно, ибо граждане сталкиваются в своей практике взаимодействия с судебной властью именно с данным аспектом независимости. В то время как институциональная независимость осмысливается в гораздо меньшем объеме. Может быть по этой причине с начала 2000-х годов в России постепенно вводились нормы, ограничивающие институциональную независимость судов и судей. В итоге это привело и к уменьшению их процессуальной независимости.

Конечно, здесь следует иметь в виду, что институциональная независимость нигде не реализуется абсолютно. Судебные системы некоторых стран даже с развитыми традициями верховенства права не предусматривают и стремления к этому. Ее пределы политически находятся в рамках двух основных идеологий, которые на сегодняшний день периодически приходят на смену друг другу и которые позволяют создавать структуры государственной власти, в том числе и судебной – это либерализм и консерватизм. Только они обладают содержательным политическим и институциональным видением⁵⁷⁵.

В рамках консервативной идеологии государство играет более значимую роль в обществе. Оно на законных основаниях централизует правосудие, предпочитая назначать судей, ограничивать число судебных органов с участием непрофессиональных судей, использовать строгие процедуры привлечения судей к ответственности перед своими коллегами, сдерживать взаимодействие гражданского

общества и государства, что ведет к слабости парасудебных механизмов, таких как, например, медиация. Консерватизм, как отмечается, всегда опасается участия народа в государственных делах и идет по пути сдерживания реформ⁵⁷⁶. Основным источником легитимности судебных решений является именно государство, которое в некотором смысле несет политическую ответственность за принимаемые судом решения.

В рамках либеральной идеологии барьеры расширяются, роль государства уменьшается, особенно в экономической и социальной сферах, что является основанием для развития специализированного правосудия по социальным и торговым делам с ростом участия непрофессиональных, но специализированных судей. Усиливается роль общества как в плане состава судейского корпуса с установлением «мостов» между различными юридическими профессиями, так и в процессе принятия решений с допущением разного рода институтов типа *amicus curiae*⁵⁷⁷. Легитимация здесь носит восходящий характер и опирается на признание и поддержку гражданского общества, откуда и идет характерная для англо-саксонской системы идея выборности судей. Следовательно суд в первую очередь ответственен перед населением. Представление о консерватизме, здесь становится негативным, он предстает как идеология, выступающая против движения, против реформ, против модернизации. Порядок против свободы, государство против свободы. Такой ярлык нередко приклеивается и к правосудию, по определению, рассматриваемому в качестве консервативного института⁵⁷⁸. Здесь видна попытка сделать правосудие независимым – но не от политики, а от государства⁵⁷⁹.

Вопрос о двойственности положения судьи – с одной стороны, носителя государственной власти, а с другой – защитника права – традиционен для современных правовых систем, при этом в правовом государстве ответ на данный вопрос однозначен, поскольку базируется на конституционных ценностях, применительно к Российской Федерации, закрепленных в главах 1 и 2 Конституции РФ.

Тесно связанным здесь видится вопрос о понимании права. Классическое его понимание, как система нормативных требований исходящих от государства и обеспеченны его принудительной силой, характерное для России, исходит из теории нисходящей легитима-

ции права. Отношение к праву как к закону вообще характерно для континентальной правовой системы. В странах англо-саксонского права право больше понимается и действует как «субъективные права человека»⁵⁸⁰. Здесь правовая система, понимаемая как совокупность средств, институтов и элементов развития права в конкретном обществе, должна обладать признаками и процедурами либеральной (восходящей) трансформации⁵⁸¹. По мнению Jacobson А. новые государства Восточной Европы, включая Россию больше ориентированы на административные формы реагирования (нисходящий механизм легитимации). В этом смысле, по его мнению, они подрывают требование к собственной легитимности⁵⁸². А.А. Хованская описывает, принадлежность нисходящей легитимации к статической системе права, а восходящей к динамической⁵⁸³. При этом делает достаточно пугающий вывод: в статической системе права как канала сообщения между людьми не существует. Государство само контролирует распределение прав и требований. Право действует только вертикально. В теории права правоприменителем является только представитель государства (чиновник, сотрудник полиции, судья и др.), которому одному предоставлено право применять право. Отсюда огромное количество рассматриваемых судами дел, когда только государство в лице судов обладает полномочиями принять решение по делу, которое чаще всего вообще не содержит спора. Решить данные проблемы самим участникам судебная система, а если брать шире, и сама система права не позволяет.

Шаруева Н.В.,
соискатель кафедры теории и истории
государства и права ФГАОУ ВО
«Казанский (Приволжский) федеральный университет»

Этические основания правовой культуры судьи

Авторитет судебной власти определяется профессионализмом и способностью судейского корпуса (и отдельно каждого судьи) достойно выполнять возложенные задачи по обеспечению законности, справедливости, защите общественных и государственных интересов. Как справедливо отмечают ученые, издревле правосудию придавалось особое значение в системе организации общества, что получило отражение в известной римской формуле «*justitias regnorum fundamentum*» (правосудие – основа государства)⁵⁸⁴.

Судья – профессия государственная. Деятельность судьи напрямую связана с обеспечением защиты прав граждан, с принятием решений влияющих на судьбы людей, сопровождается применением мер государственного принуждения. Именно нравственные ценности, мораль, по мнению О.Ю. Рыбакова, формируют своеобразные пояса защиты человека от антигуманных проявлений со стороны других субъектов общественных отношений⁵⁸⁵, от произвола власти. В этой связи обостряется необходимость предъявления повышенных этических требований к профессиональному имиджу судьи.

В учебной и научной литературе уделяется пристальное внимание изучению этических аспектов⁵⁸⁶ и компонентов профессиональной деятельности судей, которые необходимы для формирования в общественном сознании убеждения уверенности в справедливом, беспристрастном и независимом суде. Термин «этика», впервые введенный Аристотелем для обозначения практической философии, в отличие от теоретического знания о мире, в последующем стал применяться для обозначения двух направлений науки: первое – понимание о том, как должен поступать человек (нормативная этика), второе – понимание происхождения и сущности морали (философия этики)⁵⁸⁷.

В юридической науке основоположником учения о судебной этике является А.Ф. Кони, которую он понимал как совокупность правил поведения профессиональных участников судопроизводства, обеспечивающих нравственный характер их профессиональной деятельно-

сти и внеслужебного поведения⁵⁸⁸. Следует обратить внимание, что несмотря на то, что А.Ф. Кони не ввел специального термина для обозначения этики судей (судейской этики), именно личности судьи он отводит центральное место в процессе судопроизводства, который «должен судить объективно, опираясь на закон и мораль, не извлекая личной выгоды <...> в основе судебного приговора должна лежать не только логическая неизбежность, но и нравственная обязательность»⁵⁸⁹. В деятельности судьи, пишет А.Ф. Кони, должны объединяться правовые и нравственные требования. «Судья, – отмечает он, – должен вносить в творимое им дело душу и наряду с предписаниями положительного закона руководиться безусловными и вечными требованиями человеческого духа...»⁵⁹⁰.

Мы склонны дифференцировать судейскую этику как вид профессиональной этики юриста (наряду с адвокатской этикой, этикой прокурора и др.), субъектами которой являются судьи, от судебной этики, которая представляет собой совокупность норм морали и нравственных установок судебного процесса (в данном случае субъектами выступают все участники судопроизводства)⁵⁹¹. Судейская этика представляет собой неотъемлемый элемент профессиональной правовой культуры судьи, включающая в себя совокупность правил профессионального и внеслужебного поведения судей.

Судья – правоприменитель. Судья выносит свои решения на основе закона, правовых норм, исходя из своего личного их понимания. Изучая вопросы толкования права, О.Ю. Рыбаков обосновывает вывод, что принципы понимания права основываются, прежде всего, на ценностно-мировоззренческих критериях, ориентирах восприятия права – всего комплекса параметров, отражающих содержание и внешнее оформление, обрамление нормы права, ее конструкцию, которая, в свою очередь, предлагается для восприятия и руководства к действию или воздержания от него⁵⁹². Таким образом, именно личностное восприятие норм права через призму сформированных на протяжении профессиональной деятельности ценностно-нравственных ориентиров и убеждений, способствует формированию вывода судьи в каждом конкретном случае.

Заслуживает поддержки утверждение, что «к государственным процессам должны допускаться люди высокого уровня нравственной и правовой культуры, субъективное сознание которых при оценке

объективных социальных факторов ориентировалось бы на справедливость и законность»⁵⁹³. Анализируя юридическую деятельность с позиции аксиологического подхода, П.П. Ланг рассматривает справедливость в качестве системообразующей, знаковой ценности судебной деятельности⁵⁹⁴, с чем сложно не согласиться. Понимание справедливости, как одной из важнейших категорий морального сознания, является определяющим элементом профессиональной этики судьи. В основе персональных установок и убеждений судьи по поводу справедливости, законности, нравственности лежат этические основания правовой культуры личности судьи, которые детерминируют его профессионализм и ответственное отношение к долгу.

Стандарты этического поведения судей находят отражение в международных правовых документах (Европейская хартия о статусе судей, 1998 г., Бангалорские принципы поведения судей, 2002 и др.) и в российском законодательстве (Конституция РФ, Федеральный конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 30.10.2018) «О судебной системе Российской Федерации», Закон РФ от 26.06.1992 № 3132-1 (ред. от 02.08.2019) «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральный закон от 17.12.1998 № 188-ФЗ (ред. от 28.11.2018) «О мировых судьях в Российской Федерации» и др.). Закрепление на уровне законодательства морально-этических требований к статусу судьи подтверждает высокие требования государства и общества к носителям судебной власти. Общепризнанные нормы морали компоненты этического поведения судьи нашли закрепление в кодексах поведения судей, принятых профессиональным судебским сообществом (Кодекс чести судьи (1993), Кодекс судейской этики (2004), Кодекс судейской этики (2012)).

Этические основания правовой культуры судьи имеют важное значение наряду с другими элементами профессиональной правовой культуры представителей судебного корпуса, предполагающие наличие в сознании судьи моральных и нравственных ценностных установок, которые оказывают влияние на его деятельность, основанную на принципах законности, справедливости, беспристрастности ответственном отношении к делу.

Сердюков А.А.,
*аспирант Федерального государственного
автономного образовательного учреждения
высшего профессионального образования
Юридического института
«Северо-Кавказского федерального университета»*

Человек и государство: основы взаимодействия в концепции Ганди

Политико-правовые взгляды индийского государственного и общественного деятеля, одного из руководителей и идеологов движения за освобождение Индии от британской империи Мохандаса Карамчанда Ганди на содержание и сущность взаимоотношений между человеком и государством, определение роли и значения последнего для человека, личности, общества на современном этапе формирования и становления правового государства, гражданского общества, провозглашения и формального закрепления демократии, приоритета всестороннего развития и совершенствования человека в обществе и государстве, представляют на наш взгляд значительный интерес и актуальность, как в рамках философии права, так и в практической реализации политической организации жизни индивида в настоящее время.

Исследование фундаментальных положений концепции Ганди в отношении взаимодействия человека и общества обусловлено не только политическими взглядами Махатмы, но прежде всего попыткой их непосредственной реализации в реальную жизнь индивида и государственное устройство, что по нашему мнению является важным и значимым аспектом. Являясь государственным деятелем, Ганди не только разрабатывал теоретическую концепцию, конструкцию взаимодействия человека и государства, но предпринимал реальные попытки воплотить свои взгляды в формирование политического курса Индии, закрепления прав и свобод ее граждан, отказ от кастовой системы в социальной организации жизни индивидов, провозглашения персонцентристского подхода в осуществлении государственной власти, целью которой выступает человек, его права, свободы, всестороннее и полное развитие и совершенствование личности.

В своих работах Махатма делает акцент на человеке как высшей ценности. По его мнению, государство и правительство существуют только благодаря индивидам, и только от них же зависит факт существования самого государства, принятие решения о его необходимости, определения целей и задач государственного курса.

В связи с этим, основной и приоритетной целью правительства является всестороннее развитие человека посредством издания и реализации в общественной жизни законов, обеспечивающих безопасность и мир, запрещающих какие-либо формы эксплуатации, «государство всегда должно соблюдать дух служения обществу и никогда не должно выступать как его господин. Тогда как общество всегда должно напоминать государству, что правительство в сущности своей не может существовать без его поддержки.

Вышеназванная идея должна стать для индивидов руководящей как в позитивном, так и в негативном отношении к государству, в силу того, что народ должен всемерно помогать государству во всей его деятельности по улучшению условий существования, поддержке справедливых законов и защите государства любой ценой вплоть до самопожертвования. Руководствуясь этими принципами, общество в конечном итоге проявляет заботу о собственном благе»⁵⁹⁵.

Вместе с тем, если все таки государство, не придерживаясь поставленных перед ним целей и задач, начинает эксплуатировать своих граждан, что приводит к социальному регрессу, то его священная обязанность по Ганди – «порвать с государством и преобразовать его с помощью морального воздействия, а именно ненасильственного отказа от сотрудничества с ним, что автор и применял в целях приостановления и последующей ликвидации деятельности правительства Великобритании в Индии.

Резюмируя вышеизложенные доводы, Махатма отмечает, что политическое сознание всегда должно быть острым, а государство и деятельности его аппарата необходимо корректировать, используя обоснованные действия с применением базовых начал, а именно, поддержки и отказа от поддержки аппарата государства.

В то же время, как для моральной сущности человека, так и для самого государства «вечная бдительность является ценой свободы». Ганди акцентирует свое внимание на положении, что самоуправление целиком и полностью зависит от внутренней силы духа челове-

ка, от его способности сопротивляться неравенству, потому как «в самом деле, самоуправление, не требующее постоянного стремления к его достижению и поддержанию вообще не заслуживает такого наименования»⁵⁹⁶.

Махатма в своем докладе с сожалением указал на то, что не только иностранное, но даже собственное правительство порой является непреодолимой преградой на пути развития свободы и личностного роста человека в обществе и государстве, отмечая, что во многих провозглашаемых свободных странах человек является жертвой политического произвола.

В связи с этим, автор не признавал за государством и его властью права быть настолько безграничным и жестоким, чтобы уничтожать чистое и свободное сознание и подавлять моральный прогресс человека, «индивид заслуживает наивысшего уважения... Я смотрю на рост мощи государства с величайшим беспокойством, потому как, уменьшая эксплуатацию и вроде как, делая благое дело, государство параллельно с этим приносит величайший урон человечеству, разрушая индивидуальность, которая лежит в основе всякого прогресса»⁵⁹⁷.

Государство в современном мире должно быть вооружено, обладать необходимым военным потенциалом и армией для защиты своего социума, для поддержания мирного сосуществования и международного порядка. Вместе с тем, нельзя допустить, чтобы люди передали всю инициативу государству и безучастно смотрели на все, что оно осуществляло. Такая безоговорочная зависимость от государства с течением времени приводит к автократии и диктатуре.

Человеку постоянно необходимо прилагать соответствующие усилия, взаимно помогать друг другу, нравственно воспитывать самих себя, с тем, чтобы постепенно создать закон внутри себя, благодаря которому все меньше и меньше требовалось бы применение внешнего давления законов государства. В свою очередь, государство со временем должно стать институтом для улучшения условий и качества жизни человека и все меньше и меньше прибегать к принуждению.

Давая определение такой идеальной форме публичной организации жизни человека автор отмечает, «тогда государство будет пред-

ставлять собой просвещенную анархию, в таком государстве каждый станет своим собственным правителем; каждый будет управлять собой таким образом, чтобы это не доставляло никаких неприятностей соседу... Но идеал полностью никогда не достигим в нашей жизни. Отсюда уместная формулировка Торо: то правительство лучше, которое меньше всего управляет»⁵⁹⁸.

Необходимо отметить, что концепция взаимодействия человека и государства, формирования ненасильственного государства Ганди подверглась критике отечественного теоретика государства и права О.В. Мартышина, который считал, что, не принимая во внимание классовую сущность государства, Махатма отмечал пороки буржуазного государства, присущими государству в принципе, по своей сути.

Так как государственная организация жизни индивида по Ганди является не орудием классового господства, а машиной подавления самого индивида. Данный анархистский вывод не только делал Ганди неспособным сопротивляться буржуазному государству, но и превращал его в сторонника того строя, изъяны которого он обличал⁵⁹⁹.

Поддерживая позицию О.В. Мартышина, правовед В.В. Павлов указывает на абсурдное и недопустимое преувеличение свободы личности в концепции Ганди⁶⁰⁰.

Р. Габрелл в своих работах отмечает абсолют добровольного характера взаимозависимости и возможности человека отстаивать свое мнение по любому вопросу вопреки мнению большинства, который характерен для формирования идеального государства, руководствующим принципом деятельности которого выступает ненасилие⁶⁰¹.

Вместе с тем, хотелось бы отметить, что в своей концепции Ганди, определяя основы взаимодействия человека и государства не только обратил внимание на необходимость признания человека высшей ценностью общества и государства, выделив принципы гуманизма, ахимсы (ненасилия), но и применил их в реальной жизни, показав всему миру возможность решения внутригосударственных конфликтов, противоречий, а также сохранения мира и порядка на международном уровне взаимодействия государств, поставив в основу всей системы человек-общество-государство-международное

сообщество именно человека, его жизнь, права и свободы, его развитие и личностный прогресс в социальной и государственной системе существования.

Такой подход, по нашему мнению, не является идеализированным и абсурдным, потому как Ганди не предоставляет индивиду абсолютную свободу, указывая на необходимость сосуществования в социуме, на наличие справедливой системы законодательства как инструмента регулирования взаимоотношений граждан, на необходимость механизма (аппарата) государства, созданного самим индивидом для него самого.

Таким образом, характеризуя базовые принципы взаимозависимости и взаимодействия человека и государства, Ганди не призывает к созданию безгосударственного общества, а указывает на необходимость и актуальность применения методологии ахимсы и формирования государства, фундаментальной целью которого является человек, его права и свободы, предоставление возможностей для всестороннего личностного прогресса.

*Лукьященко А.В.,
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и социологии
Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)*

Человеческий капитал как основа социального партнерства человека и государства

Сегодня, в эпоху все большего превращения знаний в непосредственную производительную силу, провозглашения амбициозных задач по модернизации нашего общества, как никогда актуальна не только смена парадигм традиционного мышления общества потребления, но и раскрепощение внутреннего потенциала каждого из нас.

Только осознанный, свободный и творческий процесс самореализации человеческого Я способен раскрыть сущностные силы человека, направить их на гармонизацию всех сторон человеческой жизни, помочь осмыслить и понять цель и смысл исторических преобразований, переживаемых нашим обществом на современном этапе.

И действительно, перспективы мировой экономики в XXI в. определяются характером перехода стран к новому этапу развития производительных сил: от индустриальной стадии, где доминировало крупное механизированное машинное производство, к постиндустриальной, где будут превалировать сфера услуг, наука, образование и т.д.

Наряду с производством материальных благ, которое, безусловно, сохранит свою значимость, его экономическая эффективность будет определяться в первую очередь использованием высококвалифицированных кадров, новых знаний, технологий и методов управления. Сегодня на передний план выдвигается способ производства и передачи знаний и, собственно, сам человек – его творческий, культурный и интеллектуальный потенциал.

Человеческий капитал в эпоху постиндустриального общества, становится не просто ценным ресурсом, но гораздо более важным, чем природное или накопленное богатство. В современной конкурентной борьбе между ведущими мировыми державами именно человеческий (интеллектуальный) капитал предопределяет темпы

экономического развития и научно-технического прогресса. Соответственно усиливается и интерес общества к системе образования как ос-нове производства этого капитала.

Когда-то воспитание, образование и фундаментальная наука считались затратным бременем для экономики. Сегодня образование и наука, ментальность и духовность как составляющие человеческого капитала, и сам человеческий капитал в целом, стали главным фактором роста и развития современной экономики, развития общества и повышения качества жизни.

Ядром человеческого капитала, конечно, был и остается человек. Сам же человеческий капитал определяет ныне основную долю национального богатства стран, регионов, муниципальных образований и организаций. В сущности, накопленный человеческий капитал – это инвестиции и отдача от них в человека, в качество его жизни, в условия и инструменты его интеллектуального труда, в среду обитания и работы.

Именно рабочая сила является главным движущим фактором процесса производства, а общественное воспроизводство в широком, народнохозяйственном, аспекте есть возобновление производства товаров и воспроизводства самой рабочей силы.

Так, уже в начале 90-х годов лауреат Нобелевской премии по экономике Гери Стенли Бекер, применил экономические методы для анализа человеческого поведения⁶⁰², формулируя свою теорию человеческого капитала, особое внимание обращал на необходимость постоянных инвестиций в человеческий капитал с точки зрения эффективности его функционирования.

Все последующее развитие экономической жизни подтвердило его правоту, поскольку именно инвестиции средств как раз и превращают ресурс в капитал, делают простое благо капитальным благом. Инвестиции в повышение человеческих способностей ведут к росту производительности труда, к росту доходов, в том числе к росту зарплаток работника. Значит, происходит воспроизводство и кумулятивное накопление доходов с помощью человеческих способностей, что и превращает их в особую форму капитала.

А ведь еще А. Смит писал, что увеличение производительности полезного труда зависит, прежде всего, от повышения ловкости и

умения рабочего, а затем от улучшения машин и инструментов, с помощью которых он работал.

Остаются сегодня актуальными и рассуждения по этому поводу К. Маркса, который рассматривал производство человека – потребительное производство – как второй вид общественного производства. К. Маркс подчеркивал, что в этом процессе потребительного производства рабочая сила не только воспроизводится, но и совершенствуется, развивается. Происходит своего рода “накопление” производительной силы труда, созидательных способностей человека, причем в большей степени именно умственных способностей.

Результатом производства физических и умственных способностей к труду является развитая рабочая сила, способная к квалифицированному труду, а сложность и качество труда являются характеристикой самой рабочей силы. К. Маркс писал: «Труд, который имеет значение более высокого, более сложного труда по сравнению со средним общественным трудом, есть проявление такой рабочей силы, образование которой требует более высоких издержек, производство которого требует большего рабочего времени и которое имеет, поэтому более высокую стоимость, чем простая рабочая сила. Если стоимость этой силы выше, то и проявляется она в более высоком труде и овеществляется, поэтому за равные промежутки времени в сравнительно более высоких стоимостях»⁶⁰³.

Последующее развитие экономической мысли пришло не просто к констатации факта существования человеческого капитала, но и к анализу состава и структуры тех человеческих способностей, которые выгодно капитализировать, была определена последовательность и отдача от инвестиций в человеческий капитал.

Сегодня как никогда становится очевидным, что качество человеческого капитала – физическое и интеллектуальное развитие людей, состояние их здоровья, профессиональная подготовка зависят и от объема и структуры питания, и рациональности их одежды, и от объема и структуры потребления бытовых услуг, а также от получения ими услуг здравоохранения, просвещения, культуры, профессионального образования.

Вместе с тем, значительная часть нынешних экономистов (как теоретиков, так и, особенно, практиков) недооценивает роль именно потребления населением материальных и иных, в частности, ду-

ховных благ и услуг на развитие способностей человека к труду, на развитие и воспроизводство человеческого капитала.

Отметим, что уже в середине 20 века в условиях научно – технической революции стал нарастать дефицит высококвалифицированных кадров. Любая модернизация производства смещает центр тяжести с процессов использования имеющейся рабочей силы на создание качественно новой рабочей силы.

Сами структурные изменения в совокупной рабочей силе стимулировали интерес экономической мысли к факторам экономического роста и экономической динамике, послужили причинами возникновения и развития теории человеческого капитала. Не случайно именно в 50–90-х годах XX в. эта теория сформировалась и развивалась в трудах Т. Шульца, Г.Беккера, Б. Вейсброда, Дж. Минцера, Л. Хансена, М. Блауга, С. Боулса, Й. Бен-Порэта, Р. Лейарда, Дж. Псахаропулоса, Ф. Уэлча, Б. Чизвика и др. Причем, теория человеческого капитала стала развиваться в рамках неоклассического направления западной политэкономии применимо анализу таких сфер, как образование, здравоохранение, семья и культура.

У большинства западных экономистов сложилось представление о «человеческом капитале» как о таком феномене, который состоит из приобретенных знаний и навыков, мотиваций и энергии, которыми наделены человеческие существа и которые могут использоваться в течение определенного периода времени в целях производства товаров и услуг. Все они представляют собой материализованную форму капитала и потому выступают источником и для будущих заработков, и для последующего более расширенного удовлетворения возросших потребностей. Соответственно, были разработаны и количественные методы анализа эффективности вложений в образование, медицинское обслуживание, подготовку на производстве, миграцию, рождение и уход за детьми и их денежной отдачи для общества и семьи. Главное внимание в этом анализе уделяется производимым способностям человека и дифференциации доходов, вызываемой различными уровнями инвестиций в их производство.

Человеческий капитал, будучи локомотивом динамичного развития экономики в современных условиях, представляет собой форму проявления производительных сил человека в рыночной экономи-

ке, адекватную форму организации производительных сил человека, включенных в систему социально ориентированной рыночной экономики в качестве ведущего, творческого фактора общественно-го воспроизводства.

Сегодня, в условиях жесточайшей конкуренции Российской Федерации с Западом, ужесточения экономических санкций, реализации программы импортозамещения в стратегически важных для нашей страны наукоемких областях экономики, как никогда актуально встает задача инвестиций именно в человеческий капитал.

Инвестиции в образование и здоровье, культуру и науку, в искусство и духовно-нравственную сферу предполагают не просто несение текущих материальных издержек ради будущих выгод, но и являются залогом процветания и суверенитета страны.

Современная экономика в развитых странах не может не быть экономикой эффективного человеческого капитала. Высокий уровень и качество жизни не могут существовать без опережающих инвестиций в человеческий капитал, без обеспечения высокой степени конкурентоспособности и безопасности человеческого капитала.

Исторический прорыв в модернизации общества возможен исключительно на условиях добровольного, творческого раскрытия потенциала субъективного внутреннего мира человека, реализации человеческого капитала. При этом, ведущую роль в процессе исторического преобразования должны играть не внешние социальные условия человеческого бытия, но сам человек как субъект истории.

Раскрепощение человеческой субъективности, развитие собственно человеческого капитала возможно лишь как акт свободной воли, включающий в себя элементы веры в торжество справедливости, свободы человеческого духа.

Как отметил в своем обращении к Федеральному Собранию Российской Федерации Президент РФ В.В.Путин, – *«Сегодня в нашем обществе четко обозначился запрос на перемены. Люди хотят развития и сами стремятся двигаться вперед – в профессии, в знаниях, в достижении благополучия, готовы брать на себя ответственность за конкретные дела. Зачастую они лучше знают, что, почему и как надо менять там, где они живут и работают»*⁶⁰⁴.

Сегодня уже не только ученое сообщество, но и все наше общество понимает, что человека нельзя представлять только в качестве продукта внешних обстоятельств. Родовая сущность человека должна быть понята не только со стороны социума, но и с точки зрения его собственной целостности, деятельного проявления его собственной индивидуальности.

Пользуясь образным языком Гегеля, отметим, что **внутреннее** (т.е. сам человек – А.Л.) **есть самость, субъективность, которая разъяряясь против внешнего, превращает его в свое.** Именно эта способность внутреннего к самореализации, к объективации во внешней форме и позволяет нам иметь дело с очеловеченной сущностью Природы.

Культура, понятая как мера и способ реализации сущностных сил человека, являет нам во внешней объективированной форме содержание внутреннего мира человека, мир его сознания. Только эта гуманизированная среда, где диалектически взаимопроникают интересы человека и общества, находит свою реализацию человеческий капитал в своей подлинной, а не отчужденной форме, а это выступает единственно возможной платформой для устойчивого социального партнерства человека и государства.

Как подчеркивает в своих заключительных словах в Послании Федеральному Собранию РФ Президент РФ В.В.Путин, «создание условий для самореализации всех граждан России – ключевой приоритет государственной политики», а успех всех масштабных преобразований в экономике, политике, социальной сфере связан с выполнением «социального контракта государства» перед своими гражданами по повышению уровня и качества их жизни. При этом, только сознательная, творческая, волевая и созидательная деятельность человека, направленная на увеличение его «человеческого капитала» способна привести к успеху, «к развитию, к достижению самых смелых планов, ... во имя своей семьи, своих близких, детей, их будущего, а значит, ради величия России, ради достоинства ее граждан»⁶⁰⁵.

Примечания

<<1>> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16114.

<<2>> Философский словарь. М., 1981. С. 131.

<<3>> Эрлих О. Основоположение социологии права. СПб., 2011. С. 64.

<<4>> Мальцев Г.В. Социальные основания права. М., 2007. С. 298, 302, 317.

<<5>> Гурвич Г.Д. Философия и социология права. Избранные сочинения. СПб., 2004. С. 83.

<<6>> Шваб К. Технологии четвертой промышленной революции. М., 2018. С. 271–273.

<<7>> Дураев Т.А., Елышева О.Р. Право на достойную жизнь: Сущность и реализация / Право и правоохранительная деятельность в России, странах СНГ и Европейского союза: законодательство и социальная эффективность. Материалы V Международной научно-практической конференции преподавателей, практических сотрудников, студентов, магистрантов, аспирантов, соискателей. Саратов, 2018. С. 43–44 (С. 43–45.)

<<8>> Мамут Л.С. Социальное государство с точки зрения права // Государство и право. 2001. № 7. С. 6.

<<9>> Родионова О.В. Юридическая сущность «права на достойное человеческое существование» // Правоведение. 2004. № 2. С. 188.

<<10>> Bell D. Notes on the Post-Industrial Society // The Public Interest. 1967. № 7. P. 102.

<<11>> Белл Д. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования. М.: Academia, 1999. С. 235.

<<12>> Инглегарт Р. Культурный сдвиг в зрелом индустриальном обществе // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. М.: Academia, 1999. С. 252.

<<13>> R. Bregman. Cutting out the middle men // <https://www.economist.com/britain/2010/11/04/cutting-out-the-middle-men> (дата обращения: 20.03.2019)

<<14>> Parijs van P. What's Wrong with a Free Lunch? L.: Beacon Press, 2001. P. 45.

<<¹⁵>> Raventós D. Basic Income: The Material Conditions of Freedom. L.: Pluto Press, 2007. P. 16.

<<¹⁶>> Поланьи К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени. СПб.: Алетейя, 2002. С. 93.

<<¹⁷>> Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 18-29-16114.

<<¹⁸>> См., например: Жеребин В.С. Проблемы правовой конфликтологии: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2001; Худойкина Т.В. Юридический конфликт: динамика, структура, разрешение: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Н. Новгород, 2002.

<<¹⁹>> Юридическая конфликтология / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1995. С. 75.

<<²⁰>> Тихомиров Ю.А. Коллизионное право. М., 2000. С. 143–146.

<<²¹>> Худойкина Т.В. Юридический конфликт: динамика, структура, разрешение. С. 40–41.

<<²²>> Павлов В.И. Юридические конфликты: теоретико-методологические аспекты разрешения в процессе применения права: дис. ... канд. юрид. наук. Минск, 2005. С. 72–89.

<<²³>> Чулюкин И.Л. Социальные конфликты и применение права: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2001. С. 138–139.

<<²⁴>> Третьяк И.А. Юридическая конфликтология в конституционном и муниципальном праве // Правоприменение. 2019. Т. 3. № 1. С. 57.

<<²⁵>> Там же. С. 56–57; Прошанов С.Л. Становление социологии конфликта в России: теоретико-методологическое и институционально-организационные основы: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2007.

<<²⁶>> См., например: Лазарев В.В. Социально-психологические аспекты применения права. Казань, 1982. С. 29.

<<²⁷>> Иеринг Р. фон. Борьба за право. М., 1991. С. 16–40.

<<²⁸>> Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990. С. 98.

<<²⁹>> Юридическая конфликтология / отв. ред. В.Н. Кудрявцев. М., 1995. С. 77.

<<³⁰>> См., например: Головкин Л.В. Альтернативы уголовному преследованию в современном праве. СПб., 2002. С. 25–230; Кузьмина М.Н. Альтернативные формы разрешения правовых конфликтов. Ставрополь, 2001. С. 97–119.

<<³¹>> На это также обращается внимание в современных исследованиях, см., например: Степаненко Р.Ф. Проблемы правовой конфликтологии в современной юридической науке // Основные тенденции развития современного права: проблемы теории и практики: материалы III Всероссийской научно-практической конференции / под ред. А.Б. Месяева, Р.Ф. Степаненко, С.Н. Тагаевой. Казань, 2019. С. 10–14.

<<³²>> См., например: Система права и система законодательства: современное состояние и перспективы развития в цифровую эпоху: монография / под науч. ред. А. В. Корнева. Москва: Проспект, 2019. С. 70–76; Черевко В.В., Шепелев Д.В. Особенности применения категории «интерес» в условиях цифровизации // Вестник Московского гуманитарно-экономического института. 2019. № 1. С. 99–104.

<<³³>> Кашкин С.Ю. Морально-нравственные проблемы правового регулирования искусственного интеллекта и робототехники в современном мире // Научно-технологические трансформации в современном обществе: нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования: сборник научных трудов / отв. ред. В.М. Артемов, О.Ю. Рыбаков. М., 2019. С. 143.

<<³⁴>> Федеральный закон от 01.05.2017 № 94-ФЗ «О внесении изменений в статью 58 Семейного кодекса Российской Федерации и статью 18 Федерального закона «Об актах гражданского состояния» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. 01.05.2017.

<<³⁵>> <https://rg.ru/2013/12/18/imena-site.html> (дата обращения: 19.11.2019).

<<³⁶>> <https://tass.ru/obschestvo/4068842> (дата обращения: 19.11.2019).

<<³⁷>> <https://rg.ru/2013/12/18/imena-site.html> (дата обращения: 19.11.2019). Родители этого ребенка художник Вячеслав Воронин и реставратор графики Марина Фролов, имя этого ребенка расшифровывается как «Биологический Объект Человек рода Ворониных-Фроловых, родившийся 26.06.2002 года».

<<³⁸>> Трофимец И.А. Парадигма государственной политики в сфере брака: взгляд юриста // Государство и право. 2019. № 9. С. 109.

<<³⁹>> Там же. С. 112.

<<⁴⁰>> Там же С. 115.

<<41>> Пашенцев Д.А., Алимова Д.Р. Новации правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений // Государство и право. 2019. № 6. С. 102.

<<42>> Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте: монография / под общ. ред. В.Н. Синюкова, М.А. Егоровой, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). М., 2019. С. 13.

<<43>> Там же. С. 14.

<<44>> Официальный интернет портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата обращения: 19.11.2019)

<<45>> Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций Российской Федерации. <https://digital.gov.ru/ru/documents/6654/> (дата обращения: 19.11.2019)

<<46>> Официальный интернет портал правовой информации <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201910110003> (дата обращения: 19.11.2019)

<<47>> Правовое регулирование цифровой экономики в современных условиях развития высокотехнологичного бизнеса в национальном и глобальном контексте: монография / под общ. ред. В.Н. Синюкова, М.А. Егоровой, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА). М., 2019. С. 26.

<<48>> https://www.cbr.ru/fintech/regulatory_platform/ (дата обращения: 19.11.2019)

<<49>> Попова А.В. Новые субъекты информационного общества и общества знания: к вопросу о нормативном правовом регулировании // Журнал российского права. 2018. № 11. С. 23.

<<50>> См.: <https://www.zdrav.ru/news/1086191-qqn-17-m4-21-04-2017-vtsiom-rossiyane-stali-menshe-obrashchatsya-za-meditsinskoj-pomoshchyu>

<<51>> <http://ru-an.info/новости/эффективные-менеджеры-это-старательные-дураки-наших-врагов/>

<<52>> К. Маркс. К критике гегелевской философии права // Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1. М., 1955. С. 271.

<<53>> К. Маркс. Цит. соч. С. 272.

<<⁵⁴>> См.: Питер Л.Дж. Принцип Питера, или Почему дела идут кривью и вкось. М., 1990. С. 163–167.

<<⁵⁵>> Именно так сделано в Индии, где высшее образование тоже построено по болонской модели.

<<⁵⁶>> Это касается и ректоров государственных вузов.

<<⁵⁷>> Отдельные «посадки» высокопоставленных чиновников зачастую обусловлены наличием в их деле некой неправовой компоненты, которая и имеет решающее значение.

<<⁵⁸>> См., например: https://www.gazeta.ru/social/news/2013/04/24/n_2873553.shtml

<<⁵⁹>> Ершов В. Судебное толкование трудовых норм // Советская юстиция. М.: Юрид. лит., 1993, № 20. С. 19–21; Ткачева С.Г. Конкретизация закона и его судебное толкование: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973; Амосов С.М. Судебное толкование норм права как процессуальная деятельность // Российский юридический журнал. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003, № 1. С. 29–32 и др.

<<⁶⁰>> Апелляционное определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.11.2018 по делу № 2-2/2018 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

<<⁶¹>> Определение Верховного Суда Российской Федерации от 12.12.2012 по делу № 2-1784/2012 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

<<⁶²>> Определение Верховного Суда Российской Федерации от 31.03.2010 по делу № 3-46/09 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

<<⁶³>> Понимание // Словарь по логике / А.А. Ивин, А.Л. Никифоров. М.: Туманит, изд. центр ВЛАДОС, 1997.

<<⁶⁴>> Адзинова Е.А. Некоторые проблемы понимания конституционного права на судебную защиту // Право и политика. 2004. № 7. С. 26–33; Морозов М.Э. Как понимание третейского суда отражается на судебной практике // Третейский суд. 2007. № 1. С. 28–31; Третьяк М. Проблемы понимания способа компьютерного мошенничества в судебной практике // Уголовное право. 2015. № 5. С. 109–112 и др.

<<⁶⁵>> Эмпирику составляли судебные и нормативные акты сайта «<https://sudact.ru>», который позволил выявить: более 150 судебных актов Верховного Суда РФ, связанных с рассмотрением «конфликта

интересов»; анализ нормативных актов 360 органов государственной власти (так же указанных на сайте). Полагаем, что статистическая погрешность в пределах нормы, поскольку соблюден необходимый факторы случайной выборки: чем выборка больше, тем меньше будет погрешность при прочих равных условиях.

<<66>> Определение Верховного Суда Российской Федерации от 26.11.2018 по делу № А40-76551/2014 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

<<67>> Определение Верховного Суда Российской Федерации от 21.02.2007 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

<<68>> Федеральный конституционный закон «О Правительстве Российской Федерации» от 17.12.1997 № 2-ФКЗ // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

<<69>> Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

<<70>> Федеральный закон от 21.11.2011 № 325-ФЗ «Об организованных торгах» // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

<<71>> Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

<<72>> Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ «О Следственном комитете Российской Федерации» // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

<<73>> Определение Верховного Суда Российской Федерации от 16.08.2019 по делу № А 45-1653/2019 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

<<74>> Определение Верховного Суда Российской Федерации от 27.03.2019 по делу № А53-6491/2018 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

<<75>> Федеральный закон «О противодействии коррупции» от 25.12.2008 № 273-ФЗ // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

<<76>> Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 марта 2010 по делу № 3-116/09 // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

<<77>> Федеральный конституционный закон от 17.12.1997 № 2-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

<<78>> Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

<<79>> Федеральный закон от 28.12.2010 № 403-ФЗ (редакция от 26.07.2019) «О Следственном комитете Российской Федерации» // URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 01.11.2019).

<<80>> См, например: Новейший философский словарь. Мн.: Интерпрессервис; Книжный дом. 2001. С. 481.

<<81>> Богданов Д.В. Соотношение категорий «социальный конфликт», «юридический конфликт», «правовой конфликт», «налоговый конфликт» // Финансовое право. 2012. № 3. С. 23.

<<82>> Georg Simmel and contemporary sociology, Dordrecht; Boston: Kluwer Academic Publishers, 1990.

<<83>> Theory cumulation and schools of thought Conflict and Critical Theories. us.sagepub.com/sites/default/files/upm-binaries/13636_Chapter7.pdf. P. 211–241

<<84>> International Encyclopedia of the Social Sciences COPYRIGHT 2008 Thomson Gale//<https://www.encyclopedia.com/people/social-sciences-and-law/sociology-biographies/talcott-parsons>

<<85>> Шульц Э.Э. Теория революции: Маркс и марксизм // Приволжский научный вестник. 2014. № 2 (30). С. 188–194.

<<86>> Кудрявцев В.Н. Юридический конфликт// Государство и право. 1995. № 9.

<<87>> Изотов А.С., Шумилов А.Ю. Конфликт интересов на государственной и гражданской службе и противодействие коррупции: монография. М., 2013.

<<88>> Рябцева Е.В. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве.М., 2013.

<<89>> Правовые акты: антикоррупционный анализ: научно-практическое пособие / отв.ред В.Н. Найденко, Ю.А. Тихомиров, Т.Я. Хабриева, М., 2010.

<<90>> Коррупция: природа, проявления, противодействие. Монография / отв. ред. академик РАН Т.Я. Хабриева. М.: Юриспруденция, 2012. С. 7.

<<⁹¹>> Цирина М.А., Цирин А.М. Конфликты интересов в праве. / Правовые модели и реальность: монография / под ред. Ю.А. Тихомирова, Е.Е. Рафалюк, Н.И. Хлуденева. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ, 2015. С. 202.

<<⁹²>> Хабриева Т.Я. Право в условиях цифровой реальности / Т.Я. Хабриева, Н.Н. Черногор // Журнал российского права. 2018. № 1. С. 85.

<<⁹³>> Радченко М. Ю., Горбунов В.П. Цифровое право будущего // III Всероссийская конференция «Право и интернет: теория и практика» (28–29 ноября 2000 г., Москва). С. 47–53.

<<⁹⁴>> Об информации, информационных технологиях и о защите информации: федерал. закон от 27.07.2006 № 149 // РГ. 2006. № 165.

<<⁹⁵>> Чубукова С.Г., Элькин В.Д. Основы правовой информатики (юридические и математические вопросы информатики): учеб. пособие. 2-е изд. испр., доп. / под ред. М.М. Рассолова, В.Д. Элькина. М.: Контракт, 2007. С. 97.

<<⁹⁶>> Мацкевич И.М. Причины экономической преступности: учеб. пособие. М.: Проспект, 2017. С. 58.

<<⁹⁷>> Бекетов А. Искусственный интеллект в суде // Брюссельское бюро. 2018. URL: <https://ru.euronews.com/2019/01/28/eu-robotjudge-courts> (дата обращения: 18.02.2019).

<<⁹⁸>> Полякова Т.А. Информационная безопасность в условиях построения информационного общества в России: монография. М.: РПА МЮ РФ, 2007. С. 79.

<<⁹⁹>> Цит. по: *Червяковский А.В.* Нормативное регулирование вопросов официального опубликования законов в Конституции Российской Федерации и конституциях государств ближнего зарубежья // Современное право. 2016. № 10. С. 17–20. СПС «Консультант-Плюс».

<<¹⁰⁰>> *Липень С.В.* Законы о нормативных правовых актах стран СНГ – индикаторы процессов информатизации и цифровизации систем законодательства // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8. С. 22–23. СПС «КонсультантПлюс».

<<¹⁰¹>> Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации // <http://docs.cntd.ru/document/3631857>

<<102>> Закон г. Москвы от 14.12.2001г. № 70 «О законах города Москвы и постановлениях Московской городской Думы» (с изменениями на 26.09.2018) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. <http://docs.cntd.ru/document/3631857>

<<103>> См., напр.: ст. 32 Закона Кемеровской области от 23.06.2003 № 33-ОЗ (ред. от 18.07.2019) «О законодательной деятельности в Кемеровской области» (принят Советом народных депутатов Кемеровской области 28.05.2003) // Кузбасс. 2003. № 120. 9 июля.

<<104>> Закон Красноярского края «О порядке опубликования и вступления в силу нормативных правовых актов Красноярского края» (Первоначальный текст документа опубликован в изданиях: Ведомости высших органов государственной власти Красноярского края. 2008. № 69(290). 24 дек.; Наш Красноярский край. 2008. № 51. 26 дек.) // <http://www.zakon.krskstate.ru/public> (дата обращения: 17.10.2019).

<<105>> Лазарев В.В., Липень С.В. Теория государства и права: учебник для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2019. С. 280.

<<106>> Гревцов Ю.И. Закон. Ответственность. Порядок: курс лекций, прочитанных на юридическом факультете СПбГУ. СПб.: Наука. 2017. С. 139.

<<107>> Гольбах П.А. Избранные произведения в 2 т. М., 1963. Т. 1. С. 311; Т. 2. С. 41.

<<108>> Габолаев Г. Лоббизм для России // URL: https://zakon.ru/blog/2019/02/26/lobbizm_dlya_rossii (дата обращения: 21.11.2019).

<<109>> Бгане Ю.К. Развитие теневого лоббизма в России как фактор институциональной дестабилизации // Научные труды КубГТУ. 2018. № 6. С. 24–30.

<<110>> Субочев В.В. Лоббизм в России: природа, специфика, проблемы правового регулирования // Право и управление. XXI век. 2014. С. 34.

<<111>> Трифонова Е. Следователей отправят на переэкзаменовку. В ключевом правоохранительном ведомстве – дефицит грамотных юристов // Независимая газета. 2019. 26 мая.

<<112>> Сырых В.М. Метод правовой науки (основные элементы, структура). М., 1980. С. 55.

<<¹¹⁵>> *Смирнова М.Г.* Социальные притязания в праве: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. СПб., 2011. С. 12.

<<¹¹⁴>> *Цицерон.* Диалоги. М., 1966. С. 20.

<<¹¹⁵>> См. подробнее: *Коркунов Н.М.* Лекции по общей теории права. СПб., 1907. С. 75.

<<¹¹⁶>> См.: *Радько Т.Н.* Теория государства и права. М., 2009. С. 245.

<<¹¹⁷>> Подробнее о понятии «социальная материя» см.: *Семенов Ю.И.* Философия истории. Общая теория исторического процесса. М., 2013. С. 12, 130.

<<¹¹⁸>> См.: *Бузгалин А.В., Колганов А.И., Барашкова О.В.* Классическая политическая экономия: Современное марксистское направление. Базовый уровень. Продвинутый уровень: учебник. М., 2019. С. 53–67.

<<¹¹⁹>> *Энгельс Ф.* К жилищному вопросу // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 18. М., 1961. С. 271.

<<¹²⁰>> *Лукашева Е.А.* Социальная группа и ее влияние на развитие правосознания индивида // Проблемы государства и права на современном этапе: Труды научных сотрудников и аспирантов / Институт государства и права АН СССР. М., 1972. Вып. V. С. 22–30.

<<¹²¹>> О взглядах декабристов см. подробнее: *Семевский В.И.* Политические и общественные идеи декабристов. СПб., 1909; *Нечкина М.В.* Движение декабристов. М., 1955. Т. 1–2.

<<¹²²>> См.: *Лавров П.Л.* Исторические письма. 5-е изд. Пг., 1917. С. 88.

<<¹²³>> *Энгельс Ф.* Материалы к «Анти-Дюрингу» // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 20. М., 1961. С. 629.

<<¹²⁴>> *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. М., 1965. С. 285.

<<¹²⁵>> См.: *Маркс К., Энгельс Ф.* Святое семейство, или критика критической критики против Бруно Бауэра и компании // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. Т. 2. М., 1955. С. 89.

<<¹²⁶>> *Пракаш С.С.* Юриспруденция. Философия права. Краткий курс. М., 1996. С. 248.

<<¹²⁷>> См. к примеру: *Познер Р.А.* Рубежи теории права. М., 2017. С. 6–34.

<<¹²⁸>> Джессон Б. Государство: прошлое, настоящее и будущее / пер. с англ. С. Моисеева; под науч. ред. Д. Карасева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2019. С. 454.

<<¹²⁹>> Куренной В.А. Исследовательская и политическая программа культурных исследований // Философско-литературный журнал «Логос». 2012. № 1. С. 19.

<<¹³⁰>> Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г.Г. Шпета. 4-е изд. М.: Академический проспект, 2018. С. 34

<<¹³¹>> Джессон Б. Указ. соч. С. 289.

<<¹³²>> Гириц К. Интерпретация культур / пер. с англ. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. С. 225.

<<¹³³>> Фуко М. Безопасность, территория, население: курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1977–1978 учебном году. СПб.: Наука, 2011. С. 158.

<<¹³⁴>> Фуко М. Указ. соч. С. 149.

<<¹³⁵>> Котлова С.И. Юриспруденция интересов Р. Паунда // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2013. № 4. С. 100.

<<¹³⁶>> Гириц К. Указ. соч. С. 233.

<<¹³⁷>> Шачнев С.А. О возрастании культурно-просветительской функции государства: российское измерение проблемы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2015. № 13 (210). С. 181.

<<¹³⁸>> Ханнанова А. С. Культурная политика как функция государства // Вестник ЮУрГУ. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. № 4. С. 65.

<<¹³⁹>> Häyrynen S. A centralised market orientation: the implicit determinants of Finnish cultural policy in 1990–2010 // International Journal of Cultural Policy. 2013. 19:5. P. 631.

<<¹⁴⁰>> Шестов Л. Афины и Иерусалим. М.: РИПОЛ классик. С. 138.

<<¹⁴¹>> Синюков В. Н. Российская правовая система: вопросы теории: дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 1995. С. 66.

<<¹⁴²>> Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 17.06.2019) «Об образовании в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.

<<¹⁴³>> См. Образовательное законодательство России. Новая веха развития: монография / Л.В. Андриченко, В.Л. Баранков, Б.А. Булавский и др.; отв. ред. Н.В. Путило, Н.С. Волкова; Институт законо-

дательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юриспруденция, 2015.

<<¹⁴⁴>> Гусева А.А. Конвергенция исторических и современных факторов модернизации законодательства об образовании в России. дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2012. С. 108.

<<¹⁴⁵>> Козырин А.Н. Актуальные проблемы образовательного законодательства Российской Федерации // Ежегодник российского образовательного законодательства. Т. 1. 2006. С. 5.

<<¹⁴⁶>> Гусева А.А. Указ. соч. С. 112.

<<¹⁴⁷>> Ильина О.В. Роль права в развитии науки и образования в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2011. С. 17.

<<¹⁴⁸>> Александрова Л.Б. Образовательное право России: становление и развитие в условиях реформ: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2005. С. 10.

<<¹⁴⁹>> Основные положения Концепции Кодекса Российской Федерации об образовании (Общая часть) / под общ. ред. В.М. Сырых, Ю.А. Кудрявцева, М., 2001. С. 124.

<<¹⁵⁰>> Образовательное законодательство России. Новая веха развития: монография / Л.В. Андриченко, В.Л. Баранков, Б.А. Булавский и др.; отв. ред. Н.В. Путило, Н.С. Волкова; Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. М.: Юриспруденция, 2015. С. 231.

<<¹⁵¹>> Гук П.А., Суменков С.Ю. Правовые исключения и их реализация в судебной деятельности // Журнал российского права. 2006. № 8. С. 97–98.

<<¹⁵²>> Алексеев С.С. Общие дозволения и общие запреты в советском праве. М.: Юридическая литература, 1989. С. 202.

<<¹⁵³>> Баранов В. М. Истинность норм советского права. Проблемы теории и практики / под ред. М.И. Байтин. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1989. С. 349.

<<¹⁵⁴>> См.: Там же. С. 349.

<<¹⁵⁵>> См. об этом: Суменков С.Ю. Законодательная оговорка как доминантный способ закрепления исключений из правил // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 6(119). С. 30–36; Он же. Нормативный правовой акт как базовая

форма воплощения исключений в праве // LexRussica. 2016. № 7 (116). С. 59–69.

<<¹⁵⁶>> Суменков С.Ю. Теоретические проблемы конструкции норм-исключений // Юридические санкции: общетеоретические и отраслевые аспекты: материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Казань, 2018. С. 103.

<<¹⁵⁷>> Суменков С.Ю. Исключения в праве: общетеоретический анализ: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. Саратов, 2016. С. 37.

<<¹⁵⁸>> Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 3-е изд. М.: Юристъ, 2009. С. 210.

<<¹⁵⁹>> См., в частности: п. 7 ст. 14 Закона РФ от 15.05.1991 № 1244-I «О социальной защите граждан, подвергшихся воздействию радиации вследствие катастрофы на Чернобыльской АЭС» (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации 1991. № 21. Ст. 699); п. 1 ст. 8 Закона РФ от 15.01.1993 № 4301-I «О статусе Героев Советского Союза, Героев Российской Федерации и полных кавалеров ордена Славы» (Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. 1993. № 7. Ст. 247); п. 5 ст. 23 Федеральный закон от 27.05.1998 № 76-ФЗ «О статусе военнослужащих» (Собрание законодательства Российской Федерации. 1998. № 22. Ст. 2331); п. 10 ч. 1 ст. 2 Федерального закона от 10.01.2002 № 2-ФЗ «О социальных гарантиях гражданам, подвергшимся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне» // Парламентская газета. 2002. № 9. 12 янв.

<<¹⁶⁰>> См.: Власенко Н.А. Коллизионные нормы в советском праве / науч. ред. А.Ф. Черданцев. Иркутск: Изд-во Иркут. ун-та, 1984. С. 23.

<<¹⁶¹>> Черданцев А.Ф. Системность норм права. Свердловск, 1970. Вып. 12. С. 60.

<<¹⁶²>> Сенякин И.Н. Специальные нормы советского права. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1987. С. 64–65.

<<¹⁶³>> Там же. С. 65.

<<¹⁶⁴>> См., напр.: Е.А. Земельное правоотношение как социально-правовое явление: монография. М.: ИЗиСП, ИНФРА-М, 2015.

<<¹⁶⁵>> Цыбизова Н.А. Безвестное отсутствие граждан по российскому гражданскому праву. Томск: НТЛ, 2017.

<<¹⁶⁶>> Кудашкин В.В. Правовые основы военно-технического сотрудничества: в 3 т. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2018. Т. 1: Научно-практический комментарий к Федеральному закону «О военно-техническом сотрудничестве Российской Федерации с иностранными государствами».

<<¹⁶⁷>> Реформирование гражданского законодательства: общие положения о сделках, обязательствах и договорах: монография / И.З. Аюшеева, И.С. Богданова, Е.С. Болтанова и др.; отв. ред. В.В. Долинская. М.: Проспект, 2018.

<<¹⁶⁸>> См. подробнее: Цыреторов А.И. Обход закона как явление правовой действительности // Российская юстиция. 2018. № 8. С. 54–57.

<<¹⁶⁹>> См. подробнее: Миронова Т.К. Правовое регулирование бесплатного оказания медицинской помощи: учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2018. С. 51.

<<¹⁷⁰>> Русин С.Н. Механизм правового регулирования и экологическая политика // Экологическое право. 2017. № 5. С. 13–20.

<<¹⁷¹>> См., напр.: Ожегов С.И. Словарь русского языка: ок. 57 000 слов / под ред. Н.Ю. Шведовой. 18-е изд. М., 1986. С. 300.

<<¹⁷²>> См. подробнее: Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 209–210.

<<¹⁷³>> Риски финансовой безопасности: правовой формат: монография / О.А. Акопян, С.Я. Боженок, О.В. Веремеева ^{и др.}; отв. ред. И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина. М.: ИЗиСП, Норма, ИНФРА-М, 2018. С. 37.

<<¹⁷⁴>> См., напр.: Шундиков К.В. Правовые механизмы: основы теории // Государство и право. 2006. № 12. С. 15.

<<¹⁷⁵>> Текутьев Д.И. Правовой механизм повышения эффективности деятельности членов органов управления корпорации. М., 2017.

<<¹⁷⁶>> См., напр.: Матвеева Е.В. Правовой механизм реализации экологических прав граждан в Российской Федерации и Федеративной Республике Германия: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.

<<¹⁷⁷>> Риски финансовой безопасности: правовой формат: монография / О.А. Акопян, С.Я. Боженок, О.В. Веремеева ^{и др.}; отв. ред.

И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина. М.: ИЗиСП, Норма, ИНФРА-М, 2018. С. 41.

<<¹⁷⁸>> Коновалова Л.Г. Многопартийность и обеспечение связи населения с механизмом государства как признаки парламентаризма: вопросы конституционно-правовой теории // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 1. С. 28–31.

<<¹⁷⁹>> Риски финансовой безопасности: правовой формат: монография / О.А. Акопян, С.Я. Боженко, О.В. Веремева ^{и др.}; отв. ред. И.И. Кучеров, Н.А. Поветкина. М.: ИЗиСП, Норма, ИНФРА-М, 2018. С. 41.

<<¹⁸⁰>> Астафьева Е.В. Принципы ограничения конституционных прав и свобод граждан // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 22 (123). С. 45–48.

<<¹⁸¹>> См.: Рушайло В. Б. Специальные административно-правовые режимы в Российской Федерации. М., 2004. С. 114.

<<¹⁸²>> Зайцев С.Ю. Ограничение и обременение права собственности // Проблемы экономики и юридической практики. 2009. № 5. С. 186–188.

<<¹⁸³>> Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. №1 (часть II). Ст. 212.

<<¹⁸⁴>> Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

<<¹⁸⁵>> Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

<<¹⁸⁶>> И.Н. Сурманидзе, А.В. Ермолин Правовые и психологические аспекты конфликта интересов на государственной и муниципальной службе. // Государственная власть и местное самоуправление № 1. 2019. С. 37–42.

<<¹⁸⁷>> Гражданское право: в 2 т. Т. 1: учебник / под общ.ред. М.В. Карпычева, А.М. Хужина. М.: Форум; ИНФРА-М, 2019.

<<¹⁸⁸>> Лукьянова Е.Г. Проблемы теории государства и права. М., 2019. С. 137.

<<¹⁸⁹>> Гегель Г. Философия права. М., 1990. С. 266–267.

<<¹⁹⁰>> Кардашова И.Б. Общественная система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Административное право и процесс. 2016. № 11.

<<191>> Формирование государственно-правовых институтов в ДНР и ЛНР происходит противоречиво. В настоящей статье автор обращает внимание на правовые аспекты функционирования отдельных государственных институтов и выражает собственную, авторскую позицию. Статья публикуется в авторской редакции (*прим. ред. колл.*).

<<192>> Конституция Донецкой Народной Республики: <https://dnrsovet.su/konstitutsiya/>.

<<193>> Приказ Министерства экономического развития ДНР № 37 от 05.05.2016 «Об утверждении порядка ведения регистра статистических единиц Главного управления статистики Донецкой Народной Республики» // http://www.mer.govdnr.ru/index.php?option=com_phocadownload&view=category&id=10:glavnogo-upravleniya-statistiki

<<194>> Постановление Совета Министров ДНР № 36-10 от 29.09.2014 «Об утверждении порядка государственной регистрации юридических лиц и физических лиц-предпринимателей» // <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-soveta-ministrov/>

<<195>> Уголовный кодекс Донецкой Народной Республики. <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/dokumenty-verhovnogo-soveta-dnr/ugolovnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>

<<196>> Уголовно-процессуальный кодекс Донецкой Народной Республики. <https://dnrsovet.su/zakonodatelnaya-deyatelnost/prinyaty/zakony/ugolovno-protsessualnyj-kodeks-donetskoj-narodnoj-respubliki/>

<<197>> Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

<<198>> Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 15.04.2019) «Об акционерных обществах» // СЗ РФ. 1996. № 1. Ст. 1.

<<199>> Федеральный закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 23.04.2018) «Об обществах с ограниченной ответственностью» // СЗ РФ. 1998. № 7. Ст. 785.

<<200>> Решение Арбитражного суда города Москвы от 23.07.2019 по делу № а40-108194/19-140-1990 по иску ООО «ЦентрСтройКомплект» к ИФНС России № 3 по г. Москве // <https://kad.arbitr.ru>

<<²⁰¹>> Dr. Eduard Ivanov, Senior Research Associate, IACA, Overview_of_Compliance_Standards_and_Guidelines, PRACTICAL TOOL INTERNATIONAL ANTI-CORRUPTION ACADEMY, 2019. P. 54 // URL: https://www.iaca.int/images/Research/Overview_of_Compliance_Standards_and_Guidelines.pdf

<<²⁰²>> «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 16.10.2019) // СЗ РФ. 1996. № 25. Ст. 2954.

<<²⁰³>> Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (ред. от 26.07.2019) «О противодействии коррупции» // СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. 1). Ст. 6228.

<<²⁰⁴>> Там же.

<<²⁰⁵>> Комплаенс. Меры по предупреждению коррупции в организации А.В. Светличный.

<<²⁰⁶>> Монтескье Ш. Л. Избранные произведения. М.: Госполитиздат, 1955. С. 219.

<<²⁰⁷>> Les constitutions de la France. Paris: Dalloz, 1996. P. 12.

<<²⁰⁸>> Ibid. P. 148.

<<²⁰⁹>> Новгородцев П. И., Покровский И. А. О праве на существование: социально-философские этюды. СПб.: Изд-во т-ва М. О. Вольф, 1911. С. 23–29.

<<²¹⁰>> Les constitutions de la France. Paris: Dalloz, 1996. P. 252.

<<²¹¹>> Всеобщая декларация прав человека 1948 г. // Международно-правовые стандарты социального обеспечения / сост. В. И. Лафитский. М.: Норма, 2008. С. 12.

<<²¹²>> Perrin G. La reconnaissance du droit à la protection sociale comme droit de l'homme. Paris, 1985. P. 256, 260, 264.

<<²¹⁵>> Bichot J. Les politiques sociales en France au XX-e siècle. Paris, 1997. P. 26, 37.

<<²¹⁴>> La Sécurité sociale. Son histoire à travers les textes. T. III. 1945–1981. Paris, 1997. P. 31.

<<²¹⁵>> Bichot J. Les politiques sociales en France au XX-e siècle. P. 70.

<<²¹⁶>> Journal officiel de la République Française. 20 octobre 1945. P. 6728–6729.

<<²¹⁷>> Les institutions sociales de la France. Paris, 1955. Vol. III. P. 72.

<<²¹⁸>> Agence pour le développement et la coordination des relations internationaux. Paris, 2014. P. 16.

<<²¹⁹>> Лукьянова Г. И. Реформы в социальной сфере: опыт Франции // Труд за рубежом. 2006. № 3. С. 110.

<<²²⁰>> Правовая культура понимается как система взаимосвязанных и взаимодействующих элементов: правовых идей, принципов, убеждений, стереотипов поведения, правовых традиций, определяющих отношение данного общества к праву, а также образцов правовой жизни субъектов, включая сюда и функционирование правовых институтов.

<<²²¹>> Медушевский А. Н. Социология права. М., 2006; Он же. Когнитивная теория права и юридическое конструирование реальности // Сравнительное конституционное обозрение. 2011. № 5 (84). С. 30–42.

<<²²²>> Кубрякова Е. С. О современном понимании термина «концепт» в лингвистике и культурологии // Реальность, язык и сознание. Тамбов, 2002. Вып. 2. С. 5–15.

<<²²³>> Мельникова Е. А. Сказание о призвании варяжских князей // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения, Жития, Послания: Аннотированный каталог-справочник / под ред. Я. Н. Шапова. СПб., 2003. С. 56.

<<²²⁴>> Там же. С. 57.

<<²²⁵>> Термин «владеть» здесь употреблен в значении «управлять».

<<²²⁶>> Повесть временных лет / подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева; под ред. В. П. Адриановой. СПб., 2007. С. 149.

<<²²⁷>> Мельникова Е. А. Сказание о призвании варяжских князей // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения, Жития, Послания: Аннотированный каталог-справочник / под ред. Я. Н. Шапова. СПб., 2003. С. 57.

<<²²⁸>> Пашуто В. Т. Летописная традиция о «племенных княжениях» и варяжский вопрос // Летописи и хроники, 1973. М., 1974. С. 103–104.

<<²²⁹>> Мельникова Е. А., Петрухин В. Я. «Ряд» легенды о призвании варягов в контексте ранней средневековой дипломатии // Древнейшие государства на территории СССР. 1990 г. М., 1991. С. 219–229.

<<²³⁰>> Там же. С. 229.

<<²³¹>> Дьяконов М. Очерки общественного и государственного строя древней Руси. СПб., 1912. С. 186.

<<²³²>> Повесть временных лет / подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д. С. Лихачева. Под редакцией В. П. Адриановой. СПб., 2007. С. 214.

<<²³³>> Законодательное оформление принцип кормления («покон вирный») получил в Краткой редакции Русской Правды.

<<²³⁴>> Греков Б. Д. Избранные труды: в 5 т. М.: М.: АН СССР, 1957. Т. I. С. 82.

<<²³⁵>> Там же. С. 201.

<<²³⁶>> Бибиков М. В. Радзивилловская летопись // Письменные памятники истории Древней Руси. Летописи. Повести. Хождения. Поучения, Жития, Послания: Аннотированный каталог-справочник / под ред. Я. Н. Щапова. СПб., 2003. С. 31.

<<²³⁷>> Современные проблемы организации публичной власти: монография / рук. авторского колл. и отв. ред. С.А. Авакьян. М.: Юстицинформ, 2014.; Авакьян С.А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. №4 (33). С. 7–13; Карасев А.Т. Современная модель государственной власти в Российской Федерации. Вопросы совершенствования и перспективы развития: монография. М.: Проспект, 2019; и др.

<<²³⁸>> Римский В.Л. Мифы о Сталине и культе личности в сознании российских граждан и элиты // Общественные науки и современность. 2011. № 1. С. 97–105; Викторов В.В. Культ личности в России: попытки осмысления: монография. М.: Сер. Научная книга, 2012; Ставицкий А.В. Политический миф: от культа личности к культу системы и системе культа // Ежегодная научная конференция «Ломоносовские чтения – 2018», 12.04.2018. Севастополь, 2018. С. 137–138 и др.

<<²³⁹>> Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Ростов н/Д, 1995. С. 274.

<<²⁴⁰>> Наиболее ранняя из сохранившихся Белозерская таможенная грамота. См.: Белозерская таможенная грамота от 21.05.1497 // Акты Археографической экспедиции: в 4 т. СПб., 1836–1838. Т. 1. № 134. С. 99–100.

<<²⁴¹>> Осокин Е. Г. Внутренние таможенные пошлины в России. Казань, 1850. С. 12.

<<²⁴²>> Толстой Д. А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины императрицы Екатерины II. СПб., 1848. С. 74.

<<²⁴⁵>> Выпись из грамоты таможенной Дмитровской от 1521 г. // Акты Археографической экспедиции: в 4 т. СПб., 1836–1838. Т. 1. № 170 (2). С. 138–139; Уставная Весъегонская таможенная грамота от 04.08.1563 // Акты Археографической экспедиции: в 4 т. СПб., 1836–1838. Т. 1. № 263. С. 291–296.

<<²⁴⁴>> Таможенная уставная грамота царя Алексея Михайловича на сбор пошлин в г. Гороховце 1633 г. // Акты Археографической экспедиции: в 4 т. СПб., 1836–1838. Т. 3. С. 359–365.

<<²⁴⁵>> Булгаков М. Б. Уставные таможенные грамоты как источник по организации таможенной службы Московского государства конце XV – первой половине XVII в. // Историческое краеведение: материалы II Всероссийской конференции по историческому краеведению. Пенза, 1993. С. 144.

<<²⁴⁶>> Николаева А. Т. Отражение в уставных таможенных грамотах Московского государства XVI–XVII вв. процесса образования всероссийского рынка // Исторические записки. 1950. Кн. 31. С. 245–266.

<<²⁴⁷>> РГИА. Ф. 857. Зарудный А. С. Оп. 1. Д. 1179. Материалы по делу Петербургского военного суда об Илье Исидоровиче Фундаминском, кандидате философских наук, мещанине Иване Ивановиче Иванове и крестьянине Максиме Андреевиче Косыреве, обвиняемых в принадлежности к революционной организации и устройстве вооруженного восстания 20 июля 1906 г. на крейсере «Память Азова». Протоколы заседаний, обвинительный акт, кассационные жалобы, черновые заметки А. С. Зарудного (21 июля – 6 ноября 1906 г.). Л. 1.

<<²⁴⁸>> Санкт-Петербургские ведомости. 1906. 21 июля (3 августа). С. 5.

<<²⁴⁹>> Русский инвалид (военная газета). 1906. 22 июля. С. 2.

<<²⁵⁰>> Дело народа. 1917. 5 авг. С. 2.

<<²⁵¹>> ГАРФ, Ф. 102 ДП ОО, 1910. Оп. 240. Д. 9. Справка по Особому Отделу. Л. 76.

- <<²⁵²>> Там же.
- <<²⁵³>> Спиридович А. И. Партия социалистов-революционеров и ее предшественники. 1886–1916. Пг., 1918. С. 270–272.
- <<²⁵⁴>> РГИА. Ф. 857. Зарудный А. С. Оп. 1. Д. 1179. Л. 72.
- <<²⁵⁵>> Там же. Л. 73.
- <<²⁵⁶>> Зензинов В.М. Памяти И.И. Фондаминского-Бунакова // Новый журнал. 1948. Кн. 18. С. 308.
- <<²⁵⁷>> Там же. С. 311.
- <<²⁵⁸>> Там же. С. 310–311.
- <<²⁵⁹>> Зензинов В.М. Памяти И.И. Фондаминского-Бунакова // Новый журнал. 1948. Кн. 18. С. 311.
- <<²⁶⁰>> Вишняк М. Дань прошлому. Нью-Йорк, 1954. С. 136.
- <<²⁶¹>> Там же.
- <<²⁶²>> Леонов М. И. Партия социалистов-революционеров в 1905–1907 гг. М.: РОССПЭН, 1997. С. 327.
- <<²⁶³>> Керенский А. Ф. Россия на историческом повороте: мемуары. М., 1996. С. 68.
- <<²⁶⁴>> РГИА. Ф. 857. Зарудного А. С. Оп. 1. Д. 1180. Письма А. А. Булат, присяжного поверенного, присяжному поверенному Николаю Дмитриевичу Соколову о некоторых фактах по делу Ильи Исидоровича Фондаминского, Ивана Ивановича Иванова и Максима Андреевича Косырева, обвиняемых в организации восстания на крейсере «Память Азова». (20 июля 1906 г. – 17–19 октября 1906 г.). Л. 2.
- <<²⁶⁵>> Там же.
- <<²⁶⁶>> Там же. Л. 5 (об.).
- <<²⁶⁷>> Боевая тактика партии после разгона Думы. (Речь представителя ЦК на всероссийском совещании работников среди крестьян) // Партия социалистов-революционеров. Документы и материалы. Т. 1. С. 211.
- <<²⁶⁸>> Там же. С. 212.
- <<²⁶⁹>> Таболин В. В. Правовая теория современного российского города: монография. М.: Юрайт, 2019.
- <<²⁷⁰>> Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://www.gks.ru>.
- <<²⁷¹>> Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации. URL: <https://www.gks.ru>.

<<272>> Ворожихин В.В. Определение экономической безопасности для управления инновационным развитием страны // Безопасность бизнеса. 2018. № 1. С. 3–11.

<<273>> Правовое обеспечение управление: учебник / под общ. ред. И. В. Лобанова. М.: КНОРУС, 2019. С. 362–401.

<<274>> Клеандров М.И. Конституция Российской Федерации и системные проблемы судебной власти // Российское правосудие. 2014. № 2. С. 6.

<<275>> Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Ч. 1–5. СПб.: Издание Государственной Канцелярии, 1866, 1867.

<<276>> Ефремова Н. Н. Институты судебного права по Русской Правде // Тысячелетие Правды Русской: история и перспективы изучения древнейшего памятника отечественного права: сборник научных трудов. СПб.: Президентская библиотека имени Б. Н. Ельцина, 2017. С. 178–189.

<<277>> Там же. С. 184, 185.

<<278>> Российское законодательство X–XX вв.: в 9 т. / под общ. ред. О. И. Чистякова. М.: Юридическая литература, 1984–1994. Т. 2. С. 109, 151.

<<279>> Судебные Уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. СПб.: Издание Государственной канцелярии, 1866. С. 244.

<<280>> Декрет ВЦИК от 21 марта 1921 г. «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом» // Известия ВЦИК. 1921. 23 марта.

<<281>> Десятый съезд РКП(б). Март 1921 г.: Протоколы. М.: Парт-издат, 1933. С. 209–237, 563–572.

<<282>> Бюллетень Всероссийской конференции РКП (большевики). 1921. № 1–2. С. 26–27.

<<283>> Ленин В. И. ПСС. Т. 43. С. 198.

<<284>> Положение о социалистическом землеустройстве и о мерах перехода к социалистическому земледелию (Принято Всероссийским Центральным Исполнительным Комитетом 14.02.1919) // СУ РСФСР. 1919. № 4. Ст. 43.

<<285>> Евтихийев И. И. Земельное право. М.–Пг., 1923. С. 7.

<<²⁸⁶>> Сергеевская Н. Д. История земельного кодекса РСФСР. М., 1954. С. 62.

<<²⁸⁷>> Постановление IX Всероссийского съезда Советов от 28.12.1921 «О мерах по восстановлению крестьянского сельского хозяйства» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1967. С. 267–276.

<<²⁸⁸>> Глава 2 «Об укреплении и развитии пролетарского земельного» / Постановление IX Всероссийского съезда Советов от 28.12.1921 // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1967. С. 267–276.

<<²⁸⁹>> Постановление ВЦИК от 22 мая 1922 г. «О трудовом пользовании» // СУ РСФСР. 1922. № 38. Ст. 426.

<<²⁹⁰>> Пальчиков Ф.И., Хлыстун В.Н. Земельные отношения и землеустройство. М., 1984. С. 143–145.

<<²⁹¹>> Постановление ВЦИК от 22.05.1922 «По вопросу о кодексе земельных законов» // СУ РСФСР. 1922. № 38. Ст. 426.

<<²⁹²>> Земельный кодекс РСФСР (утвержден Постановлением ВЦИК от 30.10.1922 «О введении в действие Земельного Кодекса, принятого на IV сессии IX созыва») // СУ РСФСР. 1922. № 68. Ст. 901.

<<²⁹³>> Крестьянское хозяйство. 1920–1922. Материалы переписи. М., 1922. С. 13–14; Данилов В.П. Об исторических судьбах крестьянской общины в России // Ежегодник по аграрной истории. Вып. шестой. Вологда, 1976. С. 108.

<<²⁹⁴>> Алиева Л.В. Реализация Земельного кодекса 1922 г. в контексте эволюции крестьянской поземельной общины (на материале Псковской губернии) // Псков. 2006. № 24. С. 149.

<<²⁹⁵>> Михайлов А.А., Разорвин И.В. Зарождение и развитие советского земельного законодательства и его влияние на современные земельные отношения в России // Вопросы управления. 2010. № 1. С. 64.

<<²⁹⁶>> Безгин В.Б., Юдин А.Н. Крестьянская община и сельсоветы в 1920-е гг. // Проблемы общества и политики // Проблемы общества и политики. 2013. № 2.

<<²⁹⁷>> Алиева Л.В. Реализация Земельного кодекса 1922 г. в контексте эволюции крестьянской поземельной общины (на материале Псковской губернии) // Псков. 2006. № 24. С. 151.

<<²⁹⁸>> СУ РСФСР. 1925. № 67. Ст. 537.

<<²⁹⁹>> Инструкция к Временным правилам об условиях применения подсобного наемного труда в крестьянских хозяйствах от 24.07.1925 (утверждена СНК СССР) // СЗ СССР. 1925. № 54.

<<³⁰⁰>> Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 22.02.1926 «Об изменении и дополнении статей 29, 30, 31, 34, 39 и 41 второго и третьего разделов части I Земельного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. о трудовой аренде земли и вспомогательном наемном труде в трудовых земледельческих хозяйствах» // СУ РСФСР. 1926. № 11. Ст. 89.

<<³⁰¹>> Постановление ЦИК и СНК СССР от 14.03.1927 «О советских хозяйствах» // Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т 1. М., 1967. С. 598.

<<³⁰²>> Рассказов Л.П. и др. Кубанское казачество: историко-правовое исследование (конец XVIII – начало XXI в.). Краснодар, 2013. С. 471.

<<³⁰³>> Мартынов Б. С. Земельный строй и земельные отношения РСФСР. Л., 1925; Новицкий И. Б. Право трудового землепользования. М., 1925; и др.

<<³⁰⁴>> Агентурная работа политической полиции Российской империи: сб. документов. 1880–1917 / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО–XXI; СПб: Дмитрий Буланин, 2006. С. 78.

<<³⁰⁵>> Там же. С. 79.

<<³⁰⁶>> Перегудова З.И. Политический сыск России (1880–1917). М.: РОССПЭН, 2000. С. 123.

<<³⁰⁷>> Агентурная работа политической полиции Российской империи: сб. документов. 1880–1917 / под ред. Г.А. Бордюгова. М.: АИРО–XXI; СПб: Дмитрий Буланин, 2006. С. 83.

<<³⁰⁸>> Там же. С. 86.

<<³⁰⁹>> Там же. С. 88.

<<³¹⁰>> Там же. С. 89.

<<³¹¹>> Grazzini S. Der strukturalistische Zirkel: Theorien über Mythos und Märchen bei Propp, Lévi-Strauss, Meletinskij. Wiesbaden: Deutscher Universitätsverlag, 2013. 248 S.

<<³¹²>> Schmitt C. Der Begriff des Politischen. München: Duncker und Humblot, 1932. 82 S.

<<³¹³>> Luks L. Zwei Gesichter des Totalitarismus: Bolschewismus und Nationalsozialismus in Vergleich. Wien – Köln – Weimar: Böhlau-Verlag, 2007. 248 S.

<<³¹⁴>> Recanati Fr. Meaning and Force: The Pragmatics of Performative Utterances. Cambridge: Cambridge UP, 1988. 288 p.

<<³¹⁵>> Barrett W. Irrational Man: A Study in Existential Philosophy. Anchor Books, 1999. 314 p.

<<³¹⁶>> Schmitt C. Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus. Berlin: Duncker und Humblot, 1985. 82 S.

<<³¹⁷>> Schmitt C. Verfassungslehre. Berlin: Duncker und Humblot, 2019. 426 S.

<<³¹⁸>> Schmitt C. Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus. Berlin: Duncker und Humblot, 1985. 82 S.

<<³¹⁹>> Jellinek G. Allgemeine Staatslehre. Berlin: Springer Verlag. 1929. 885 S.

<<³²⁰>> Smith A. An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations. Vol. 3. London. 1822. P. 80–81.

<<³²¹>> Kelsen H. Reine Rechtslehre. Wien: Oesterreichische Staatsdruckerei. 1992. 404 S.

<<³²²>> Hauriou M. Précis de droit constitutionnel, Paris, Librairie de la Société du Recueil Sirey, 1923. 742 p.

<<³²³>> Felice R. de. Italia diacobina. Napoli. 1964. P. 11.

<<³²⁴>> Канделоро Д. История современной Италии: в 5 т. / ред. и предисл. С. Д. Сказкина. М. Изд-во иностр. лит., 1958–1971. Т. 1. С. 215.

<<³²⁵>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. VI. № 3931.

<<³²⁶>> Там же. № 4886.

<<³²⁷>> Ерошкин Н. П. История государственных учреждений дореволюционной России. М.. 1983. С. 101–102.

<<³²⁸>> История Правительствующего Сената за двести лет: 1711–1911 гг.: в 5 т. СПб., 1911. Т. 2. С. 596–600.

<<³²⁹>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. XXV. № 19211; Паина Э. С. Сенаторские ревизии и их архивные материалы (XIX – начало XX в.): сб. статей. Л., 1967. С. 153.

<<³³⁰>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. XXV. № 19212.

<<³³¹>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. XXVIII. № 21861; Т. XXXVI. № 27722.

<<³³²>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. XXV. № 19212.

<<³³³>> СУ и РП. СПб., 1917. Отд. I. № 252. Ст. 1803.

<<³³⁴>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. XXX. № 32956.

- <<335>> СУ и РП. СПб., 1917. Отд. I. № 51. Ст. 326
- <<336>> РГИА. Ф. 1396. Оп. 1. Д. 468. Л. 15.
- <<337>> РГИА. Ф. 1393. Оп. 2. Д. 256. Л. 16.
- <<338>> РГИА. Ф. 1409. Оп. 9. Л. 11.
- <<339>> СУ и РП. СПб., 1917. Отд. I. № 15. Ст. 154.
- <<340>> РГИА. Ф. 1276. Оп. 7. Д. 632. Л. 135-144.
- <<341>> Савченко Н. А. Материалы сенаторских ревизий как отражение российской смуты начала XX в. // Народ и власть в российской смуте: сб. научных статей участников международного круглого стола «Народ и власть в российской смуте», Институт социологии РАН, Москва, 23 октября 2009 г. / под ред. П. П. Марченя, С. Ю. Разина. М., 2010. С. 249.
- <<342>> Приходько М. А. Реконструкция окончательной редакции конституционного проекта А. Р. Воронцова 1801 г. // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 8 (48). С. 51–66.
- <<343>> Серебровский В. И. Очерки советского страхового права. М., 1926. С. 89; Рыбников С.А. Юридическая природа взаимоотношений в обязательном страховании // Вестник государственного страхования. 1923. № 11–12. С. 28; Брагинский М.И. Договор страхования. М., 2000. С. 133.
- <<344>> Зинченко С., Корх С. Вопросы собственности: законодательство и практика / Хозяйство и право. 2010. № 6. С. 50.
- <<345>> Мамедов А. А. Финансовые правоотношения в сфере страхования // Юрист. 2003. № 12. С. 17.
- <<346>> Иеринг Р. Борьба за право. М.: Феникс, 1991. С. 20.
- <<347>> Там же. С. 10.
- <<348>> Иеринг Р. Цель в праве. СПб.: Изд. Н.В. Муравьева, 1881. Т. I. С. 361.
- <<349>> Кистяковский Б.А. Философия и социология права. – СПб.: РХГИ, 1999. С. 391.
- <<350>> Радбрух Г. Введение в науку права. М.: Труд, 1915. С. 130.
- <<351>> Pound R. Interpretations of legal history. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1946. P. 157.
- <<352>> Ibid.
- <<353>> Ibid. P. 156.
- <<354>> Pound R. An Introduction to the Philosophy of Law. – New Haven: Yale University Press, 1959. P. 168.

- <<³⁵⁵>> Тарановский Ф. В. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 2001. С. 106.
- <<³⁵⁶>> Иеринг Р. Цель в праве. – СПб.: Изд. Н.В. Муравьева, 1881. Т. I. С. 16.
- <<³⁵⁷>> Там же. С. 218.
- <<³⁵⁸>> Jellinek G. System der subjektiven öffentlichen Rechte. Tübingen: J. C. B. Mohr (P. Siebeck), 1905. S. 44.
- <<³⁵⁹>> Ehrlich E. Grundlegung der Soziologie des Rechts. München–Leipzig: Duncker & Humblot, 1913. S. 98.
- <<³⁶⁰>> Pound R. Interpretations of legal history. Cambridge, Massachusetts: Harvard University Press, 1946. P. 159.
- <<³⁶¹>> Иеринг Р. Цель в праве. СПб.: Изд. Н.В. Муравьева, 1881. Т. I. С. 37, 46.
- <<³⁶²>> ПСЗРИ. Собрание II. СПб., 1830–1884. Т. 2 № 704.
- <<³⁶³>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 1. № 572.
- <<³⁶⁴>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 1. № 295.
- <<³⁶⁵>> РГАДА. Ф. 210. Разрядный Приказ. Оп. 24.1687–1689 гг. Д. 31; 1691–1692 гг. Д. 352; Ф. 138. Посольский Приказ. Опись 1. 1626 г. Д. 3. Л. 1–3.
- <<³⁶⁶>> Пискарев П. И. Собрание материалов для истории западного края Тамбовской губернии и епархии. Тамбов: тип. Губ. Правл., 1878. С. 3–4, 131.
- <<³⁶⁷>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 1. № 704.
- <<³⁶⁸>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 1. № 218.
- <<³⁶⁹>> ПСЗРИ. Собрание II. СПб., 1830–1884. Т. 1. № 885.
- <<³⁷⁰>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 1. № 331.
- <<³⁷¹>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 1. № 679.
- <<³⁷²>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 3. № 1372.
- <<³⁷³>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 3. № 1436.
- <<³⁷⁴>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 1. № 116.
- <<³⁷⁵>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 1. № 247.
- <<³⁷⁶>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 1. № 40, 597.
- <<³⁷⁷>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 1. № 607.
- <<³⁷⁸>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 1. № 609; Т. 2. № 850.
- <<³⁷⁹>> РГАДА. Ф. Разрядный Приказ. 210. Опись 24. Д. 51. Лл. 1–8
- <<³⁸⁰>> ПСЗРИ. Собрание I. СПб., 1830. Т. 1. № 460.

<<³⁸¹>> РГАДА. Ф. 210. Разрядный Приказ. Оп. 24. Д. 191. Л. 1; Д. 200. Л. 1

<<³⁸²>> Вязовская В.В., Фальченко О.Д. К вопросу об оценке эффектов евразийской экономической интеграции // Экономические отношения. 2019. Т. 9. № 3.

<<³⁸⁵>> Обзор инвестиционных проектов государств-членов ЕАЭС (подготовлен совместно с Информационным агентством INFOnline) // Евразийский Банк развития. Официальный сайт // <https://eabr.org/press/news/ob-obzore-investitsionnykh-proektov-gosudarstv-chlenov-eaes/>

<<³⁸⁴>> Годовой отчет Евразийского Банка развития (2018) // https://eabr.org/upload/iblock/5b7/EABR_AR_2018_web_1_.pdf

<<³⁸⁵>> Блохина Т.К., Блохин К.В. Формирование финансового рынка ЕАЭС как основа развития интеграционного процесса // Вопросы инновационной экономики. 2017. Т. 7. № 4. С. 299–306.

<<³⁸⁶>> Интервью Президента Российского союза промышленников и предпринимателей А.Шохина // Евразийский финансово-экономический вестник. № 1(3). 2018. С. 5–6.

<<³⁸⁷>> Шохин А. Россия и ЕС: поиск новых форматов сотрудничества // Евразийский финансово-экономический вестник. № 1(3). 2018. С. 25.

<<³⁸⁸>> Дробот Е.В., Костылева С.О. Методы оценки последствий экономической интеграции для стран Евразийского экономического союза // Российское предпринимательство. 2017. Т. 18. № 1. С. 23–40.

<<³⁸⁹>> Аналитический доклад «Точки роста ЕАЭС: экономика, безопасность, общество. М., 2018. С. 9–14.

<<³⁹⁰>> <https://tass.ru/ekonomika/5320726>

<<³⁹¹>> В пилотную группу исследуемых муниципальных образований вошло 22 моногорода в 5 федеральных округах РФ со средней численностью населения от 10 до 90 тысяч человек. Всего опрошено более 300 человек. В их число вошли: 1) главы исполнительной власти пилотной группы населенных пунктов (Анкета 1); 2) руководители градообразующих предприятий пилотной группы моногородов (Анкета 2); 3) представители социально значимой и активной группы населения моногородов, имеющие непосредственное отношение к реализации планов развития моногорода (предприниматели ма-

лых и средних предприятий; руководитель (заместитель) отдела по управлению муниципальным имуществом; руководители системы городского строительства (главный архитектор, специалисты службы архитектуры и градостроительства; руководитель (заместитель) управления социальной защиты населения моногорода; руководитель (заместитель) управления образования и директора учебных заведений моногорода; руководитель (заместитель) городской клинической больницы; руководитель (заместитель) управления по делам молодежи, культуры и спорта; руководители городских СМИ (Анкета 3).

<<³⁹²>> По мнению автора, понятие «общественные интересы» включает в себя интересы граждан и некоммерческих организаций. В свою очередь, общественные интересы являются составной частью публичных интересов. Под продвижением общественных интересов автор понимает совокупность форм и процедур взаимодействия граждан и некоммерческих организаций с органами государственной власти и органами местного самоуправления Российской Федерации с целью принятия правотворческого и властно-распорядительного решения в рамках реализации конституционных прав и свобод граждан.

<<³⁹³>> В соответствии с Основными направлениями деятельности Правительства Российской Федерации на период до 2024 года от 29.09.2018.

<<³⁹⁴>> Фурман Т.Ю. Совершенствование контрольно-надзорной деятельности государственных органов // Закон и право. 2018. № 11. С. 45–48.

<<³⁹⁵>> Например, выступление Председателя Правительства РФ Д.А. Медведева на 33 заседании Консультативного совета по иностранным инвестициям в России 21.10.2019 // URL: <http://government.ru/news/38152/>.

<<³⁹⁶>> Проект был реализован Агентством стратегических инициатив в 2012–2018 гг.

<<³⁹⁷>> «Дорожные карты» – официальное название специальных планов мероприятий, разработанных в рамках НПИ и направленных на улучшение инвестиционного климата в Российской Федерации.

<<³⁹⁸>> Распоряжение Правительства РФ от 17.2019 № 20-р «Об утверждении плана "Трансформация делового климата" и признании утратившими силу актов Правительства РФ».

<<³⁹⁹>> Постановление Правительства РФ от 10.08.2019 № 1042 «Об утверждении Правил реализации плана мероприятий «Трансформация делового климата».

<<⁴⁰⁰>> Проблема широкомасштабного обновления индустриальной базы развития – очень сложная, но не являющаяся исключительной, поскольку всякая техника (технологии) со временем устаревают как физически, так и морально, требуют обновления, при этом имеет значение организация и методология преобразований – стремительный слом или постепенное встраивание в управленческие методологии, параметры последующего развития.

<<⁴⁰¹>> Джон Кеннет Гэлбрейт «Новое индустриальное общество». «Гэлбрейт: возвращение» и др.

<<⁴⁰²>> А.В. Орлов – руководитель радиовещания на русском языке международного информационного агентства и радио «Спутник».

<<⁴⁰³>> Испытание машин: 33% компаний использует искусственный интеллект 26.11.2019 // <https://www.audit-it.ru/news/soft/1001394.html>

<<⁴⁰⁴>> Довести до ума: как в России будут развивать искусственный интеллект. Что власти намерены делать для внедрения технологии во все сферы жизни. <https://iz.ru/933435/dovesti-do-uma-kak-v-rossii-budut-razvivat-iskusstvennyi-intellekt>

<<⁴⁰⁵>> Josh Bersin: Insights on Work, Talent, Learning, Leadership, and HR Technology // <https://joshbersin.com/2018/06/ai-in-hr-a-real-killer-app/>

<<⁴⁰⁶>> Испытание машин: 33% компаний использует искусственный интеллект. За два года применение этих технологий выросло почти в пять раз. 26.11.2019, Роза Алмакунова // <https://iz.ru/947197/roza-almakunova/ispytanie-mashin-33-kompanii-ispolzuet-iskusstvennyi-intellekt>

<<⁴⁰⁷>> Там же.

<<⁴⁰⁸>> Прогнозы развития искусственного интеллекта на 2019 год // <https://www.pwc.ru/ru/publications/artificial-intelligence-predictions-2019.html>

<<⁴⁰⁹>> Кейнс Дж. М. Общая теория занятости, процента и денег // Антология экономической классики. М.: ЭКОНОВ-Ключ, 1992.

<<⁴¹⁰>> Шарп У. Инвестиции / У.Ф. Шарп, Г.Д. Александер, Д.В. Бэйли; пер. с англ. А.Н. Буренин, А.А. Васин. М.: ИНФРА-М, 2001. С. 10.

<<⁴¹¹>> Розенталь Ю.Ю. К вопросу о взаимосвязи монетарных факторов инвестиционного спроса и эффективности экономики // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Экономка. Управление. Право. 2018 Т. 18. № 3. С. 281–290.

<<⁴¹²>> Монопрофильные города и градообразующие предприятия. Союз инвесторов. Регион и город. Обзорный доклад. Вып. 1. М., 2000. С. 161–162.

<<⁴¹³>> Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_39331/ (дата обращения: 21.12.2019).

<<⁴¹⁴>> Васильева Р.В. Проблемы развития современных моногородов и градообразующих предприятий // Вестник МГОУ. Серия: Экономика. 2014. № 1. С. 63–67.

<<⁴¹⁵>> Чхутияшвили Л.В. Особенности формирования эффективной экономической модели развития России // Великие экономисты и великие реформы. Упущенный шанс или последний клапан? (К 50-летию "косыгинских" реформ 1965 г.): сборник материалов конференции: электронное издание на компакт-диске. 2015. С. 304–306.

<<⁴¹⁶>> Антонян Е.А. Привлечение осужденных к труду и его эффективность / Е.А. Антонян // Государство и право. ЕГУ. 2014. № 1 (63). С. 73–75.

<<⁴¹⁷>> Колесникова Н.А., Нестеров Ю.А. Социальное партнерство в современной России // Социально-экономический и гуманитарный журнал Красноярского ГАУ. 2018. № 1(7). С. 124.

<<⁴¹⁸>> Философия для юристов: учебник для бакалавриата /под ред. О.Ю. Рыбакова, В.И. Пржиленского. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 78.

<<⁴¹⁹>> Абрамова Н.А. Языковая культура в условиях нового технологического уклада // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: материалы VI Московского

юридического форума XVI Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Ч. 1. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 354.

<<420>> Ядов В.А. Трансформация постсоветских обществ: что более значимо – исторически традиционное или недавнее прошлое // Социологические исследования. 2014. № 7 (363). С. 49.

<<421>> Мандельштам Н.Я. Воспоминания. Книга вторая. М.: Московский рабочий. 1990. С. 83–84.

<<422>> http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1540-1560/Peresvetov/Magmet_saltan/text.htm

<<423>> *Каравашкин А.В.* Мифы Московской Руси: жизнь и борьба идей в XVI веке (Иван Пересветов, Иван Грозный, Андрей Курбский) // Россия XXI. 1998. № 11–12; 1999. № 1.

<<424>> Доступное объяснение Мо-цзы. Пекин, 1956. С. 28.

<<425>> Пржиленская И.Б. Преобразование социального жизненного мира россиян: от герметизации и колонизации к адаптации // Философские науки. 2012. № 4. С. 79–91.

<<426>> *Вернадский Г.В.* Монголы и Русь. 2-е изд. М.: Ломоносовъ, 2015. С. 251.

<<427>> См.: Сулейменов О. Азия. Алматы, 2011.

<<428>> См.: Гумилев Л.Н. От Руси к России. М.: АСТ, 2002.

<<429>> *Кадырбаев А.Ш.* Хубилай-хан – завоеватель или объединитель Китая? // Общество и государство в Китае: XXXIX научная конференция. М.: Восточная литература, 2009. С. 75.

<<430>> *Огородников А.Ю., Пржиленский В.И., Рыбаков О.Ю., Семенов В.Е.* Философия для юристов. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019.

<<431>> Пржиленская И.Б. Классические и неклассические методы исследования трансформации социальных систем // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Серия: Общественные науки. 2006. № 3 (135). С. 28–30.

<<432>> Шершеневич Г.Ф. Общая теория права // Шершеневич Г.Ф. Избранное: в 6 т. Т. 4. М.: Статут, 2016. С. 193.

<<433>> Локк Дж. Два трактата о правлении // Локк Дж. Сочинения: в 3 т. М., 1985–1988. Т. 3. 1988. С. 310.

<<434>> Там же. С. 273.

<<435>> Там же. С. 312.

<<436>> Там же. С. 274–275.

<<⁴³⁷>> Кант И. Идея всеобщей истории во всемирно-гражданском плане // Кант И. Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 8. С. 17–19.

<<⁴³⁸>> Там же. С. 19.

<<⁴³⁹>> Там же.

<<⁴⁴⁰>> Кант И. Критика чистого разума // Кант И. Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 3. С. 285.

<<⁴⁴¹>> Кант И. К вечному миру // Кант И. Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 7. С. 14 прим.

<<⁴⁴²>> Там же. С. 51.

<<⁴⁴³>> Кант И. Религия в пределах только разума // Кант И. Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 6. С. 202.

<<⁴⁴⁴>> Кант И. Метафизика нравов // Кант И. Сочинения: в 8 т. М., 1994. Т. 6. С. 511.

<<⁴⁴⁵>> Там же. С. 257, 539.

<<⁴⁴⁶>> Там же. С. 258.

<<⁴⁴⁷>> Перцев А.В. Почему Европа не Россия: Как был придуман капитализм. М.: АкадемПроект, 2005.

<<⁴⁴⁸>> Локк Дж. Сочинения: в 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988. С. 389–391.

<<⁴⁴⁹>> Суворин А.С. Дневник Суворина А.С. М. Пг., 1923. С. 13–14.

<<⁴⁵⁰>> Ильин И.А. Собрание сочинений. Т. 4. М.: Русская книга, 1994. С. 232.

<<⁴⁵¹>> Лосский Н.О. Условия абсолютного добра. М.: Госполитиздат, 1991. С. 277.

<<⁴⁵²>> Ильин И.А. Там же. С. 235.

<<⁴⁵³>> Чичерин Б.Н. Философия права. М.: Типо-литография Товарищества И.Н.Кушнирев, 1900.

<<⁴⁵⁴>> Коркунов Н.М. История философии права. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1915.

<<⁴⁵⁵>> Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права. М.: Издание книжного магазина «Высшая школа», 1918.

<<⁴⁵⁶>> Чичерин Б.Н. Философия права. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнирев, 1900. С. 7–8.

<<⁴⁵⁷>> Коркунов Н.М. История философии права. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1915. С. 39–42.

<<⁴⁵⁸>> Чичерин Б.Н. Философия права. М.: Типо-литография Товарищества И.Н. Кушнирев, 1900. С. 27–28.

<<⁴⁵⁹>> Там же. С. 35–37.

<<460>> Новгородцев П.И. Лекции по истории философии права. М.: Издание книжного магазина «Высшая школа», 1918.

<<461>>

<http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/110537/1/%D1%81%D1%82%D1%80.23-25.pdf>

<<462>> Хабермас Ю. Структурное изменение публичной сферы: Исследования относительно категории буржуазного общества. М.: Весь Мир, 2016.

<<463>> Ловкова А.А. Социальное партнерство // <https://dspace.tltsu.ru/bitstream/123456789/347/1/%D0%9B%D0%BE%D0%B2%D0%BA%D0%BE%D0%B2%D0%B0%201-47-11.pdf>

<<464>> Абрамова Н.А. Юридическая диалогика. М.: Норма; ИН-ФРА-М, 2017.

<<465>> https://finances.social/politologiya_730/rol-sredstv-massovoy-informatsii-politicheskom-45278.html

<<466>> Абрамова Н.А. Языковая культура в условиях нового технологического уклада // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: материалы VI Московского юридического форума XVI Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Ч. 1. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 354.

<<467>> Колесникова Л.Н. Риторическая личность преподавателя-филолога в контексте профессиональной культуры: монография: в 3 т. Орел, 2007.

<<468>> Л.Н. Колесникова Ораторский талант В.О. Ключевского и его изучение // Медиариторика и современная культура общения: наука – практика – обучение: сб. статей XXII Международной научной конференции. М.: Государственный институт им. А.С. Пушкина, 2019. С. 418. Воспоминания о лекциях приводятся по этому источнику.

<<469>> Колесникова Л.Н. Риторическая личность преподавателя-филолога в контексте профессиональной культуры: монография: в 3 т. Орел, 2007. Т. 2. С. 47.

<<470>> Абрамова Н.А. Языковая культура в условиях нового технологического уклада // Российская правовая система в условиях четвертой промышленной революции: материалы VI Московского юридического форума XVI Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Ч. 1. М.: РГ-Пресс, 2019. С. 354.

<<⁴⁷¹>> Гусева А.С. Лингвистические особенности портрета русскоязычного пользователя интернет-сети: подходы к исследованию // Современные проблемы лингвистики и методики преподавания русского языка в ВУЗе и школе. Воронеж, 2016. № 25. С. 59–64.

<<⁴⁷²>> Кудоярова Т.В. Академическая лекция в условиях современного массмедийного пространства // Медиариторика и современная культура общения: наука – практика – обучение: сб. статей XXII Международной научной конференции. М.: Государственный институт им. А.С. Пушкина, 2019. С. 141–145.

<<⁴⁷³>> Публикация подготовлена при поддержке РФФИ (проект № 19-011-00796).

<<⁴⁷⁴>> Об этом см.: Принцип формального равенства и взаимное признание права: коллективная монография / под общ. ред. В.В. Лапаевой, А.В. Полякова, В.В. Денисенко. М.: Проспект, 2016. С. 3–5.

<<⁴⁷⁵>> Об этом см.: Афанасьев В.Г. Общество: системность, познание и управление. 2-е изд. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 34–35, а также Гл. 7.

<<⁴⁷⁶>> Шухов А. Проблема обретения цели социального развития // URL: <http://conpl.ru/ofir/goals.php> (дата обращения: 30.11.2019).

<<⁴⁷⁷>> Государственно-частное партнерство и его правовые формы: учеб. пособие. М.: Юстицинформ, 2019.

<<⁴⁷⁸>> Характер такой связи обсуждается сегодня во многих работах (см.: Городов О.А. Понятие, элементы и отраслевая принадлежность концессионного соглашения по праву России // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2011. № 6. С. 78; Еремин В.В. О некоторых недостатках правового регулирования государственно-частного партнерства на федеральном и региональном уровнях // Юрист. 2019. № 2. С. 35–40 и др.).

<<⁴⁷⁹>> Акопян О.А. Незапрошенные предложения в ГЧП (финансово-правовой аспект): ограничение инвестиционной активности рамками государственного (муниципального) планирования // Финансовое право. 2019. № 7. С. 3–9.

<<⁴⁸⁰>> Рыбаков О. Ю. Социальное согласие в России: возможности личности и государства // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2009. № 1. С. 210.

<<⁴⁸¹>> Беляев В.П., Беляева Г.С. Национальная безопасность в России: к вопросу об эволюции правового регулирования // Вестник Прикамского социального института. Пермь. 2017. № 2(77). С. 11.

<<⁴⁸²>> Беляев В.П., Чапчиков С.Ю. Национальная безопасность: доктринальные подходы к определению понятия // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области. Ростов н/Д. 2017. № 3(82). С. 42.

<<⁴⁸³>> Беляев В.П., Чапчиков С.Ю. Механизм в праве как основа механизма правового регулирования национальной безопасности // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. Фонд поддержки образования и науки в Ростовской области. Ростов н/Д. 2016. № 6(73). С. 91.

<<⁴⁸⁴>> Именно так следует ответить на главный социологический вопрос, поставленный еще в XVII в. Т. Гоббсом: *как возможно общество?* См.: Философия для юристов: учебник для бакалавриата / под ред. О. Ю. Рыбакова, В.И. Пржиленского. М.: Норма: ИНФРА-М, 2019. С. 160.

<<⁴⁸⁵>> Там же. С. 161.

<<⁴⁸⁶>> Об этом подробно см.: Риккерт. Г. Науки о природе и науки о культуре / пер. с нем.; общ. ред. и предисл. А.Ф. Зотова; сост. А.П. Полякова, М. М. Беляева; подгот. текста и прим. Р.К. Медведевой. Республика, 1998. (Мыслители XX века). С. 22–29.

<<⁴⁸⁷>> Кант И. Основы метафизики нравов // Соч. в 6 т. М.: Мысль, 1963–1966. Т. 4 (1). С. 413.

<<⁴⁸⁸>> Кант И. Метафизические начала учения о праве // Соч. в 6 т. М.: Мысль, 1963–1966. Т. 4 (2). С. 140, 233.

<<⁴⁸⁹>> См. напр: Ситкова О.Ю. Способы защиты семейных прав // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2014. № 2 (17). С. 106–115; Нечаева А.М. Особенности судебной защиты семейных прав ребенка // Российская юстиция. 2017. № 8. С. 14–17 и др.

<<⁴⁹⁰>> См.: Синюков В.Н. Приоритеты правовой политики в гуманитарной области // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1997. № 4 (219). С. 160; Рыбаков О.Ю. Стратегия правовой политики России // Юридическое образование и наука. 2015. № 1. С. 30–33.

<<491>> См. напр.: Нечаева А.М. Интересы ребенка как объект семейно-правовой защиты // Государство и право. 2012. № 1. С. 77–85; Ростова О.С. Конституционно-правовая защита института семьи: история вопроса // Право. Законодательство. Личность. 2013. № 2 (17). С. 17–19; Ситкова О.Ю. Способы и меры защиты семейных прав: соотношение понятий / Научные труды Российской академии юридических наук (см. в книгах). 2014. Т. 2. С. 182; Нарутто С.В. Семья как конституционная ценность // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 5. С. 21–30; Минкина Н.И. Медиация в системе защиты семьи как конституционной ценности // Современное право. 2019. № 5. С. 59–66; и др.

<<492>> Подр.: Рыбакова О.С. Поддержка материнства и детства в Российской Федерации: приоритеты законодательного регулирования // Основные тенденции и перспективы развития современного права материалы ежегодной Международной научной конференции памяти профессора Феликса Михайловича Рудинского. 2018. С. 358–362; Ростова О.С. Государственная поддержка материнства в Российской Федерации // Научная мысль и современный опыт в решении системных проблем развития: сборник научных трудов по итогам научно-исследовательской работы ученых Саратовского социально-экономического института (филиала) ФГБОУ ВПО «РЭУ им. Г.В. Плеханова». 2014. С. 126–127.

<<493>> Рыбаков О.Ю. Правовая политика и защита прав личности // Современное право. 2004. № 10. С. 27; Нечаева А.М. Современная семейная политика и ориентиры ее совершенствования // Семейное право и законодательство: политические и социальные ориентиры совершенствования. 2015. С. 177–181; Рыбакова О.С. Развитие законодательства в рамках реализации российской правовой политики в сфере поддержки материнства и семей с детьми // Мониторинг правоприменения. 2018. № 4 (29). С. 38.

<<494>> Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025, утв. Распоряжением Правительства РФ от 25.08.2014 № 1618-р // СЗ РФ. 2014. № 35. Ст. 4811.

<<495>> Беспалов Ю.Ф. К вопросу о семейных ценностях в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2018. № 5. С. 6–8.

<<496>> Атагимова Э.И. Роль института семьи при формировании нравственности и правосознания личности в условиях современно-

го информационного пространства России // Правовая информатика. 2017. № 2. С. 18–27. С. 19; Дородонова Н.В. Некоторые вопросы правового регулирования семейных правоотношений // Право. Законодательство. Личность. 2014. № 2 (19). С. 11–15; и др.

<<⁴⁹⁷>> Постановление Конституционного Суда РФ от 31.01.2014 № 1-П «По делу о проверке конституционности абзаца десятого пункта 1 статьи 127 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина С.А. Аникиева» // Вестник Конституционного Суда РФ. № 3. 2014.

<<⁴⁹⁸>> Семья Г.В., Зайцев Г.О., Зайцева Н.Г. Формирование российской модели преодоления социального сиротства // Психологическая наука и образование. 2016. Т. 21. № 1. С. 67–82.

<<⁴⁹⁹>> Федеральный закон от 23.06.2016 № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.

<<⁵⁰⁰>> См.: Челябинова Э.И. Уголовно-правовой и криминологический анализ неисполнения обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего (по материалам республики Дагестан): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Махачкала, 2006. С. 12–13; Антонян Е.А. Совершенствование профилактической работы, направленной на обеспечение безопасности несовершеннолетних // Конституция Российской Федерации и современный правопорядок: материалы конференции: в 5 ч. 2019. С. 335; Гришко Н.А. Особенности понятия семейно-бытовой сферы в преступном насилии // Актуальные проблемы права и государства в XXI веке. 2018. Т. 10. № 3. С. 108–111; Беспалов Ю.Ф. Семейное насилие в Российской Федерации как порок жизни и деятельности семьи и ее членов: социально-правовой аспект // Нотариус. 2019. № 1. С. 21–25; Общество: пространство, риски, ценности / Устьянцев В.Б., Гобозов И.А., Пигров К.С. и др. монография; под ред. д-ра филос. наук А. Н. Чумакова. Саратов, 2012. С. 176–177; Сердюк Л.В. О защите детей от семейно-бытового насилия и роли их правового воспитания // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2015. № 18-3. С. 9–15; и др.

<<⁵⁰¹>> Атагимова Э.И. Профилактика домашнего насилия в отношении детей: вопросы правового регулирования // Конституция

Российской Федерации и современный правопорядок: материалы конференции: в 5 ч. 2019. С. 342.

<<⁵⁰²>> Отраслевое деление международного права: традиционные и новые подходы / Абаканова В.А., Агеева Е.А., Аксенович О.А. и др.: коллективная монография. СПб., 2018. С. 250.

<<⁵⁰⁵>> Нечаева А.М. Семейное право как самостоятельная отрасль // Государство и право на рубеже веков: материалы Всероссийской конференции. М., 2001. С. 25.

<<⁵⁰⁴>> См.: Рыбаков О.Ю. Личность и государство: основные подходы к концепции социального партнерства // Государственная власть и местное самоуправление. 2004. № 5. С. 39–43.

<<⁵⁰⁵>> Абрамова Н.А. Этические аспекты коммуникации в эпоху цифровых технологий // Научно-технологические трансформации в современном обществе: нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования: сборник научных трудов. 2019. С. 256–265.

<<⁵⁰⁶>> См.: Устинович Е.С. Цифровизация социальной сферы в России // Социальная политика и социальное партнерство. 2019. № 2. С. 32–36.

<<⁵⁰⁷>> Ростова О.С. Конституционно-правовая защита института семьи: история вопроса // Право. Законодательство. Личность. 2013. № 2 (17). С. 17–19.

<<⁵⁰⁸>> См.: Ростова О.С. О реализации государственной программы материнского (семейного) капитала // Администраторов суда. 2017. № 4. С. 13–17.

<<⁵⁰⁹>> См.: Цинцадзе Н.С. Соотношение государственно-правовых ценностей и приоритетов в аксиологии государства и права // Ленинградский юридический журнал. 2015. № 2 (40). С. 47.

<<⁵¹⁰>> Рыбаков О. Ю., Тихонова С. В. Конвергенция технологий, репродукция человека и естественное право: философия трансгуманизма // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2017. № 2. С. 100.

<<⁵¹¹>> Артемов В. М. Нравственное измерение свободы и права в контексте парадигмы человекоцентризма // Lex Russica. 2015. № 4. С. 102, 103.

<<⁵¹²>> См., например: Авдеева И. А. Трансформации гуманизма: от антропоцентризма к биоцентризму в контексте построения но-

вых принципов отношения человека к животным // *Философия и общество*. 2018. № 3. С. 70.

<<513>> Рыбаков О. Ю. Правовая информация как условие реализации современной российской правовой политики // *Журнал российского права*. 2015. № 4. С. 111.

<<514>> Общество, познание и современность: научные исследования / В.М. Мапельман и др. Нижний Новгород: Профессиональная наука, 2019. С. 8–22 // URL: <http://scipro.ru/conf/monographsociety.pdf> (дата обращения: 26.10.2019).

<<515>> Путин В.В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. 26.04.2007 // URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/25522> (дата обращения: 26.10.2019).

<<516>> Пономарев М.В. Социальный консерватизм и проблемы развития современного конституционализма // *Вестник МГПУ. Сер.: Юридические науки*. 2012. № 1 (9). С. 69–77; Гаврилова Ю.В. «Эра Си Цзиньпина»: трансформация современного конституционно-правового режима Китайской народной республики // *Актуальные проблемы публичного права: вопросы теории и практики: сборник материалов Международной научно-практической конференции*. Воронеж, 2018. С. 20–25.

<<517>> European Commission for Democracy through Law. Opinion on the regulatory concept of the Constitution of the Republic of Hungary (2011) / C. Grabenwarter, W. Hoffmann-Riem, H. Suchocka // URL: <https://lapa.princeton.edu/hosteddocs/venice-commission-hungarian-constitution.pdf> (дата обращения: 26.10.2019).

<<518>> Зорькин В.Д. Буква и дух Конституции // URL: <https://rg.ru/2018/10/09/zorkin-nedostatki-v-konstitucii-mozhno-ustranit-tochechnymi-izmeneniami.html> (дата обращения: 26.10.2019).

<<519>> Pius XI. Encyclical «*Quadragesimo anno*» (1931) // URL: http://w2.vatican.va/content/pius-xi/en/encyclicals/documents/hf_p-xi_enc_19310515_quadragesimo-anno.html (дата обращения: 26.10.2019).

<<520>> Пастырская конституция о Церкви в современном мире // *Документы II Ватиканского Собора*. М.: Паолине, 1998. С. 385–386.

<<521>> *Компендиум социального учения Церкви*. М.: Paoline, 2004. С. 130–131.

<<⁵²²>> Договор о Европейском Союзе. Консолидированная версия. М.: Интердиалект+, 2001. С. 48.

<<⁵²³>> Основной закон Федеративной Республики Германии // Конституции государств Европейского Союза. М.: ИНФРА-М; Норма, 1997. С. 182.

<<⁵²⁴>> Лапаева В.В. Владик Сумбатович Нерсесянц. Ереван: Нжар, 2009. С. 118.

<<⁵²⁵>> Алексеев С.С. Философия права. История и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. М.: Норма, 1998. С. 135.

<<⁵²⁶>> Зорькин В.Д. Доктрины Правового Государства и Верховенства Права в современном мире: сборник статей / отв. ред. В.Д. Зорькин, П.Д. Баренбойм. М.: ЛУМ, Юстицинформ, 2013. С. 457.

<<⁵²⁷>> Там же. С. 458.

<<⁵²⁸>> Лазарев В.В., Корпев А.В. Общая теория права и государства: учебник / под ред. В.В. Лазарева. 3-е изд., перераб. и доп. М.:Юристь, 2001. С. 176.

<<⁵²⁹>> Бережнов А.Г., Воротилин Е.А., Кененов А.А. и др. Теория государства и права: учебник для вузов / под ред. М.Н. Марченко. М.: Зерцало. 2004.

<<⁵³⁰>> Там же.

<<⁵³¹>> Там же.

<<⁵³²>> Матузов Н.И., Малько А.В. Теория государства и права: учебник. 4-е изд., испр. и доп. М.: Издательский дом «Дело» РАН-ХиГС, 2016. С. 413.

<<⁵³³>> Там же. 414.

<<⁵³⁴>> Ершов В.В. Российское право с позиций легизма и интегративного понимания права // Российское правосудие. 2011. № 10. С. 5–22.

<<⁵³⁵>> Зорькин В.Д. Конституция Российской Федерации: К 25-летию принятия Основного Закона: Текст. Комментарии. Алфавитно-предметный указатель. М.: Статут, 2018. С. 66–67.

<<⁵³⁶>> Современное правопонимание: курс лекций / отв. ред. М.Н. Марченко. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016.

<<⁵³⁷>> Комментарий к Федеральному конституционному закону «О Конституционном Суде Российской Федерации» (постатейный) / под ред. Г.А. Гаджиева. М.: Норма; ИНФРА-М, 2012.

<<⁵³⁸>> Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ).

<<⁵³⁹>> Алексеев С.С. Собрание сочинений: в 10 т. Том 3: Проблемы теории права: курс лекций. М., 2010. С. 28.

<<⁵⁴⁰>> О природе архетипа см., напр.: *Юнг К.Г.* Архетип и символ. М., 2015; *Нойманн Э.* Великая Мать. М., 2014; *Кнох J.* Archetype, attachment, analysis: Jungian psychology and the emergent mind. 2003; *Stevens A.* Archetype Revisited. An Updated Natural History of the Self. 2002.

<<⁵⁴¹>> Например, Бахофен пишет про мечту Юстиниана о юриспруденции без сомнений и противоречий (*Бахофен И. Я.* Избранное. М., 2018. С. 8). Его имя может послужить именем нарицательным для современных мечтаний о непротиворечивости права, достигнутой на основе цифровизации и искусственного интеллекта.

<<⁵⁴²>> *Бахофен И. Я.* Избранное. М., 2018. С. 22.

<<⁵⁴³>> См.: фон Иеринг Р. Избранные труды: в 2 т. Т. I. СПб., 2006. С. 49, 50.

<<⁵⁴⁴>> Там же. С. 49–50.

<<⁵⁴⁵>> *Бахофен И. Я.* Избранное. М., 2018. С. 8.

<<⁵⁴⁶>> Там же.

<<⁵⁴⁷>> *Иллюстров И.* Юридические пословицы и поговорки русского народа. Опыт систематического, по отделам права, собрания юридических пословиц и поговорок русского народа. М., 1885. С. 10, 12.

<<⁵⁴⁸>> Римское частное право: учебник / под ред. И.Б. Новицкого, И.С. Перетерского. М.: Юристъ, 2004. С. 200.

<<⁵⁴⁹>> Одно из следствий архетипической природы права заключается в том, что юрист должен быть способен увидеть амбивалентность и поливалентность (как минимум, предполагать их наличие) и действовать (мыслить), удерживая их в поле своего внимания. Это позволит найти оптимальное для определенной ситуации решение, которое будет во всяком случае не менее справедливое, чем возможная ему альтернатива.

<<⁵⁵⁰>> О защитах см., напр.: *Мак-Вильямс Н.* Психоаналитическая диагностика: Понимание структуры личности в клиническом процессе. М., 2015. С. 149–215.

<<⁵⁵¹>> О теории комплексов см.: *Юнг К.Г.* Обзор теории комплексов // Структура и динамика психического. М., 2008. С. 111–124.

<<⁵⁵²>> См.: *Хендерсон Дж.* Психологический анализ культурных установок. М., 2014.

<<⁵⁵³>> См.: Культурный комплекс. Современные юнгианские взгляды на психику и общество / под ред. Томаса Сингера и Сэмюэля Л. Кимблса. М., 2018.

<<⁵⁵⁴>> *Ленин В.И.* Полное собрание сочинений. М., 1970. Т. 44. С. 398. Это высказывание было сделано В.И. Лениным в контексте подготовки нового гражданского законодательства (1922 г.) и призывал он «применять не *corpus juris romani* к «гражданским правоотношениям», а наше революционное правосознание».

<<⁵⁵⁵>> *Лосев А.Ф.* Античная мифология с античными комментариями к ней. Энциклопедия олимпийских богов. Собр. первоисточников, статьи и коммент. Харьков, М., 2005. С. 338.

<<⁵⁵⁶>> Там же.

<<⁵⁵⁷>> О символике весов см., напр.: *The Book of Symbols. Reflections on Archetypal Images.* Editor-in-Chief Ami Ronnberg. 2010. P. 512–513.

<<⁵⁵⁸>> *Berman M.* All That Is Welts into Air. The Experience of Modernity. L.: Penguin Books, 1988. P. 13.

<<⁵⁵⁹>> Пржиленский В.И., Пржиленская И.Б., Бондаренко Н.Г., Сергодеева Е.А. Лекции по философии науки. Ростов н/Д: МарТ. 2008.

<<⁵⁶⁰>> Эллюль Ж. Другая революция // Новая технократическая волна на Западе. М.: Прогресс, 1986. С. 147.

<<⁵⁶¹>> Пржиленская И.Б. Преобразование социального жизненного мира россиян. От герметизации и колонизации к адаптации // Философские науки. 2012. № 4. С. 79–91.

<<⁵⁶²>> Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Праксис, 2007. С. 50.

<<⁵⁶³>> Пржиленская И.Б., Огородников А.Ю. Модель формирования гражданского сознания молодежи в поликультурном и полиэт-

ничном регионе // Вестник Российской нации. 2017. № 2 (54). С. 138–152.

<<⁵⁶⁴>> Хабермас Ю. Техника и наука как «идеология». М.: Практис, 2007. С. 52.

<<⁵⁶⁵>> Исследование выполнено в рамках научного проекта РФФИ № 19-011-31652 «Роль и институциональные особенности функционирования органов судебной власти в российской политической системе».

<<⁵⁶⁶>> Доклад Председателя ВС РФ Лебедева В.М. на совещании-семинаре судей судов общей юрисдикции и арбитражных судов (Москва, 12.02.2019) // http://www.supcourt.ru/press_center/video_archive/27607/, Дата обращения: 27.05.2019.

<<⁵⁶⁷>> См. Статистические данные Судебного департамента ВС РФ // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 29.10.2019).

<<⁵⁶⁸>> См. ФЗ от 02.03.2016 № 45-ФЗ, в соответствии с которым были внесены изменения в Гражданско-процессуальный кодекс РФ, который де-юре закрепляет приказной порядок в качестве основного алгоритма получения задолженностей по квартплате в судах общей юрисдикции (а не в арбитраже).

<<⁵⁶⁹>> Например, по данным судебного департамента из 17 270 149 дел, только по 1 187 споров были урегулированы путем проведения процедуры медиации // <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=4891> (дата обращения: 29.05.2019).

<<⁵⁷⁰>> Предложения по совершенствованию судебной системы в Российской Федерации и изменения нормативных актов в целях их реализации, С. 50.

<<⁵⁷¹>> Оптимизация гражданского судопроизводства: новый виток? (Абова Т., Ярков В., Брайг Б., Головки Л., Кудрявцева Е., Юдин А., Прокудина Л., Иванов М., Пацация М., Сарбаш С., Тай Ю.) // Закон. 2017. № 10. СПС «Консультант Плюс».

<<⁵⁷²>> Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Трансформация российской судебной системы. Опыт комплексного анализа. М., 2010. С. 432.

<<⁵⁷³>> Мораль права / Лон Л. Фуллер; пер. с англ. Т.Даниловой, под ред. А.Куряева. М., 2007. С. 245.

<<⁵⁷⁴>> Горбуз А.К., Краснов М.А., Мишина Е.А., Сатаров Г.А. Трансформация российской судебной системы. Опыт комплексного анализа. М., 2010. С. 445.

<<⁵⁷⁵>> Беше-Головко К. Независимость правосудия и внутренняя политика государства // Российский журнал правовых исследований. 2019. № 1 (18). С. 38–52.

<<⁵⁷⁶>> См. подробнее о развитии либерализма и консерватизма в специальной работе по этой теме: Conservatisme, libéralisme, socialisme / Sous la dir. de E.Balibar // Genèses. 1992. № 1.

<<⁵⁷⁷>> Amicus curiae (мн. ч. – amici curiae, лат. – друг суда) – правовой институт, распространенный в настоящее время в ряде стран, а также в международных судебных инстанциях. Первоначально – юридический термин римского права. Термин обозначает лицо, оказывающее содействие суду, предлагая вниманию суда информацию, имеющую отношение к делу, при том, что указанное лицо не является стороной в деле и не привлекается к участию в деле его непосредственными участниками. Информация, которую «друг суда» предоставляет суду может быть двух видов: фактическая и правовая. Фактически «друг суда» является лоббистом, но юридически таковым не считается.

<<⁵⁷⁸>> По этому поводу см. статью бывшего директора кабинета министра юстиции Франции: Vigouroux C. Du conservatime, de la contestation et de la complexite en Justice // Apres-de-main. 2014. № 2. P. 7–8.

<<⁵⁷⁹>> См. подробнее: Суд и государство / под ред. Л.В.Головко, Б.Матье. М.: Статут. 2018.

<<⁵⁸⁰>> Dvorkin R. Talking rights seriously. Oxford. 1977.

<<⁵⁸¹>> Хованская А.В. Суды в динамической правовой системе: потенциал самоуправления общества // Известия высших учебных заведений. Правоведение. СПб., 2004. № 1. С. 173–190

<<⁵⁸²>> Jacobson A. Static and Dynamic Dimensions of Right // Sajo A. (ed.). Western Rights? Post-Communist Applications. Kluwer Law International (Netherlands), 1996. P. 4.

<<⁵⁸³>> Хованская А.В. Указ. соч.

<<⁵⁸⁴>> Бондарь Н.С., Джагарян А.А. Правосудие: ориентация на Конституцию: монография. М.: Норма: ИНФРА-М, 2020. С. 35.

<<⁵⁸⁵>> Рыбаков О.Ю. Российская правовая политика: нравственные основания // Нравственность и право: реальность и перспективы взаимодействия / отв. ред. В.М. Артемов, О.Ю. Рыбаков. М.: Проспект, 2019. С. 30–34.

<<⁵⁸⁶>> Абрамова Н.А. Этические аспекты коммуникации в эпоху цифровых технологий // Научно-технологические трансформации в современном обществе: нравственно-философское осмысление и особенности правового регулирования: сборник научных трудов. 2019. С. 256–265.

<<⁵⁸⁷>> Философский словарь / под ред. И.Т. Фролова; редколл.: А.А. Гусейнов, В.А. Лекторский, В.В. Миронов и др.; сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков, Ю.Н. Солодухин. 8-е изд., дораб. и доп. М.: Республика; Современник, 2009. С. 826.

<<⁵⁸⁸>> Кони А.Ф. Нравственные начала в уголовном процессе (общие черты судебной этики) / Избранные произведения: в 2 т. 2-е изд., доп. Т. I. Статьи и заметки. Судебные речи. М.: Госюриздат, 1958. С. 53–55.

<<⁵⁸⁹>> Кони А.Ф. Закон и справедливость. Статьи и речи. М.: Эксмо, 2013. С. 19.

<<⁵⁹⁰>> Кони А.Ф. Избранные труды и речи. М.: Юрайт, 2011. С. 495–496.

<<⁵⁹¹>> См. подробнее: Шаруева Н.В. Судейская этика как элемент профессиональной правовой культуры судьи // Мониторинг правоприменения. 2019. № 2 (31). С. 16–19.

<<⁵⁹²>> Рыбаков О.Ю. Тип правопонимания как ценностно-мировоззренческая предпосылка толкования права // Образование и право. 2017. № 2. С. 153–157, 155.

<<⁵⁹³>> Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Ценности правовой культуры и российская государственность // Правовая культура. 2016. № 4 (27). С. 8–16, 14.

<<⁵⁹⁴>> Ланг П.П. Ценностное измерение правового регулирования // Вопросы экономики и права. 2018. № 121. С. 20–24, 21.

<<⁵⁹⁵>> Gandhi M. K. Collected Works of Mahatma Gandhi. New Delhi, 1999. S. 159.

<<⁵⁹⁶>> Gandhi M. K. Answers to Questions // Collected Works of Mahatma Gandhi. Delhi. 1958. Т. 43. S. 399.

<<⁵⁹⁷>> Gandhi M. K. The Moral and Political Writings of M. Gandhi. Oxford, 1986. S. 84.

<<⁵⁹⁸>> Ганди М. Хинд Сварадж или индийское самоуправление. Ростов н/Д, 2011. С. 78.

<<⁵⁹⁹>> Мартышин О.В. Политические взгляды М.К. Ганди. М., 1970. С. 14.

<<⁶⁰⁰>> Павлов В.В. Роль Махатмы в освобождении Индии. М., 1993. С. 134.

<<⁶⁰¹>> Gabrell R. Long Way to Freedom. London, 1989. S. 212.

<<⁶⁰²>> См.: Беккер Г. Человеческий капитал (главы из книги). Воздействие на заработки инвестиций в человеческий капитал // США: экономика, политика, идеология. 1993. № 11; Он же. Экономический анализ и человеческое поведение // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 1; Он же. Экономический взгляд на жизнь: лекция лауреата Нобелевской премии в области экономических наук за 1992 г. // Вестник Санкт-Петербургского университета. 1993. Сер. 5. Вып. 3.

<<⁶⁰³>> См. подробнее:

Маркс К. Капитал. Т. 1 // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 23.

Маркс К. Капитал. Т. 2 // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 24.

Маркс К. Капитал. Т. 3 // Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. Т. 25. Ч. 1; Ч. 2.

<<⁶⁰⁴>> См. <https://riafan.ru/1242235-glavnye-temy-poslaniya-putina-federalnomu-sobraniyu>

<<⁶⁰⁵>> <http://www.kremlin.ru/events/president/news/62582>

Содержание

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТА ИНТЕРЕСОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ	3
Корнев А.В. Правообразующие интересы: государство и личность	3
Родионова О.В. Право гражданина на достойную жизнь как обязанность публичной власти в рамках правоотношения гражданства	7
Кочетков В.В. Вызовы социального государства в цифровую эпоху	12
Завьялов Ю.С. Интерес, справедливость, право	18
Веденеев Ю.А. Правовая реальность как юридический текст	22
Липень С.В. О методологическом потенциале юридической конфликтологии	32
Ковалева В.В. Личность и государство в контексте современного правового регулирования	37
Протасов В.Н. Современная российская бюрократия в управлении наукой и образованием	42
Казгериева Э.В. Судебное понимание «конфликта интересов» (обзор практики Верховного Суда Российской Федерации)	48
Рябцева Е.В. Сущность конфликта интересов в судебной деятельности	53
Шабеева О.А. Право в условиях цифровой реальности: постановка проблемы и определение сфер конфликтности	58
Кирдяшова Е.В. Цифровые технологии как средство нарушения прав человека	64
Жилинская В.С. Принцип демократизма законотворчества в свете конфликта частного и публичного интересов	69

Малышева И.В. Официальное опубликование федеральных законов и законов субъектов Российской Федерации: нормативные основы, печатная и электронная формы	75
Федоров М.В. Конфликт интересов в правообразовании	80
Козюк М.Н. Самообразование юристов как гарантия качества юридической деятельности	86
Радченко А.Н. Социальные притязания и интересы: введение в проблему	91
Филин А.Ю. Политика в сфере культуры: обеспечение баланса интересов общества и государства	97
Артамонова Ю.С. Систематизация образовательного законодательства как гарантия права на образование в Российской Федерации	102
Байдарова М.А. Коллизия интересов государства, общества, гражданина как детерминанты существования юридических исключений: поиск необходимого баланса	106
Бендицкая О.И. О развитии механизма правозащитной деятельности как правового явления	110
Кочнева А.А. Проблемы ограничения абсолютных прав граждан публичной властью: поиск баланса интересов	114
Кротова Е.Н. Неправомерное деяние как конфликт интересов гражданина и общества	119
Абакшина Н.А. Правовые механизмы устранения конфликта интересов в вопросах привлечения Генерального прокурора ДНР к уголовной ответственности: проблемы злоупотребления публично-властными полномочиями	123
Темурзиев М.Н. Проектирование правовых средств противодействия коррупции в локальных актах частных предприятий и организаций	130
ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО И ВЛАСТЬ: ЛИЧНОСТЬ И ИНСТИТУТ В ИСТОРИИ	136
	136

Александрова А.В. Пенсионное обеспечение: право личности и обязанность государства (на примере французского законодательства XX в.)	
Амплеева Т.Ю. Право и власть в правовой традиции Российского государства	141
Багдасарян С.Д. Публичная власть и культ личности	146
Балковая В.Г. Уставные таможенные грамоты как средство реализации публичного интереса в Московском государстве	149
Берзина А.А. Судебный процесс по делу об организации восстания на крейсере «Память Азова» и защита И. И. Бунакова-Фондаминского	155
Грищенко В.В. Роль и юридическая основа урбанизации в советский период	161
Ефремова Н.Н. Изменение роли судьи в судопроизводстве по судебным уставам 1864 г.	165
Козлов С.С. Земельный кодекс РСФСР 1922 г.: системно-структурный анализ	173
Колотков М.Б. Правовой механизм борьбы с террором в России (1906–1907)	183
Королев С.В. К. Шмитт: парламентаризм как политико-правовая мифология	188
Мележик И.Н. Создание единой Италии (историко-правовой аспект)	194
Орлова С.А. Институт сенаторских ревизий как механизм противодействия коррупции в дореволюционной России (начало XX в.)	198
Приходько М.А. Права и свободы подданных Российской империи в конституционном проекте А.Р. Воронцова 1801 г.	202
Прокопович Г.А. Соотношение публичных и частных интересов в финансовых правоотношениях, связанных с развитием института страхования	203
Румянцева В.Г. Частный и публичный эгоизм в праве: баланс целей и интересов (на примере теории Р. Иеринга)	208
Сергеев А.Л. Личность, общество и государство в поли-	215

тико-правовой доктрине кубинского социализма	
Чуб Н.В. Организация кадровой деятельности в ведомствах приказной системы управления России	220
ГОСУДАРСТВО И БИЗНЕС: МЕХАНИЗМЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ	225
Губин А.М. Инвестиционные проекты Евразийского Экономического Союза: правовой режим и перспективы	225
Березкина Т.Е. Преобразование бизнес концепции как условие развития моногородов	231
Вечернин Д.С. Механизм «Трансформация делового климата»: правовые основы и практика их реализации	237
Кислякова Н.А. Инновационный путь российской экономики	241
Океанова З.К. Государство и бизнес в условиях инновационного развития	247
Петров А.А. Искусственный интеллект во взаимодействии с государством и бизнесом	254
Розенталь Ю.Ю. Денежно-кредитное регулирование инвестиционного спроса в целях устойчивого экономического развития	265
Чхутиашвили Л.В. Устойчивое социально-экономическое развитие моногородов как стратегия региональной экономики	271
Абакшина Н.А. Уголовно-исполнительная система и человек: механизмы повышения эффективности трудовой адаптации осужденных в местах лишения свободы	277
Чхутиашвили Л.В. Нормирование труда как фактор мотивации персонала	290
ЧЕЛОВЕК И ГОСУДАРСТВО: ЦЕННОСТНЫЕ ОСНОВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ И ВОЗМОЖНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА	297
Рыбаков О.Ю. Социальное согласие и партнерство человека и государства	297

Артемов В.М. Очеловечивание права как проблема	302
Пржиленский В.И. Философия фацзя в контексте со- временности	309
Семенов В.Е. Антиэтатизм как ценностно-правовая ос- нова взаимодействия общества и государства	316
Малюкова О.В. Цели и ценности либерального госу- дарства	326
Огородников А.Ю. Проблема выбора и ответственности актера в обществе постмодерна	337
Герашенко И.Г., Герашенко А.И. Проблема становления прав и обязанностей граждан и публичной власти в «Истории философии права» Г.В. Шершеневича	340
Абрамова Н.А. Коммуникативные технологии социаль- ного партнерства	346
Степаненко Р.Ф. Социальное государство и личность в философско-правовом измерении	354
Никулина И.А. Социальное партнерство в образовании: традиции и новации академической лекции	362
Беляев М.А. Государственно-частное партнерство и саморегулирование как механизмы связи фактического и нормативного	373
Миц Д.С. Антитеррористическая функция государства и единство юридической практики	380
Самохвалова В.К. Об общественном контроле над госу- дарством	383
Рыбакова О. С. Защита семьи государством: баланс частных и публичных интересов	392
Ланг П. П. Ценностные основы социального партнер- ства человека и государства	399
Гаврилова Ю.А. Этические императивные права в циф- ровую эпоху	405
Пономарев М.В. Ценностные императивы и «правовая архитектура» субсидиарной модели социального парт- нерства	411
Гильмуллин А.Р. Принцип правового закона: теория и практика	417
Трунин А.А. Архетипическая теория права	422

Самаке Киндиа Социальная коммуникация в обществах модерна и постмодерна	427
Воскресенский Ф. А. Правовое положение личности в государстве с точки зрения теории восходящей и нис- ходящей легитимации судебных решений	434
Шаруева Н.В. Этические основания правовой культуры судьи	440
Сердюков А.А. Человек и государство: основы взаимо- действия в концепции Ганди	443
Лукьященко А.В. Человеческий капитал как основа со- циального партнерства человека и государства	448
Примечания	454